

Новый роман молодого фантаста обращает читателя к самой сокровенной тайне: откуда на земле произошла жизнь и возможны ли альтернативные ее формы. Найден способ создавать индивидов — взрослых человеческих особей с заранее определенными уникальными способностями, физически безупречных и неуязвимых. Но в современной цивилизованной стране они невольно становятся орудием темных структур и алчных дельцов. И только животворная доброта и сила матери-земли нашей способна превратить индивида в человека с прекрасной душой, бескорыстно отдающего людям свое сердце и свои необыкновенные таланты.

В книгу входят также четыре фантастических рассказа, дополняющие и развивающие основные темы романа.

Глава 1 Индивид

Луч мощного прожектора выхватил из ночной тьмы силуэт беглеца.

— Ты окружен! Сопротивление бесполезно! — загремел динамик, порвав треск пропеллеров и стелящийся над землей вой сирен.

Тень нырнула в темноту. Метавшиеся по свалке пятна света ринулись за жертвой. Беглец вновь попал в ослепительные силки.

— Руки за голову! Лицом вниз! — выкрикивали с вертолета. — Стой, мразь, мать твою! Ты...

Выстрел. Голос сорвался коротким криком, и в ярком луче беспомощно кувырнулась человеческая фигура. Грохнули, как очнулись, полтора десятка автоматов.

— Огонь на поражение! — запоздалая команда разлетелась по пустырю.

Живая цепь одетых в броню солдат, не опуская стволов, надвигалась на беглеца. Тот рванулся в сторону последний раз, задергался, будто марионетка, повалился в грязь и, наконец, замер.

Над свалкой остался висеть чмокающий ритм пропеллеров на фоне визгливых переливов сирен.

Двое из группы захвата приблизились к телу.

— Спекся, ублюдок! — старший отшвырнул ногой выпавший из руки преступника пистолет. — Передавай: убит при оказании вооруженного сопротивления... А это что за дерьмо?!

Оба наклонились над трупом. Истерзанное пулями тело было залито темной гнойно-желтой жидкостью.

Солдаты озадачено переглянулись.

— Какого хрена...

Фраза повисла в воздухе, ибо «тело» вздрогнуло, судорожно распрямились члены, и убитый начал медленно подниматься на ноги. Белое, облитое грязью и бурыми разводами лицо, ничего не выражало.

Немой ужас вырвался звериными криками, и спецназ обрушил на существо потоки свинца. Стрельба прекратилась, когда вместо тела в грязи осталась бесформенная масса истерзанной плоти. И это было чем угодно, но не человеческими останками.

Небо. Могучая синь медленно вбирала в себя первые блики восходящего солнца. Проявлялись облака. Из густо-сизых бесформенных масс вылеплялись серые и розовые контуры. В пространстве и времени они меняли очертания, наполнялись цветами и плыли над землей без видимого движения.

Звуки. Тихий однообразный шорох речных волн. Ни нот, ни тональностей, но музыка реки присутствовала в утреннем покое, как неотъемлемая часть рассвета, вместе с хаотичным шуршанием прибрежного камыша и редким скрипом гальки.

Надсадно зазвенел комар.

Тени растаяли. Осталась материя.

Он рывком сел в траве. В густой шапке черных волос повисла соломина. Сползла на шею, создав неудобное чувство зуда. Вопреки логике гармония не пошатнулась, и он подавил позыв стряхнуть с тела инородный предмет. Подтянул колено к груди, достигнув устойчивой позы, и сфокусировал взгляд на реке.

Время — 6.03.

Ветер не ощущался, но вода вздрагивала рябью. Тонкая пленка тумана стелилась по берегу, выползала из камышей на луг и скользила над рекой, затушевывая отражения солнечных искр.

Время — 6.06.

Три минуты исчезли незамеченными.

Сотни теорий, созданных умами людей, логически описывали свойства пространства и времени, химические элементы, лежащие в основе природных соединений, физику света и движение космических тел. Он провел дополнительный анализ и сформулировал вывод: зрительно зафиксированный факт восхода солнца не является единственным для формирования восприятия настоящего момента.

Августовский рассвет бодрящим холодком пронизывал тело, и подспудное знание «начала» возникло в рассудке помимо имеющихся данных. Ночь — время итогов и нерешенных вопросов — уходила за горизонт, унося с собой жизненно важные ответы, которые предстояло найти.

Ассоциации. Впервые он использовал эту форму мышления, когда с разрешения создателя взял в его личной аудиотеке первый попавшийся под руку набор дисков под общим заголовком «В.В.». Рифмованное изложение сцен из людской жизни поначалу мешало восприятию. Он предположил, что кроме слов в поэтическом произведении, тем более в песне, важен ритм, и с усилием сумел протянуть логическую цепочку между словами и их звучанием. Затем дошел до понимания некоторых нестандартных речевых оборотов через точное воссоздание зрительного образа. Картины получились гармоничными. Но одна песня неожиданно свергла сознание в хаос. Без объединяющего смысла и логики, фразы и ритм бились в мозг. Вывернутая наизнанку отчаянная душа поэта как будто захватила слушателя в тиски натянутых до предела нервов. Он сорвал наушники и долго не мог восстановить порядок в рассудке. Из всей песни в памяти застряла только одна строка: «Парус, порвали парус!» Он собрался с силами и запустил проигрывание повторно. Мозг заработал сам по себе, порождая необъяснимые ассоциации, связанные с безнадежно забытыми первыми минутами существования, и беспокойные ощущения одиночества.

Непривычный логический процесс представлял собой сопоставление элемента информации с неким заранее созданным множеством аналогий, возникающих спонтанно. Ассоциации — модель чувственного восприятия мира. Спонтанность — несознательное использование сопутствующего банка данных. Способ его формирования — наличие неаналитических методов получения внешней информации.

По смуглому лицу скользнула улыбка. И осознав проявление мимики, он улыбнулся шире. Вопрос, терзавший ум на протяжении двух месяцев, был разрешен. Механизмы работы мозга не являются принципиально отличными от человеческих. Целенаправленное саморазвитие определенных способностей, в частности — ассоциативного мышления, приведет к установлению равновесия между логическим и чувственным мировосприятием.

Комар, о существовании которого свидетельствовал до сих пор только высокий тонкий перезвон, прилип к коже на руке. Жадный хоботок коснулся плоти и отпрянул. Балансируя двумя задними лапками, насекомое переместилось на сантиметр вперед. И вновь недоумение: живая ткань не источала живой дух. После третьей попытки последовало стремительно “вз-з-з-з” — комар исчез.

Мой организм функционирует иначе, чем все живое, рожденное природой, — медленная мысль в форме слов заняла мозг на доли секунды. — Я чужой элемент на земле.

Тревога. Он распознал состояние и провел анализ.

Симбиоз живых форм на планете складывался миллиарды лет. Особи и виды, не соответствующие законам системы, либо мутировали, либо погибали. Как «альтернативная жизнь» соотносится с естественной, оставалось необъясненным.

Он тщательно пересмотрел накопленную за прошедшее время базу знаний.

«Ты — индивид. Ты мое творение. Ты будешь служить людям и выполнять то, что тебе поручат. Какая разница, что у тебя внутри! Ты — альтернативная жизнь», — таков был ответ на вопрос «кто я?», данный создателем — Алексеем Андреевичем Жулавским.

«Мы созданы, как новая жизненная форма. Я полагаю, что альтернативная жизнь — творческий эксперимент Алексея Андреевича. Основу наших организмов составляют белковые

соединения, аналогичные основной биологической форме жизни на земле. Различия заключаются в структуре некоторых генов из общего набора ДНК, что делает наш метаболизм более совершенным по сравнению с человеческим», — так ответил наставник.

«Все живое происходит только из живого», — гласила строка из единственной книги по биологии, обнаруженной в обширной библиотеке создателя. Далее автор приводил множество примеров и подытоживал: «Субстрат жизни — нуклеиновые кислоты и белки».

Здесь аналитический вывод приводил в тупик.

От наставника он знал, что формирование организма индивида на первой стадии проходило в искусственно созданной капсуле из обычной глины, служащей абсорбентом, а внутренняя среда состояла из набора химических природных элементов — углерода, кислорода, кальция, водорода, фосфора и других, содержащихся в любом биологическом объекте. Однако химические элементы не есть «живое». Следовательно, рождение живого существа в описанных условиях невозможно. И тем не менее факты говорили об обратном: белки, жиры и углеводы лежали в основе клеток индивида, 46 хромосом задавали его генотип, а ДНК обеспечивала синтез клеточных белков. Все внутренние органы успешно выполняли стандартные функции и при сканировании выглядели так же, как человеческие. Единственное заметное отличие состояло в структуре клеток жидких тканей, в частности крови. За счет сложного молекулярного баланса, способствующего стопроцентной устойчивости к любой неблагоприятной среде, кровь индивида, оказавшись вне сосуда, сворачивалась моментально и приобретала бурый, а затем грязно-желтый оттенок.

Данных для анализа не хватало. Что-то таинственное и необъяснимое крылось в работе Жулавского. Одно звено цепи, неведомое науке. И неведомое земле.

Допущение: индивид не является естественным порождением природы. Дано: индивид мыслит и биологически живет. Вывод: чтобы существовать в симбиотическом множестве природных элементов, следует привести организм и мышление к полному соответствию с человеком.

Он поднялся на ноги и посмотрел на поросшее высокой травой поле. В памяти всплыла фраза, услышанная недавно из динамиков акустической системы: «Жизнь прожить, не поле перейти». Ассоциативная база немедленно предоставила обработанный факт: прожить жизнь — сложная комплексная функция субъекта, обладающего сознанием.

— Я избрал цель, земля, — негромкий низкий голос прозвучал в тон летнему рассвету. — Я стану частью тебя, как все живое, тобой рожденное.

— Антон, почему ты каждое утро начинаешь с этой газетной болтовни? Папе же все равно, что там пишут.

Румяная круглолицая девочка облокотилась на пульт терминала, заслонив от глаз учителя половину монитора.

— В мире происходит много разноплановых событий, малышка. Моя задача отфильтровать информацию и представить Алексею Андреевичу факты, которые могут его заинтересовать.

— По-моему, папе известно все, что ему нужно в работе. А я уже двадцать раз просила не называть меня «малышкой».

— Извини, Анна. Однако когда ты рассуждаешь, как ребенок, мне трудно изменить привычный образ.

— У-уфф, — девочка отошла на шаг. — Это я уже слышала и раньше. Но не могу же я взять и стать сразу взрослой.

— «Взять и стать» — некорректный оборот ни в устной, ни тем более в письменной речи. После завтрака рекомендую тебе просмотреть результаты твоей тестовой работы по языку. К моему огорчению, в ней много стилистических ошибок.

— Если бы ты почаще разговаривал со мной по-простому, тебе не пришлось бы огорчаться, — Анна фыркнула для убедительности. — Пошли, папа уже в столовой и ждет тебя, между прочим.

Алексей Андреевич Жулавский сидел во главе стола, покачиваясь на своем любимом деревянном стуле — этакой достопримечательности дома, и отрешенно созерцал картину в простенке между окнами. Его руки плели из салфетки замысловатые петли. Приподнятое настроение Анны растеклось тягучей лужей. Всё опять свелось к обычному: папа занят очередной проблемой, следовательно, обещанный бадминтон сегодня не состоится.

— Всем привет! — объявила девочка с порога и, покосившись на механически кивнувшего ей отца, уселась за стол. — Давно он такой?

Вопрос был адресован яркому молодому человеку в лабораторном халате.

— Проснулся в шесть тридцать две, — без промедления доложил лаборант.

Анна проследила за взглядом отца, прикованному к изящному орнаменту в белой раме. Картины матери украшали все стены дома. Однако девочка никогда — ни в детстве, ни теперь в преддверии юности — не понимала смысла сложных графических узоров. Куда полезнее, по ее мнению, было пришпилить к обоям плакат из цикла “окно в природу” или повесить над письменным столом голографическую проекцию выставки кошек.

Стеклянные двери крытой террасы распахнулись, и Антон, не торопясь, прошел к своему месту за обеденным столом. Следом за ним появился невысокий широкоплечий брюнет, на ходу застегивавший верхнюю пуговицу рубашки. На светлых джинсах в районе колен расплылось зеленое пятно — отметина мокрой травы.

— Глеб! Ты опять всю ночь болтался на реке? — воскликнула Анна чрезмерно громко. В голосе звучала обида. — Ты же сказал, что следующий раз возьмешь и меня!

— Извини, Аня. Я решил, что будить тебя нецелесообразно. Доброе утро, Алексей Андреевич.

Жулавский оторвался от созерцания узора.

— Да-да. Обязательно возьми Анечку с собой. Эта егоза мне не дает покоя.

Анна прыснула. По ее подсчетам следом должно было прозвучать что-то вроде: “А, собственно, о чем идет речь?” Но тут зазвенела посуда, и в столовую, улыбаясь, вплыла Полина — кухарка, официантка, горничная и прачка в одном лице.

Среди созданий Жулавского домохозяйка Полина была одной из первых. В ее функции входило содержание дома и его жильцов в чистоте и довольстве. Иных устремлений она не имела. Единственной пополняемой базой знаний у нее считался список кулинарных рецептов, и только ради этого Полина соизволила освоить информационную компьютерную сеть.

К концу завтрака Жулавский завел разговор с лаборантом, а вставая из-за стола, сообщил Глебу, что намерен использовать его в качестве помощника на тестовом полигоне. Анна понятия не имела, как и где проходят отцовские опыты, но перспектива провести день в одиночестве была для нее не за горами. Год назад, когда отец настоял на поступлении дочери в колледж, Анна рыдала целую ночь. Расстаться с родимым домом даже на неделю ей представлялось ужасной трагедией, а уехать в город на многие месяцы — и подавно. Но теперь девочка с нетерпением ждала начала семестра. В колледже были друзья, учеба, мелкие и крупные заботы, а жизнь в уединенном коттедже представлялась скучной безликой вереницей минут, часов и дней. “Не удивительно, что Филипп сюда носа не кажет, — подумала Анна, когда сутулая фигура отца скрылась за матовым стеклом. — Пожалуй, в зимние каникулы я все же поеду на лыжную базу. Там хотя бы есть, где развлечься”.

Заводить разговоры с Полиной, намывающей посуду с глупейшей миной, было бесполезно. И Анна направилась в гостиную, надеясь перехватить Глеба до того, как отец скомандует начинать тесты. Из библиотеки долетали неразборчивые отрывистые голоса. Девочка приостановилась. Смелая мысль в момент отодвинула на задний план все правила отцовского дома. Воровато оглянувшись, Анна шмыгнула к искусительно приоткрытым дверям.

— Антон, вопрос исчерпан. Ты закажешь материал для двух капсул. Для двух, а не для одной! — Алексей Андреевич шагал взад-вперед вдоль книжных стеллажей. Анна видела его тень, похожую на журавлиную — длинные ноги, нескладная выгнутая спина. — И закажи больше графита. Вот здесь... — зашуршала бумага. — И немедленно!

— Я сделаю, как вы требуете.

— Хорошо. Умница.

— Алексей Андреевич.

— Что еще?

— Я прошу выслушать мою информацию.

Антон говорил бесстрастно. Он был, пожалуй, единственным существом, способным целыми днями терпеть импульсивные выплески Жулавского.

— И что там у тебя?

— В прессе появились статьи об операции по захвату опасного преступника, принадлежащего крупному наркоконцерну.

— А я тут при чем?

Манера отца вставлять слова в любое изложение Анну раздражала, но сейчас она охотно присоединилась к вопросу.

— По косвенным данным им был один из созданных вами индивидов, — закончил Антон.

В библиотеке повисла тишина.

— Мой индивид?! — голос Жулавского резанул по ушам. — Это невозможно!

— Алексей Андреевич, — спокойствию Антона можно было позавидовать, — пять различных источников информируют о необъяснимом поведении преступника после физической смерти. Описанный процесс сходен с моделью серьезных нарушений биологических функций индивида. Личность преступника осталась неизвестной. Пресса обвиняет Службу Безопасности в умышленном сокрытии информации и предполагает, что убийца не являлся человеком.

— Глупости! Кретинизм! Газетные утки!!

— Вероятность вашего вывода равняется двадцати четырем процентам. Я досконально проанализировал материалы и...

— Что ты от меня хочешь? Мне безразлично, как покупатели используют моих индивидов! Я создаю альтернативную жизнь! Этого достаточно! Еще год или два, и я обнародую свои открытия. Какое мне дело до наркобизнеса!

— Я хочу предложить вам тщательно проверить все личные базы индивидов и выделить возможных кандидатов на вышеупомянутую роль. В случае если государственные службы заинтересуются вашей работой, вы должны быть готовы для дачи показаний.

— Я не собираюсь давать никаких показаний, ни Службе, ни самому дьяволу!

Антон, стоявший до этого момента неподвижно спиной к дверям, сделал шаг в сторону. Анна собралась улизнуть из гостиной, но разговор, оказывается, еще не закончился.

— Как вам угодно, Алексей Андреевич. Однако я настоятельно рекомендую вам отложить назначенную на четвертое сентября сделку по продаже Глеба.

Сердце девочки подпрыгнуло и зачатило. Она-то считала, что Глеб всецело «посвящен» ей, любимой дочери. Она даже надеялась уговорить отца отпустить индивида вместе с ней в город, хотя бы на некоторое время. И вот мечты и сладкие фантазии разрушены одним роковым словом: сделка.

Глотая слезы, Анна выскочила из гостиной на улицу. Жулавский никогда не изменял сказанному. Это считалось в порядке вещей. И ничто не могло заставить его отклониться от собственных принципов.

Планы Глеба на текущий день изменились, когда Жулавский сообщил о работе на полигоне. Он не знал, в чем именно заключаются его функции, поэтому предварительные данные решил получить у Антона. Но наставник был занят в библиотеке, и Глеб оказался отрезан от единственного доступного источника информации.

Глеб обошел дом и остановился возле липы, одиноко растущей на краю тщательно выстриженного зеленого газона. Посреди рукотворной поляны высился небольшой холм, в котором угадывался купол подземного сооружения. Там, под слоем дерна, песка и сложных

коммуникационных конструкций находились капсулы, где формировалась странная, неведомая природе жизнь. Скоро очередной индивид закончит первый этап развития — так недавно сказал Антон.

Каждый из нас выходит в мир один. Нам не задают вектора движения, — Глеб без видимой необходимости оглянулся вокруг. — Но нас отправляют в человеческое общество. Зачем? Мы встаем из капсул, но это не конечный результат. Мы развиваемся. С точки зрения создателя логично было бы наблюдать за ходом эксперимента.

Позиция Жулавского в данном вопросе занимала мысли индивида с тех пор, как он узнал об уготовленной ему функции. Вчера Антон сказал: изучай технические характеристики автомобилей и мотоциклов всех типов, ты будешь служить владельцу спортивного клуба. Глеб выполнил распоряжение, но быстро осознал, что заданная тема ему не нравится. В художественной литературе это обозначалось фразой: «душа не лежит». Понятие «души» еще предстояло усвоить, а все остальное было предельно ясно. Авто- и мотоспорт не вызывали интереса.

— Начало тестов через десять минут.

Лаборант Жулавского стоял на дорожке.

— Какова моя задача? — поравнявшись с партнером, спросил Глеб.

— Контроль терминалов. Параметры процесса получишь на месте.

— Я не изучал эту отрасль.

На сомнение, сквозившее в тоне спутника, ассистент Жулавского эмоционально не отреагировал.

— Твоя база знаний содержит достаточно информации.

Если он и имел собственные соображения по поводу окружающей действительности, он тщательно их скрывал. Глеб, искоса поглядывая на статного лаборанта, недоумевал: почему, прожив пять лет в доме создателя, этот индивид не желает приобщаться к человеческому существованию. Ему же, покинувшему капсулу первой стадии всего три месяца назад, давно стало очевидно, что мир вокруг гораздо богаче и разнообразнее, нежели изначальный набор аналитических методов и аксиоматических данных.

Полигоном оказался наскоро сооруженный навес, защищающий генератор, автоклав и несколько терминалов от осадков и прочих капризов природы. Лаборант подключил аппаратуру и занялся настройками, игнорируя присутствие новоявленного помощника. Скоро подошел Жулавский и принялся переставлять штативы, затем вместе с ассистентом вытащил автоклав из-под навеса и установил на поляне в пяти метрах от остального оборудования. Предоставленный сам себе, Глеб четверть часа терпеливо ожидал указаний, пытаясь определить суть предстоящего эксперимента. Визуальных данных было явно недостаточно. Все, к чему привел его логический анализ, сводилось к тривиальному: изучение некоего материала в условиях термического воздействия.

— Будешь контролировать ввод в компьютер, — раздался голос Жулавского. Глеб лишь по интонации угадал, что обращаются к нему. — Смотри сюда...

Порученная функция не требовала ни специальных, ни вообще каких-либо знаний. Комплекс ассоциаций, промелькнувших в сознании, Глеб определил как обиду. Лишь только научившись использовать логический модуль вывода, он принялся пополнять базу знаний по всем доступным направлениям: психология, история, социология, музыка, литература, математика. И вот первое поручение создателя заключается в элементарной коррекции действий компьютера.

Вероятно, именно так ощущают скуку, — решил Глеб, когда процессор принял очередную порцию данных, и участие оператора не потребовалось.

Шум леса над головой и едва слышный щебет птиц раскладывался в стандартные последовательности звуковых колебаний, и задействовать базу ассоциаций без дополнительных усилий не удавалось. Тон для всего мыслительного процесса задавал Жулавский: в его отрывистых фразах, адресованных лаборанту, присутствовала некая схема, без вкрапления эмоций и выразительных красок. Сознание Глеба невольно работало в унисон этой схеме.

Зависимость. Он читал что-то подобное в тоненькой брошюре о воспитании детей. Ребенок воспринимает мир под влиянием ауры родителей. Термин «аура» в привычные парадигмы не укладывался, но объект, обозначенный «зависимость», Глебу не импонировал. А именно указанный объект являлся определяющим в его нынешнем состоянии.

Неожиданно на терминал вскочил кузнечик. Глеб, спасаясь от пресловутой «зависимости», немедленно переключил внимание на насекомое. Говорят, кузнечики «поют», будто играют на скрипке. Он потратил три с половиной минуты, чтобы подтвердить эту теорию, и был немало удивлен, когда ассоциативная база действительно представила ему в виде звукового ряда движения тонких ножек и невесомых усиков.

— Что там у тебя?! — резкий почти визгливый голос Жулавского оборвал умственные упражнения индивида.

Глеб бросил взгляд на вверенный ему компьютер. Аппаратные данные автоклава указывали на перегрузку.

— Процесс остановлен, — доложил ассистент.

Жулавский двинулся к терминалу, за которым наблюдал Глеб.

— Посмотри, что с материалом, — не оборачиваясь, распорядился он. Указание относилось к лаборанту.

— Извините... — Глеб однозначно понял свое состояние: стыд.

Проворонил, — подумал он и диагностировал внутри себя досаду. — Хотя точнее сказать — «прокузнечил».

Новое ощущение родилось где-то в глубинах мозга. Логичная, но неиспользуемая словоформа. Игра слов. Шутка. Юмор. Юмор — сложнейшая эмоциональная конструкция, присущая человеку.

И в тот миг, когда он подумал о важном достижении в саморазвитии, мирное дыхание леса разверзлось громом.

Жулавский подскочил, как на пружине, а Глеб обнаружил себя возле полыхающего автоклава. Рядом в обожженной траве корчились в судорогах останки биологического тела, источавшие гнусный запах жареной плоти.

— В сторону!.. В сторону, тебе говорю!! — Жулавский отодвинул индивида, а сам направил на пылающий аппарат жерло портативного огнетушителя.

Глеб стоял, как окаменевший, и смотрел на погибшего. Мыслей не было. Лишь лавина неосознанных образов и ассоциаций заливала мозг и сознание.

— Он... погиб... из-за меня... — едва смог выдавить он.

И получил звонкую оплеуху.

— Тебя задело? Отвечай!.. Немедленно: диагностика состояния!

— Физические и логические функции в норме, — автоматически отчеканил индивид.

Оплеуха, как он успел заметить, существенно помогла. Мысли вернулись, а вместе с ними и аналитические способности сознания.

— Алексей Андреевич, — начал Глеб, но Жулавский лишь махнул рукой в сторону тропинки, ведущей к коттеджу.

— Иди домой. Ты тут не при чем. Замкнуло где-то... Скажи Антону, чтобы одевался, и быстро шел сюда... Черт возьми! Пять лет работы! Теперь нового лаборанта придется готовить.

Последнее Глеб слышал уже из-за спины. Так Жулавский простился со своим ассистентом.

— Пап, почему это случилось? — Анна подняла влажные глаза на отца.

— Трудно сказать, детка, — Жулавский со вздохом встал из-за стола. — Может быть предохранитель не сработал, может быть корпус дал трещину. Эта штука была очень старая.

Улыбчивая Полина бесшумно появилась рядом и аккуратно собрала на поднос посуду.

— Пап, а этот индивид мне нравился. Он красивый был.

— Да. Вытри слезки и пойдем-ка погуляем.

Анна тут же повеселела и, опередив отца, выскочила за дверь. Он догнал девочку на лестнице.

— Пап, — Анна приступила к реализации своего плана, — а кто теперь будет тебе помогать? Антон?

— Ты же знаешь, Антону нельзя долго находиться на улице. Он болен.

— Но ведь тебе нужен новый лаборант.

— Нужен, разумеется.

Отец и дочь медленно шли по тропинке к реке.

— Пап, а как начет Глеба? Он умный и сообразительный. Помнишь, ты сказал, что посвятишь этого индивида мне? Вот и оставь его в лаборатории!

Жулавский на минуту задумался.

— Нет, милая. Глеб предназначен для других целей.

— Но он же умеет учиться! Ты посмотри, сколько он читает. Я даже завидую. Мне бы такую скорость.

Алексей Андреевич хмыкнул.

— Уж не Антон ли тебя надоумил? Полчаса назад он твердил мне то же самое.

— Ну вот! Так что тебе мешает?

Анне показалось, что отец готов согласиться.

— Нет, дочка, — прозвучал уверенный ответ. — Глеб скоро уедет, чтобы жить у людей, которым он нужен.

Девочка поджала губы.

— Пап, но он мне тоже нужен.

— Анюта, мы уже это обсуждали. Ты должна стать хорошим специалистом, неважно, какую сферу деятельности ты изберешь. У тебя будут верные друзья, умные коллеги, любящий муж. Все в твоих руках. Индивид тебе не поможет.

— Но я хочу, чтобы у меня был настоящий друг!

Жулавский остановился.

— Анна, индивид и человек — принципиально разные существа.

— Тогда зачем ты их делаешь?

— Чтобы люди использовали их, любовались ими. Это искусство, детка. Искусство созидания.

— Тогда я хочу научиться этому искусству! Давай, я буду тебе помогать.

Отец в первый миг растерялся.

— Ты еще слишком... юная.

— Маленькая, ты хотел сказать? Папа, ты забыл? Мне скоро шестнадцать лет! Я поступлю в университет, как Филипп. Ты думаешь, я неспособная? Думаешь, только парни могут стать настоящими биологами?

— Ну что ты, что ты, — спокойствие давалось Жулавскому с большим трудом. — Твой брат выбрал науку. Это верно. Он сделает неплохую карьеру. Но я не ученый, я творец. И вот этого как раз Филипп не понимает.

— Поэтому вы поссорились?

— Почему ты считаешь, что мы поссорились? — в голосе отца появился холодок.

— Ну... он тогда так спешно уехал. Я решила, что вы поругались. И Антон сказал, что Филипп сделал что-то очень нехорошее, а ты его вздрючил.

— Антон слишком много говорит. Да, Анна, Филипп сделал нечто плохое. Он украл у меня одно из моих творений.

— Индивида?!

— Хм,.. не совсем. Он взял основную,.. как бы попроще выразиться,.. главную часть будущего индивида.

— Чтобы сделать своего? И сделал? — глаза девочки загорелись азартом.

— Нет. Он не знает, как я создаю альтернативную жизнь.

— А мне ты расскажешь?

— Потом. Анята, я тебя очень люблю. Обещаю, когда ты вырастешь и выучишься, я обязательно открою тебе эту тайну. А ты обещаю, что никогда, никому не будешь рассказывать о моей работе.

— Да я давно обещала, — фыркнула Анна. — И между прочим, никому ничего не говорила. Даже Олегу.

— Ты у меня умница.

Жулавский чмокнул дочку в лоб. Этот дежурный поцелуй девочку раздражал, однако она мило улыбнулась и доверительно прижалась к отцовской руке.

Глава 2 Крах

«В холода, в холода от насиженных мест нас другие зовут города, — Будь то Минск, будь то Брест, — в холода, в холода...»

Старая запись, восстановленная на самом совершенном оборудовании, которым располагали люди, потрескивала и сипела. Хриплый мужской голос казался далеким и все же живым. Баллада впитывалась в сознание и прорастала спонтанными ассоциациями. Глаза закрыты. Картины всплывают и уходят, возвращаются и вновь уходят. Дороги, уводящие в неизвестность. Как ни старался Глеб отогнать этот образ, дороги появлялись снова и снова. Он увидел себя стоящим под железнодорожной насыпью. Приближался поезд. Огромный черный паровоз, существующий ныне разве что в музее, грохотал над головой. Дым тянулся над вагонами сизым шлейфом, опускался на землю, и полевые цветы ложились под тяжелым горячим воздухом.

Внешний сигнал. Еще раз. Глеб очнулся. Кто-то стучал в дверь. Сев на кровати, он выключил проигрыватель.

— Войдите.

Анна заглянула в комнату.

— Привет.

Глеб поднялся навстречу.

— Добрый вечер, Аня.

— Слушаешь музыку? — она с любопытством оглядела полупустое, похожее на чулан, помещение, где кроме низкой тахты, стола со стулом и одинокой книжной полки не было никаких предметов.

— Песни. Алексей Андреевич позволил мне пользоваться аудиоархивом.

— А-а, — девочка изобразила участие и для порядка повертела в руках коробку от музыкального минидиска, на котором стояла пометка «В.В., том № 2». — Я попрощаться пришла. Завтра уезжаю в колледж.

— Начало занятий перенесено на более ранний срок?

— Не, просто Антон сказал, что у отца какие-то незапланированные дела. Лучше мне быть в городе. Ты не знаешь, что происходит?

Глеб не знал. После гибели лаборанта он несколько дней провел в своей комнатке. Решение не представлялось логичным с точки зрения рассудка. Но нечто иное, до сих пор известное ему как «ассоциативная база», настойчиво требовало уединения.

— И я не знаю, — вздохнула Анна. — Я беспокоюсь за отца. Антон торчит за своим компьютером, читает все, что появляется в сети. Зачем? — И не получив ответа, продолжала. — Отец сказал, что за тобой человек придет буквально на днях. Раньше, чем договаривались. Мы, наверное, никогда больше не увидимся. Я желаю тебе удачи. Будешь меня помнить?

- Да. Обязательно. Оставайся такой, как ты сейчас.
 - Как это? — девочка удивленно улыбнулась.
 - Доброй, искренней.
 - Постараюсь. Ну... пока, — она протянула индивиду руку.
- Глеб аккуратно пожал девичью ладонь.
- Пока.

Плотно закрыв за собой дверь, Анна глубоко вздохнула. Что-то произойдет, — упорно твердило шестое чувство. Под ложечкой опять противно сосало. «Все как всегда и не как у людей! А я ничего, ничегошеньки не знаю. Олег поднимет меня на смех, если я поделюсь с ним своими тревогами. Отец — отшельник. Меня никто не понимает. Ну и судьба мне выпала!» От жалости к себе к горлу подкатил тугой комок. Чтобы отвлечься, она опять подумала о пареньке, который ей нравился. Не так, что очень, но все-таки нравился. И это делало ее похожей на всех остальных. Приятельницы в колледже поменяли в ее годы не одного кавалера. Что ж, у нее еще все впереди.

В кабинете отца горела единственная настольная лампа.

— Папа, ты опять портишь глаза в потемках! — заявила Анна, встав за спиной у Жулавского.

Тот вздрогнул: не расслышал ее шагов.

— Анюта? Фу-ты, егоза. Когда ты вошла?

— Только что, — Анна с подозрением покосилась на большой микроскоп, стоящий перед отцом. — Па, я с просьбой.

— Конечно, конечно, — Жулавский отложил иглу, которой ковырял что-то темное на лабораторном стекле под линзой, и отодвинул в сторону папку. Анна прекрасно знала эту папку: в ней хранились рисунки матери — странные разноцветные узоры, составленные из прямых и ломаных линий, углов и точек.

— Пап, подари мне одну вещь.

— Какую, милая?

Анна замялась. Отец выжидающе смотрел в ее юное, уже недетское лицо.

— Диск с данными о Глебе.

Резко скрипнул отодвинутый стул.

— Зачем тебе? — Алексей Андреевич поднялся над дочерью. — Там просто набор фактов, которые нужны мне для анализа.

— Ну... ты же говорил, что Глеб как бы мой.

— Я создавал его, думая о тебе, дорогая.

— Да, знаю. Но раз ты отдаешь Глеба другим, оставь мне хотя бы память о нем. Просто память, пап.

Жулавский направился к шкафу. Медленно, будто сомнения пудовыми гирями отягощали каждый его шаг.

— Аня, я подарю тебе диск, но, пожалуйста, никому его не показывай.

— Я буду беречь его, как зеницу ока!

— Это часть тайны. Помнишь?

Анна помнила, как в детстве, когда мама еще была с ними, они играли в Тайну — говорили шепотом, ходили на цыпочках, хранили Тишину, пока папа работал. Мама придавала Тайне какое-то особое значение. Анне казалось поначалу, что Антон и Тайна одно и то же. В речах матери, обращенных к индивиду, звучало нечто возвышенное, ласковое и божественное. «Мама любит Антона больше, чем меня», — как-то раз пожаловалась девочка брату. Филипп посмеялся над ней и заявил: «А что ты хочешь? Антон — совершенное творение, а ты обычная сопливая девчонка». Теперь детские обиды представлялись несуразными выдумками, намешанными в голову вместе с бестолковыми мультяшками. Никто не любил Анну так, как любила мать. Сколько удивительных стихов услышала она от мамы, сколько прекрасных снов было навеяно чудным мелодичным

голосом. Ни один стандартный «чмок» в лоб, которым отец выражал свою любовь к дочке, не мог сравниться с искренним небесным теплом материнского поцелуя.

Отец работал днями и ночами, появлялись и уходили индивиды, и Тайна как-то незаметно исчезала из дома. Незадолго до того, как Ольга Жулавская отправилась на прогулку к реке, после которой уже никто и никогда не видел ее на земле, восьмилетняя Анна застала мать на террасе с альбомом и цветными карандашами.

«Что ты рисуешь?»

«Посмотри. Это Диво».

«Эти черточки?».

И мама огорчилась. Анна и сейчас отчетливо помнила тоску в ее лазурных потухших глазах. Больше про Тайну они не говорили...

— Вот. Держи.

Анна встрепенулась и приняла из рук отца узкую плоскую коробочку без пометок и подписей.

— Открой.

Она не без внутреннего трепета отогнула ногтем защелку. Крышка откинулась. Внутри лежал обычный компьютерный диск величиной с большую пуговицу. На кусочке бумаги, прикрепленной к нему, значилось «Раул Рут».

— Пап, это не тот, — Анна подняла озадаченный взгляд на отца.

Он улыбнулся.

— Это твой Глеб. У меня он проходит с другим именем. Ведь Глебом его окрестила ты, егоза.

— Хм. Раул Рут. А что это значит?

— Не помню. То ли «красный охотник», то ли «красный хранитель». Так назвала его мама.

— Мама? Разве она работала вместе с тобой? — глазки у девочки оживленно заискрились. — Подожди-ка, па, ведь Глеб появился у тебя совсем недавно!

Жулавский невольно посмотрел на помятую папку с рисунками, небрежно раскинувшуюся на столе. Анна решила уже, что отец не ответит, но он закончил начатое.

— Мама подарила мне его Тайну задолго до твоего рождения. Я держал его про запас... А теперь иди, Анюта. Мне надо работать. Завтра я провожу тебя на автобус.

Покупатель прибыл в назначенный час. Жулавский беседовал с ним в гостиной. Глеб ждал в библиотеке.

— Что ты испытываешь сейчас? — задал вопрос Антон.

Индивид перевел на него взгляд. Наставник сидел в кресле под лампой. Его лицо выражало участие.

— У тебя стало больше морщин, — неожиданно для себя произнес Глеб.

Антон выказал удивление, чуть приподняв одну бровь.

— Воздух и солнце способствуют моей болезни. Однако в доме есть все, чтобы я мог поддержать свое тело.

— Ты никогда не хотел уехать отсюда? Испытать дорогу?

Опять удивление.

— Нет. В мои функции входило обучение и воспитание детей Алексея Андреевича. Я помогаю ему в работе. Мне поручено опекать вновь созданных.

— Кто я, Антон?

— Индивид. Тот, кто будет служить людям своими знаниями и силой.

— Я избрал цель. Я хочу стать родным для земли.

Наставник долго и внимательно рассматривал Глеба, будто стремился отыскать в его облике нечто из ряда вон выходящее.

— Кто сформулировал тебе цель?

— Я сам, — в глубоких синих глазах блеснул дерзкий огонек.

— Ты первый индивид, от которого я слышу подобные слова. Ольга Александровна сказала бы, что ты выбрал дорогу к Диву.

— Каковы мои шансы достичь результата?

Ответом было молчание.

— Полагаешь, задача не имеет решения, Антон?

— Ты стремишься к пределу бесконечности.

Глеб встал.

— Сейчас меня позовут, — медленно произнес он.

— Раул Рут, — раздалось из гостиной.

— Прощай, Антон, — проронил Глеб и пошел к людям.

Дом опустел. Жулавский ходил по холодным комнатам, бесцельно брал и переставлял с места на место предметы, останавливался перед рамами, в которых вились странные узоры Ольгиных картин, и в полутьме подолгу рассматривал каждую. Телефонный звонок настойчиво дребезжал в гостиной. Звук мешал и не призывал.

«Две недели. Еще две недели. Я обниму его. Того, кто выйдет из капсулы. Я буду считать его сыном... или дочерью...»

Алексей Андреевич вздрогнул. Собственная мысль пошатнула привычный образ мышления, а призрак одиночества, подкравшийся из душной темноты коридора, пронзил рассудок животным ужасом. Жулавский поспешно отступил к кабинету. Из-под двери пробивался электрический свет. Там стоял микроскоп, грелись иглы для выжигания нового орнамента, и все же он повернулся к дверям спиной. Пустота, захватившая душу, вытеснила желание творить. Хандра заплетала рассудок липкой паутиной.

Он добрал до библиотеки, запнулся на пороге, но вошел. В кресле перед незакрытым гардинами окном застыла тень. Рука опустилась на клавишу выключателя. Вспыхнул свет.

— Анна сообщила, что добралась хорошо, — доложил Антон.

— И все?

— Передала вам привет. Судя по голосу, она чувствует себя прекрасно... Алексей Андреевич, у девочки теперь своя жизнь. Она выросла. Это было неизбежно.

— Боюсь, я слишком мало времени уделял дочери, — Жулавский опустился на диван напротив индивида. — У меня нет последователя. Не будет меня, не будет и новых творений.

— Что заставляет вас думать о будущем в столь мрачном настроении, Алексей Андреевич? Вы достаточно молоды, у вас много времени.

— Я чувствую себя стариком, — вздохнул Жулавский. — Ты не знаешь, что значит быть стариком внутри. Две ночи подряд мне снится Ольга. Такая чистая, светлая, молодая. Она зовет меня за собой, я пытаюсь идти, но ноги мои будто увязли в жидкой глине. Это плохой сон. Он означает приближение смерти.

— Неверный вывод. Во-первых, если вы учитываете стандартное толкование сновидений, рассказанный вами сюжет предполагает зов умершего человека. Но мы до сих пор не знаем, что случилось с Ольгой Александровной. Прошло восемь лет, а ее тело не нашли, нет оснований думать о самоубийстве. Велика вероятность, что ваша жена жива и находится сейчас вне сферы досягаемости привлеченных к поиску служб. Во-вторых, с отъездом дочери вы ощущаете тоску. Закончена работа над Глебом, что вызывает в вашей душе чувство опустошения. Ольга Александровна была и остается для вас символом вдохновения. Следовательно, во сне ваша жена символизирует творчество, а глина, которая мешает двигаться, ваше собственное депрессивное состояние.

«Как все просто, — подумал Жулавский без толики облегчения. — Факты и логический вывод. И все вернулось на круги своя... А покоя нет».

— Ты плохо выглядишь, Антон. Прости, что вызвал тебя на полигон.

— Вы избрали единственно верное решение. Глебу было бы крайне трудно выполнить работу по уничтожению останков. Он чрезмерно чувствителен.

— Чувствителен? — Алексей Андреевич готов был улыбнуться. — Дорогой мой, мы говорим об индивиде.

— А вам известно, как развиваются ваши творения? Я пришел к убеждению, что обучение индивида пользоваться логическим аппаратом — первая, самая простая ступень его развития. Глеб преодолел ее в течение шести дней. И пошел дальше. Он пытался через осмысление достигнуть чувственного восприятия окружающего.

— Да какое это имеет значение теперь! Тебе пора провести полный сеанс реабилитации. Двенадцать часов. Договорились?

Антон встал.

— Следую вашим указаниям.

Жулавский завтракал в одиночестве, когда к парадным дверям коттеджа подкатила автомашина. Алексей Андреевич беспокойно взглянул в окно. Он никого не ждал и в первый момент подумал, что Анна решила без предупреждения вернуться домой. Однако предположение не подтвердилось. Чуть только замолчал мотор, из машины вышли два уважаемых молодых человека. Один остался во дворе, второй сразу поднялся на крыльцо. Жулавский поспешил навстречу.

— Доброе утро, — произнес незнакомец, завидев хозяина дома. — Алексей Андреевич Жулавский?

— Чем обязан?

— Я агент Службы Безопасности. У меня к вам несколько вопросов. Сухая мелочь, но без вас не обойтись.

Щеголь показал какую-то яркую карточку и расплылся в искусственной улыбке.

Жулавский растерянно отступил, и агент немедленно оказался в доме.

— Поверьте, я не займу у вас много времени. Всего десять минут.

— Проходите, — пробормотал Алексей Андреевич и последовал в зал за гостем.

Тот, казалось, знает дом, как свои пять пальцев.

— Позвольте? — агент уже присаживался на диван.

— Разумеется. Что привело Службу Безопасности в мой дом?

Жулавский говорил механически, а у самого в памяти метались отрывочные фразы и газетные цитаты, предоставленные неделю назад Антоном.

«И зачем я подключил его к аппарату именно сейчас!» — взгляд Алексея Андреевича прилип к двери, за которой начинался коридор в заветные недра дома, казавшегося до сих пор личной неприкосновенной крепостью. Полная беспомощность перед раздетым в дорогой костюм представителем закона превратила тело в трепещущий ватный мешок.

— Видите ли, — гость неприкрыто озирался по сторонам, — имел место один инцидент. Весьма неприятный, скажу я вам. Суть его изложить не могу — служба, понимаете. Дело чрезмерно важное. Мы не надеемся, конечно, что вы прольете свет на личность некоторых субъектов, поскольку полагаем, что ваше имя в деле — случайное недоразумение. Но, как говорят, чем черт ни шутит.

Молодой человек говорил настолько быстро, что у собеседника от услышанного остался не смысл, а его приторный осадок.

— Стоп, стоп, стоп, — Жулавский попытался перетянуть инициативу на себя. — Давайте-ка по порядку. Во-первых, как вас называть?

— О, простите великодушно. Не представился, — агент привычным движением выхватил из кармана уже раз продемонстрированное удостоверение и положил на столик перед хозяином. Тот прочел имя. — Можете звать меня просто Евгений. Можете — Женя, я ведь вам в сыновья гожусь, Алексей Андреевич.

Жулавский незаметно для себя расслабился.

— Итак, во-вторых? — Женя источал полную готовность к любым вопросам.

— Что «во-вторых»?

— Вы сказали «во-первых, как называть», эту проблему мы решили, — опять заулыбался агент.

Алексей Андреевич ответил неуверенной улыбкой.

— А во-вторых, Евгений, чем я могу вам помочь?

— Конечно! У вас тут такая уютная обстановка, что я чуть было не забыл о деле, — фальшь в голосе присутствовала бесспорно, однако Жулавский невольно принял «стиль игры» и не придавал значения витиеватому поведению гостя.

Агент достал из внутреннего кармана конверт.

— Тут несколько фотографий. Эти люди, или знающие их люди, утверждали, что они бывали у вас в доме. Кто-нибудь из них вам знаком?

Жулавский долго уstraивался в кресле и, наконец, раскрыл конверт.

Семь фотографий сделанные в разной обстановке. Лица — где крупным планом, где едва различимые — но не узнать их создатель не мог. Все они вышли из камер первой стадии за последние пять лет.

— И как? Что скажете? — невинный голос Жени донесся как будто издалека.

Алексей Андреевич усилием воли согнал с лица все эмоции и изобразил удивление.

— Впервые их вижу, молодой человек.

— Мы так и думали, — обрадовался агент. — Хотя... припомните, может быть в вашем доме были какие-то неприятности?

— Что вы имеете в виду? — нервно повернулся Жулавский.

— Кража, попытка взлома, или что-то вроде.

— Нет, что вы! У меня надежная сигнализация.

— О, конечно. Безусловно, — Евгений профессионально собрал снимки, и конверт исчез в недрах его пиджака. — А другие домочадцы не могут нам помочь?

— В доме больше никого нет.

— Вы живете один? — искусное изумление начертило на сладкой физиономии пучок очаровательных морщинок.

— Есть приходящая прислуга, — выговорил Алексей Андреевич, отчаянно вслушиваясь в глубину дома. К счастью, Полина занималась чем-то бесшумным и не выдавала своего присутствия. — Но она приедет только... через два дня.

— Если позволите, мы свяжемся с вами позднее, чтобы поговорить с вашей домработницей. Однако есть еще одно. Алексей Андреевич, простите, коли затрону ваше больное...

— Нет, с исчезновением Ольги эти люди не связаны, — отрезал Жулавский. — Тогда сюда приезжало много народу, ваши коллеги в том числе. Но никто из изображенных на фото тут не появлялся, ручаюсь.

— Что ж, не смею вас более обременять своим присутствием. Еще раз извините за вторжение.

Жулавский проводил гостя до порога, где и остался стоять, пока автомобиль не скрылся в лесу.

Окончание сеанса реабилитации Антона Жулавский ждал, как манны небесной. Сердце неровно колотилось, подкатывала дурнота, и он, будто рыба, перехватывал воздух ртом. Руки дрожали, ноги отказывались повиноваться. Он надеялся, что молодой агент уверовал в его твердое «нет» и предоставил соответствующий рапорт начальству. Но над руинами песчаных замков кружила одна единственная фраза: «Как глупо... Как глупо...»

— Простите, Алексей Андреевич, — начал Антон, выслушав сбивчивый пересказ разговора с представителем Службы Безопасности. — Я не имею права лгать. Это в ваших же интересах. Агент не поверил вам.

— Почему же! Ему ничего не известно. Он вел себя так... наивно.

По лицу Антона Жулавский вдруг прочел его мысли: это вы вели себя крайне наивно, мой уважаемый создатель, и это вам не известны методы работы государственных сыскных служб.

— Антон. Я прошу тебя высказать свое мнение честно и беспристрастно, — Жулавский выпрямился и опустил ладони на колени.

— Я готов, — кивнул индивид. — Итак, манера и поведение агента говорят о том, что ваша личность досконально изучена. С вероятностью семьдесят шесть процентов я утверждаю, что Служба изучила дом. Очевидно, агент имел при себе скрытую камеру, возможно даже — портативный психо-детектор. О вашей работе знают, Алексей Андреевич. Индивиды, захваченные наряду с остальными членами преступной наркогруппировки, изучаются.

— Что мне теперь делать? Это же моя жизнь! Вся моя жизнь!

— Вероятно, вам предложат сотрудничество.

— Ни за что!

— В таком случае, ваша дальнейшая деятельность будет невозможна.

Несколько тягостных минут прошло в полной тишине.

— Антон, уничтожь все копии баз данных, — выдавил Жулавский. — Оригинальные диски спрячь. Сделай так, чтобы их никогда не нашли!

— Как вы поступите с капсулами?

Создатель застонал. Две недели до окончания первой стадии одного индивида и целых три месяца для второго.

— Не трогай их.

— Алексей Андреевич, не сегодня — завтра сюда придут с обыском. Лабораторию скрыть невозможно. Простой орбитальный модуль передает данные об объектах, находящихся под двухметровым слоем грунта. В распоряжении Службы оборудование значительно мощнее.

— Я не позволю убить мои творения!

— Приготовьтесь к сотрудничеству. Ваши уникальные разработки альтернативной жизни необходимы правительственным лабораториям. Они согласятся на ряд ваших условий.

Жулавский не отвечал.

— Они применяют шантаж, — продолжал Антон.

— Шантаж? Как?

— Анна.

— Они не посмеют тронуть девочку! Это бесчеловечно! Это... — Алексей Андреевич задохнулся. — Это... невозможно! Не смей так, Антон! Никогда не смей даже думать!

Он, шатаясь, поспешил вон из библиотеки. Антон догнал создателя в коридоре за секунду до падения. Подхватив человека, он на руках перенес его в спальню и бережно уложил в постель. Сняв и проанализировав биометрические данные, индивид поймал в себе ощущение, родственное страху. Алексей Андреевич был близок к инфаркту. Домашняя аптечка изобиловала самым разными лекарствами, хотя все Жулавские отличались завидным здоровьем. Антон по достоинству оценил предусмотрительность создателя, когда подбирал препараты для инъекций.

Сделав все необходимое, он вернулся в гостиную. Компьютер призывно подмигивал индикатором «ожидание». Нет. Этот аппарат уже под наблюдением. Антон повернул в библиотеку. Хорошо, что сеть не проложена по всему дому. Индивид почувствовал что-то вроде облегчения. Вероятность реализовать выстроенный план действий возросла до девяноста шести процентов.

Анна закрыла книгу, зевнула и натянула на плечи одеяло. Крошечная одноместная комната в общежитии, маленькая настольная лампа, фотографии кошачьих физиономий на стенах — как это

отличалось от ее жилища в отцовском доме. Здесь всё принадлежало ее интересам, ее мечтам, ей самой. Она погладила коробочку с диском Глеба и поглубже засунула под подушку. Пора спать. Еще один бурный день закончился.

Телефонный звонок выдернул Анну из объятий туманной дремы.

«Если это Олег, я его прибую! Нахальный мальчишка. Как ты мне надоел! Весь день вместе болтались по городу, а теперь еще и спать не дает».

— Олег, если ты...

— Здравствуй, Анна.

У девушки екнуло сердце. Голос в трубке принадлежал Антону.

— Что с папой? — выдохнула она.

— Выслушай меня, Анна, и выполни все, что я тебе сейчас скажу.

— Где папа?

— Слегка приболел. Ничего страшного. От тебя сейчас во многом зависит дальнейшая работа твоего отца.

— Антон!

— Вставь свою личную карточку в компьютерный терминал и выйди на связь по идентификатору...

Анна уже лихорадочно набирала продиктованный код.

— Антон, ты объяснишь мне...

— Нет времени, Анна. Теперь введи последовательность...

Манипуляции с кодами возобновились.

— Повесь трубку и жди. Я все сообщу тебе в письме. Будь сильной, Анна. Прощай.

Шокированная, девушка сидела перед экраном, держа в руках онемевший телефон. Пискнул сигнал: «Вам письмо».

Дрожащей рукой Анна поймала указателем «мыши» строчку и развернула текст.

«Это сообщение проследить невозможно. Не распечатывай его и прочти внимательно. Письмо будет уничтожено через 3 минуты.

Достань личную карточку из приемника и внимательно прочти новые данные о себе.

Теперь твое имя «Анастасия Васильевна Жукова». Тебе 17 лет. Твои родители погибли в автокатастрофе 5 лет назад. Ты находишься под опекой Государственного департамента по делам детей и подростков. Номер твоего страхового полиса... Перепиши код. Дубликат документа выдадут тебе по первому требованию.

Код твоей кредитной карточки... Перепиши код.

Ты только что поступила в Екатеринбургский университет на факультет географии и картографии. Твой балл — 36 из 40 возможных. Ты зачислена в группу... Перепиши номер... Билет на самолет заказан и оплачен. Перепиши код...

Возьми самые необходимые вещи и уезжай немедленно. У тебя 20 минут.

Анна, ради своего отца ты должна выполнить эти указания. В противном случае и его, и тебя ожидают гигантские сложности. Работой отца заинтересовались правительственные структуры. Это все, что я могу тебе сообщить. Алексей Андреевич найдет тебя, когда представится возможность. Ничего не бойся. Ты сильная и умная девушка. До встречи. Антон».

Анне казалось, что она видит кошмарный сон. Она собиралась так быстро, как только умела. Кошки с фотографий смотрели на мечущуюся по комнатке девочку безучастными бумажными глазами. Уже в дверях, окинув взглядом разворошенную постель, она спохватилась: Глеб! Бросилась назад и схватила драгоценную коробочку с диском. Всё. Теперь точно всё. Она выскочила на улицу и побежала к автобусной остановке.

«Феномен профессора Жулавского вызвал в научных кругах настоящий взрыв. То, над чем трудились генетики с середины прошлого века, отшельник-ученый достиг всего за десяток лет.

Суперсущества, созданные преступным гением нового «доктора Франкенштейна», внедрились в нашу жизнь. Неотличимые от людей, мощные, ловкие и беспринципные, они служили своим хозяевам многие годы. Из достоверных источников нам стало известно, что обнаружено 78 досье этих биологических машин. В настоящий момент Служба Безопасности ведет работу по розыску человекоподобных генетических роботов. В обращении к гражданам страны руководители правоохранительных органов выразили уверенность, что в ближайшее время будут обнаружены и обезврежены все существа профессора Жулавского. Сам профессор отказался комментировать ситуацию. «Я творец, а не ученый» — таково было его единственное заявление».

— И как тебе статейка?

Филипп оттолкнулся от стола, и кресло услужливо отъехало по пластиковому полу к центру кабинета.

— Фантик сделали пестрый, нечего сказать, — откликнулся он.

— Вранье?

Стас, высокий полноватый блондин, приблизился к другу и встал у него за спиной.

— Не совсем. Фифти-фифти, я думаю. А вот «профессором» его обозвали напрасно. Отец дальше старшего научного сотрудника кафедры геологии в свою бытность не продвинулся. У него даже научной степени нет... Черт возьми! Добыть бы образцы! — Филипп закинул руки за голову и мечтательно зажмурился.

— Там ни слова об образцах.

— Они нашли досье. Значит, разобрали по косточкам весь дом и все компьютеры. И наверняка препарировали кучу индивидов.

— А что у них внутри? — Стас не удержался от вопроса, хотя еще в университете вдоволь наслушался и фантастических версий, и гениальных предположений. А Филипп всякий раз излагал свое представление о творениях Жулавского по-новому.

— То же, что у нас. Но физиология, черт знает почему, другая. Способность к регенерации, управление нервной системой и органами чувств доведены до абсолюта. Они красивы и сильны, как атланты, их мозг — это вершина вершин! Чистейшая логика, без примесей предрассудков и выпендренной философии. Они могут всё. Это истинные супермены!

— Их действительно было только семьдесят восемь?

— Понятия не имею! Без записей отца, а главное — без образцов, я как без рук. Стас, я должен создать суперчеловека! Но я в тупике! Помоги, Стас, ты же черта лысого достать можешь!

— Слушай, я что, по-твоему, волшебник? Как мы доберемся до материалов Службы? — Стас с высоты своего роста обращался к лохматой русой макушке.

Филипп выбросил из-под себя кресло и вскочил.

— Понятия не имею, как. Но лед тронулся. Клянусь ястребоголовым Гором!

Стас вздохнул и вернулся на свое рабочее место. По опыту он знал, что в подобные моменты лучше всего молча снести все выплески бурных эмоций друга, а потом уже переваривать его бредовые идеи. Многие из которых, кстати, на деле окажутся не столь бредовыми, как в устах, их порождающих.

— Фил, тут еще сообщение есть, — Стас вынужден был перебить поток речей. — Свежее, от 11 октября... Фил, слушай, это важно!

Серьезный тон приятеля вернул молодого Жулавского на брентную землю.

«Сегодня в камере предварительного заключения на 59-м году жизни скоропостижно скончался А.А. Жулавский. Он обвинялся в противозаконных генетических экспериментах, а также в изготовлении и распространении биологических роботов. По данным судебной медицинской экспертизы смерть наступила в результате острой коронарной недостаточности на фоне развившегося инфаркта миокарда».

— А жаль, — теребя круглый костлявый подбородок, задумчиво произнес Филипп. — Я-то надеялся встретиться с папочкой, чтобы уточнить некоторые детали.

Глава 3 Перелом

«— Доктор Фрост! Вы арестованы!

Гомерический хохот.

— Ты смеешь являться ко мне один? Это последняя ошибка, которую ты сделал в жизни, сержант. Эй, верные мои слуги! Убейте этого паршивца!

Стена раздвинулась, и в кабинет вступили высоченные бесполое фигуры с восковыми масками вместо лиц. Одна шеренга, вторая, третья.

— Убейте его! — вопил сгорбленный старик. — Убейте его, дети мои.

Отважный сержант выхватил огромный пистолет, прыгнул за шкаф и принялся палить по роботам. Они вздрагивали, тела их дымились, но шеренги неуклонно двигались вперед.

Загорелась мебель, начали взрываться пробирки и колбы на столе.

— Их невозможно уничтожить! — продолжал выкрикивать доктор Фрост. — Вы, ничтожные людишки! На смену вам придет новое поколение! Я завоюю весь мир!!

— Нет, мерзавец! У меня есть оружие против твоих монстров.

В руке сержанта возник блестящий предмет, отдаленно напоминающий автоматическую винтовку, которая мигала огоньками, как новогодняя елка.

— Это ружье сделал мой отец! Я отомщу за его смерть!..»

Пальба на экране продолжалась. Роботы взрывались, разбрызгивая по всей комнате белые мозги, кишки и прочие псевдовнутренности.

— У-у-у, жуть... — замогильный голос прошипел прямо над ухом Анны.

— А! Уф, Коля, как ты меня напугал!

Она щелкнула дистанционкой, и картинка на экране замерла.

Мужчина рассмеялся от души.

— Куколка моя! Смотри, что я тебе принес.

На колени девушки плавно опустилась воздушная ткань. Анна восхищенно пискнула и торопливо развернула материю. Вечернее платье.

— Коля! — она подпрыгнула на диване и по девчачьи повисла на шее своего мужчины. — Это то самое, о котором я мечтала!

— Тогда одевайся, и идем в ресторан. Я сегодня-таки уломал одного пройдоху. Лицензия моя! И я хочу, чтобы ты покорила всех!

Анна, не задумываясь, скинула с себя короткий халатик и примерила подарок. Мужчина развалился сидел в кресле, поигрывал золотой цепочкой от часов и не спускал с девушки глаз. Здесь, в этой шикарно обставленной квартире, она была для него самым богатым сокровищем.

Пока Анна накладывала макияж и делала прическу, Николай перебрался на ее место перед экраном и запустил диск с фильмом. Комнату наполнили звуки выстрелов, вопли и дурящая музыка.

— Куколка моя, что ты нашла в этом ужастике? Ты смотришь его в десятый раз. Тут же спецэффектов крутых нет. Наши вообще видяшки делать не умеют.

— Хочу написать рецензию, — откликнулась Анна, докрашивая губы. — Понимаешь, я считаю, что этот фильм и кучу ему подобных делают специально, чтобы люди воспринимали саму идею как глупую выдумку.

— И чего?

— Ну... допустим, что-то похожее было реально. Да не хохочи ты! Представь: когда-то где-то такая история произошла на самом деле. Информация проскочила в прессе, кто-то мог ее запомнить. А теперь, чтобы уничтожить саму память об этой информации, ее подают в виде явной

ерунды. Вот сейчас, если тебе скажут, что один ученый действительно создал человекоподобного робота, ты согласишься?

— Лажка!

— Значит, они своего добились.

— И ты хочешь об этом писать? Надеюсь, не сегодня ночью, моя сладкая куколочка?

Он заискивающе двинулся к объекту своего обожания.

— Я твоя, всегда твоя, милый! — Анна впиалась губами в жадные губы мужчины.

Комья глины летели из-под колес. Мотоцикл ревел, как обезумевший зверь. Жирная грязь и пыль рыжей тучей носились вокруг, а запах перегоревшего топлива вышибал из легких остатки воздуха. Стекло шлема ослепло. Спасало абсолютное знание трассы и выработанное на бесконечных тренировках профессиональное чутье.

Он проскочил поворот, не сбрасывая газ. Рядом мелькнул силуэт кувыркающегося в воздухе человека. Партнер сошел с дистанции. Наверняка побился. Не имеет значения. В гонке на выживание побеждает сильнейший — так всегда говорил хозяин.

Холм и крутой обрыв. Мотоцикл взвился над землей. Встречный ветер выдернул из сознания все звуки одним рывком. Опасный крен. Мускулы напряглись, руль превратился в продолжение рук...

Рык мотора. Визг тормозов.

— Лучший круг! Чтоб завтра так же, понял! Всё, свободен. Мотай в гараж. И отмыться не забудь, чтоб на гонках блестел... Куда, кретин, ё-маса! Вон речка. Еще на люди в таком виде покажешься, урою!

Он медленно развернул мотоцикл и втопил стартер. На трассе техники выволакивали из грязи завалившуюся машину. Ее пилот сидел на бруствере, сжимая руками голову, и бессознательно раскачивался из стороны в сторону.

Он загнал мотоцикл в ручей и слез с седла. Воняющая отбросами вода доставала до колен. Ни рыбы, ни пиявки, ни даже червяки тут не водились. Сбросил шлем. Черные волосы упали на плечи, резинка, стягивающая их в «хвост» на затылке давно потерялась. Опустевший взгляд уперся вдаль.

— Раул!..

Он оглянулся. Молодой гонщик катил чистенький голубой мотоцикл, сверкавший на солнце надраенными головками цилиндров. Новичка звали Ивар. Хозяин нанял его всего месяц назад. Самодовольно пыжась, он с гордостью повторял, что сделал перспективное приобретение.

— Я смотрел, как ты гоняешь. Отпад! А как ты умудряешься брать «Проклятый поворот» на полном газу? — продолжал Ивар, остановившись на пригорке.

— Тренировка, — отозвался Раул.

— Ха! Только-то? Да любой на нем шею свернет! Видал, как Шмель навернулся?

— Некогда было смотреть, — он изобразил на лице неудовольствие, хотя что-то внутри настойчиво толкало к продолжению разговора.

Голод, — подвернулось сравнение. — Необходимость информационной пищи. Необходимость общения, новых ощущений.

Ассоциативная база стремительно внедрилась в сознание и с легкостью разбила укрепленную годами колею стереотипов.

Он осторожно всмотрелся в человека. Ивар стоял против солнца. Голубое безоблачное небо раскинулось за его спиной. Стройная фигура, белый, сверкающий алюминиевыми нашивками костюм.

Вдруг прорвало. В рассудок вломился мощный поток образов и осыпал реальную сцену десятком ярких, как молнии, картин. Раул успел выделить одну: юный белый лебедь в родных просторах.

— Обожди, да у тебя кровь на лбу? Ты точно в норме?

Раул мгновенно сорвал перчатку и прижал ладонь к лицу. В следующую секунду обрушилась досада. Обычно его раны, если до таковых вообще доходило, выглядели как ссадины, покрытые грязно-желтой густой массой, внешне не имеющей ничего общего с человеческой кровью. На пальцах остался след красной краски. Утром он обновлял рисунок огненной морды хищника на баке своей машине.

— Ерунда.

Пусть Ивар считает, что заметил царапину.

— Шмель побился? — теперь он стремился подцепить любой повод, лишь бы разговор не оборвался.

— Вроде бы цел. Мозги встряхнул слегка.

— А-а. Не велики мозги, не велика и беда.

Ивар звонко рассмеялся. Гонщик по прозвищу Шмель — его настоящего имени никто не знал — относился к категории людей, не обремененных интеллектом. Таковые в нынешнем окружении Раула Рута преобладали. Накачанные до безобразия «секьюрити» хозяина с бессмысленным остервенением выжимали штанги в тренажерном зале, партнеры по команде в свободное от тренировок время терзали игровые терминалы, лихачили друг перед другом на своих железных конях или засиживались до поздней ночи в мрачных барах, наполненных смрадом и обнаженными женскими телами. Раул пришел к выводу, что подобное поведение является правилом для людей, в обществе которых он оказался. Ивар стал ярким исключением. Индивид поначалу игнорировал попытки юноши к контакту, демонстрируя безразличие к его персоне. Но парень упрямо ходил следом, приставал с вопросами о методиках тренировок, беззастенчиво заглядывал через плечо, когда Раул отлаживал мотоцикл, и во все глаза следил за его заездами.

И вот контакт состоялся. «Притянуло, как магнитом», — подсказала ассоциативная база, и аналитический процесс в рассудке расставил мысли по местам, подытожив состояние сознания: удовлетворение, граничащее с радостью.

— Я сегодня газану на «Проклятом», — заявил Ивар. — Кажется, я понял, как ты отжигашь...

— Не смей! — вырвалось у Раула. — Я по этой трассе два месяца гоняю, вылетал там сорок раз.

— А я везучий. Знаешь, я однажды...

Ивар продолжал балагурить, но Раул его уже не слышал. Анализ спонтанно рожденной фразы привел к однозначному выводу: теоретически вероятная опасность для жизни субъекта повлекла некорректное использование фактов в форме преувеличения — «сорок раз», с целью защитить субъект от ошибочных действий. На человеческом языке это называлось заботой.

Он остался на трассе, чтобы наблюдать за тренировочным заездом Ивара. Когда парень вышел на прямую перед Проклятым поворотом, у Раула заныли коленки. Внешних воздействий на ноги не было: он стоял неподвижно и смотрел. Физические ощущения под воздействием психического импульса — дал заключение рассудок. Индивид не среагировал на аналитику. Голубой мотоцикл приближался к виражу. Кисть в белой перчатке выгнулась над ручкой газа.

Ивар, нет! — пружина нераспознанных чувств вырвалась из-под пресса рассудка, полосонула мгновенным жаром и ринулась в пространство произнесенными словами.

Мотоцикл, взрезав полотно трассы, прошел поворот на средней скорости...

— Не знаю, что меня тормознуло, но я все равно газану, вот увидишь! — пообещал парень по дороге в гаражи.

— Зачем? — нахмурился Раул.

— Ты показал, что это возможно. И я хочу взять твою высоту!

Состояние сознания диагностике не поддавалось. Аналитика выплескивала беспорядочные обрывки выводов и фиксировала единственный понятный факт: «недостаток данных». Причину сбоя логического процесса Раул нашел с огромным трудом: болевые ощущения в коленных суставах, порожденные визуальным сигналом, а не материальным воздействием. Получалось, что мозг, независимо от реальности, вызвал физические отклонения в организме.

Он неподвижно лежал на кровати в своей комнате и смотрел в затянутый паутиной угол потолка. Сердце частило в груди.

Функция контроля... дезорганизована. Тело находится в покое. Почему сбивается дыхание? Что со мной происходит?!

Страх, волнение, восторг.

Восторг? Почему?... Эмоции. Человеческие эмоции перехватили управление организмом.

Смятение.

Я не должен претерпевать страх. Это победа.

Радость. Тревога.

В чем причина перелома?... Осознание опасности, грозящей человеку...

Он медленно поднялся и подошел к окну. Рыжий шар солнца висел над крышами высотных зданий, и огненные блики мерцали в стеклах многоквартирных домов, разбитых на мелкие ячейки людских жилищ.

Обоснование избранной цели: биологическое выживание в условиях земной среды.

Раул непроизвольно поморщился. Выстроенный когда-то силлогизм представлялся бесполезным. Альтернативная жизнь успешно адаптировалась к любым условиям без дополнительных мутаций. В первый год существования он поставил на себе не один эксперимент и убедился, что способен находиться без кислорода на протяжении двух десятков минут, сознательно приостанавливать физиологические процессы и впадать в состояние «анабиоза», регенерировать кожный покров и внутренние ткани за короткий временной период.

Желание объединиться с землей, стать ее родным элементом затухло. И, осознавая это сейчас, он чувствовал, как изнутри поднимается необъяснимый ледяной ужас.

Я затормозил в начале дороги, — ассоциативная база подбросила рассудку мрачный образ. И память усилила его пропитанным безысходностью вязким мотивом: «Истома ящерицей ползает в костях. И сердце с трезвой головой не на ножах. И не захватывает дух на скоростях, не холодеет кровь на виражах...» Самодостаточная система. Отсутствие стремления. Бесцельное существование... «Пора туда, где только «ни» и только «не»...» Смерть. Таков был логический итог душевной картины.

— Нет, — прошептал Раул. — Я избрал цель, — незримый горячий ветер из прошлого хлестнул рассудок, и цитата ошпарила пересохшие от волнения губы: — «Мой финиш — горизонт, а лента — край земли...»

Мысль понеслась дальше без слов: кроме биологического симбиоза на земле существует связь «человек — человек». Объединение социальных элементов. Люди. Ивар. Они влияют на меня, а я влияю на них посредством информационной базы и... эмоций.

Он прервал начавшийся аналитический процесс.

— Мне не хватает... — слово «данных» в последний момент преобразовалось на языке в другое, — знания.

Весь вечер Раул просидел в городской библиотеке. Электронные терминалы в большинстве были свободны, но подходить к ним не хотелось. Сегодня он листал книги. Библиограф принес запрошенный по теме список и проследил, как клиент отбирает заголовки для заказа.

Физиология, невропатология, психология, особенности мозговой деятельности — Раул отработал темы во всех деталях. Стол, за которым он сидел, стоял ближе всех к кафедре, и библиотекарь то и дело поглядывал на посетителя. С такой скоростью чтения он встречался

впервые. Раул не стал проявлять недовольства по поводу излишнего любопытства работника, ибо библиотекарь показался ему симпатичен.

Человеческое сознание развивается строго противоположно сознанию индивида, — размышлял Раул, медленно шагая по темным пустым улицам. — Ребенок с первых секунд своей жизни чувствует мир. Инстинкты, позднее — эмоции преобладают над разумом. Когда сознание укрепляется, чувственное восприятие уступает приоритет логическому мышлению. Далее человек входит в сознательную жизнь и контролирует чувства посредством рассудка до определенной степени. Степень зависит от индивидуальных особенностей субъекта. Индивид встает из капсулы в состоянии «человека разумного». Я пытался вызвать чувства путем ассоциаций и анализа. Относительно логики метод верный. Но сегодняшние события ставят под сомнение его корректность.

Появилось острое желание общения. Раул приостановился. Посмотрел вокруг. Бетонные громады городских построек. Подсвеченные электрическими лучами позолоченные купола собора. И ни души. Он усмехнулся своим мыслям и побрел дальше.

Парадокс. Мне необходимы эмоции, но формирование эмоций является регрессивным ходом в существующем процессе, ибо логическое мышление есть высшая стадия развития человека. Вероятно, решение кроется в определении понятия «альтернативная жизнь». Но определения я не знаю...

— Кореш, закурить есть?

Раул оглянулся. С двух сторон улицы к нему приближались молодые люди, одетые в яркие негармоничные одежды.

— Нет.

— Ого, он не курит!

Компания почему-то захохотала. Раул не усмотрел в своем ответе ничего юмористического. Неадекватное мышление, — обозначил он причину веселья подозрительных субъектов.

— Может, у тебя и денег нет, красотуля?

В бумажнике Раула лежало несколько мелких банкнот — хозяин выдавал «личному гонщику» полпроцента от гонорара за каждую победу. Но упоминать об этих деньгах в данной ситуации не представлялось рациональным.

— Вываливай карманы! — один из молодых людей направил на него лезвие ножа.

— Это ограбление? — поинтересовался Раул.

Компания опять разразилась истерическим хохотом. Раул активизировал ночное видение. Визуальный анализ показал, что люди пребывают под воздействием нестандартных химических реагентов. Возможно, наркотические инъекции.

— Двигай, красавчик, двигай! — его оттеснили в переулок. — Мамочка будет плакать, если мы попортим тебе личико.

Пять человек вокруг. Один топчется на улице. Раул просчитал вероятность побега и вероятность победы в драке. Первая оказалась выше. Однако он не побежал. Непонятное пугающее чувство затянуло мозг тугой петлей. Ассоциативная база умолкла в замешательстве.

Он стоял, не шелохнувшись, до тех пор пока один из грабителей не схватил его за руку. Тут-то и началось. Раул не подозревал, что теоретические сведения о приемах рукопашного боя окажутся столь эффективны при первом же практическом применении. В считанные секунды он выключил троих. Двое накнулись сзади, а оставшийся на стреме бросился на помощь своим. Раул пропустил два удара, и провел вторую сокрушительную атаку. Рассудок очнулся, когда в переулке стало тихо. Шесть человек лежали на асфальте.

Индивид медленно отступил к стене. Собственных мыслей он не воспринимал. Кроме одной — так выглядит ярость. Слепая, абсолютная ярость всего на минуту завладела его существом. Результат — шесть неподвижных тел.

Раул не помнил, как оказался в гараже. Он пытался воссоздать в памяти картину происшедшего, убедиться, что люди, по крайней мере, остались в живых. И не находил подтверждений. Четко, до последней запятой, в глазах всплывали статьи о биологических роботах профессора Жулавского, наводнившие информационную сеть и бульварные газетенки три года назад. Граждан пугали неопишуемой жестокостью и нечеловеческой силой злобных творений. Сейчас он был именно таким: неуправляемым, мощным, бесконтрольным.

Почему не забрали меня? У них были диски с данными о каждом индивиде. Почему? Мне надо было сгореть в крематории, как всем остальным. Я стремился к человеческим чувствам, я хотел стать частью жизни, а пришел к убийству! Я не имею права ходить по земле!

Рассудок молчал. Но в мозгах кипели, металась, рвались не то мысли, не то ассоциации. Отчаянно ныло в левом подреберье.

Шаги.

— Э, тут кто?.. Раул? Раул, ты что здесь делаешь среди ночи?

Ивар наклонился к товарищу.

— Раул!!

Его принялись трясти за плечо.

— Очнись! Черт подери, ты же весь в крови!

— Это не моя кровь. У меня вообще нет крови, — глухо произнес индивид.

— Раул, что с тобой? Ты что, надрался?

— У меня нет крови! Я не человек, — Раул оттолкнул руку Ивара и рывком сел. В боку вспыхнуло, пульс ударил в виски.

— Ты пьян! Совсем с катушек слетел?! Тебя хозяин приберет! Завтра гонки!

— Послушай меня, — Раул ухватил товарища за отворот куртки. — Я не человек. Понимаешь? Я робот. Самый настоящий робот! И я только что... убил шестерых.

Ивар неуклюже опустился на пол.

— Успокойся, лады? Раул. Посмотри на меня. Ус-по-кой-ся.

Электрический свет в гараже лениво вспыхивал и медленно затухал. Резкий профиль то проваливался в тень, то проявлялся сквозь сумрак белой суровой маской.

— Уходи, Ивар. Я опасен, — индивид закрыл глаза.

— Да очухаешься ты или нет, ёрики тебе в задницу! Ну ты, крутая селедка! Давай, встряхнись!

На Раула посыпался град бестолковых ругательств. Рассудок уловил несколько забавных ассоциаций, две противоречивые конструкции, и мысль заработала в обычном режиме.

— Так-то, — Ивар придиричиво осмотрел товарища. — А теперь выкладывай, что ты натворил.

— На меня напали на улице. Шестеро. Я всех... — «убил» завязло на языке.

— Ого! Обожди-ка, — парень заметил более или менее чистую тряпку, подтянул ее к себе и аккуратно отер мокрое с кровавыми разводами лицо.

— Это не моя кровь, — устало повторил Раул.

— Пожалуй. А чем ты их?

— Не помню.

Ивар покосился на синие трезубцы вен, расчертившие намертво сжатые кулаки.

— Ты, вот что, крутяк. Расслабься, а? Лады? А то еще чего доброго и меня приласкаешь.

— Никогда! — вскинулся Раул и невольно зажал ладонью бок. Мозг упорно диагностировал физическую боль.

— Что там у тебя, — Ивар с силой оторвал его руку. — Че-ерт! Да тебя ж пырнули! Обожди! Лежи здесь. Я сейчас врачей вызову!

— Нет!.. Нет. Я сам справлюсь.

— Тебе перо в бок всадили по самую рукоять... а это что?

Ивар, по-детски разинув рот, смотрел на белесую густую массу под отодранным лоскутом рубахи.

— Так выглядит моя кровь, когда покидает тело, — со вздохом пояснил Раул.

— Что мне сделать для тебя? — голос и губы Ивара задрожали.

— Принеси воды. И пластырь, если найдешь. Пожалуйста.

Пока Раул обрабатывал рану, Ивар нерешительно сидел в сторонке. Наконец, после нескольких тщетных попыток товарища прилепить тампон, он приблизился и помог наложить повязку.

— Так ты что, правда — робот? — в вопросе звучало нескрываемое мальчишеское любопытство.

— Жулавский называл нас индивидами. Наверное, это одно и то же, — Раул лег на пол.

— Отпад!... Э, нет. Обожди, — Ивар переместился ближе, чтобы лежащий мог его видеть.

— По-моему, роботы не психуют. Может, тебя просто зомбировали?

Раул тихо рассмеялся. Боль возобновилась, но на сей раз диагностикой он пренебрег.

— Ивар, тебя когда выпустили из начальной школы?

— Тьфу! Сам ты... Ладно. Раул... Э, ты что, вырубился?

— Нет.

— Ты сказал — Жулавский? Не тот ли Жулавский, который умер в тюрьме перед судом пару лет назад?

— Да.

— Но вроде бы писали, что всех его роботов изловили и расстреляли.

— Кремировали.

— А как же ты остался?

— Не знаю.

— А как ты оказался у Северянина?

— Он меня купил.

— Как это?

— Просто купил. В налоговой декларации я значился производением искусства.

— А как...

— Ивар, чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Поверь.

Парень пожевал губами, но очередное «а как» не произнес.

— Ладно. Давай я тебя в твою комнату провожу. Ты идти-то можешь?

Раул выразительно хмыкнул.

— Где на тебя напали? — задал вопрос Ивар, когда индивид собирался переступить порог.

— На Новоторговской, за два квартала от проспекта Довмонта.

— Ага, — юноша многозначительно кивнул. — Ты давай, отоспись. Гонки в четыре дня.

Успеешь в себя прийти?

Раул кивнул и скрылся за дверью.

Воспоминания о яростной ночи затаились глубоко в сознании. Он знал, что никакими силами не сможет вычеркнуть их из памяти. «Предостережение» — аналитический модуль присвоил ярлык нежелательному блоку информации.

Эмоции ослабили контроль, вызвали несанкционированные рассудком действия, и дисфункцию мыслительного процесса. Так проявился животный инстинкт самозащиты. Или самоутверждения? — Раула передернуло, и он поспешно ухватился за стройный ход мысли. — Общение с Иваром восстановило баланс. Образовался взаимный контакт. Почему такого не произошло раньше?

Новую форму рассуждений — вопросы, задаваемые самому себе — индивид заметил вскоре после окончания утренней тренировки. Против привычной логики она выглядела слабой и нерациональной, но без видимых оснований прочно разместилась в рассудке.

Я разговаривал с людьми, сопровождал в различной естественной для них обстановке и пытался существовать по их правилам, — продолжал Раул, — я попал в зависимость, но контакта

не было. Следовательно, имеет значение не абстрактное множество «люди», а конкретный человек, наделенный нетривиальными свойствами.

Память воссоздала образ Ивара. Что-то действительно отличало его от всех, кого знал или помнил индивид. Неуловимая стандартными органами чувств особенность не находила формулировки, но априорно присутствовала в анализируемом субъекте. Аналитика оказалась в тупике и выдала обычное в подобных случаях: «недостаток данных».

Раул с чувством сплюнул и, провернув в голове свои ощущения, рассмеялся.

Веселый смех в полупустой одинокой комнате выглядел еще нелепее, чем предыдущая выходка с плевком, когда он разозлился на собственное логическое мышление.

— Это называется «дошел до ручки», — на всякий случай вслух изложил он, обращаясь к неутомимому пауку, прижившемуся под потолком. — Как ты там, приятель? А не угостить ли тебя завтраком?

Злые осенние мухи в изобилии сновали по комнате, и одного молниеносного движения было достаточно, чтобы приготовить угощение молчаливому соседу. Муха завизжала в клейкой паутине, а житель серого угла немедленно кинулся к накрытому столу.

Индивид прижал струю логических измышлений, выброшенную рассудком. И был вознагражден за дерзость: смелая теория возникла в голове сама по себе.

Сила человека в его непознанных глубинах. Логика «знает» лишь то, что укладывается в силлогизмы, но этого мало. Человеческая сущность богаче и ярче любого аналитического процесса, как любая песня богаче слов, из которых сложена. У тех, кому я служу, основой существования является удовлетворение индивидуальных потребностей, и это приводит к образованию замкнутой системы «я есть центр моей вселенной». У Ивара иное. Ему нужен друг, соприкосновение с которым даст новые знания и чувства и потребует такой же отдачи от его личности. То есть, Ивар ищет пару для формирования системы «человек — человек». И я стал его парой.

Раул почувствовал, как внутри разливается робкая теплота. Радость? Или что-то большее?

Аналитика напомнила о своем существовании, подсунув в мысли ключевое слово «служить». Он нахмурился. Оставался нерешенным серьезный вопрос: как вырваться из гиблой и тупиковой среды, где он, индивид, выступал в роли объекта для удовлетворения потребностей субъектов, живущих только ради своего «я»? Решение промелькнуло мимо сознания, и логический процесс издевательски завершился «недостатком данных».

Северянин сидел перед компьютерным терминалом в зеркальных очках «виртуальная реальность», азартно причмокивал и судорожно терзал джойстик. Из динамиков неслись вопли, стоны и истошные визги.

— Босс, мне необходимо поговорить с вами, — уверенно произнес Раул.

— Да-да-да... Вот-ты, хреноматерь... — он отбросил пульт и смачно обругал ни в чем не повинный компьютер. — Чего тебе? Я занят!

— Босс, я не имею права участвовать в гонках.

— Ты... Чего еще?

— Вам известно: я нечеловек. Моя реакция, физическая сила и другие способности значительно превосходят человеческие. Я веду нечестные поединки.

— Чего ты ведешь?... Я те щас устрою поединок, кретин! На тебя полгорода ставит! Я тебя купил, чтобы ты мне «бабки» делал! Выруби свои долбаные мозги и катись отсюда, и... — он посмотрел на часы, — Марш в гараж! Я за тебя колеса готовить буду?

Раул повернулся к хозяину спиной.

— И чтобы ничего подобного я больше не слышал! — неслоь вслед вперемешку с отборным матом.

Надев комбинезон и прицепив к поясу перчатки, Раул долго смотрел на насытившегося паука, застывшего в новенькой паутине. Ставки. Источник дохода. Он улыбнулся осознанному решению, подхватил шлем и стремительно вышел за дверь.

Возле палатки, где гонщики ожидали выхода на старт, Ивар протолкнулся к Раулу, оседлавшему свою машину.

— Как дела? — шепотом спросил он.

— Порядок.

— Слышь, я ночью кое-где был. Проехал мимо, мол, катаюсь. Никаких следов не заметил. Ни «скорой», ни ментов. Так что зря переживаешь. Оклемались твои знакомые и умотали по домам носы вытирать.

— Спасибо, — Раул открыто посмотрел в глаза товарища.

Тот стусевался.

— Не стоит. Давай, газуй! Меня в третий заезд поставили, так что я на тебя еще поглазеть успею.

— Ивар, я прошу тебя об одной услуге, — Раул чувствовал, что фраза получается тугая и неестественная, но рассудок вновь подрался с эмоциями и устроил в голове бедлам. — Пообещай не отжигать на вираже. Я потом покажу тебе два приема, ты потренируешься, и тогда...

Счастливая улыбка раскинулась на юном лице от уха до уха.

— Договорились!

Раул привычно бросил сцепление. Выезжая на стартовую дорожку, он вдруг подумал, что сегодняшний заезд будет его последним выступлением в команде Северянина, а значит окончится не начавшись удивительное вливание в систему «человек — человек». Он вновь останется один, так же, как и Ивар. Но отчаянный порыв отказаться от принятого решения мигом остудил обрушившийся извне рассудка вопрос: можно ли войти в человеческую жизнь, застряв в паутине гнилых норм и оставшись безвольным орудием для сколачивания грязного капитала?

Ахнул гонг. Времени на размышления не оставалось.

Зрители толпились за канатами, орали, скандировали, выкрикивали имена кумиров. Он опустил щиток шлема. Дружное — «Раул Рут» стояло в ушах непрекращающимся гулом. А у него в уме метался хриплый голос с диска «В.В. том №2»: «Я из повиновения вышел. За флажки, жажда жизни сильней. Только сзади я радостно слышал удивленные крики людей».

Старт.

Вопли потонули в истошном реве моторов. Струи выхлопных газов взлетели и раскинулись в воздухе зловонным сизым туманом. Вскипела глина под колесами. Трудно сказать, сколько кубометров воды вылили на трассу перед гонками, но ожидаемый эффект был достигнут: после первого же круга пилоты и их мотоциклы превратились в безликих големов.

Основным отличием гоночного тотализатора от бытовавших в прежние времена мотокроссов было отсутствие каких-либо технических и этических правил. Старая спортивная трасса, выдавшая в прошлом не один чемпионат, стараниями и финансами хозяина была превращена в подобие ристалища, где гоняли ради гонки, дрались ради драки и рвались на пьедестал ради «больших бабок» отчаянные и отчаявшиеся молодцы на железных конях, съехавшиеся сюда со всех окрестных губерний.

На третьем круге из десяти участников осталось семеро. Толпа за канатами неистовствовала. Женщины, прибывшие на шоу со своими патронами, задрав имитации юбок, а то и вовсе скинув одежду, прыгали на крышах машин. Ограждение трассы не отвечало никаким правилам безопасности, но зато было рассчитано так, чтобы каждый желающий мог сполна насладиться жестоким спектаклем. Поэтому вылет четвертого пилота вызвал взрыв звериных криков, а грохнувшийся чуть ли ни на головы зрителей мотоцикл усугубил бурю самой настоящей истерии.

Раул лидировал. Время от времени он подпускал основного противника ближе, полкруга шел с ним колесо-в-колесо и вновь с легкостью отрывался вперед. Его мотоцикл, отлаженный до абсолюта, мчался к финишу первым. Как всегда — первым.

Последний круг. Виртуозный вираж на «Проклятом повороте», восхищенный рев толпы. Впереди трамплин. Пора.

Раул дал полный газ и взлетел высоко над землей. Трасса, зрители, канаты, грязь, соперники пропали. Остались небо и сизые облака. И резкий порывистый ветер. Мотоцикл понесло. Он откинул руль. Мгновение свободного полета и...

Раул заранее просчитал степень риска и все же оказался не готов к последствиям своего трюка. Удар о землю получился прямо-таки сокрушительным. На несколько секунд сознание и физические функции отключились. Он не видел, куда упал мотоцикл, а когда очнулся, обнаружил себя далеко за бруствером. Лица, повисшие над ним, не выражали ничего, кроме животного азарта. Где-то далеко продолжали скандировать «Раул Рут». Просканировав физическое состояние, он убедился, что фатальных нарушений в организме нет, и заставил себя забыть. На сей раз — надолго.

Тусклый свет просочился сквозь ресницы. Не размыкая век, он задействовал диагностику. Ушибы успешно зажили. Трещина в ребре срослась, от ссадин не осталось следа. Слух уловил посторонний звук: дыхание. Раул открыл глаза. Так и есть. Ивар. Парень в наскоро почищенном гоночном комбинезоне, сидел рядом на стуле, запрокинув голову на спинку, и дремал. За окном висело темное ночное небо. В комнате ничего не изменилось, разве что на столе возле кровати появился новый предмет. Он сфокусировал взгляд: аптечка. Бесспорно — идея Ивара. Хозяину никогда бы не пришло в голову оказывать ему медицинскую помощь.

Раул бесшумно встал и расправил плечи. Тело функционировало нормально. Наклонился к юноше. Тронул за плечо.

Тот подскочил.

— Раул!

— Раула Рута больше нет. Зови меня Глеб.

— Почему?

— Это настоящее мое имя.

— Э, обожди. Ты бредишь, что ли?

— Ивар, — он присел перед юношей на край койки. — Три года я служил и едва не растерял то человеческое, что сумел развить в себе раньше. Ты заставил меня проснуться. Я благодарен тебе. Прости, мы теперь не скоро увидимся. Я помню, что обещал научить тебя брать «Проклятый поворот». Но пока я не могу. Мой мозг работает как совершенный аналитический процессор, недоступный для человека. А человеческие чувства куда сильнее логического вывода. Мозг управляет функциями организма, но что управляет мозгом? Когда я найду ответ, я сломаю в себе робота и стану сыном земли. Я должен идти.

— Куда?

— К горизонту.

Ивар вскочил вслед за Глебом.

— Послушай, Раул! То есть... Глеб. Северянин тебя из-под земли достанет. Знаешь, сколько он проиграл вчера? Это был полный отпад! Он орал не своим голосом и прыгал тут как козел. Он думает, что ты нарочно сошел с дистанции.

— Он прав.

— Ты ж убиться мог!

— С некоторой долей вероятности.

— Ты, зомби недоделанный! Я тебя никуда не отпущу. Ты такой пропадешь!

Негодование Ивара было настолько беззастенчивым и искренним, что Глеб не мог не улыбнуться.

— Скажешь, что меня не видел. Северянин мне больше не хозяин. Я так решил. Пожалуйста, не ходи за мной. Это опасно. Удачи. Ты хороший гонщик.

С этими словами он распахнул окно. Парень глазом моргнуть не успел, а Глеба уже след простыл.

Ивар колесил по улицам весь остаток ночи и все утро. Наконец, потеряв всякую надежду найти товарища, он повернул в сторону трассы. Миновав городскую свалку — пристанище всех местных нищих — голубой мотоцикл вырулил на пригорок. Трасса мертвым уродливым зигзагом раскроила пустырь и вонзилась в редкий перелесок. Северянин никогда не спешил с наведением порядка. Тренировки возобновятся не раньше, чем через неделю. Новый заезд, если он состоится, будет только в следующем месяце. А сейчас — россыпь пустых пластиковых бутылок, жестянок и оберточной бумаги, застывшие глыбы глины, оборванные канаты с жалкими остатками разноцветных флажков.

Ивар медленно проехал вдоль брусвера. Где-то здесь упал разбитый мотоцикл Раула. Следов не видно.

— Глеб! — во всю глотку крикнул Ивар. — Глеб!!

Собственно, на ответ он не рассчитывал. И всем телом вздрогнул, когда за спиной раздалось:

— Зачем ты поехал за мной?

Ивар так и не понял, где прятался товарищ, но встрече был несказанно рад.

— Глеб! Откуда ты взялся? Класно, что я тебя нашел!

Даже в помятом пыльном комбинезоне, юноша казался белым и сверкающим.

Он еще очень молод, — из сгустка путаных образов выплелась мысль. Глеб почувствовал, как накатывается тоска.

— Что ты от меня хочешь, Ивар?

— Давай дернем в бега вместе, а? Куда ты один пойдешь? Что ты знаешь?

Благородный романтик без страха и упрека, — ассоциация прописалась в уме строчкой из какой-то художественной книги.

— У тебя будут крупные неприятности, — с трудом сохраняя непроницаемую маску на лице, ответил Глеб. — Твой контракт у Северянина недавно вступил в силу. Ты имеешь определенные обязательства перед хозяином клуба. Это первое. Второе — за укрывательство индивида ты попадешь под действие статьи уголовного кодекса «кража личного имущества», а также нарушишь закон о запрещении использования продуктов генетических исследований в бытовых условиях.

— Да не верю я, что ты какой-то там робот. Ты мне лапшу вешаешь!

— Ты видел мою рану.

— Подумаешь! Может у тебя с внутренностями что-то наперекосяк. Я в журнале читал, честно! Такое бывает. «Мутация» называется.

Глеб понял, что упираться на логику бесполезно. Иных аргументов подобрать не удавалось, и Ивар расценил заминку как шаг к согласию.

— Я тебя по всему городу разыскивал, — начал он, слезая с седла. — Какой черт тебя сюда принес?

— Здесь меня не будут искать. Через несколько дней Северянин ослабит бдительность, тогда я уеду.

— На чем?

— Я нашел свой мотоцикл. Кое-что из него можно сделать.

Глеб направился к перелеску. Какими способами отговорить Ивара следовать за собой, он еще не решил, и втайне ото всех разумных суждений надеялся, что юноша останется с ним, невзирая на предстоящие проблемы.

Тревога впивилась в сознание вместе с далеким гулом.

— Слышишь? — Глеб замер и поднял руку, призывая к молчанию.

— Что?

Человек не мог уловить то, что уже распознал слух индивида.

— Звук моторов. Машина Северянина. Я узнаю ее.

— Они тебя выследили?

Глеб вздохнул. Вывод для него был очевиден.

— Боюсь, что они выследили тебя.

— Ё-ёрики... Обожди, давай так: затаись, а я вырулю к ним, чтобы...

Глеб оглянулся на свалку, на перелесок.

— Поздно.

Оба автомобиля — хозяина и его тупоголовых «секьюрити» — притормозили на пригорке и вдруг ринулись прямо к трассе.

Заметили. Надежды рассыпались в прах.

— Ивар, уходи.

— Нет! Они ничего мне не сделают!

— Уходи!

И опять поздно.

— Эй, вы оба! — гаркнул Северянин, высунувшись из-за дверцы своего авто. — Живо сюда!

— Уходи! — еще раз крикнул Глеб и побежал к деревьям.

Два «качка» выскочили из машины и вскинули автоматы.

— Что вы делаете! — не своим голосом заорал Ивар.

Короткие очереди разорвали покой безмятежного пустыря. Глеб споткнулся, но устоял на ногах.

— Нет! Не смейте!! — Ивар бросился наперерез линии огня.

Голос его вдруг сорвался тихим, удивленным вскриком. Глеб обернулся.

Белое и алое. И синее пустое небо. Руки раскинуты, как лебединые крылья. Белое наполняется алым. Алым... Алым...

«Секьюрити» растерянно опустили стволы. Вопил и долбил кулаком по крыше салона Северянин. Звуки и движения распластались за невидимой ватной стеной. Остался пустырь. И тело в жухлой, покрытой гарью траве. Минуту назад отважный юный взгляд рвался в безграничный океан будущего. Но рухнула гильотина коварного мгновения. И чистое белое лицо смотрит в мертвую даль, сжатую до величины абсолютного нуля.

Глеб пошатнулся. Из горла вырвался хрип. Рассудок утонул в буре чувств, тело на несколько мгновений потеряло контроль и осело, как тряпичная кукла. Сознание помутилось.

Нет! Я устою! — он вцепился руками в спекшийся под солнцем грунт. — Я дойду до горизонта, земля. Ради тебя, ради этого парня!

Глеб не понял, откуда пришли эти слова, и не знал, какая сила удержала его под шквальным огнем опомнившихся автоматов. Он оказался в седле голубого мотоцикла и вывернул полный газ...

Он упал на пустынной проселочной дороге, когда бак машины опустел. Долго лежал в пыли, не чувствуя ни боли, ни мыслей, ни вообще — чего-либо. Диагностика сбила. Аналитика бездействовала. Память смерти заняла каждую клетку стонущего тела.

Прошло несколько часов прежде, чем сознание протиснулось сквозь заслон пустоты, и похожие на бред обрывки фраз дотянулись до ума:

Они стреляли, потому что знали, кто я. А он кинулся под пули, чтобы их остановить... Из-за меня... Он другой. Он человек. Яркий, как солнце... Прости, Ивар...

Логический вывод не направил мысли в привычное русло, хотя бессмысленность обращения к мертвому была очевидна. Логический вывод молчал. Лишь внутренний контроль организма дал сигнал о нарушении двигательной функции ног, множественных инородных предметах в области левого плеча и серьезном повреждении правого легкого.

— Я встану. Я дойду, — шептал Глеб, отползая дальше и дальше от бесполезной машины.

«...Узнай, а есть предел — там, на краю земли? И — можно ли раздвинуть горизонты?...» Песня стучала в висках, будто память включила забытый аудиопроигрыватель. Горячий голос человека хлестал, взывал, толкал вперед и вперед.

«Ты стремишься к пределу бесконечности», — морщинистое лицо Антона появилось перед глазами.

«Я желаю тебе удачи», — Анна дружески протягивает руку.

Поляна неожиданно оборвалась, и Глеб кубарем скатился в канаву. В десятке метрах правее зияла черным провалом бетонная труба. Он из последних сил двинулся к укрытию. Упала тень. Он с трудом огляделся и понял, что лежит перед насыпным мостом, под которым когда-то тек ручей. Теперь один конец трубы был безнадежно завален, и, таким образом, беглец оказался возле своеобразной пещеры.

Он отполз как можно дальше от «входа» и замер.

Я встану. Я найду горизонт.

То была последняя мысль. Сознание отключилось.

Глава 4

Годы

— Филипп Алексеевич, расскажите нашим зрителям, как вам удалось создать столь эффективное лекарство?

— Я много работал.

— Большинство ваших коллег, в том числе из ведущих стран мира, утверждают, что болезнь Паркинсона неизлечима, — кругленькая репортерша опять сунула в лицо собеседника микрофон.

— Если бы я думал так же, как они, я бы никогда не достиг успеха, — он высокомерно поправил галстук.

— Филипп Алексеевич, наши зрители часто задают вопрос, использовали ли вы результаты международного проекта «Геном человека»? Можно ли считать ваше открытие первым удачным применением этого гигантского начинания прошлого века?

— Я физиолог, а не генетик. Основа моих исследований — изучение химических реакций в живой материи.

— Многие полагают, что вы опирались на знания, полученные от своего отца, профессора Жулавского.

— Старшего научного сотрудника Жулавского. Ничего общего с его деятельностью я не имел и не имею, — отрезал Филипп чуть резче, чем следовало перед камерой.

Репортерша не унималась:

— Сейчас, на взлете вашей карьеры, как бы вы прокомментировали достижения, которые приписывали профе... извините, господину Жулавскому?

Молодой ученый побагровел.

— Как полную чушь, о которой вопит «желтая пресса».

Кадр сменился.

— Вы смотрели интервью с доктором биологических наук, сотрудником корпорации «Панацея» Филиппом Алексеевичем Жулавским, — бойко сообщил диктор. — А теперь, новости культурной жизни...

Стас хмыкнул и, не нащупав на журнальном столике пульт, нехотя подошел к телевизору.

— Доктор биологических наук. И в такие молодые годы! Bravo! Слушай, Фил...

— Отвяжись... — Филипп лежал на диване, уткнувшись в спинку.

— Фил, с тебя причитается.

— Тебе вчерашнего мало? — донесся из подушек вялый ответ.

Спустя несколько секунд Филипп отшвырнул скомканный плед и вскочил.

— Мне надоели эти чертовы мыши, крысы и лягушки! Мне нужна настоящая работа! Моя работа!

— Говорю же: с тебя причитается, — Стас как ни в чем не бывало вернулся в свое кресло.

Опухшая физиономия новоиспеченного доктора вмиг прояснилась.

— То есть как?... Ты провернул? Уже?!

— Проект наш, дружище! — Стас потряс над головой ламинированной бумагой с внушительной «шапкой» и яркой печатью. — С понедельника ты — начальник лаборатории, а я твой заместитель!

— Тебе никто не говорил, что твоя квартира похожа на свинарник? — Стас осторожно перешагнул через ворох распечаток и батарею пустых пивных банок.

— Я запретил Азе убираться в моем кабинете, — ответил Филипп в микроскоп.

— Слушай, директор три дня подряд не находит тебя на работе. Я не могу долго прикрывать твою задницу!

— Поди сюда, — Филипп так и не обернулся к вошедшему. — Смотри.

Он отодвинулся от прибора. Стас озадаченно покосился на друга и заглянул в окуляр. В пробирке, закрепленной вместо предметного стекла, плавал черный камешек с едва различимой сеткой узора на нем.

— И что это такое?

— Будущее цивилизации! Суперчеловек, который пронесет знания человечества через века! И чихать мы хотели на все катастрофы!

От Филиппа разило перегаром за версту. Накануне Стас буквально вытащил его из компании в стельку пьяного типа, орущего на весь бар что-то на тему гибели Атлантиды и грядущего всемирного потопа. Шиза оказалась заразной, и Стас откровенно поморщился.

— Фил, слушай, своим поведением ты загубишь всё, что мы сделали. Тебя просто вышвырнут из института за прогулы!

— Это процессор, который отец вставлял в индивидов.

— Заливаешь...

— Дудки! — в нос Стаса уперлась внушительная костлявая «фига». — Вот. Перед тобой самый главный чип на земле! Это основа альтернативной жизни!

— Как он у тебя оказался?

— А он у меня уже шесть лет, — Филипп расплылся в хитрющей улыбке. — Я взял его у отца, когда мы поругались.

— И... и... ты знаешь, как он работает?

— Еще не совсем, — улыбка слезла с приплюснутой физиономии. — Но этой штуке отец уделял особое внимание. Помню, мать говорила, что так создается тайна. Теперь я уверен: в минерале закодирована ДНК! А вот каким образом — я обязан разобраться. Мне нужен опытный и надежный генетик. Достань хоть из-под земли и обещай золотые горы, нобелевскую премию и полмира в придачу.

— Генетик? Я тебе кто, экстрасенс? Как я заставлю директора ввести в лабораторию генетика? Да еще и после всех твоих выкрутасов!

— А ты не заставляй. Найми и все. Стас, ты же самый ловкий делопроизводитель, которых я встречал! Но про процессор — ни слова!

— А как же... — Стас подозрительно смотрел на таинственную деталь в стеклянной пробирке. — Я что-нибудь придумаю.

Филипп хохотнул и вернулся к микроскопу.

Чем глубже идея создания суперчеловека затягивала Филиппа Жулавского, тем чаще Стас задумывался о последствиях ее реализации. Мысль выйти из рискованного дела приходила, уходила, и возвращалась вновь. Новый проект лежал в папке вот уже неделю. Руководство было подготовлено, документы собраны, оставалось заручиться поддержкой определенных инстанций и представить пакет на совете директоров. Успех сулил неслыханные прибыли. Это вроде бы перетягивало чашу весов, но...

Стас расстегнул пиджак и поудобнее устроился на скамейке. По аллее прогуливались беспечные горожане, молодая мамаша с оскалом улыбки на уставшем лице катила коляску и уговаривала орущее чадо замолчать хотя бы на минуту, возле дерева парень смачно тискал румяную девчонку, скрюченный старик в обносках протащился мимо, громыхая по асфальту самодельной клюкой. Люди — респектабельные и нищие, откровенные и лукавые, сытые и голодные — жили своей естественной жизнью. Рождались, выросли и умирали, не задумываясь, что в пробирке можно вырастить козу или корову, внедриться в генотип и сделать из глупца — гения или из красавца — уродца. Им было глубоко плевать на спасение цивилизации посредством создания фантастического суперчеловека. Каждый, даже этот несчастный старик, у которого глаза засветились азартом при виде невыпотрошенной урны, был в чем-то «супер», в чем-то своем, личном.

Филипп размахивал руками и твердил о древнеегипетских жрецах, вручивших тайны разума звездным просторам. Проекция космоса в облике великих пирамид не помогла потомкам раскрыть загадочные знания предков. Но по его несокрушимому убеждению результат собственных гениальных трудов — жрецы технократической цивилизации — сохранив и приумножив все, созданное людьми, сотворят цветущие сады на опустошенной новым потоком планете. До результата было очень далеко, однако сие обстоятельство доктора Жулавского не волновало. Как не волновало и то, в какой социальной среде вырастут будущие вершители человеческих судеб.

Стас мысленно представил себя на месте идеального существа, попавшего в бранный мир, задыхающийся под тяжестью миллиардов разрозненных элементов. Страна как лоскутное одеяло под ногами осыпанных изобилием самодовольных магнатов. Истерзанная безжалостными технологиями земля. История — послушная кукла в руках власть имущих. Души и умы, заточенные в панцири, подобно моллюскам на океанском дне. И всюду, невзирая на политические и территориальные границы, маски, маски, маски, а под ними — холодная неподвижная пустота.

Мрачная картина действительности, неожиданно нарисованная кистью фантазии, расшевелила вроде бы прижившуюся в голове занозу. Бросить всё дело и оставить дерзкого гения наедине с утопическими идеями? Стас повертел в руках пухлую папку. Копия ее давно лежала в жадной утробе штаб-квартиры Службы Безопасности. Филипп, мнящий себя свободным ученым, этого бы не одобрил. Но иначе проект обречен на мусорную корзину. Одна половина Стаса с облегчением сказала бы — туда ему и дорога. Другая жаждала триумфа отважных изысканий доктора Жулавского.

Стас поднялся. Здание офиса свысока смотрело на город слепыми тонированными окнами. Вспомнит ли когда-то сияющее будущее о том, что зеленый свет ему открыло сумрачное, изгрызенное сомнениями настоящее?

Каблуки начищенных ботинок мерно отбивали ритм по асфальтовой дорожке. Надменная бетонная машина наступала на человека. Покачивалась в такт шагам кожаная папка, сжатая вспотевшей рукой. Зашипели автоматические двери. Порог. Прохлада услужливых кондиционеров обволокла тело. Стас подавил в себе позыв оглянуться. Мраморная лестница звала вперед и вверх...

Женщина согласно прикрыла черные раскосые глаза и осторожно встала из кресла. Большой непропорциональный живот доставлял ей неудобства.

— Слушай, по-моему, ей лучше не ехать с нами на базу, — Стас тревожно оглянулся на закрывшуюся дверь.

— Ерунда. Проскочим. И вообще, не оставлять же ее тут. Черт его знает, что у нас получится, — Филипп оторвался от терминала.

— Она неважно выглядит. Ты в клинике ее показывал?

— После того, что мы сделали? Очумел? Это моя формула ДНК! Это я нашел разгадку отцовского чипа! Даже наш генетик не знает деталей. А ты мне предлагаешь выдать результаты каким-то бестолочам из института? Когда она родит, я представлю обществу суперчеловека!

Стас тяжело вздохнул. Филипп зашел очень далеко, даже не осознавая, что нарушает не только закон, но и все нравственные нормы. Составляя отчеты для заинтересованных лиц, обеспечивших продвижение проекта, Стас всякий раз с дрожью в руках подбирал слова и выражения. Впрочем, этическая сторона проблемы патронов не интересовала, как он быстро убедился.

Когда Аза согласилась зачать от Филиппа ребенка и позволила испробовать на зародыше экспериментальный генотип, Стасу показалось, что мир кусками сыпается в бездну. Он уехал из столицы и неделю не давал о себе знать, хотя доктор Жулавский обрывал все известные телефоны. Но буря противоречивых чувств улеглась, и он вернулся, осознав, что сбежать от собственной совести не сможет никогда. Камень прочно застрял в сердце, и слабенькую надежду на лучшие дни подогревала единственная мысль: кто-то должен быть рядом, когда родится человек. Ни Аза, ни Филипп, ни тем более циничный генетик Генрих Васильевич не способны отдать изуродованному существу теплоту души. Он решил принести в жертву себя и тем самым частично искупить вину перед рожденным «суперменом», поскольку его роль в бесчеловечном проекте была отнюдь не последней.

Выдержав паузу, Стас сообщил:

— Группа на месте. Там все готово.

— Отлично, — спокойно кивнул Филипп, задумался и вдруг крутанулся на стуле, как на детской карусели. — А ведь вышло все-таки! Эй, скажи, скажи честно: как тебе это удалось?

— Не бери в голову. Мне повезло, меня выслушали.

— Ну, нет! Так слишком просто!

— Хорошо, хорошо. У меня завелись полезные связи. Доволен?

— Вполне. Ты — магистр деловых контактов! Твой вклад в создание суперчеловека история оценит, клянусь ястребоголовым Гором!

Стас возблагодарил этого самого «ястребоголового Гора» за то, что новых вопросов не последовало. В конце концов, зачем Филиппу знать, кто и каким образом финансировал реконструкцию обветшавшего военного объекта? Филипп получил личную лабораторию, пятьдесят штатных сотрудников и полную свободу действий. Чем черт не шутит, возможно, его приятель-математик прав, и погрязшую в безнравственности цивилизацию в ближайшее время ожидают неслыханные катаклизмы. Тогда гений доктора Жулавского и его будущих жрецов окажется весьма кстати.

Шаткий компромисс несколько не успокоил. Стас отвернулся. За окном виднелась стройплощадка, где неутомимая инженерная мысль руками послушных рабочих возносила над землей новый небоскреб. Вершина рвалась в облака, а где-то внизу остались трехэтажные строения с романтической лепкой на старинных фасадах. На память пришел кадр из какого-то западного видеofilmа: землетрясение превращает в прах шикарный город — не то Нью-Йорк, не то Лос-Анджелес. «Вот так и получится, — он поймал себя на некоторой доле злорадства. — Эта вершина цивилизации рухнет в две секунды, а те старички будут беспомощно стоять на руинах технического прогресса. Вот вам и жрецы знаний: ни старого не помним, ни о будущем не заботимся. Лишь бы куда-то вверх».

Трижды золотое покрывало обнимало землю. Трижды приходили снега. Трижды звенела капель, и тело ласкали весенние ручьи.

Довольно. Настала пора идти.

Куда? Зачем?

Искать горизонт.

Я не живу.

Ты просто спишь. Поднимайся, тебя зовут...

Оцепенение медленно уползло прочь. Мысли выбрались из забвения и поплыли без цели и смысла. Запах юной травы и другой — неестественный и грубый — пробилась в ноздри, и аналитический модуль вяло принял данные.

Он оборвал анализ, осознав, что отвратительный дух источает его же тело, покрытое отмершей желеобразной массой свернувшейся крови. В памяти возникло белое и алое. И острое чувство невозполнимой потери.

Настала пора идти.

Глеб мучительным усилием разлепил веки. Полутьма. Он лежал в позе эмбриона в протухшей луже, оставшейся от весеннего паводка. Свет сочился в узкую щель, бывшую когда-то жерлом бетонной трубы. Еще год или два, и оплывшая с дороги глина навеки закрыла бы рукотворный грот.

Сознанием завладел беспричинный страх. Едва передвигая члены, путаясь в собственных движениях, Глеб пополз наружу. Прочь отсюда. Прочь из одинокой капсулы! Он рвался на свет.

Впадая в анабиотическое состояние, вызванное многочисленными ранениями, индивид не успел установить биологический таймер. Тело зажило достаточно быстро, но сознание пребывало в бездействии неопределенное время. Сколько месяцев минуло? Или лет? Аналитический процесс с натугой обработал доступные данные и выдал приблизительный результат: два — два с половиной года.

Ивар. В области сердца скопилась неподдающаяся диагностике тяжесть. Тогда была ранняя осень. Теперь... Он с трудом сфокусировал взгляд. Солнце гордо сияло в небе, а юный зеленый луг пестрел желтыми головками одуванчиков.

— Здравствуй.

Глеб приподнялся на локте.

— Здравствуй, — еле слышно ответил он девочке в синем простеньком платице.

— Возьми, — подросток протянула ему свежий букет.

Он удивленно, а потому почти автоматически, поднял руку и онемевшими пальцами сжал мягкие стебельки.

— Как тебя зовут? — девочка склонила голову на бок, внимательно разглядывая лежащего.

— Глеб.

Она задумалась.

— Правильно. Ты Глеб. Ты каменный. Но у тебя внутри живет цветок.

Глеб нашел в себе силы принять сидячее положение и активизировал визуальную диагностику среды. Анализ не срабатывал.

— Не думай. Просто смотри! — девочка улыбнулась. Рот у нее был большой и нескладный.

Он тоже улыбнулся. Без обозначенной рассудком причины.

— Ты откуда? — сорвался с губ вопрос.

— Отсюда, — она взмахнула руками. — Я тебя искала. Я нашла твой цветок, — и побежала по лугу, кружась в неуклюжем танце. — Я нашла цветок!

Глеб не заметил, как поднялся на ноги.

Наивность? Детская непосредственность? Нет, скорее слабоумие, — ему не удалось вспомнить соответствующий медицинский термин. Вернее — он не пожелал вспоминать. Он любовался первородной простотой.

— А меня зовут Тамара! — сообщила девочка, остановившись перед новым знакомым. — Пойдем?

— Куда?

— Домой.

— А где твой дом?

Она растерянно завертела головой.

— Не знаю. Пойдем искать, Глеб. Пойдем!

Он осмотрел ее с ног до головы. Хрупкая, тоненькая, беззащитная, девочка стояла перед ним с надеждой в ярко-синих огромных глазах. Стояла одна, босиком, в легком не по сезону платьице. И ждала ответа.

— Пойдем, — произнес он тихо и взял ее за руку.

Они шли по майскому лугу — бывший мотогощик в потрескавшемся от морозов рваном комбинезоне, и подросток лет двенадцати с россыпью веснушек на курносом носу и двумя тощими темно-русыми косичками. Они не задумывались, куда приведет начавшаяся дорога, их не пугал заросший кустарником бор, вырастающий впереди, не беспокоила река без моста и брода. Она искала дом, он — горизонт.

«Тропинку к избе ясновидицы мне в поселке показали сразу же.

— Только вот лучше вам туда не ходить, — предупредила меня пожилая женщина. — Мария предскажет вам судьбу, и если у вас не хватит мужества отречься от того, что вам покажется плохим в ее предсказании, все беды, о которых вы услышите, случатся на самом деле.

И вот я уже подхожу к хутору. Заскрипела старая калитка.

Мария (будем называть ее так, чтобы не смущать нашу героиню) встречала меня на пороге.

— Я знаю, зачем ты пришла, девушка, — сказала она. — Ты хочешь проверить, правда ли то, что обо мне рассказывают люди».

Игорь оторвался от распечатки, затянулся и нахмурился.

— Анюта, ты это уже показывала редактору?

— Да! Он обязательно возьмет, только просил немного подработать текст.

— Немного подработать... Хм. Тут конь не валялся!

— Почему? Что по-твоему не так? — Анна приготовилась атаковать.

Журналист еще раз просмотрел заметку.

— Начнем с того, что стиль не отличается от среднего школьного сочинения.

— Вот еще!

— Анюта, если ты хочешь стать настоящим журналистом, тебе надо хотя бы... подчеркиваю, хотя бы послушать, что говорят опытные люди.

— Ну, давай, приступай.

— Оставим пока в покое композицию. Рассмотрим стиль. Реплика эпизодического персонажа сложна настолько, что я сам трижды ее перечитал, прежде чем понял смысл. Ее можно дать абзацем от третьего лица.

— Публика любит живое изложение!

— Не перебивай, хорошо?

Анна фыркнула и потянулась за зажигалкой.

— Следующая фраза: «подхожу» и «заскрипела», — продолжал Игорь. — Два глагола в разных временах описывают одно сюжетное событие. Так нельзя. И лирика с калиткой, кстати,

совершенно лишняя. Основную тему своей статьи ты пытаешься дать в речи персонажа. Это допустимо, когда ты пишешь рассказ, а не...

— Короче, всё плохо.

— Не совсем всё. Тема вполне интересная, и в разделе... как там его...

— «Чудеса рядом с нами», — подсказала Анна сквозь зубы: мешала сигарета.

— Вот-вот. «Чудеса». Для этой колонки сгодится. Кстати, что она на самом деле предсказывала-то?

— Конец света. Редактор сказал, что такую муть уже никто не читает.

— А зачем ты к ней поперлась? — откровенно удивился Игорь.

— Она представляет «конец света» как очередной потоп в результате кувырка Земли через голову.

— Ого!

— Ну, она считает, что через несколько десятков лет планета начнет крутиться наоборот, — Анна для убедительности повертела в воздухе пальцем.

— Отличная тема! Покопайся в ней, сошлись на научное толкование. Выйдет отличная заметка!

— Да ну ее! Я в математике не шарю. Эта шизичка мне три тетради каких-то формул показала. Мне что, еще и в ее расчетах разбираться?!

— А как, ты думаешь, мы работаем? — усмехнулся журналист. — Я, например?

— У тебя политика! Там особо соображать не надо.

— Дуреха ты... Так и быть. Пошли делать текст.

— К тебе? — Анна просветлела.

— Обещаю кофе и круассаны.

Девушка с готовностью вскочила. Игорь неторопливо расплатился с официанткой, снял со спинки стула пиджак и деловито направился к выходу из кафе. Он чувствовал, как пожирает его взглядом молодая журналистка. Коллеги посмеивались — заарканила! Пусть бы и так. Анна давно ему приглянулась: упрямая, независимая, настырная! С ней позаниматься, толк будет. Он с удовольствием принял на себя роль старшего, наставника.

Глава 5

Дорога

Небо хмурилось. Игривая поземка уже не искрилась веселыми солнечными бликами и грозила превратиться в настоящую пургу. На дороге по-прежнему — ни души. Следы шин запорошило снегом несколько часов назад. Слева и справа шевелились во сне замерзшие ели.

Лучше бы мы жили в городе до весны, — Глеб поднял воротник куртки и поглубже надвинул на лоб старую вязаную шапку. — Худо-бедно, а комната была, и хозяйка против нас ничего не имела. Наверное, я никогда не научусь понимать эту девчушку.

Тамара, топавшая впереди, опять забормотала себе под нос. Глеб прислушался.

— На окошке свечка,

За стеною печка.

Кошка умывается.

Огонек качается.

Снег летает пёрышком

Над родимым гнездышком.

Рифмовки получались у нее в самых неожиданных ситуациях. Глеб одно время пробовал записывать стишки для последующего анализа, но быстро бросил это бесполезное занятие. Да и

анализ как таковой незаметно ушел из рассудка. Мозг работал иначе. Проще, как ему теперь казалось.

— Тома, кушать хочешь? — окликнул девочку Глеб.

— Хочу, — она остановилась и потерла варежкой нос. — У-у. Холодно!

Он достал из-за пазухи припасенный бутерброд. В придорожном кафе, куда они заходили утром, сие блюдо значилось как «сэндвич».

— Боюсь, кнопка, нам придется ночевать в лесу, — парень безнадежно посмотрел на пустое шоссе.

— Ну и что? — с набитым ртом в детской мохнатой шапке с «ушами» Тамара выглядела потешно.

Мне-то ничего, — с горечью подумал Глеб, — а вот тебе, малыш, надо спать в теплой постели, как нормальному ребенку.

— Я не маленькая, — вдруг откликнулась Тамара.

Он частенько замечал, что девочка будто читает его мысли. На вопрос, как это у нее получается, Тома искренне изумлялась и передергивала плечами. «Я на тебя смотрю», — звучал неизменный ответ.

Из пурги медленно выплыл «верстовой» столб с меткой. Цифра спряталась под снежным козырьком, и Глеб не потрудился ее рассмотреть. Все равно точка отчета была давным-давно потеряна. Сколько таких столбов осталось позади? Они пронеслись за окнами электричек и немногочисленных попутков, терялись в городах и поселках, и глумливо подмигивали издали так усталым шагам. Второй год бесплодных странствий подходил к концу. Время вело путников по дорогам земли, а следом за ними неотступно двигалась бескомпромиссная память. И лишь она одна имела право возвращаться назад...

...Лесная тропа.

— Тамара, как выглядел твой дом? — кажется, это была сотая попытка получить информацию.

— Он огромный и дивный! Там хорошо.

Такая интерпретация «дома» в ее устах звучала впервые. Индивид насторожился.

Термин «диво» использовал Антон в наборе данных, относящихся к Ольге Жулавской, — поступил в распоряжение аналитики сохраненный факт.

— Глеб, зачем ты думаешь? — девчачий голосок обиженно дрогнул. — Ты сказал, ты не будешь так думать.

— Я хочу помочь тебе найти дом, Тамара. Ты помнишь деревню, где мы ночевали вчера?

— Ага.

Отсутствие интереса к разговору компенсировалось внимательным изучением позолоченных солнцем верхушек берез.

— Твой дом похож на дома в деревне?

— Не, в деревне — жилища. А дом — это дом! Понимаешь?

Надежда затаилась на дне больших невинных глаз.

— Не понимаю. Но ты не бойся, — он задержал в руках ее ладошку. — Я тебе просто верю.

...Улицы изо дня в день гудели однообразием. В восемь утра — начало работы, в шесть вечера — конец. «До» и «после» вроде бы не существовало вовсе. Через месяц Глеб начал чувствовать, как организм, будто шестеренка гигантской машины, вливается в чеканный ритм города. Он смотрел на Тамару, и необъяснимая, нереальная боль вонзалась в сердце. Взгляд девочки потух, стерся со щек живой румянец, реже и реже звучали простенькие стишки. Она часами сидела на ящиках возле вокзального склада, куда устроился грузчиком Глеб, и лишь изредка принималась беседовать с жирными голубям, промышлявшими на платформе. Вечно

пьяненький слесарь из доков тыкал в ее сторону обрубком указательного пальца и поучал: «Отвези ее в лечебницу! Там ее накормят микстурами, может поумнеет. Девка-то хороша! А головкой, глянь, не вышла». Подобные советы Глеб игнорировал.

Странная пара. Так считали многие люди, с которыми приходилось общаться. Одни отворачивались, предполагая нечто паскудное в их отношениях. Глеб это замечал без специальных логических изысканий. Другие, напротив, сочувствовали. Поначалу он решил, что доброту и понимание проявляют лишь те, кто сам волею судьбы оказался по другую сторону от уважаемых машин, богатых квартир и изысканных одежд. Однако несколько случайных встреч опровергли его выводы.

Шикарная пожилая дама в парке позволила Томе поиграть с ее собачкой.

— Дочка? — с некоторым сомнением спросила она Глеба, наблюдая, как развеселившаяся девочка гоняется по сугробам за не менее радостным песиком.

— Сестра, — ответил парень.

Он не испытывал неудобства от этой лжи. Тамара действительно стала ему сестрой, пусть не по крови, как принято у людей. Она была его «парой» в незыблемой системе «человек — человек».

— Какой вы счастливый, — вздохнула дама.

Глеб вскинул взгляд. Собеседница думала о своем, и он понял вдруг, что женщина с дорогими серьгами в ушах, одетая в меховую шубу из натурального меха, страдает от одиночества. Имея все мыслимые блага, ублажая ими свое «я», она оставалась несчастной, не ведая очевидного для человека чувства — любви к ближнему своему.

...Шоссе. Жаркое марево качалось над асфальтом, солнце безжалостно иссушало землю, и воздух кипел духотой и выхлопными газами пронесшихся мимо машин. Расплавленные думы ползали в уме и вяло стекали по стене нерешенного вопроса: чем система «человек — человек» отличается от системы «я есть человек»? И та и другая являются замкнутыми. Но на земле, тем не менее, существует развитое общество. Где, в таком случае, кончается «человек» и начинается «люди»?

Мы идем вдвоем, прочно влившись друг в друга мыслями и чувствами. Я смотрю на Тому, а она смотрит в меня, и ее проникновение гораздо глубже. Но мы, как система, не влияем на других, и другие почти не влияют на нас. Единственное объединяющее звено — земля. Люди в разной степени ощущают в себе ее силы. Существует ли система «человек — земля»?

Размышления были прерваны тонким голоском Тамары. Уставившись себе под ноги, она неожиданно выдала стишок:

— Впереди гудит машина,
Много от машины дыма.
Убегай, сороконожка.
Грузовик забрал дорожку.
Он на землю не глядит,
Но земля его простит.

Она остановилась, поднялась на цыпочки, нахлобучила на голову Глеба помятую кепку и серьезно распорядилась.

— Не снимай. Дядя Боря говорит, солнышко может больно ударить. Я не хочу, чтобы тебе было больно.

Парень ласково потрепал девочку по цветастой панамке.

— Спасибо, кнопка.

Она удовлетворенно подняла курносый нос и гордо зашагала дальше.

Воспоминания о дяде Боре появились у нее неделю назад. Глеб выяснил, что «дядя Боря живет в доме» и «у него есть корова и пять кошек». Ничего другого вытянуть из Тома не удалось.

Философия окончательно улетучилась.

Что же, будем искать дядю Борю с коровой и пятью кошками, которых за год, кстати, могло стать значительно больше, — усмехнулся Глеб, возвращаясь к насущной проблеме. — Придется прочесать все деревни в радиусе пятисот километров.

Он тоскливо окинул взглядом поля и леса, прорезанные серой лентой шоссе. Шутка явно не удалась. Но никаких рациональных методов для поиска потерянного дома у него не было. Впрочем, как и для поиска призрачного горизонта.

...Засыпанная снегом тропинка петляла между сугробами и упиралась в подъезд двухэтажного кирпичного домишки. Глеб попробовал на прочность косяк. Хорошо приладил. Перед новогодними праздниками, когда стужа завернула не на шутку, он принес из мастерской старые доски и подлатал дверь. Хозяйка была настолько шокирована, что попыталась всучить постояльцу деньги. Парень наотрез отказался. После чего событие обсуждалось с каждой соседкой по несколько раз целую неделю.

Горячий ужин ждал на столе. Глеб уже не удивлялся: Тамара безошибочно знала, в какой час он вернется домой, хотя график теперешней его работы считался «скользящим». Уговорить Тому сидеть целыми днями в комнате было нелегко, но после злополучной истории в гараже шесть дней назад, Глеб не рисковал брать сестренку с собой.

Ярость, с которой он обрушился на шофера, зажавшего перепуганную девочку в углу, не имела ничего общего со случаем пятилетней давности. Насилие над слабым и дорогим существом вызвало приступ благородной ненависти. Мастер — владелец автомастерской, и молодой техник с трудом оттащили приятеля от его жертвы и пинками выставили дальнобойщика вон. Впервые в жизни Глеб увидел в действии людскую солидарность. На несколько минут он стал частью команды, и сцена эта во всех деталях прочно врезалась в память.

Довольно. Настала пора идти.

Куда? Зачем?

Искать горизонт...

Глеб вздрогнул и проснулся. Невнятный образ чего-то яркого и теплого растаял вместе со сном, как когда-то в жерле полузасыпанной трубы. Остался лишь бешеный стук сердца.

— Тома? — он оторвал голову от подушки. — Ты сказала что-то?

Девочка сидела на своей кровати, завернувшись в одеяло.

— Нет. Никто не говорил. Только твой цветок говорил.

— Ты о чем, Тома? — испугался Глеб.

— Я хочу туда, где твой горизонт, — заявила девочка.

— Томочка, когда начнется весна, мы отправимся искать твой дом. Мы так решили, помнишь?

— Нет. Мне здесь не нравится. А твоему цветку тесно. Он хочет родиться. Пойдем искать твой горизонт. Давай пойдем сейчас. Ты сказал, ты мне веришь. Веришь?

— Верю, — прошептал он.

Когда Глеб сообщил хозяйке квартиры, что оба уезжают, женщина устроила ему поистине материнскую выволочку. Мол, зачем девочку за собой тащишь! Езжай на свои заработки, а она пусть тут; пригляжу, обласкаю, как родную. Тамара, выслушав это вполне разумное предложение, разревелась в три ручья и вцепилась в брата. Никакие уговоры владелицы дома не помогли...

Воспоминания медленно протекали в уме, когда сквозь завывание февральского ветра до слуха добрался рокот мотора.

— Тома, смотри, машина!

Грузовик затормозил, проскочив вперед на десяток метров. Глеб ускорил шаг.

— До поселка подбросите? — он заглянул в кабину.

— Залазьте... Эва, какая кукла!

Водитель отечески посмотрел на замерзшую Тамару и покачал головой.

— Куда вас несет в такую погоду?

— Домой! — не задумываясь, объявила Тома.

Молчание висело в кабине довольно долго. Девочка задремала, пристроившись на коленях у Глеба. Он сидел прямо, но голова то и дело клонилась на грудь.

— Вы в какой поселок шли-то? — вдруг спросил водитель. — Тут поблизости только лесничество да пара деревень.

Глеб повернул голову и вздрогнул. Новое чувство, не похожее на все необъясненные, но привычные: пожилой человек как бы излучал тепло.

— Правду сказать, не знаю, — тихо ответил Глеб. — Она ищет свой дом. Или говорит, что ищет. Она странная немного.

— А ты сам?

— Я тоже, наверное, странный.

Машина затормозила. В первый момент парень струхнул: не решил ли шофер высадить сомнительных попутчиков. Но тут же одернул себя: нет — человек с «теплом» не мог так поступить.

— Спит? — шепотом спросил водитель. Глеб кивнул. — Дай-ка на нее посмотрю. Кажется, я знаю, где ее дом.

У Глеба екнуло внутри. Неужели подошла к концу их общая дорога? Он бережно отодвинул со лба спящей шапочку.

— Точно! Ее Тамара звать?

— Да, — парень услышал, как дрогнул голос. Все завершается. По спине потек страх.

— Слава богу, цела малышка! — пожилой шофер шумно вздохнул и передернул рычаг скоростей. Мотор запыхтел, машина покатила дальше. — Она пришла к нам в Белково совсем крохой. Ума не приложу, кто ее такую бросил. Прижилась. Сначала у бабки Владлены, потом я ее забрал. Старуха-то померла, да так неожиданно. Хотя в ее годы! Представляешь, ей было что-то около девяноста, а то и больше. Говорила, что в начале второй мировой родилась. Да-а... А Томочку мы любили. Когда она пропала вдруг, вся деревня с ног сбилась, искавши. Чего только не думали!

— Когда это случилось? — Глеб подался вперед.

— Два года назад, как оттепели начались... Смотрю, она подросла. И похорошела! Говорил жене, вырастет гадкий утенок в лебедя! Я ее сразу и не узнал-то. Ты где ее подобрал?

— Это долгая история.

— Ха, у нас времени полно, парень. Меня Борисом Сергеевичем зовут. А фамилия — Потемкин. Старая такая вот фамилия! — он усмехнулся своим мыслям. — Отсюда до Белково по такой метели будем часа четыре километры мотать. Валяй, рассказывай!

И Глеб рассказал всё от начала до конца. Он был уверен, что Борис Сергеевич поймет. Уверенность родилась из того нового «виденья», которое он назвал про себя «теплом»...

— Да-а, ну и история, — буркнул пожилой человек. — Ты вот что, парень. Про эту свою «альтернативу» лучше забудь. Не важно, как ты родился: из пробирки, из капсулы или из черт знает чего. Важно, кем ты в жизни стал. Вон, жена родила мерзавца моего по всем правилам, а вырос — оболтус без царя в голове. За сытным куском погнался и сгинул, как перекасти-поле, где-то за границей. Ни родства, ни земли своей не знает... А что Томочка тебе про цветок говорила?

Глеб повторил фразу, произнесенную девочкой на лугу, и добавил:

— Я два года голову ломаю над ее высказываниями. Как вы думаете, что она понимает под «цветком»?

— А кто ж ее разберет! — Борис Сергеевич поерзал на сидении, разминая затекшее тело. — Мне она тоже однажды что-то похожее выложила. Понимаешь, парень, она видит людей как-то по-особому.

— Я заметил. Один человек сказал мне, что у нее «дар от бога». Я после этого Библию изучать стал, — Глеб усмехнулся. — А Тамара даже рассердилась.

— Ага, знакомая картина, — понимающе закивал Борис Сергеевич. — Семенова у нас в Белкове живет — баба набожная, сам увидишь. Так у нее в горнице даже икона висит. Томочка ее на дух не переносит.

— Семенову?

— Да нет! Икону! Всё твердила одно и то же: люди бога в небе высматривают, а земля, мол, страдает. Я с ней беседовать на эту тему пытался, а она губки надует и молчит.

Тамара зашевелилась.

— Дядя Боря?

— Привет, кроха. Проснулась? — он одной рукой погладил девочку по голове. — Скоро дома будем. Вот уже мосток твой любимый проехали. Уже, считай, дома.

— Ага, — сонно кивнула Тамара, обняла руку Глеба и опять уткнулась ему в колени.

Борис Сергеевич тихонько засмеялся.

— Во, парень, видал? Теперь ты ей вместо дома родного. Чует мое сердце, ты без нее отныне шагу не сделаешь. Пойдет следом, как ниточка за иголкой!

От этих слов Глеб почувствовал странное облегчение. Дорога не заканчивалась. Горизонт был далеко впереди.

Филипп медленно шел по пустым коридорам. За стеклянными стенами сновали люди в белых халатах. Лиц он не узнавал. Команда сменилась месяц назад, и из предыдущего состава лаборатории остались единицы. Ничто не могло заставить людей продлить контракт еще на год — ни денежные премии, ни обещание всемирной известности, ни отважная научная мысль руководителя. После дружного отъезда первой группы доктор Жулавский выплеснул злость и негодование на своего помощника. Стас вынужден был целый час выслушивать лавину упреков и обвинений в бестолковом подборе людей. Теперь место гнева заняло высокомерное безразличие: жалкие, никчемные дележки, не способные понять его безграничную преданность науке. Пусть убираются. Инструкции и отчеты составлены вполне сносно, за неделю даже дурак поймет, что требуется от него на рабочем месте.

Доктор Жулавский остановился перед глухой стеной.

Тупик. Он впервые ощутил полное поражение, когда из лона измученной родами женщины хирург извлек нечто, на глазах превратившееся в клубок биологической массы. В какой момент произошла фатальная ошибка, никто сказать не мог. Ни один аппарат не показывал отклонений в развитии зародыша на протяжении девяти стандартных месяцев. О дееспособности рожденного организма не было и речи. Филипп распорядился — в утилизатор. Генное творение подергивалось в кювете, когда Аза неожиданно пришла в себя. Вид уродца не вызвал на ее лице никаких эмоций. «Я похороню его по обряду моих отцов», — прошептала женщина. Филипп отступил: мол, дело твое. И ассистент врача без содрогания убрал посудину с плодом в холодильник до полного выздоровления несостоявшейся матери. Стас молча ушел из медицинского блока. Охваченный яростью на весь белый свет, Филипп не мог заметить отчаянья и презрения на выбеленном лице помощника. Он бесился от бессилия, как запертый в клетке зверь.

Второй удар нанес ему надменный Генрих Васильевич. Через несколько дней он явился в кабинет Филиппа и представил модель, по его словам — «исключительно дееспособную». И добавил: «Если бы вы, уважаемый Филипп Алексеевич, ввели меня в курс дела досконально, мы бы с вами исправили неточности в вашем коде и из ребенка можно было бы что-то получить». Только присутствие Стаса остановило доктора Жулавского от выплеска жгучего желания раскрыть почтенному ученому плешивую голову. Стасу потребовалось вся его дипломатия, чтобы уладить конфликт между руководителем и главным генетиком. Филипп, в конце концов,

успокоился, и модель была тщательно проанализирована. Направление исследований приняло более конкретный и материальный характер...

Стас был немало удивлен, когда по системе специальной связи — другая на базе отсутствовала — его вызвали в офис и сообщили, что руководство готово предоставить для экспериментов «особый» материал. Как и откуда — первый помощник выяснить не смог, но Филиппа это не беспокоило. Партия из пяти человеческих эмбрионов подверглась сложной генетической корректировке. Результат окрестили Продуктами. В высоком кабинете выразили удовлетворение деятельностью секретной лаборатории, однако намекнули, что неплохо бы Филиппу Жулавскому продвинуться в решении его непосредственной задачи. И Стас покинул офис в мрачном расположении духа...

Кодовые замки, замки, замки. Все надежно охраняется, всюду сигнализация, сложнейшие пароли, хитрая система иерархического доступа. А он, доктор Жулавский, во главе этой иерархии. Для него открыты все двери. Кроме одной — в творческую лабораторию отца.

Стас добыл все материалы, которыми располагало следствие. Тетради, диски, даже черновики Алексея Жулавского, результаты бесчисленных экспертиз, видеозаписи вскрытия отдельных экземпляров «биологических роботов», целые тома бесплодных исследований — все лежало теперь на столе Филиппа. Но дверь не открывалась.

Отец будто бы издевался над ним. Вода, графит, фосфор, кальций, пропорции и чертежи «саркофагов». И ни единого намека на ДНК. Ни слова о белковых соединениях.

«Он успел уничтожить самое главное, — Филипп чувствовал, как злость колючим комом собирается внутри. — Глупый старик!»

В копии описи, сделанной при обыске в доме, значилось, что обнаружено подвальное помещение, где находились две глиняные капсулы, в одной из которых хранился незавершенный экземпляр существа. При вскрытии контейнера горе-ищейки выпустили наружу какую-то жидкость. Анализ показал — вода. Все, что отличало ее от обычной водопроводной, это первозданная родниковая чистота. Филипп посылал запросы в разные институты. Всего две недели назад пришел первый вразумительный ответ: геологи назвали приблизительное нахождение и глубину природного источника. Доктор Жулавский в порыве ярости вышвырнул распечатку. Однако, поразмыслив, полез в мусорную корзину. Ключ вроде бы заскрипел в замке. Указанное место совпадало с тем, где, по мнению тех же геологов, имелось месторождение минерала, ставшего основой таинственного чипа. А вода полностью соответствовала жидкости, наполнявшей герметичную пробирку с черным камешком, испещренным загадочным узором.

Филипп сунул руку в карман, нащупал драгоценный образец и вытащил на свет. Невооруженным глазом рисунок едва просматривался, но под микроскопом тонкая цепь хаотичных линий превращалась в сложный орнамент, выгравированный в плотной горной породе. То была не карта ДНК, не программа, не шифр, как решил доктор Жулавский поначалу. Результат эксперимента с ребенком убедительно доказал ошибочность его выводов. Колодец фантазий опустел. Он силился выдавить из мозга какое-нибудь предположение...

Решение пропечаталось в уме в одно мгновение. Филипп развернулся и бегом бросился в кабинет. Секретарша Катенька испуганно вскочила навстречу.

— Стаса ко мне. Живо!

— Хорошо, Филипп Але...

— Живо, я сказал!

Стас еще в студенческие годы привык к непредсказуемым выходкам друга, и буря эмоций в кабинете его ничуть не смутила.

— Слушай, давай еще раз и по порядку, — он без риска для жизни оборвал скачущего по помещению Филиппа на полуслове.

— Я повторю действия отца! Полностью, досконально повторю, и посмотрю, что получится.

— Ты хочешь использовать чип вслепую?

— Да!

— Это на тебя не похоже, Фил. Слушай, давай не будем кидаться головой в омут. Вспомни, что вышло с твоим... — он едва не брякнул «сыном», но вовремя одумался, — мальчишкой. По-моему, Аза тебе этого не простит.

— Плевать на нее. В конце концов, она сама согласилась, — Филипп отмахнулся. — С чипом терять нечего. Я его скопировал. Мне нужны компоненты для капсулы. Я сам сделаю саркофаг! И из него возродится новый Осирис!

— Подожди ты со своим Осирисом. Ты знаешь, куда всунуть камушек? Если мне не изменяет память, следов такой штуки никто не нашел.

— Плохо искали, — огрызнулся Филипп, усаживаясь в кресло.

— А что мы будем делать с родившимся индивидом? Это же не ребенок, а взрослый разумный человек! Древнеегипетские сказки ему не помогут. Ты подумал, что его ожидает? Кем он станет среди нас?

— Заткнись! Мне во где твое нытье! — доктор Жулавский с чувством чиркнул ребром ладони по горлу. — Ты в науке — ноль. А знаешь почему? Потому что наука любит смелых! Иди и занимайся своим делом. Мне нужно сырье для капсулы. Всё.

Стас в три шага пересек кабинет и рванул ручку двери. Филипп сверлил взглядом его спину.

— Хочешь совет? — внезапно обернулся Стас.

— Какой? — доктор Жулавский вздрогнул.

— Соблюдай стерильность.

— Чего?

— Я начинаю думать, что твой отец играл в господ бога и создавал человека из глины. Сдается мне, во времена Адама микробы еще не родились.

— Иди ты! Играл в господ бога...

Стас смачно захлопнул дверь. Филиппа он пугнул, без сомнения. Пусть раскинет мозгами на досуге. Вдруг случится чудо, и непревзойденный гений осознает, где кончаются его права ученого и начинается ответственность творца.

Глава 6

Земля

Нехотя уходили снега. Гигантский лес шумно дышал весенними ветрами и приветствовал первых отважных птиц, сквозь холода и непогоды возвращающихся в родные гнезда.

— В полынью не провались ненароком. У нас тут с апреля по ноябрь — сплошное болото. За мной давай, след в след.

Глеб осторожно перенес вес тела на левую ногу. В самодельных снегоступах на обманчивых рыхлых сугробах он чувствовал себя как стреноженный. Борис Сергеевич напротив, ловко перебирался через валежник и кусты, помогая себе палкой, и вдобавок нес на плече выдавшее виды ружье.

— Работа лесника, парень, дело тонкое, — продолжал он. — Дозволено многое, а вот делать можно не всё.

— Почему? — Глеб перевел дух. На лбу рассыпались бисеринки пота: сознательно контролировать физиологические процессы не удавалось.

— Чтоб лес не обиделся. Пока ты с ним душа в душу живешь, все в порядке. Он и прокормит, и вылечит, коли чего. Вон Кожемятовы, к примеру: ради старшего пацана сюда пришли. Лесом лечили. А Димка уже у нас родился — чудо-малец, здоровехонький! Но не могли лишнее дерево срубить! Рассердится матушка-земля.

— А как угадаешь, какое рубить, какое нет?

— А-а, тут-то собака и зарыта! — Борис Сергеевич закричал: так он изображал тихий смех. — Поди сюда. Руку к стволу приложи... Вот так. Что чувствуешь?

Глеб погладил шершавую кору.

— Что-то... не понимаю.

— А ты не рассуждай. Теперь это тронь. Сечешь?

Другое дерево вызвало чувство, похожее на падение в пустоту. Оно доживало свой век, о чем свидетельствовали прерывистые слабые импульсы энергии. Известных рецепторов, способных уловить подобное, в доступной части разума не нашлось. И Глеб, как повелось, слепо поверил таинственному спутнику рассудка, стремительно растущему в глубинах своего существа.

— Умирает, — проронил он.

— Точно! — Борис Сергеевич широко улыбнулся. — Вот его-то мы с тобой и отметим... Ты, парень, сам себя еще плохо знаешь. Ты будто от самой земли возрос, из самого ее чрева родился. Ты ее, матушку, сердцем слушай. Плохому не научит!

Деревня просыпалась вместе с природой. Монотонные вечера и долгие ночи сжимались и таяли, уступая место серым рассветам и наполненным весенними заботами дням. По улице потекли робкие ручьи, и неказистый бумажный кораблик отправился в плавание, подгоняемый восторженными криками десятилетнего Димки Кожемятова. Под крыльцом у Бориса Сергеевича каждое утро теперь слышался настойчивый писк. Облезлая полосатая Мурка исчезала в щели с очередной придушенной мышью в зубах и, накормив детенышей, деловито отправлялась в сарай на новую охоту. Вот и самый смелый котенок выполз вслед за матерью и, покачиваясь на тощих слабеньких лапах, встретил яркий апрельский полдень.

Тамара и тетя Вера раскладывали консервы и пакеты с продуктами в шесть аккуратных кучек. Самая большая для семейства Кожемятовых, три поменьше — для стариков Воеводиных, бывшего адвоката Карпова с женой и Семеновых — матери и дочери. Две маленькие корзины предназначались бобылю Бабаеву и Вовке по прозвищу «урка».

— Борис, не маловато ты привез? — ворчливо окликнула жена. — Дорогу-то не сегодня — завтра совсем развезет. Когда ж ты теперь в село поедешь?

— Сколько дали, столько и привез, — буркнул тот из недр задурившего мотора. — Глеб! Вылазь сюда. Я эту хреновину больше видеть не могу!

Парень выполз из-под железного брюха грузовика.

— Нижний кран радиатора протек, Борис Сергеевич. Я вам еще на дороге говорил. Хорошо хоть до дома дотянули.

— Тьфу, ядрена-вошь!.. Ну оживи ты его, сынок. Ты в его потрохах лучше всех сечешь!

Глеб вздохнул. Нелегко быть последней надеждой. А именно в этой роли ему приходилось сейчас выступать, не имея под рукой ни одной запасной детали для починки потрепанной машины. Без старого грузовика деревня была обречена на полную изоляцию от цивилизации. Затерянное в самом сердце лесов и болот это селение не значилось ни в одном реестре населенных пунктов. В лучшем случае о нем изредка вспоминали в районном центре. И то лишь во время дежурных губернских проверок.

Непоседа Димка висел на заборе и наблюдал за неравной борьбой людей с капризной техникой. Когда Глеб остался один на один со строптивым грузовиком, пацан деловито посоветовал:

— А ты подвеску с трактора сними.

Это было единственное, что он запомнил из разговоров отца о машинах.

— Иди гуляй, умник!

Димка как будто не расслышал.

— Ты мне книжки привез?.. Глеб, ты обещал!

— В сумке на верстаке. Возьми сам, у меня руки, — он продемонстрировал перемазанные мазутом ладони.

Мальчишка присвистнул и сиганул через калитку. Восторженное «о!», «вот это класс!», «здорово!» немедленно донеслось из сарая. Глеб улыбнулся, прогоняя накотившую тоску. Глядя на беспечного мальчика, он невольно вспоминал Ивара. Было нечто общее у этих разных во всех отношениях людей. Куда бы привела дорога, успеет он тогда скрыться вместе с юношей от Северянина и его подручных? Но колея, круто повернув однажды, не допускала возврата, а память не имела ни единого шанса изменить минувшее.

— Дима,хвати маме продукты, — окликнула с крыльца тетя Вера. — Томочка, а ты Семеновым корзинку занеси.

Тамара, в высоких резиновых сапогах не по размеру и в накидке до пят, остановилась в палисаднике.

— Я к ним не хочу. Они на небо смотрят. Я не люблю, когда они говорят с небом.

— Я сам к Семеновым зайду, — поспешил выручить девочку Глеб. — Через полчаса. Ладно?

Тетя Вера пожала плечами.

Дом Семеновых стоял на окраине деревни в компании двух заброшенных изб. Его окружал сгнивший до основания забор и густая сетка голого кустарника. Навстречу Глебу вышла молодая деваха в розовом платочке.

— Привет, — она застенчиво опустила глаза.

— Пригласи человека в дом! — раздался из курятника строгий голос матери.

— Проходи, Глеб, — девушка посторонилась, не отрывая взгляд от сломанной ступеньки.

— Спасибо, — он сделал несколько шагов в сених. — Борис Сергеевич привез продукты. Это вам.

— Благодарствуйте. Ты не был у нас в горнице? Проходи, проходи. Господь велит встречать каждого, кто постучался в дверь.

Елена мягко переступила порог следом за гостем и, обратясь на передний угол, поклонилась изображению женщины в старинных одеяниях, держащей на руках голого младенца. Глеб впервые воочию увидел икону, ставшую притчей во языцех для всей деревни. Что-то в изображении ему не понравилось. Он попробовал с помощью аналитики выгresti из памяти все, что встречал на тему иконописи, но в последний момент ограничился простецким вопросом:

— Православная богоматерь?

— Да. Пресвятая Дева Мария.

Повеяло холодом. Нечто мерзлое таилось в прозвучавших словах, в гармоничном на первый взгляд изображении, в стенах и предметах горницы. Глеб вспомнил величественные златоглавые храмы, истерзанные временем деревенские церквухи и людей, входящих в божьи обители. Оглядываясь назад сейчас, с высоты взятых рубежей, он определил, что ощущения, полученные в результате наблюдений за верующими, были неоднозначные. Некоторые представлялись ему «теплыми», большинство — обычными, нейтральными. Но ни разу еще ему не приходилось встречать явственный колючий «холод».

На улице под старательным апрельским солнцем Глеб почувствовал себя значительно свободнее и еще раз оглянулся на избу Семеновых.

— Форма и содержание, — подытожил он вслух. — Форма поддерживается искусственными правилами, в том числе — религиозными. Так общество сохраняет видимую целостность. А содержание зависит исключительно от человека и от его места в системе «человек — земля».

Он поискал глазами собеседника, но кроме кошки на завалинке, занятой своей особой, поблизости никого не оказалось. Рассуждать мысленно было неприятно, и все же Глеб вернулся к прежнему способу построения выводов.

Под формой можно тщательно упрятать содержание, как под маской спрятать лицо. Но я сейчас каким-то образом увидел именно лицо. То, что всегда видит Тома... И почему я до сих пор не понимаю, что такое тамарин «цветок»? Прочему она продолжает говорить о поисках дивного дома? Не потому ли...

Ответ обрушился как гром среди ясного неба.

Тамара живет внутри земли, а не смотрит со стороны, как большинство людей. Она берет из нее силы и отдает ей свои через человека, через животных и растения. Бориса Сергеевича по праву считают старостой — старшим из равных, потому что он черпает мощь из природы и из человеческого сообщества и своим «теплом» поддерживает односельчан. Логика в этом нет, зато есть диво земное, объединяющее всех в одно целое.

Перед глазами раскинулось мокрое поле, недавно сбросившее с плеч ледяной покров зимы.

— Я знаю дорогу к горизонту, земля! — сильный голос раскатился по непаханому простору.
— Возьми меня и позволь мне войти.

Всё в Белкове походило на необитаемый остров, где однажды собрались пятнадцать человек, потерпевших кораблекрушение в волнах цивилизации. Каждый со своей разбитой лодки, они попали сюда и сумели выжить благодаря собственным силам и чувству плеча. Глеб стал родным для этих людей. Пожилые обращались к нему «сынком», десятилетний Димка все вечера напролет слушал его уроки, и даже глухонемой Андрей, старший сын Кожемятовых, начал понимать то, что парень старался ему втолковать знаками, записками и губами. Елена застенчиво отпихивалась от грубых домогательств Вовки-урки и исподтишка подсматривала за синеглазым молодцем с неизменным «хвостом» черных густых волос на затылке. Ее чувственные взгляды Глеб не замечал. Он без устали трудился вместе с мужиками на посевной, обновлял кровлю избы Бориса Сергеевича, чаще называемого здесь «Батяней», помогал деду Воеводину перекапывать огород, возился с трактором в гараже у Кожемятова, ставил сети и переметы под дотошным руководством Карпова и, засыпая с чувством переполняющей силы, видел хорошие сны...

Борис Сергеевич с сожалением погладил капот грузовика и еще раз просмотрел список деталей, необходимых для починки.

— Мы столько денег не наскребем, сынок, — тяжело вздохнул он. — Даже если Гнедого запрежем и до рынка осенью дотащимся. У нас урожая такого не будет, чтоб продавать! Сам видал, какая тут земля. Изголодалась, милая, плохо родит.

— А трактор? — Глеб не желал принимать поражение. Все, что он мог сделать с машиной, он уже сделал. Но загубленный мотор окончательно и безнадежно сдох. Оставалось либо чудо, либо поездка за запчастями в поселок.

— Да ты лучше меня знаешь, что трактор не поможет.

— Надо бы в Давыдовку сходить, — предложил бывший адвокат Карпов. Попавший в какую-то подозрительную историю, он уже десяток лет жил в Белкове. Поговаривали — поначалу скрывался, а потом земля притянула. Осел, хозяйство завел.

— Что еще за Давыдовка? — оживился Глеб.

— Вымершая деревня, — неохотно ответил Борис Сергеевич. — Отсюда километров семь через болото. Жили там три-четыре семьи, и вдруг в один год все перемерли. То ли болезнь какая, то ли время им пришло. Плохое место.

— У них был автомобиль и гидравлический насос, — продолжал Карпов. — Я к ним захаживал, видал.

— Растащили давным-давно все насосы, — проворчала тетя Вера, кормившая поросят. — И вообще. Заразу какую-нибудь притащите оттуда, греха не оберемся.

— Я один пойду, — заявил Глеб.

— Вот еще! — одернул Борис Сергеевич.

— Батяня, меня никакая зараза не возьмет!

— Эва, разошелся! Ты ж тропы не знаешь.

— Без машины мы пропадем зимой!

Опустилось тягостное молчание, только старый забор продолжал свой бесконечный спор с разыгравшимся ветром.

— Ладно, парень, валяй. Михалыч?

Карпов почесал бороду.

— Провожу, а как же. Кожемятова позовем — втроем сподручнее. А ты дома отогревайся со своим радикулитом.

В компании двух закаленных жизнью мужиков Глеб чувствовал себя не хуже, чем с Тamarой и бесхитростным Димкой. Шли осторожно, неспешно. Мужчины поначалу говорили каждый о своем хозяйстве, потом о рыболовных сетях и донках, затем разговор перекинулся на технику, и Глеб незаметно сделался лидером. На вопрос — откуда столько знаешь, он честно ответил, что был мотогонщиком на тотализаторе.

Тропа виляла среди кочек, а писклявое комарье тучей поднималось из травы, почуяв приближение людей. То и дело раздавались звонкие шлепки. Прихлопнув на себе несколько кровососов, Глеб не без удивления обнаружил повышенный интерес насекомых к своей персоне. Обычно мошкара и слепни на него не покушались. Даже пчелы на пасеке Бабаева держались подальше от странного тела.

Организм претерпевает изменения, я почти потерял над ним контроль, — тревожно подумал он, наблюдая, как голодный комар впился в кисть руки. — Видимо, это неизбежно, коли я открылся земле. Защита существует до тех пор, пока мозг полностью не адаптируется к человеческому образу жизни. Скоро моя капсула развалится окончательно. И тогда... — он почувствовал легкий укол страха. — Тогда состоится настоящее рождение. Жулавский считал, что творит альтернативную жизнь. Почему же он так и не понял очевидного? Он создал не жизнь, а альтернативное ее начало.

Спустя час Глеб стал замечать постороннее присутствие. Ощущение пришло от ужившегося в лабиринтах сознания «спутника», которого наука от бессилия перед лицом непознанного обозвала «шестым чувством».

— За нами кто-то идет, — вполголоса произнес парень.

Мужики дружно оглянулись. Кожемятов молча снял с плеча ружье.

— Подождите... это кто-то из наших, — Глеб силился разглядеть субъекта в чаще леса. Образ мальчишки встал перед глазами, как наяву. — Димка! — сомнений не осталось. — Димка, а ну выходи!

Пацан показался из-за кустарника. Натолкнувшись на суровый взгляд отца, он вобрал голову в плечи и бочком приблизился к мужчинам.

— Как это понимать? — старший Кожемятов навис над сыном.

— Я с вами... — промямлил Димка и с надеждой посмотрел на Глеба. — Ладно?

Отказать ему не могли. Половина пути была пройдена, а оправлять пацана назад одного по болотной тропе отец не решился. Отвесив мальцу подзатыльник, он подтолкнул его вперед.

— Дома поговорим, топай... Но смотри у меня!

Обещание взбучки не произвело на мальчишку должного впечатления.

— Как я от вас спрятался, а! — гордо заявил он, ухватив Глеба за руку. — Ведь вы не заметили, да? Ведь не заметили! А я как Чингачгук.

— Нет, от Чингачгука ты существенно отличаешься, — серьезно ответил парень, но руку не высвободил.

— Почему?

— Потому что он никогда бы не поставил под удар мероприятие товарищей ради своих амбиций.

Мужики позади Глеба с удовольствием хмыкнули. Димка повесил нос.

Заброшенная деревня порождала тягостные ощущения. Глебу казалась, что за каждой дверью его ожидает след смерти. Фантазии были весьма банальными, но в одном из сараев разыгравшееся воображение продемонстрировало ему истлевший скелет. «Голым черепом» оказались разбитый глиняный кувшин, а «костями» — ржавая проволока. Парень оборвал бестолковую игру с самим собой и мысленно обругал пацана, который взял моду каждый вечер требовать новую историю про призраков и инопланетян.

Поход в Давыдовку стал не напрасным. Пресловутый насос был обнаружен в целости и сохранности, а детали, снятые с небольшой автомашины, Глеб определил вполне подходящими для батяниного грузовика.

Мужчины аккуратно упаковывали находки по рюкзакам, когда издалека донесся сдавленный вскрик.

— Слыхали? — насторожился Карпов.

— Димка! — вскочил Кожемятов.

Крик не повторился.

— Он там! — Глеб стремглав бросился за сарай, перемахнул через остатки забора, вломился в бурьян заросшего огорода и невольно застыл.

Бесспорно, голос раздался отсюда. Вот и следы: сломанный репейник, помятая лебеда. И всё. Пацан как сквозь землю провалился.

— Димка! — побледневший запыхавшийся Кожемятов озирается по сторонам. — Димка, кончай дурака валять!

— Ему больно, — выговорил Глеб. Чужая беда ворвалась в распахнутые земле и людям врата его существа. — Сознание гаснет...

Он явственно ощутил в себе все, что испытывал в эту секунду ошеломленный паренек: боль, холод и страх, вдруг превратившийся из забавной игры в бесповоротную реальность.

Справа метался в поисках сына перепуганный отец. Глеб постарался сосредоточиться. Личина опасности не прорисовывалась в деталях, но интуиция взывала к осторожности. Он медленно переместился вперед и раздвинул руками колючие стебли... Ничего. Еще шаг. Второй...

Неожиданно трава расступилась, и под ногами разинула коварную пасть черная дыра заброшенного колодца. Без остова и сруба источник жизни обернулся смертельной западней.

Ни мгновения на раздумья. Глеб сиганул вниз. Холодная вода мертвой хваткой сковала движения, и колодец потянул ко дну. Нога попала в щель между прогнившими бревнами. Он потерял равновесие и навалился на обмякшее тело. Поднырнул, зацепил непослушной рукой складки одежды, изогнулся, как змея перед броском, и что было сил вытолкнул на поверхность. Следующим рывком всплыл сам, поймал ребенка на грудь, заглянул в лицо.

Мальчик не дышал. Приближалась смерть. Не грезы, не выдумка, не абстракция — жуткая реальная смерть вынырнула из ледяной скважины и потянула в небытие тоненькие ниточки детского «тепла».

В глазах у Глеба вспыхнуло белое и алое. И руки, раскинутые точно лебединые крылья.

— Нет!! — крик — трубный рев из недр колодца — взрезал мертвый покой пустой деревни. — Дыши! Димка, дыши!

Карпов рассказывал потом, что они с Кожемятовым стояли на четвереньках над черным провалом, будто два лунатика, и смотрели, как Глеб, упершись ногами в одну стенку и спиной в другую, держит мальчишку на себе и делает искусственное дыхание. Когда Глеб выкрикнул — он жив, мужики очнулись и принялись вытаскивать обоих наверх.

Димка ехал домой на руках отца. В падении он вдобавок к прочим неприятностям умудрился сломать ногу. Глеб двигался в полной прострации. Его трясло. То было отнюдь не последствие купания в колодце, как решил Карпов. Глеб чувствовал, как внутри что-то вот-вот взорвется, и миллионы осколков вонзятся в каждую клетку организма. Он сдерживал это как мог, и на подходе к деревне состояние частично стабилизировалось.

Анна на цыпочках вошла на кухню. Игорь сидел спиной к двери, теребил карандаш и задумчиво пускал кольца дыма в потолок.

— Гляди!

На стол перед журналистом шлепнулась толстая газета с аляповатыми заголовками. Игорь вздрогнул.

— Фу-у. Анют, ну ты даешь!

— Ага, напугался? Смотри сюда!

Она ткнула пальцем в колонку.

— И что тут у нас? — Игорь, безусловно, догадался о причинах подружкиного торжества, но продолжал сохранять наигранно серьезный вид. — Читаю: «Дом для потерянной души». Ого! Так... «В некотором царстве, в некотором государстве жила была прекрасная царевна. Жила она в красивом замке, окруженная заботой и вниманием. Но царевна грустила. Не было у нее любимого, единственного друга, с которым она связала бы свою судьбу. И вот однажды, повстречался царевне прекрасный юноша. Всем хорош он был, да отцу с матерью не приглянулся. Бедняк, без гроша в кармане. И решила царевна убежать из замка. Юноша взял ее с собой в милый уютный домик в горах. И зажили они дружно и счастливо. Но царь-отец отыскал беглянку. Вернул в замок, а юношу приказал казнить. Не выдержало девичье сердце. От горя кинулась царевна в море и канула в пучине...»

Грустная история, скажете вы. Я и сама плакала в детстве над такими сказками. Но конец этой сказки, оказывается, был еще впереди.

Живет рядом с нами обычный человек, красивая девушка. Учится в колледже, ходит в кино, играет с друзьями в теннис. И вдруг в один прекрасный момент чувствует, что она — это не она. Во сне видит девушка прекрасный замок со слугами и пышными красотою. И любовь ее рвется наружу, ищет своего, единственного юношу.

Я познакомилась с Диной (назову ее так, чтобы не смущать мою героиню) и мы долго беседовали. Оказалось, Дина прекрасно «помнит» все, что происходило сотни лет назад в древнем литовском замке. Она обрисовала расположение комнат, в деталях описала людей — отца, мать, назвала поименно служанок. Что это — бурная фантазия?

Я обратилась за помощью к историкам. Доктор исторических наук Г.К. Бауман любезно прислал мне копии нескольких документов, сделанных на основании изучения им летописей. Как же я была поражена, когда странный рассказ таинственной Дины нашел подтверждение в фактах!

Наши предки верили в переселение душ. Современная наука не может объяснить этот феномен, но он существует! Кто знает, вдруг именно эта потерянная душа обрела новый дом в наши дни! Пожелаем Дине-царевне воскресить свою любовь. Добро пожаловать, ваше высочество, в наш добрый мир!»

— Ну как? — Анна сияла.

— Начало длинновато, с историком не очень убедительно, восклицательных знаков в последнем абзаце много, фразы у тебя кочуют из статьи в статью, а в целом ничего.

— Тьфу! Нет, чтоб похвалить! Редактор прыгал в кресле, когда я ему принесла рукопись!

Игорь повертел в руках газету, где на первой странице блистал заголовок «Секс в крематории: признание мертвеца».

— Ладно. Молодец.

— Я хочу отметить! — потребовала Анна.

— Хорошо, хорошо. Мне надо закончить, тут совсем немного осталось. А потом пойдем в кафе.

Глава 7 Рождение

После приключения в Давыдовке Тамара ни на секунду не оставляла Глеба. На сенокосе ли, в гараже, в избе Кожемятовых, где стараниями матери поправлялся Димка, девочка неизменно сопровождала названного брата. Она ходила за ним молчаливой тенью и изредка принималась напевать свои стишки.

Так прошел июль. Как-то вечером Глеб поймал Тому на крыльце, посадил на колени и прямо спросил:

— Что тебя беспокоит, сестричка? Ты боишься?

— Нет.

— Хорошо. Тогда почему ты всюду топаешь за мной?

— Семечко лежит, лежит,
Дождик с неба побежит.

Солнышко ласкается,

И цветок расправится.

Тамара уставилась в звездное небо, но Глебу показалось, что она смотрит в глубь его души.

— Тома, ты меня называешь цветком? — начал он осторожно.

— Цветок внутри. Он хотел родиться, а ты ему не дал. Но он все равно скоро родится. Спой мне песенку.

Глеб опешил.

— Да я не умею. Спой ты, а я послушаю.

— Нет, — она принялась теребить веревочку в его волосах. Это могло продолжаться довольно долго.

— Ну ладно, я попробую...

И начал, первое, что подвернулось на память:

«Ну вот и исчезла дрожь в руках, Теперь наверх. Ну вот, сорвался в пропасть страх. Навек, навек...»

На первом четверостишье получился речитатив. Но в какой-то момент голос обрел уверенность, и песня устремилась в прозрачную ночь куплет за куплетом. Допев последнюю строку, он подумал вдруг, что сегодня тоже была среда, как в горной балладе поэта, имя которого затаилось под тенью кода «В.В.», но «тепло» пронеслось сквозь время и смерть, и навсегда осталось рядом как мудрый надежный друг.

Сенокос считался в деревне святым делом, в котором участвовали все мужчины. Для Глеба это был праздник: прекрасное утро, роса, жаворонки в синем небе. Они двигались ступенчатой шеренгой, дружно взмахивая косами. Первым шел Батяня, за ним Кожемятов, Карпов, он — Глеб, и немногословный пасечник Бабаев. На июньском сенокосе помогал Вовка-урка. Но вот уже месяц, как он ушел из деревни. Мнение по этому поводу было единым: опять что-нибудь натворит и сядет.

Тетя Вера и Елена принесли косарям завтрак. Тамара, сопровождавшая Глеба с раннего утра, приняла у молодой Семеновой корзину и аккуратно расстелила на траве белое полотенце.

Мужики деловито делили хлеб, передавали друг другу крынку с молоком, Бабаев сидел в сторонке и самозабвенно точил косу. Обычный день деревни. Но Глеб чувствовал себя некомфортно. Необъясненное вонзилось в грудь гадкой колочкой и канючило: придет Плохо... Пришло Плохо... Случилось Плохо!

Глеб вскочил на ноги.

— Ты чего? — удивился Кожемятов.

— Не знаю, — парень смотрел на деревню. Отсюда были видны только задворки последних домов, в том числе и избы Семеновых.

— Сынок, что случилось-то? — отложив краюху, поднялся Борис Сергеевич. — Глеб. Эй! Да что с тобой?

— Надо домой поспешить, — произнес он. — Там что-то не так.

— Димка? — побледнел Кожемятов. Уж кто-кто, а он теперь с потрохами мог довериться соседу.

— Нет. Идемте!

Мужчины, удивленно переглядываясь, стали собираться. Тамара не шелохнулась — сидела на пригорке, сжавшись в комочек, и смотрела в землю.

— Тетя Вера, не отпускайте ее от себя, пожалуйста, — обронил Глеб, не сводя глаз с Семеновской избы.

— Не отпущу, не отпущу, — женщина забеспокоилась.

Вдруг на тропинке показался человек. Хромая, он ковылял в сторону заливных лугов. Дед Воеводин. Обычно дальше своего огорода он не выходил, ноги не держали. А тут изо всех стариковских сил шел, нет — бежал к мужикам.

Глеб ринулся навстречу. Когда его и старика разделяло метров сто, тот узнал парня, опустился на землю и, задыхаясь, крикнул.

— Чужаки, сынок!

Глеб подскочил к деду. Еле переводя дух, Воеводин продолжал:

— У Семеновой громят. Скорее, Глебушка, скорее!

Мужики безнадежно отстали, и Глеб оказался в деревне первым. На дворе у Семеновых царил настоящий разгром. Три мотоциклиста в размалеванных шлемах носились по двору, орали и давили кур. Два мотоцикла стояли на улице тут же, а еще один — возле избы Кожемятовых. Наездников не было видно, значит, орудовали в избах.

— Прочь отсюда! — гаркнул Глеб, да так, что задрезжали стекла.

Мотоциклист во дворе развернул свою машину и понесся на парня. Тот отскочил, запрыгнул на крыльцо и ворвался в избу. Мать Елены лежала на полу в луже крови. Два детины с татуированными бритыми головами ворошили сундук. Икона Богоматери, небрежно обернутая сорванной со стола скатертью, выглядывала из-под мышки бандита.

Глеб на мгновение замер. Седые волосы женщины перемазаны кровью, белый платок сбился на шею. Белое и алое — как призрак насмехающейся смерти. И Глеб рассвирепел.

Мотоциклисты во дворе, наверное, удивились, когда их товарищ вылетел из окна и мешком рухнул в кусты сирени. Другой скатился по ступеням и едва не угодил под колеса своего приятеля. Чернявый загорелый парень в порванной рубахе появился следом, схватил затормозивший мотоцикл вместе с водителем и вышвырнул за забор. Ошалевший от этой сцены второй наездник был вырван прямо из седла и отправился вслед за первым. Мотоцикл, по инерции сохранив равновесие, прокатился дальше и грохнулся в курятнике. Третий бандит, выруливший из-за угла сарая, на ходу доставал пистолет. Слепой выстрел прогремел над деревней. Глеб метнулся в сторону, прыгнул на стрелка, свалил в пыль и пригвоздил к земле мощным ударом в грудь.

Бабий крик и гневная мужицкая брань перемешались с рокотом моторов. Косари подоспели вовремя. Все их оружие — лютая ненависть к мерзавцам, вторгшимся в мирную жизнь родной деревеньки — оказалось куда действеннее, чем тщедушные финки и металлические заточенные прутья. Отбиваясь от озверевших мужиков, двое из шайки оседлали свои мотоциклы и погнали в лес.

Глеб выскочил на улицу, когда Бабаев с непроницаемой миной профессионально обрабатывал незадачливого разбойника, посмевшего наставить на него нож. Где-то в подсознании у Глеба мелькнуло: пасечник был солдатом. Во дворе Кожемятовых истошно завизжала женщина. Парень в мгновение ока оказался возле изгороди. Кожемятов, багровый от гнева, размахивал косой, а бандит обхватил его жену мускулистыми ручищами, прижимал к ее горлу тесак и грязно ругался. Глеб, не задумываясь, подхватил увесистый камень и швырнул в голову насильника. Тот охнул и выпустил свою жертву. Женщина тотчас кинулась в дом к детям, а муж полосонул мерзавца наотмашь, да в ярости промахнулся.

Повязать компанию не удалось. Оставшиеся четверо бандюг, помятые и побитые, на двух мотоциклах укатили прямо по полю. Вслед им неслись проклятия.

Глеб выволок из курятника застрявшую там машину. Тело и руки помнили все необходимое. Он рывком повернул ключ, втопил стартер — догнать и мокрого места не оставить!

Но тут рядом появился Батяня.

— Остынь, сынок. Пусть убираются, — он крепко сжал плечо парня. — Они уже не вернутся сюда.

Глеб отдернул ладонь от ручки газа, как от кипятка, и, качнувшись, уронил голову на руль. В ушах начинало противно звенеть.

— Не поранили тебя? — Борис Сергеевич старался заглянуть в его лицо.

— Нет. Как там Семенова?

— А что?

Глеб выпрямился. Никто еще не зашел в разгромленный дом, и раненая женщина до сих пор истекала кровью!

— О, черт! — он бросил мотоцикл и взбежал на крыльцо.

Тетя Вера оторвала рыдающую Елену от матери и увела в свою избу. Старшая Семенова лежала на кровати в горнице у Карповых, тяжело дышала и бормотала молитву. Глеб стоял в сенях что называется — никакой. Он бы и сам не охарактеризовал свое состояние точнее. Тамара жалась к нему и тихо всхлипывала.

Борис Сергеевич и Карпов прошли мимо.

— Как она? — Глеб отлепился от дверной колоды.

— Худо. Сотрясение, видать, и крови много потеряла, — пробурчал бывший адвокат. — Ах ты, ёрши-болотные! В город пойду! В милицию, что б им пусто было! Да как же это можно! Вот так, ни за что да ни про что!

— Помолчи ты, Михалыч, — перебил Батяня. — Кто нами заниматься будет? Ну, примут заявление, расспросят для порядка. Думаешь, сюда поедут? Следствие проводить? Держи карман шире!

— Они за иконой приходили, — Глеб тяжело вздохнул.

— Да откуда ж они про нее знали? — вскинулся Карпов. — У нас на десятки километров вокруг — ни жугленка!

— Вовка-урка мог ненароком навести. У пьяного язык, что помело, — Глеб медленно вышел на улицу. Стены душили. Не хватало воздуха. — А вещь и впрямь очень ценная, — продолжал он, когда мужики появились на крыльце. — Это и не икона, собственно. Я ее сегодня в руках держал, рассмотрел. На иконах христиане никогда не изображают младенца-Иисуса голым. Это картина конца семнадцатого начала восемнадцатого века, Австрия или Германия, не знаю точно. За такие штуки на аукционах золотые горы отваливают.

— Дела-а, — протянул Карпов. — А ты, смотри, не только богатырь, да еще и ходячая энциклопедия!

Глеб вяло повел головой: мол, таким получился.

Борис Сергеевич жестоко ошибался, когда говорил, что грабители удрали. Переждав в лесу, они вернулись в тот час, когда затихшая деревня уснула после тяжелого дня. Они не рискнули нападать открыто: урок мужиков оказался достаточно убедительным. Один с двумя машинами остался на стреме за околицей, а двое тайком пробрались на задворки. Был бы жив Снежок — старый верный пес, поднял бы тревогу, уберег от беды. Но собак в Белкове не держали вот уже год.

Горящая тряпка бесшумно залетела в оконце сарая. Пулей метнулась прочь перепуганная кошка. Бандиты вернулись к мотоциклам, дождались, когда огненный факел полыхнул над домами, победно завопили и, отомщенные, скрылись в лесу.

— Горим!! Мамочки, горим!!

Женский голос пронзил звездную ночь. Огонь пожирал Кожемятовский сарай, жадно перекинулся на хлев, облизал крышу бесхозной избы. Не прошло и десятка минут, как пылали уже три дома.

Тушили землей, без устали таскали из ручья воду, били тряпками и брезентовыми жгутами. Соседки выволокли из избы неходячую бабу Воеводину. А ну как займется вся сторона улицы! Глеб то пинками, то почти на плечах эвакуировал коров — кормилиц всей деревни. Метались слепые от огня обезумевшие куры. Отчаянно ржал Гнедой, наскоро привязанный к дереву на опушке. Елена, прижав к груди злосчастную икону-картину, голосила на всю округу: «Господи, где же твоя справедливость, Господи! За что ты нас, Господи!»

К утру огонь был побежден. Серьезно никто не пострадал, не считая задохнувшейся козы и нескольких гусей. Но изба Семеновых сгорела дотла, погиб в огне добротных скотный двор Кожемятовых, рухнул сарай у Воеводиных и превратились в пепелище оба общественных крытых сеновала. Грузовик и трактор Глеб успел откатить к ручью, машины остались целы.

Новое утро. Новая роса. Сейчас бы на сенокос, как водится в эту пору!

Деревня молчала. Потрясенные, люди сидели возле своих и соседских домов, перемазанные сажой, наглотавшиеся гари, бледные и измученные.

Ощущение зреющего внутри взрыва заставило Глеба подняться и пойти прочь. Его лихорадило. Что-то с трудом сжималось и разжималось в груди, не давая дышать. Липкий горячий пот тек по лицу, щипал глаза. Он шел к реке, шатаясь, и мысленно уговаривал Тамару остаться в деревне.

Не напугать бы... Только бы ее, малышку, не напугать... У них и без меня достаточно горя... Плохо. Вот это называется плохо.

Он упал у воды. Руки и ноги свело мучительной судорогой. И взорвалось. Распрямилось, как годами стянутая пружина. Ухнуло сердце, воздух с шумом ворвался в легкие. И он закричал. Нечто мощное хлынуло в голову. В глазах померкло. Сознание отключилось.

— Глеб... Ну, Глебушка...

— Оставь его, милая, пусть поспит, — женская рука бережно отогнула ворот рубахи и коснулась горячей груди. — Ох, матушки, голова-то отчаянная. В самое пекло кидался. Угорел. Бывает.

— Тетя Вера, он проснулся.

Глеб как раз начал воспринимать смысл слов над собой. Приподнял ресницы. Тамара.

— Твой цветок родился, — девочка захлопала в ладоши.

— Где я? — он не узнал своего голоса.

— Все хорошо, Глебушка, все хорошо, — тетя Вера мягко отодвинула девочку и мокрой тряпицей отерла его лицо.

Красный след на белесой ткани.

— Что это?

— Пустяки, ссадина, — она еще раз промокнула кровь и устало поднялась. — О корягу на реке ударился. Заживет. Поспи, все пройдет.

Она исчезла из поля зрения. Появилась Тамара.

— Ты нашел свой горизонт? — серьезно спросила она.

— Кажется, я промахнул его с хода... — выговорил Глеб и опять забылся.

По очереди возникали Борис Сергеевич, заставлявший пить какой-то горький настой, синеглазая Тамара, тетя Вера с чашкой бульона, опять Тамара и так по кругу. В конце концов наступило просветление. Глеб долго созерцал дощатый потолок, потом окно, затем собрался с силами и сел. Собственные движения удивили. Ему показалось, что еще миг, и он взлетит над кроватью. Ухватившись за угол печки, он поднялся. Голова кружилась, в горле скопилась горечь.

Хлопнула дверь.

— Э, да ты уже на ногах! — воскликнул Борис Сергеевич. — Доброе утро, сынок.

— Что со мной вчера было?

— Вчера? Да ты два дня пластом лежал! Видать, накопилось: и драка, и пожар. Раньше-то так бывало?

Глеб покачал головой.

— Со мной что-то произошло. Внутри. Здесь, — он прижал руку к груди. — Моя кровь теперь всегда алая. Я стал... как человек.

— Кхе, — Батяня крикнул, подошел к столу и указал Глебу на кровать. — Сядь-ка, сынок. Давай разберемся.

Тот послушно сел.

— Вот что я тебе скажу. Ты это «как» брось раз и навсегда. Помню, говорил мне про индивидов из пробирок. И черт с ними. Ты — не они. И слово-то придумали «индивид». Индивидуалист. Тьфу!... Ты, Глеб, наш парень. А коли наш, так и внутри у тебя всё нашеньское. Глянь, вон как ты о корягу приложился. А меня, видал, доска приласкала, когда огонь тушили, — он закатал рукав и показал Глебу глубокую рваную царапину на предплечье. — Что, не одинаково?.. То-то. Вот мы на сенокосе были. Люблю я с утраца: строим дружно «у-ух», и стебли под косой ложатся! А ты?

Глеб улыбнулся.

— Ага. Ну а гады на мотоциклах? Я б их с навозом смешал, будь моя воля. Таких бы... Ладно. А ты что думаешь?

Ответа не потребовалось, все было написано на лице.

— Во-о, — Борис Сергеевич удовлетворенно закивал. — И где, скажи, между нами разница?

— Вы старше.

Батяня расхохотался.

— Ох, уморил! Понял теперь, что я тебе говорю? Да? Ну и хорошо. Сегодня баньку натопим, настой из травок у меня для такого дела есть. Что б всю хворь твою под зад коленкой!

На дворе навстречу Глебу вышла Тамара.

— Твой цветок родился, — сказала она, на этот раз грустно. — Ты нашел свой горизонт. И мы никуда не пойдем вдвоем?

Он подхватил девочку на руки и прижал к себе. Ответ запутался в мыслях. Капсула сброшена навсегда. Стремительная генная мутация, подготовленная годами сознательных и несознательных усилий, изменила физиологию организма, приведя его к единому биологическому ритму земли. «Ты стремишься к пределу бесконечности», — вспомнились слова Антона. У бесконечности нет предела, любая величина при любых условиях лишь приближается к нему и... сама обретает свойства бесконечности.

— Тома, — начал Глеб тихо, — мой горизонт по-прежнему далеко-далеко. Идти к нему нужно всю жизнь. И я пойду, потому что теперь я знаю дорогу. Я пойду для того, чтобы ты нашла свой дом. Свой дивный дом. Мы вместе его найдем. Ты хочешь этого, кнопка?

Она широко улыбнулась.

— Хочу. Мы пойдем искать наш дом!

— Филипп Алексеевич!... Филипп Алексеевич!

Его настойчиво трясли за плечо. Он поднял отяжелевшую от бессонных ночей голову: заснул прямо за столом в химической лаборатории.

— Филипп Алексеевич, в саркофаге началось движение! — главный генетик стоял над доктором Жулавским с электронным блокнотом в руках.

— А? Когда?

— Три минуты назад. Необычное движение, мы такого еще не наблюдали... — теперь Генрих Васильевич общался с взъерошенным затылком, поскольку Филипп уже опрометью мчался по коридору.

— Параметры процесса?... Диагностика среды?...

Генетик не успел ответить. Филипп ворвался в свой кабинет и кинулся к дверям в опытный полигон.

Саркофаг стоял на месте, подсвеченный мощными лампами. Никаких видимых изменений.

— Сюда смотрите, вот здесь, — Генрих Васильевич спешно развернул к Филиппу один из мониторов.

Тот уткнулся в экран.

Мутный силуэт внутри саркофага двигался. Конечности вздрагивали, импульсивно колебалось тело. Голову и лицо рассмотреть не удавалось. Филипп метнулся к другому монитору, к третьему, четвертому.

— Он живет, — доктор Жулавский попятился. — Смотрите, он живет!!

Щелкнул код замка и на пороге показался заспанный Стас в махровом халате поверх пижамы.

— Стас, он живет! — Филипп схватил друга за плечи.

— Слушай, ты погоди, не шуми. Это может значить, что угодно...

И тут в помещении раздался отчетливый звук удара. Саркофаг дрогнул. Люди застыли в нелепых позах.

Второй удар. Крышка треснула.

Он взялся руками за края капсулы, поднялся на колени. Плечи напряглись. Рывок.

Черные прямые волосы, крутой гладкий лоб, идеальные линии лица. Карие глаза. Он стоял перед людьми в полный рост. Прекрасный атлет на пьедестале.

— Мой Орион, — пробормотал Филипп и разрыдался.

Индивид перевел на создателя безучастный взгляд. С обнаженного тела стекала вода.

Стас опомнился и подбежал к разбитой капсуле.

— Иди к нам, — он протянул ему руку. — Мы тебя ждали.

Мгновение непонимания. Затем сильная ладонь медленно сомкнулась с рукой человека.

— Холодно туг, да? — тихо произнес Стас. — Ничего, привыкнешь, малыш.

Он снял халат и бережно накинул на плечи индивида.

Глава 8

Корни

К осени жизнь в Белкове вошла в прежнюю колею. Хлев Кожемятовых всем миром отстроили заново, подладили избу Воеводиных, кое-как восстановили запасы сена, убрали урожай. Грузовик пыжился и удовлетворенно урчал, возвращаясь с полей в родной гараж. Глеб починил оба трофейных мотоцикла, и теперь у сельчан в распоряжении появился новый транспорт. Глухонемой Андрей с удовольствием катал братишку по округе под надежным присмотром наставника, и был, кажется, на седьмом небе от счастья.

А вот Семеновы деревню покинули. Как только мать оправилась, Елена заявила — уходим. Навсегда. Мол, вы все тут зло сеете, и Господь гневается. Собрали спасенные из пожара пожитки, и пошли. Глеб предложил хотя бы до шоссе подвезти — отказались наотрез.

— Не по-христиански думают, — возмущалась Кожемятова. — Ее с того света вернули, а они обвинили нас во всех бедах, да еще и божий гнев приплели.

Кожемятова имела полное право обижаться. Лишь ее искусство травницы вытащило несчастную женщину из могилы.

— Они земли боятся, — заявила Тамара, игравшая на завалинке с котиком. — А Елена ребеночка Вовкиного ждет, и тоже боится. И нас боится, и матери боится, и бога своего боится. Пусть идут с миром. Земля их стерпит.

Девочке не ответили, но у женщин появился новый повод для перетолков.

Пока разгребали пепелище и ладили новые стены, пока бушевала уборочная страда, Глебу некогда было заниматься собой. На практике он установил только одно: выносливости и физических сил в обновленном организме не убавилось. Эпизод с выброшенным через забор мотоциклом он в расчет не брал: в экстремальной ситуации и человек способен был на чудеса.

Зарядили дожди и потянулись промозглые осенние дни. У Глеба появилось время для экспериментов. Более всего его беспокоил вопрос иммунитета. Испробовав все доступные способы создания неблагоприятных для организма условий, он пришел к выводу, что свалить его с ног довольно сложно. В мальчишеском порыве он на радостях полчаса проплавал в студеной реке. И добился «положительной реакции»: к вечеру голова налилась горячим свинцом. Стыдясь своей выходки, Глеб уединился на сеновале и принялся разбираться в себе. Во всех предыдущих ситуациях он шел на риск и при этом подсознательно выстраивал защиту, а теперь, как говорится, бесшабашно отпустил тормоза. Получалось, незримый контроль управлял и человеческим телом. Но исходил он не от аналитического модуля, а от целого комплекса скрытых источников, напрямую связанных с землей. «Спутник» в рассудке перестал быть спутником, и превратился в часть собственного «я».

Исправление ошибки заняло несколько часов. Глеб сосредоточился внутри себя и методично расставил по местам каждую частичку организма. Научные знания, сохранные в памяти, не потребовались. Он открылся земле и доверился своим ощущениям.

Следующим шагом стало исследование регенеративных процессов. Оседлав Гнедого, Глеб ускакал по первому снегу через поле в лес, подальше от деревни и Тамары, которая проявляла излишнее беспокойство, хотя и не знала о его рискованных самопроверках. Усевшись на поваленном дереве, он достал нож. Остановить кровь оказалось значительно сложнее, чем справиться с лихорадкой, поскольку сделать это необходимо было в течение одной-двух минут. Решив, что для подобных действий нужна основательная тренировка, Глеб замотал порезанную руку платком.

Рана не осталась без внимания. Когда Димка, вдоволь наигравшись и наслушавшись всяких историй, утомился, его мать кивнула Глебу из кухни, мол, зайди. Ни слова не говоря, она обработала порез едко пахнущим настоем и проронила напоследок: скоро заживет. Парень отважился продолжить разговор, хотя Кожемятова славилась в деревне непревзойденной молчаливостью: больше трех-четырех фраз за день от нее никто не слышал. Но на этот раз женщина охотно откликнулась. Объяснила, как делается отвар, какие травы и когда следует собирать.

— Но не спрашивай меня, как выглядит цветок папоротника, — закончила она затянувшуюся лекцию по фитологии.

Предполагалось, что это прозвучит шуткой, но Глеб не понял.

— У папоротника нет цветков. Он же размножается спорами! — удивленно воскликнул он.

Женщина от души расхохоталась. Видимо, ее смех был чем-то из ряда вон выходящим, поскольку Кожемятов испуганно сунулся за занавеску, отделявшую кухню от горницы.

С тех пор Глеб частенько беседовал с травницей, познавшей многие тайны природных кладовых. Теперь он не просто слышал голос земли. Он учился принимать из ее рук вещественную помощь. Неписанные премудрости органично влились в память, и парень не однажды порадовался про себя, что не потерял способность усваивать и хранить любые объемы знаний.

Темными декабрьскими ночами лежа на полатах и слушая спокойное дыхание Тамары, Глеб чаще и чаще задумывался над вопросом: зачем? Зачем и ради чего Алексей Андреевич Жулавский, которого не интересовало развитие и будущее индивидов, создавал альтернативную жизнь в глиняной капсуле из мертвых природных элементов? И где то крошечное звено, которое вопреки всем законам природы формировало живую материю из неживой?

Ответы канули в небытие вместе с трагической смертью создателя и гибелью всех его творений. Всех. Это слово заставило Глеба вздрогнуть. Подумав, он грустно усмехнулся: я не творение Жулавского. Раул Рут затерялся в прошлом, показав мне направление к горизонту. А я сын земли.

Точка не желала вставать на указанное место. Требовалось что-то еще, и бесконечность продолжала манить человека своей туманной далью.

Что хочет от меня земля? — мысли качались в полусне. — Идти вместе с людьми, открыть свое «тепло» обществу, как она открылась мне? Найти и показать Диво?

Абстрактный образ развернулся под слипающимися веками в облике гигантского дерева с перламутровой кроной, корни которого утопали в черной непроглядной бездне. Глеб встряхнулся. Корни.

«Помнить свои корни — значит хранить память поколений», — сказал как-то раз Борис Сергеевич, листая перед ним и Тамарой старый семейный фотоальбом.

Глеб бесшумно спрыгнул на пол и подошел к темному окну. Вчера весь день валил снег, и пушистый зимний плед развернулся над палисадником, заботливо укрыв цветочную клумбу и комель юной рябины.

Диво вырастает из земли. Оно — тот дом, который ищет Тамара, и дорога к нему — это дорога к горизонту. Антон именно так интерпретировал высказывание Ольги Жулавской, — Глеб силился объяснить себе, что прячется под мягким огромным словом, но подобию выводов тонули в чувствах и не добирались до ума. — Кем же на самом деле была жена Алексея Андреевича? Не она ли является потерянным звеном в парадоксальном открытии альтернативного начала жизни?

Он не понял, как пришел к этому вопросу, но явственно узрел новую тропу, которая протянулась к забытому коттеджу, где всё началось.

Торжественный перезвон курантов наполнил гостиную.

— С Новым годом, милая, — Игорь поднял бокал.

Хрусталь неуклюже звякнул.

Анна натянуто улыбнулась и пригубила шампанское.

— Холодное...

«Дорогие сограждане! — неслось из динамиков. — Поздравляем вас с Новым...»

Она нажала «стоп», и веселый диктор на видеокассете замер с разинутым ртом.

— Кому нужен этот цирк, Игорь? Сегодня уже четвертое января.

— Я хотел, чтобы мы отпраздновали Новый год вместе.

Анна отставила бокал и перебралась на диван.

— Тогда почему ты не приехал, как обещал? Неужели твоя проклятая статья важнее, чем я? Почему у нас, журналистов, все ненормальное?

— Прости, — Игорь подсел к девушке, нежно поцеловал в висок и взял ее руки в свои. — Это для тебя...

Она почувствовала, как ее палец мягко сжало тонкое кольцо.

— Игорь!

В зеленом, в тон ее глазам, камушке играли отражения свечей.

— Изумруд?!

— Да, дорогая. Ты выйдешь за меня?

Она подняла влажный взгляд.

— Игорь... Так... Это так неожиданно.

— Я не тороплю с ответом, Анюта.

Она смотрела в пол и покусывала губы. Эмоции переполняли, хотелось обхватить друга, расцеловать, закричать — да, да, да! Но что-то не пускало. Может быть потому, что этот «новый

год» они отмечали спустя четыре дня? Может быть потому, что раньше всерьез не говорили о любви? Или потому, что Игорь сейчас был таким странным: напряженным, грустным, тревожным.

— У тебя что-то случилось? — невнятно спросила она. — Это связано со статьей?

— Случилось? Да бог с тобой! Все прекрасно!

— Игорь, мы вместе уже полтора года. Я знаю все твои увертки! — она изобразила премилую улыбку. — Ну, давай, колись!

Он обнял девушку. Когда они встретились, Анна казалась юным, непосредственным, любопытным созданием с детскими пушистыми ресницами и круглыми румяными щечками. И вот она — журналист. Его ученица, мечтающая стать его соратником и помощником: хитрая, ловкая как уж, нетерпеливая, настойчивая. И он, репортер с двадцатилетним стажем, не может скрыть от нее ровным счетом ничего!

— Так и быть, — вздохнул Игорь. — Скажу. Да, у меня кое-какие неприятности.

— Тебе угрожали?

— Мне велено подумать о новой теме. Ради этого меня сослали в отпуск.

Анна тяжело вздохнула.

— Значит, ты шел по верному пути. Вот мерзавцы!.. И что теперь?

— Пока не решил. Я боюсь потерять тебя, Анюта.

Она встала и в раздумье прошлась по комнате. Выключила огоньки на новогодней елке.

— Я хотела показать тебе план новой статьи.

— Сейчас? — в голосе Игоря прозвучала нотка обиды.

— Да. Мне кажется, она тебя заинтересует. И это не менее важно, чем те аферы, которые ты раскопал.

— Ты считаешь, я должен отказаться от своей работы?

— На время. Игорь, я не хочу, чтобы что-то у нас менялось. И я предлагаю тебе в качестве нового материала... себя.

— То есть?

— Ты помнишь шумиху вокруг биороботов профессора Жулавского?

— Да, что-то припоминаю... — Игорь внимательно следил за девушкой. — Но насколько я понял, там городили откровенную чушь.

— Нет. Все было правдой от начала до конца. Я дочь Алексея Жулавского.

Игорь поднялся с дивана на негнущихся ногах.

— Я дарю тебе эту тему, милый, — добавила Анна. — Тему, и еще кое-что. Диск с данными об одном единственном индивиде.

Сигаретный дым висел под потолком неподвижной пленкой. Свечи потухли, и оплывший воск залепил скатерть с нетронутым новогодним ужином. Горел ночник на стене. Игорь слушал спокойный размеренный рассказ Анны Жулавской и верил. Все ее статьи о подозрительных предсказаниях, блуждающих душах, вурдалаках, энергетических вампирах и прочей чепухе казались забавными детскими сказками. Анна-настоящая сидела перед ним здесь, в темной душной комнате, и бесстрастно излагала историю таинственного профессора Жулавского, своего отца.

— Это всё, — она глубоко затянулась и притушила окурок в переполненной пепельнице.

— Анюта, а как же ты потом? Одна?

— До Екатеринбурга, куда направил меня Антон, я добралась без приключений. Училась целый год на картографа, потом перевелась на факультет геодезии, и бросила всё к чертям. Как раз в это время за мной стал ухлестывать Николай. Я пожила с ним два года, и тоже бросила. Роскошь роскошью, а тупой муж — это не для меня! Хотела вернуться к родным берегам, но так получилось, что остановилась здесь. Волга — она всегда Волга. Значит, тоже родина! Пришла в издательство, работала курьером, потом секретаршей. А дальше ты знаешь.

— Ты упомянула, что у тебя был брат. Его ты искала?

— Видела пару раз в новостях. Кажется, он защитил докторскую по биологии. Я хотела ему написать, но все как-то времени не находилось. Впрочем, мы с ним особо не дружили. Он старше на восемь лет, интересы разные, сам понимаешь... Чего молчишь?

— Я не могу взять эту тему.

— Почему?

— Анюта, это твоя тема. А я буду тебе помогать.

— Ты? Помогать мне? — глаза Анны загорелись.

— Раз меня временно отстранили от дел, я поступаю в твое распоряжение, — Игорь обезоруживающе улыбнулся. — Берешь?

— Ничего себе... Конечно! Игорь, я тебя люблю!

В распоряжении молодой журналистки по факту оказался не помощник, а руководитель. Для начала Игорь заставил ее закончить две заготовленные статьи и выдать их редактору с дистанцией в две недели. Получалось, что девушка упорно трудилась на благо любимой газеты все отведенное ей время. Сам наставник плотно засел за компьютер и углубился в информационную сеть. Через шесть дней на свет божий из небытия был извлечен ворох репортерских творений девятилетней давности. Собрав материалы в приличное по величине досье, Анна и Игорь путем умозаключений восстановили картину происшедшего. При этом Анну ждали два приятных открытия.

— Похоже, Глеба не нашли, — сообщила она другу.

— Почему ты так решила?

— Смотри, тут сказано: «Конфискованы все диски с данными на каждого робота...» Тьфу, ненавижу это название! Робот. Сами они...

— Ну-ну, милая, давай без эмоций.

— «Все диски!» А ведь диск Глеба был в этот момент у меня!

— А копии?

— Слушай дальше: «Очевидно, профессор Жулавский, готовясь к побегу за границу, позаботился об уничтожении своих электронных архивов. Специалистам не удалось восстановить данные, однако...» И так далее. Понимаешь, что это значит?

— Если добропорядочный гражданин, купивший твоего Глеба, не сдал его властям, парень где-то живет и здравствует.

— Именно! Итак, первое: мы должны найти Глеба.

Игорь скептически поморщился.

— Как ты это себе представляешь? И что с ним сделают, если мы его продемонстрируем?... Не спеши. Меня больше интересует личность Антона. Отец хорошо разбирался в компьютерах?

— Нет, как я думаю, — Анна насторожилась. — За него всё делал Антон... Минутку. Ты хочешь сказать, что информацию уничтожил он?

— Тебя он «стер» из всех банков данных, поменял тебе личность да еще и зачислил в институт. Я не знаю ни одного программера, способного на такое. К тому же нигде не говорится, что вместе с Жулавским арестовали его помощника. Вашей домработнице посвятили целый абзац, а Антону — ни слова. Думаю, он тоже сумел удрать.

— Антон болел. Вернее, как он объяснял мне однажды, из-за какой-то ошибки отца он быстро старел, если находился на улице. На моей памяти, Антон никогда надолго не выходил из дома. Иногда отец куда-то его уводил, и он пропадал на сутки, а то и больше. Это называлось лечением.

— В таком случае, мы с тобой должны посетить твой родной дом. Я постараюсь устроить эту командировку, когда выйдет первая статья.

— А почему не сейчас?

— Ты должна сначала оживить интерес публики, то есть — забросить удочку. Назовем статью, к примеру, ... м-м... «Так ли страшны были творения Жулавского?». Затем мы разработаем тему в трех направлениях: «Портрет творца», «Верные рабы или умные друзья?» и, наконец, «Кто откроет тайну альтернативной жизни». Нам понадобятся семейные фотографии — вряд ли их

конфисковали, а заодно хорошо бы достать снимки вскрытий индивидов. Это я беру на себя. Если найдется Антон, мы сделаем с ним интервью.

— А если нет?

— Сочиним. Слушай дальше. Предстоит самое сложное: отыскать людей, которые покупали индивидов. Хотя, одного такого я уже обнаружил.

— Игорь, ты гений!

Он шутливо поклонился.

— Ловкость рук и никакого мошенства. Ее данные были приведены в прессе. У старушки слишком впечатляющее имя: Кристина Сталинарувна Крон, и я легко ее нашел. Она до сих пор жива, мы с ней поговорим на следующей неделе. Про отца напишешь сама. А вот с последней статьей придется повозиться. Требуется воссоздать картину работы Жулавского.

— Стоп. погоди. Куча институтов билась над этим несколько лет, но так ничего и не уразумели.

— А твой брат? Думаешь, он украл у отца детали и поставил на полку, как сувенир? Он работает над созданием индивидов. Где, как — не знаю. Но нутром чую: работает! С ним придется общаться тебе. Я смогу только прикрывать. Кстати, пока ты налаживаешь родственные отношения с братиком, у меня будет время заняться поисками Глеба. Ну, Анята, соберись с духом. Мы — журналисты.

Приподнятое настроение Игоря и радовало Анну, и пугало. Ей казалось, что друг не совсем понимает, насколько сложным будет задуманное дело. С другой стороны авторитет Игоря среди коллег и в ее собственных глазах был непоколебим. Анна допускала, что Игорь усмотрел в ее истории нечто большее, чем горячую сенсацию, которую с воплями восторга заглотнут читатели. В разговорах несколько раз прозвучало «генная инженерия», «секретные лаборатории», «клонирование суперлюдей». А это пахло скандалом на государственном, если не на международном уровне.

Автопилот прочирикал механическую мелодию, и женский компьютерный голос вежливо сообщил о необходимости перехода на ручное управление. Магистраль заканчивалась. Впереди показался шлагбаум дорожного поста. Стас торопливо достал портмоне, долго возился с защелкой, уронил карточку, чертыхнулся и пошарил рукой под сидением.

— Одну минуту, — спокойно ответил Орион ослепляющему глазу фонаря, бесцеремонно оставившемуся в салон.

Стас пропихнул в щель манипулятора документы. Патрульный отступил, лишь взглянув на код удостоверения, и селектор просипел дежурное: все в порядке, счастливого пути.

Благоустроенная столичная трасса осталась позади. За окнами автомобиля разлилась ночная морозная мгла. Электрическим дулам фар удавалось отобрать у темноты не более десятка метров асфальтового полотна, а дорога мчалась вперед, замысловато подмигивала люминесцентными знаками и ныряла в темноту, как в неведомое будущее.

— Стас, позвольте, я поведу машину, — произнес Орион.

— А в чем дело? — вздрогнул тот и опомнился. — Извини, малыш, я задумался.

— Вы нервничаете, — констатировал индивид.

— Пожалуй. Черт их побери! Никогда не знаешь, где тебе подставят подножку. Хоть бы намекнули, что на заседание приглашены восточные партнеры!... Слушай, ты, кстати, заметил, что прием давно закончился?

Орион обратил на человека внимательный взгляд.

— Я понял тебя.

Стас воздержался от очередного поминания черта и вздохнул.

— Орион, я борюсь с твоим машинным поведением уже полгода. Ты же не компьютер. Как ты этого не понял до сих пор! Хотя бы со мной оставь эту идиотскую манеру изъясняться!

Индивид потупился. Почти естественно, как показалось Стасу.

— Моделирование человеческого поведения замедляет мыслительный процесс, — красивый сильный голос лился ровно и невозмутимо. — Особенно когда, — он запнулся, вроде бы подыскивая слова, — когда накапливается усталость. Разреши мне пользоваться естественным для меня стилем общения.

— Да я ж не запрещаю, — проворчал обезоруженный Стас, а сам подумал: «Черт его знает, может быть это действительно для него естественно? А я тут навывдумывал собственных теорий и стучусь лбом в железобетонные ворота».

Он остановил машину и вышел на шоссе. Орион встал рядом.

— Садись за руль. Я сейчас. Подышу свежим воздухом.

Индивид не двинулся с места.

— Ты расстроен из-за меня? — в его строго рассчитанную фразу вкрались нотки эмоций.

— Не бери в голову. У меня все в порядке. Мы с тобой сделали еще одно важное дело, и пусть заседание прошло не совсем гладко, продукцию мы представили должным образом. Это главное.

— Ты уверен, что это главное?

Неожиданный вопрос и порывистый январский ветер заставили Стаса опереться на капот автомобиля.

— Пожалуйста, вернись в машину, — сказал Орион. — Холодно. Ты можешь простудиться.

Снежинки кружились в искусственном свете, опускались на картинно классическое лицо индивида и таяли, оставляя на коже крошечные капли. Теплое дыхание пульсировало на морозе облачками белого пара.

Стас медленно пошел к распахнутой дверце салона. Апатия померкла под проблеском встрепенувшейся надежды. «Или у меня очень крепкий лоб, или его ворота все-таки не железобетонные, — непроизвольно прицепившийся образ вызвал легкую улыбку. — Или... — он отвернулся к окну, за которым тронулись с места силуэты сутробов, — я сам не знаю, где мое главное»...

— Слушай, — Стас решительно сменил тему, — ты когда успел выучить японский? Я-то был уверен, что ты занимаешься европейскими языками.

В карих глазах промелькнуло смущение.

— Я использовал лишь те слова и выражения, которые были произнесены японским представителем в первом раунде переговоров. Безусловно, мою некомпетентность заметили.

— И это ты называешь «некомпетентность»? Да если бы ты не вмешался, мы б сейчас сидели в большущей луже! — оживился первый помощник доктора Жулавского. — Откровенно говоря, я поставил на сделке крест, как только понял, что основные решения будут приниматься в кулуарах, а этот «ху-сю-му-сю» двинул к нам для контакта «без посредников».

— Я не мог подвести тебя, — просто отозвался Орион. — Мне не нравится, как Филипп Алексеевич реагирует на твои неудачи.

Пауза превратилась в молчание.

— Стас, — продолжил индивид, — Филипп Алексеевич вчера задал вопрос: чем я занимаюсь вместе с тобой в столице. Почему ты не дал ему прямой ответ?

Стас уже понял, что трудный вечер не закончился подписанным соглашением, и, всячески скрывая обреченный вздох, принялся подбирать выражения:

— Видишь ли... Это своеобразная... ложь во спасение, что ли. Если я скажу, что ты мой переводчик, Филипп Алексеевич поймет, какие структуры финансируют проект и, соответственно, получают наши отчеты. Он не подозревает об участии иностранных фирм и считает, что работает под знаменем Родины. Или под собственным знаменем, черт его разберет!... Знаешь, ведь мы с Филом дружили с первого курса, потом работали вместе. И когда заварилась каша вокруг его отца, меня вызвали. Филипп еще не занимался альтернативной жизнью напрямую, но он мечтал создать

индивида! И я вдруг понял: если его возьмут в оборот, он просто не сможет выжать из себя ни одной идеи... Нет, не подумай, он не слабый человек. Просто он ученый, и ученый настоящий...

— Ты вел переговоры со Службой Безопасности, чтобы обеспечить доктору Жулавскому условия для творчества?

Стас поднял беспокойный взгляд на индивида. Заинтересованность и понимание. Он не мог определить, умышленно или непроизвольно на лице Ориона проявилось это выражение. Но мимика оставалась мимикой, а искреннее участие присутствовало в самом облике собеседника — в движениях скованных штурвалом рук, в напряженных плечах, в уголках живых пронизательных глаз.

— Я рискнул его прикрыть, — Стас почувствовал, как волнение в душе затухает и медленно спускается долгожданный покой. — Позднее, когда Фил показал мне модуль управления, и мы решили организовать собственную лабораторию, я вынужден был заручиться поддержкой Службы с условием, что все результаты будут своевременно в полном объеме передаваться на указанные адреса. Так я и поступал до недавнего времени. Но о тебе в отчетах я не писал.

— Почему? Филипп Алексеевич считает меня продуктом своих исследований.

Стас опустил голову на валик сидения.

— Потому что я считаю, что ты не продукт, а просто очень молодой человек.

Глава 9 Компромисс

Текст статьи появился на экране. «У меня украли половину сердца» — крупными буквами гласил заголовок.

«Когда я попросила Кристину Сталинарувну поговорить об индивиде Лизе, старушка расплакалась. «Она была мне как родная дочка, — повторяла она. — Я так ее любила...»

Потом Кристина Сталинарувна показала мне фотоальбом. С каждой страницы на меня смотрела красивая молодая девушка с добрыми глазами. Никто не посмел бы назвать ее роботом. Веселая и сияющая с цветами в руках, задумчивая над книгой, улыбающаяся и счастливая рядом со своей приемной мамой — она выглядела живее и откровеннее многих настоящих людей.

Мне не хотелось беречь незажившую рану в сердце старой женщины, и все же я попросила Кристину Сталинарувну ответить на несколько вопросов.

Расскажите, пожалуйста, как Лиза появилась в вашем доме?

Я уже тридцать лет прикована к инвалидному креслу. У меня было много сиделок, их нанимал мой сын. Девочки-сиделки обращались со мной хорошо, но такая у них работа. Я говорила сыну, чтобы он нашел мне настоящую, чуткую, добрую девушку. И однажды сын позвонил и сказал, что приедет с новой нянечкой. Я полюбила Лизоньку сразу, как только она вошла в дом. На ее лице я прочла нечто божественное. Я и называла ее «мой ангелочек».

Ваш сын сообщил вам, кто Лиза на самом деле?

Да, он сказал, что это искусственный человек, созданный специально, чтобы выполнять работу по дому и по уходу за больными.

Взаимопонимание с Лизой установилось быстро?

Да! Девочка прямо-таки впитывала все, что я ей говорила. Она ничего не смыслила в работе сиделки, это я в первый же день поняла. Но она так быстро училась! На ее фоне все остальные —

это куколки в белых фартучках. Лизонька как будто чувствовала мое состояние. Знаете, за те шесть лет, пока Лизонька была жива, у меня ни разу не случилось ни одного криза.

А как вела себя Лиза? Я имею в виду — спала, ела?

Она была обычной девушкой. Очень любила яблоки и шоколад. Ей снились сны, о которых она мне рассказывала. Чаще всего во снах она купалась в океане. Она вообще много читала, особенно про океан. Я обещала, что мы с ней обязательно поедem на море.

Кристина Сталинарувна, Лиза когда-нибудь болела?

Нет. Очень здоровая сильная девочка. Я однажды упала из кресла в саду. Даже вскрикнуть не успела, а Лизонька уже рядом. На руках меня домой отнесла. Были у нее иногда головные боли. Один раз насморк подхватила. Она почему-то испугалась этого насморка, как чумы. Долго меня расспрашивала, что люди в такое время чувствуют.

Значит, она осознавала, что отличается от людей?

Да, конечно. Но я-то на это внимания не обращала. Для меня она была доченькой. Самым прекрасным ребенком на свете.

Кристина Сталинарувна, я понимаю, как вам трудно вспоминать, и все же. Может быть расскажете, как у вас забрали Лизу?

У меня украли половину сердца! Никогда не забуду, как Лизонька кричала: мама, мамочка, не отдавай меня, пожалуйста. Как я плакала! Люди в военной форме пообещали, что Лиза ко мне вернется. Но я им не поверила. И ничего не могла сделать. Сидела в этом проклятом кресле на крыльце и смотрела, как ее сажают в машину. А она смотрела на меня. И я чувствовала, как она со мной прощается.

Вот такую историю поведала нам Кристина Сталинарувна. Добавлю, что после этих событий несчастная женщина провела многие месяцы на больничной койке. И только известие о рождении внучки, которую по требованию бабушки назвали Лизой, вернуло старушке желание жить.

Судьба Лизы известна. Девять лет назад шумиха вокруг индивидов профессора Жулавского заставила людей поверить, что «биороботы» — самые опасные существа во вселенной. Их отправили в крематорные печи всех. Без допроса, без предъявления обвинений, без суда и следствия. В их числе была Лиза — юное создание с человеческой душой.

Кого же на самом деле профессор Жулавский выводил в люди? Исполнительных рабов? Безжалостных убийц? Или чутких добрых друзей? А может быть среди них, как в любом обществе, были и те, и другие, и третьи? И кого же больше? Никто не задался этим вопросом. А исполнительской службе, как и крематорной печи, было все равно.

Я возвращалась домой с тягостным чувством. Мне пришлось говорить со старой женщиной о самом больном, самом страшном. И я подумала: если бы на моем месте была Лиза, как бы поступила она? И поняла: Лиза бы закрыла блокнот и не задала ни единого вопроса, лишь увидав печальные глаза осиротевшей старушки.

Интервью подготовила Анастасия Нежданова».

К статье прилагались две фотографии. На одной седая курчавая бабулька обнимала улыбающуюся девушку с тонким красивым лицом, обрисованным ровной линией ухоженных волос. Две счастливые женщины, голова к голове. Две пары сияющих глаз. Другая фотография демонстрировала прозекторскую, где просматривался стол и растерзанное тело на нем. Подписей к изображениям не было.

Чуть ниже имелась дописка: «Только в нашей газете! Читайте серию статей об индивидах профессора Жулавского. В следующем номере: «Истинное лицо Алексея Жулавского». Вы узнаете о ранее не публиковавшихся фактах биографии профессора, о его личной и семейной жизни».

Филипп отодвинулся от экрана.

— Орион, дай мне поименный список всех корреспондентов это газетенки.
— Позвольте уточнить задание.
— Чего еще не ясно? — доктор Жулавский удостоил индивида взглядом.
— Подобные данные не публикуются в открытых базах. Вы хотите, чтобы я нарушил закон?
— Какой закон?... Нет! Не надо мне цитировать кодекс! Достань все, что найдешь. Любыми средствами, но так, чтобы тебя не отследили. Меня интересуют женские имена.
— Будет сделано.
Из дальнего угла кабинета донеслось сдавленное сопение. Это смеялся Стас.
— Он тебя достанет, Фил.
— Лучше бы ограничил ему доступ в библиотеку, — проворчал Филипп.
— Я тебе давно говорил, что он начал свое образование с изучения юриспруденции. Ты меня, помнится, тогда послал.
— Я не нянька! Ты взялся его опекать, вот и продолжай в том же духе.
Стас хмыкнул, явно довольный замечанием, и для порядка напомнил:
— Слушай, мне вообще-то забот хватает. Ты помнишь, что мы заказали десять эмбрионов?
— Ты уже привез? Отлично! Предыдущая партия развивается успешно, будем закладывать следующую.
— Фил, а тебе в этой статье ничего странным не показалось?
— Болтовня!
— Там было про головную боль и насморк. Разве так бывает? У Ориона стопроцентный иммунитет, а боль он только диагностирует, и то, когда захочет. Его организм защищен от любых неприятностей, как зародыш в матке!
— Почему я знаю, что у них бывает! Но с легкой руки этой «Анастасии Неждановой» газеты сейчас расшумятся во все глотки.
— Не бери в голову, у нас «крыша»... Слушай, а ты даже имя репортерши запомнил! Чего это вдруг?
Филипп долго смотрел на застывший электронный текст.
— Я думаю, что это вовсе не «Анастасия какая-то». Сто против одного! Ее имя — Анна Жулавская.
— Твоя сестрица? — изумился Стас.
— Да. И она что-то знает. Она была с отцом в последние годы. Она видела, как он работал, и теперь собирается поведать об этом миру. Я должен ее найти!
— Зачем? Фил, ты получил своего индивида. Что тебе еще надо?
— Решить отцовскую задачку, вот что мне надо! Мне нужны мои жрецы, а не дубликаты его поделок! Орион — это прототип. Теперь дело за новыми! Я должен понять, что наделала эта штука, — он ткнул пальцем на колбу с осколками минерала, безделушкой застывшую на столе. — Ты мне можешь объяснить, как кусок камня сформировал в родниковой воде человеческую ДНК?
Стас устало покачал головой.
— А Анна скорее всего может! — Филипп хлопнул ладонью по столу. — Сделай все, чтобы ее отыскать. Используй парня. Я хочу проверить его в настоящем деле. Зря, что ли, ты его всюду таскаешь за собой по поводу и без повода!

За окном вагона проносились снежные поля, полусонные деревеньки, холодные полустанки. Мелькали столбы электропередач, текли и текли провода. Тамара, свернувшись калачиком на жесткой полке, приткнулась головой в колени Глеба и мирно дремала, под размеренное перестукивание колес. Обрюзгшая женщина напротив копошилась среди многочисленных катулей и недоверчиво поглядывала на загорелого длинноволосого парня. Он понял ее мысли: как бы чего не спёр. Стало противно. Он отвернулся к покрытому изморозью окну.

Зачем я еду туда? Что найду? Пустой дом? Память?.. Виртуальную могилу без надгробия и доброго имени?

Смутные воспоминания о первых минутах существования вне капсулы вызвали легкий озноб. Глеб поспешно направил мысли в противоположную сторону: поближе к Тамаре, к полюбившейся деревеньке и ее обитателям, к приемному отцу.

Вьюжным февральским днем они вдвоем стояли на крыльце избы, и Борис Сергеевич спросил:

— Ну что? Что решил-то, сынок?

— Поеду. Может себя лучше узнаю, когда пойму, что за эксперимент такой на мне поставили.

— А Томочка?

Глеб оглянулся на избу.

— Придется с собой брать. Плачет весь день. Как я ее оставлю? Чего доброго, втихомолку за мной отправится. Не привязывать же... Да и грустно мне без нее.

— Да-а-а, — Борис Сергеевич хитро прищурился. — Тяжко с ней будет.

— Ничего, батя, не впервой. Два года рука об руку по земле версты отмеряли.

— Поди больше и не увидимся...

— Отчего же? Будет все в порядке, к посевной, как пить дать, придем.

— Да ты не о посевной, ты о себе подумай! Голова у тебя светлая и душа горячая. Неужто на земле места не найдешь себе и Томе?

— Не место ищу, отец, дорогу ищу. А родина моя навсегда в Белкове. Здесь я родился... В мае домой вернемся, обещаю! А там посмотрим.

— Ну, раз так... Удачи тебе, сынок.

— Гле-еб, — позвала Тамара, — мне тут не нравится.

— Скоро наша станция, кнопка. Потерпи.

Она села на скамье и, передернувшись от холода, запахнула воротник полушубка.

— Глеб, почему ты думаешь, что мы неправильно едем? Ты перепутал электрички?

— Нет, Тома. Электрички я не перепутал... — Глеб бесцельно обвел взглядом встающих с пригретых мест сонных людей.

Запыхтели тормоза. Поезд дернулся и замер. Несколько человек побрели на выход. Хлопнули и закрылись автоматические двери. Январский ветер проник в вагон, перекатился между скамеек вместе с пустыми пластиковыми банками и рваной бумагой, и смешался с тупым вездесущим сквозняком. На полу осталась шелестеть потрепанными страницами зачитанная толстая газета.

— Подожди-ка, — Глеб медленно поднялся и, как замороженный, пошел за ней. Наклонился. Взял в руки.

С первого листа на него смотрела полногрудая обнаженная девица. Нет. Этот шедевр безобразия не мог привлечь внимания. Глеб быстро перелистал газету. «У меня украли половину сердца» — размашистый заголовок развернулся на всю ширину полосы. Глеб пробежал глазами текст и «на автопилоте» вернулся на свое место.

— Тома, мы действительно ехали не туда... — проговорил он. Руки спешно перебирали страницы. — Вот. Дата... Всего две недели назад. А издательство?...

Город на Волге, крупный губернский центр, третий по величине в Европейской части России. Где-то там, в его каменных недрах, живет журналист Анастасия Нежданова, поднявшая из забвения имя Алексея Андреевича Жулавского.

Анна разложила на полу газеты и уселась на ковер, скрестив ноги «по-турецки». Потрясающий успех — так заявил ей редактор после публикации интервью с Кристиной Сталинаровой. В дополнительном номере и в электронной версии текст дали в несокращенном варианте. Две следующие статьи «Истинное лицо Алексея Жулавского» и «Как рождался индивид», написанные Анной по собственным юношеским воспоминаниям, вышли одна за другой и вызвали разноголосые отзывы. Вчера Игорь отвез в редакцию свою заметку, где выступал в роли оппонента, разглагольствующего на тему жестоких выходов «биороботов». Тексты он набрал в газетных архивах, переключил до неузнаваемости и использовал стиль писаки-любителя. Анне предстояло ответить новыми фактами. Все было заготовлено заранее. Оставалось ждать приезда Игоря для уточнения деталей.

Она посмотрела на часы. 21:15. Кольнуло беспокойство: поздновато.

Анна углубилась в чтение своих заметок. Следующую статью решено было озаглавить «Кто откроет тайну альтернативной жизни». Игорь сам сделал маску, ввернув в текст несколько опасных вопросов на тему генетических экспериментов, которые, по его убеждению, проводили правительственные лаборатории на конфискованном у Жулавского материале. Анна протестовала, но будущий супруг уверил — так надо.

22:00. Анна зябко запахнула шаль и пошла к окну. Над обледеневшим тротуаром сиротливо чернел фонарный столб, возле которого обычно Игорь парковал свой автомобиль.

— Куда ж ты, милый, запропастился? — проворчала девушка, оглянувшись на телефонный аппарат.

Набрала номер. Его «мобильник» не отвечал.

— Вот непоседа! Что ты еще такое придумал? — и она позвонила в редакцию.

Трубку никто не поднял.

Анна принялась ходить из угла в угол. Газетная бумага и распечатки шуршали под ногами.

22:30. Она почувствовала себя одинокой и брошенной.

Вдруг зазвонил телефон.

— Слушаю! — Анна сорвала трубку.

— Анастасия Васильевна Жукова? — донесся незнакомый голос.

— Д-да, — она в первый миг забыла, что по документам до сих пор проходит под чужим именем.

— Вы супруга Игоря Федоровича Гладкова?

— Невеста. А в чем дело?

— Произошел несчастный случай, — прозвучал официальный ответ. — Вас приглашают завтра в 8:00 в городской морг № 3 для опознания.

— ...Какой морг?

— Очень сожалею. Имела место автокатастрофа. Господин Гладков найден мертвым в кабине своей машины. Будьте любезны, вас ждут завтра в 8:00. Запишите, пожалуйста, адрес морга.

Потерянная, Анна стояла над телефонным аппаратом, держа в руках листок отрывного блокнота с наспех нацарапанным адресом. Сообщение никак не укладывалось в голове. Найден мертвым. Автокатастрофа. Для опознания в восемь-ноль-ноль.

«Если это чья-то дурацкая шутка, я завтра протяну шутника на всю полосу», — подумала девушка и уселась в кресло.

Она ждала Игоря до двух часов ночи и, наконец, поняла: голос в трубке не шутил. Какой-то клерк с погонами на стандартном бумажном языке сообщил ей о гибели жениха. Все элементарно: «Имела место автокатастрофа. Господин Гладков найден мертвым».

Анна закрыла ладонями лицо. Из груди вырывались одиночные всхлипы, но она не плакала. Она давно научилась плакать.

Урну с прахом торжественно установили в отведенное в колумбарии место и чинно замуровали под синтетические басы похоронного марша. Коллеги и друзья медленно пошли к выходу. Перед стеной остались только Анна и главный редактор, неуклюже обнимающий ее за плечи.

— Вот и все, Аня, пора, — он осторожно тронул ее локоть. — Пора.

— Я все равно найду, кто это сделал, — выдавила Анна.

— Ничего, ничего. Успокойся, никакого убийства не было. Обычный несчастный случай.

— Обычный?

— Мы все проверили, Аня. Хочешь, я покажу тебе акт экспертизы? Он превысил скорость, не вписался в поворот. Улицы у нас — как американские горки, а еще и лед кругом. Так бывает. Да и кому пришло бы в голову его убирать?

— Его тему закрыли.

— Ну, когда это было! Вы же занимались Жулавским. А какой тут криминал? Успокойся, Аня. Это не убийство.

Идея неожиданно стукнула в голову, и Анна резко обернулась к редактору.

— Иди домой, отоспись, соберись с мыслями, — не замечая ее взгляда, продолжал тот. — Ты же закончишь вашу работу?

— Да. Я закончу, — решительно заявила журналистка.

На следующий день Анна появилась в кабинете шефа с пачкой распечаток.

— Это следующая статья, — объявила она.

— Как? Уже? — редактор проводил взглядом бумаги, опустившиеся на его стол.

— Да. Она готова.

Через час Анну вызвали в кабинет.

Редактор долго протирал обширную лысину белоснежным платком.

— Аня, ты уверена, что хочешь это напечатать?

Первый лист рукописи начинался заголовком: «Кто же убийцы: биороботы или все-таки люди?» Слово «все-таки» было вычеркнуто любимым красным карандашом редактора.

— Да, — Анна вызывающе смотрела на шефа.

— Ты пишешь, что журналиста убили за то, что он вытянул на свет дело Жулавского. Надеюсь, ты понимаешь, что Игоря не убивали. Он сам навернулся на своей трижды проклятой машине. Аня, нам всем тяжело. Мы потеряли прекрасного опытного журналиста, ты потеряла супруга...

— Мы не успели зарегистрировать брак.

— Не важно. Ты искажаешь факты!

— А разве этого раньше не делали? Да каждая наша статья что-то искажает! Вы же сами мне всегда говорили — интерес публики важнее дотошной правды.

— Говорил и говорю, — редактор растерялся. — Но тут ты, ... как бы сказать, ... ты играешь на светлой памяти человека. Мертвым, конечно, все равно, что о них пишут, но ты сама...

— Короче, вы берете статью или нет?

Редактор помялся. Искушение было слишком велико. Статья обещала пойти «на-ура».

— Беру, — выдохнул он.

— Отлично, — и Анна, щелкая каблучками, ровной походкой направилась к двери.

Глава 10 Встречи

Разговор с разукрашенной девицей в сквере, где под ногами хлюпало мартовское месиво из воды, снега и песка, Анну доконал. Тем не менее она добросовестно записала весь бред, который изливала «жертва пламенной любви биоробота».

Когда «секс-бомба» в предвкушении будущей славы удалилась, виляя толстыми бедрами, Анна брезгливо поморщилась: «Ты бы хоть годики свои посчитала по пальчикам. Девять лет назад тебе, голубушка, маманя еще сопли вытирала, а шикарную попку разве что отцовский ремень ласкал». Журналистка вздохнула. Игорь, помнится, предупреждал, что такие «свидетели» обязательно появятся.

Она посмотрела на небо и попыталась представить, где сейчас находится душа ее несостоявшегося супруга. Но в голову ничего дельного не приходило, кроме осточертевшей проблемы с квартирой. Будь они официальными мужем и женой, вся недвижимость Игоря по закону досталась бы ей. Но в настоящей ситуации прав на имущество погибшего Анна не имела.

В кармане пальто настойчиво запищал электронный секретарь. Анна, засунув сумочку подмышку, достала прибор и заглянула на табло. «Б. «У стен кремля». 15:00» До встречи оставалось четверть часа. Анна вздохнула и медленно пошла по аллее. Торопиться некуда: кафе располагалось в квартале от сквера.

За спиной послышался чавкающий топот. Двухметровый детина, пыхтя как загнанный боров, пронесся мимо, задев девушку плечом. За ним тянулся шлейф ни с чем не сравнимой вони. Журналистка отшатнулась, выронив сумочку и электронного секретаря.

— Эй ты! — крикнула она вслед неуклюжему торопыге. Реакции, разумеется, не последовало. — Придурок...

Анна наклонилась, чтобы подобрать свои вещи, однако, ее опередили.

— Разрешите, помогу, — перед Анной стоял высокий молодой человек. Первое, что бросилось девушке в глаза, это дорогой галстук, видневшийся под распахнутым пальто.

— Спасибо, — она удивленно взяла из его рук сумочку.

Прежде чем вернуть приборчик, молодой человек аккуратно вытер его своим платком.

— Не волнуйтесь, вода в корпус не попала. Будет работать, — и он доверительно улыбнулся.

Теперь Анна рассмотрела его лицо. Утонченный красавец-брюнет. На коже — ни щербинки, ни изъяна. Мужественная бледность на гладко выбритых щеках. А под ровными черными ресницами — ярко-карие глаза, чуть-чуть застенчивые и, одновременно, таинственные, как звезды далеких галактик.

— Благодарю, — нерешительно произнесла журналистка. — Как мило с вашей стороны, — она показала взглядом на испачканный платок.

— Пустяки. Отвратительная погода для прогулок.

— Пожалуй. Но дела не зависят от капризов погоды, — Анна понимала, что городит полную чушь, и все-таки продолжала. — Летом тут у нас чудесно. Когда растает снег, лучшего места в нашем городе не найти.

— Как вы угадали, что я приезжий? — изумился молодой человек в галстук.

Анна вскинула брови и, переварив вопрос, рассмеялась.

— Ну, знаете ли, вы несколько выделяетесь из привычной среды обитания.

— Я коммивояжер. Признаться, вы правы: в вашем городе я впервые. Григорий.

— Очень приятно. Анна.

Обычно, она представлялась «Анастасией Жуковой», и лишь в узком кругу коллег ее называли Аней. Сейчас настоящее имя слетело с языка произвольно. «Я попала под влияние собственных статей», — тревожно подумала журналистка. Но отступать было некуда.

— К сожалению, у меня деловая встреча, — начала она и поймала себя на настоящем сожалении.

— Встреча здесь? — Григорий смешно сморщил нос и театрально повел рукой, как бы привлекая внимание к нелицеприятной картине мартовского сквера.

Анна вновь рассмеялась.

— Нет, не здесь. Рядом, через площадь.

— А если я попрошу разрешения вас проводить, это тоже будет выделяться на фоне нравов вашего города?

— Какой вы забавный, Григорий, — девушка с удовольствием выговорила его имя, как будто смаковала на языке. — Так ведут себя все коммивояжеры?

— Хм, дайте подумать... Нет! Не все. Лишь те, кому посчастливилось в первые же часы в новом городе познакомиться со столь прекрасной дамой.

За пять минут прогулки по пешеходным переходам площади, Анна выслушала три анекдота и ухоталась до слез. Они едва не проскочили мимо кафе, где журналистку уже дожидался телефонный знакомый.

— Ну вот, мы пришли, — с трудом сгоняя улыбку с лица, сообщила Анна.

— О, так быстро! Что ж, все хорошее, как говорится, быстро кончается, — Григорий вздохнул.

— Позвоните на досуге, — и Анна прежде, чем успела сообразить, протянула молодому человеку свою визитку.

— Обязательно! — он помахал карточкой, как флажком, девушке вслед.

Она, не обернувшись, скрылась за стеклянной дверью.

Человек, вызвавший Анну на деловое свидание, поднялся из-за столика ей навстречу.

— Господин Бурмистров? — она сделала шаг вперед, готовая протянуть руку для рукопожатия.

— Он самый, Анастасия Васильевна. Прошу, — мужчина подвинул журналистке стул.

— Итак, если я вас правильно поняла, вы мне хотите предложить какой-то материал? — Анна взяла с места в карьер: таков был ее обычный стиль работы.

— В целом, все верно. Но давайте расслабимся, посидим, поговорим. Меня зовут Павел Аркадьевич. Можно просто Павел, — он заискивающе растянул губы.

«Паша», — фыркнула про себя Анна. Она терпеть не могла седовласых джентльменов, игравших в искренность с молодыми женщинами.

— Видите ли, Павел Аркадьевич, у меня плотный график. Если вас не затруднит, давайте сразу к делу.

— Как скажете, как скажете... — он задумчиво погладил салфетку. — Анна Алексеевна, в вашей последней работе...

— Простите, как вы меня назвали? — Анна заставила себя сохранять невозмутимость.

— А разве я ошибся, Анна Алексеевна? — прежняя сделанная улыбка висела на лице господина Бурмистрова.

— У вас нет оснований называть меня именем моей героини, — девушка бухнула первое, что пришло на ум.

— Есть основания, есть! — в тоне звучала этакая стариковская застенчивость. — Вы меня, скорее всего, не помните. Но с Алексеем Андреевичем мы частенько о вас говорили. Я даже заезжал к вам в гости. Скажу откровенно, я бы вас при случайной встрече тоже не узнал. Вы тогда были совсем крошкой. Мама держала вас на руках.

«Врет», — решила девушка, хотя тень сомнения мелькала где-то в подсознании.

— Допустим, вы не ошиблись, — заговорила Анна, медленно подбирая слова. — В таком случае, какое у вас дело к Анне Жулавской? И что я, журналист, могу вам предложить за эту информацию.

— Я буду говорить начистоту. Я представляю фирму, заинтересованную в опубликовании всех разработок, сделанных Алексеем Андреевичем. Собственно, не вы должны нам что-то предложить, а мы просим вашей помощи. Его исследования были на этапе завершения, когда случилась эта нелепая история. Он писал мне, что готов обнародовать некоторые свои открытия, даже передал часть файлов с описаниями опытов. Но после трагедии все материалы оказались под замком. Сейчас, когда вы начали свое расследование и убедительно показали людям, насколько опрометчиво поступили с биороботами правоохранительные службы, дело Жулавского может

быть официально продолжено. Его исследования ДНК и воздействия различных минералов на развитие человека положат начало новой эре в медицине.

— Минутку, а чем занимается ваша фирма непосредственно?

— Попросту говоря, — ответ у Павла Аркадьевича был явно заготовлен заранее, — мы изучаем экологические факторы, влияющие на здоровье людей, и даем рекомендации социальным и многим другим структурам.

— Это частная фирма?

— В общем, да. Последние десять лет нас финансируют из разных источников.

Анна порылась в сумочке, извлекла помятую пачку сигарет и закурила.

— И чем я могу помочь вашей фирме?

— Мне поручено предложить вам некий контракт, не в полном смысле этого слова, разумеется. Но нам было бы интересно первыми получать кое-какую информацию, касающуюся научных разработок Алексея Андреевича.

— С чего вы взяли, что я собираюсь копать научные разработки? Я журналист.

— Вы — дочь своего отца.

— Этот вопрос открыт. Помните, я сказала «допустим».

— Пусть будет «допустим», Анна Алексеевна, — теперь седой «джентльмен» расплылся в настоящей улыбке. — Итак, каков ваш ответ?

— А если я не оправдаю ваших надежд? — осторожно спросила Анна.

— Скромность красит женщину! Но в вашем случае скромность не нужна. Вы прекрасны и умом, и личиком. Ваши статьи — это работа грамотного, опытного журналиста.

Девушка украдкой вздохнула. Имя Игоря не фигурировало в теме Жулавского, но она-то знала, каков его вклад в начатое дело. «Я справлюсь и без него», — решила она вдруг.

— Хорошо. Давайте поговорим о контракте.

С утра Анна планировала заехать на квартиру Игоря, чтобы забрать кое-какие свои вещи, пока дом не опечатали до окончательного решения о наследовании, но после всех состоявшихся встреч посчитала, что прежде нужно навести порядок в собственной голове. Ее нынешнее место жительства располагалось на самой окраине города, и добираться туда приходилось на общественном транспорте, поскольку собственной машины она не имела.

В однокомнатной квартирке на третьем этаже старого типового дома, которую журналистка снимала теперь за небольшую сумму, было неуютно и холодно. Не раздеваясь, Анна плюхнулась на кровать. Аванс в виде чека с внушительным количеством нулей лежал у нее в кармане. Однако удовлетворения девушка не чувствовала. Мысли все больше блуждали вокруг визитки, врученной Григорию. Игорь говорил: первая заповедь мудрого журналиста — тяни к себе всех, кто тянется, а вот сама кидаться к людям не спеши — ты о людях должна узнавать все, а они о тебе ничего. С молодым коммивояжером в парке все получилось с точностью до наоборот.

«Если позвонит, я отшучусь и попрощаюсь. Хорошенький он, конечно, но хватит с меня знакомых! — и Анна поставила здесь точку. — Займемся Бурмистровым. Врет или не врет насчет отца?» Она порылась в памяти, но реально ли вспомнить гостей, приходивших в дом, когда тебе самой отроду три-четыре года? И все же Анна склонна была поверить в рассказ Павла Аркадьевича. «Да в конце концов! Мое какое дело, был он отцовским партнером или нет. Они мне заплатили, я буду подсовывать им все, где есть слово ДНК. Выкарабкаюсь!... А Игорь бы не одобрил...»

Анна по-настоящему разозлилась на себя за постоянные оглядки на образ погибшего товарища. Следующую мысль о Гладкове она изловила до ее появления в сознании и безжалостно придушила.

«Хватит! Его нет и больше не будет. Я взяла от него все, что могла. Теперь у меня своя собственная карьера».

Зазвонил мобильник. Анна вздрогнула. Обычно никто, кроме Игоря, в столь поздний час ее личным телефоном не пользовался. В первый момент девушку сжал суеверный ужас. Но уже

секунду спустя, она шагнула в прихожую, где оставила вещи, кляня на чем свет стоит злосчастную визитку.

— Слушаю!

— Анна?

То ли в голосе его присутствовало нечто притягательное, то ли девушка смертельно устала после общения в кафе, но так или иначе решение с «точкой» было моментально забыто.

— Это я, Григорий. Привет!

— Привет. Рад слышать вас вновь. Как настроение?

— Мягко говоря, не очень. Трудный день.

— У меня тоже. Вдоволь набегался по конторам. Может быть объединим усилия?

— Какие усилия?

— Для поднятия настроения.

— Отлично! — Анна обрадовалась.

— Значит — да? Здорово! Сударыня, я скачу к вам во весь опор!

Анна уже хохотала. Она еще ни разу не встречала человека, который бы паясничал так грациозно и ненавязчиво.

— А куда, сударь, вы изволите скакать? Григорий, я ведь адрес еще не дала.

— Упс! Чуть было не сел в лужу. Так куда изволите доставить карету?

Девушка назвала улицу и дом и для надежности объяснила, как добраться до микрорайона.

— Один момент, и я у вас! — продекламировал Григорий и повесил трубку.

Вечер прошел блестяще. Они расстались далеко за полночь, обменявшись дружескими рукопожатиями. Анне очень хотелось поцеловать Григория на прощание, но она постеснялась: уж слишком безупречен был этот молодой человек.

На следующий день в офисе редакции она наблюдала за коллегами и невольно примеряла на каждого «костюм» нового знакомого. Никому «костюм» не подошел. Таким тактичным, предупредительным, галантным и остроумным как Григорий, мог быть только сам Григорий.

К концу рабочего дня он опять позвонил, бодро доложил, что все дела закончил и поступает в распоряжение Анны. Та, не задумываясь, подхватила пальто и сумочку и, пробормотав что-то о назначенной встрече, выскочила на улицу.

На сей раз Григорий поразил девушку своими поистине энциклопедическими знаниями, и она рискнула задать ему вопрос, периодически сверлящий голову в течение дня.

— Вот тебе ситуация, — начала она, когда они прогуливались по вычищенным дорожкам возле кремля. — Несовершеннолетнему подростку без его согласия меняют имя и фамилию.

— Трудно себе представить, как это можно повернуть, — откликнулся Григорий.

— Можно, можно, — уверила Анна. — Я работала над статьей по похожей теме и лично говорила с человеком, который попал в такую историю. В общем, слушай: пятнадцатилетнему подростку путем компьютерных махинаций поменяли имя. Потом, через несколько лет, его обвиняют в нарушении закона о персональной идентификации. Это справедливо?

Григорий приостановился. Анна украдкой следила за выражением его лица, на которое опустилась неподвижная тень, и лишь в глазах интенсивно работала мысль. Вердикт был вынесен, спустя несколько секунд.

— Нет. Обвинение не правомерно. Согласно уголовному кодексу ответственность за махинации с документами наступает с шестнадцати лет. В данной ситуации правонарушителем является тот, кто провел аферу. Если впоследствии субъект скрыл от суда известные ему факты — личность мошенника — тогда он попадает под действие статьи об умышленном сокрытии улик. И то лишь в случае, если мошенник не является его близким родственником, ибо по действующей Конституции субъект не обязан давать показания против себя или своих близких.

— Ух, ты! Ты говоришь прямо как адвокат!

Григорий поспешно расслабился.

— Я учусь на адвоката. Заочно, — он скромно опустил взгляд.

Анна выяснила все, что хотела, причем без усилий. Шантаж со стороны Павла Аркадьевича теперь исключался, и девушка почувствовала себе в полной безопасности.

Она встречалась с Григорием еще три дня. Мысли о зародыше любви к этому прекрасному юноше она старалась не подпускать, но мысли приходили и уверенность в их истине крепла.

«А вдруг все происходит именно так? — рассуждала Анна, медленно накладывая лак на длинные ухоженные ногти. — Вдруг это и есть настоящая, чистая, вечная любовь? Без лишних поцелуев, без обнаженных плеч и страстных взглядов? Вдруг все остальные были только прелюдией, а мой единственный — вот он: пришел, увидел, победил!»

Недописанная статья с пометками Игоря висела на экране компьютера, гора неразобранных газет высилась на журнальном столике, кучей валялись карточки с номерами телефонов, по которым требовалось срочно позвонить. А Анна была занята совсем другим, самым важным для себя делом. Она создавала свою личную жизнь.

Но сказки заканчиваются, как писала она когда-то в заметке о несчастной царевне. Заканчивалась и ее сказка. Григорий сообщил, что отчет отправлен шефу, а ему необходимо вернуться в столицу.

— Я хочу сделать тебе маленький подарок, — тихо сказал молодой человек на прощание. — Это может показаться странным...

— Как все в тебе, — вставила Анна, кусая губы.

— Пожалуйста, возьми его.

На ладони Григория лежал крошечный, как росинка, кулон на серебряной цепочке.

— Какое чудо! — Анна аккуратно приняла украшение.

— Это на память. Кто знает, когда я смогу увидеть тебя вновь.

— Кто знает...

Он сел в машину и скрылся в ночи. А она стояла возле подъезда старого многоквартирного дома и прижимала к груди кулон, такой же робкий и прозрачный, как единственная слезинка, скатившаяся по румяной щеке.

— Поймите, молодой человек, я понятия не имею, где сейчас Анастасия! — лысый мужчина в кабинете с табличкой «Главный редактор», говорил резко и нетерпеливо, как будто Глеб только и делал, что мешал ему работать.

В действительности, он строго соблюдал порядки издательства: записался на прием и явился в строго установленное время.

— Тогда скажите, как ее найти? Когда она бывает в офисе?

— Фу-ты-ну-ты. Я ж вам русским языком говорю: тут работают журналисты. А это значит, что на месте никто не сидит.

— Понятно. Я пришел по поводу статей об Алексее Жулавском. Как мне связаться с сотрудником, ведущим эту тему в вашей газете?

Редактор откинулся в кресле с видом уставшего от всего мира человека.

— Оставьте свой телефон. Ей передадут, и она свяжется с вами сама. Обычно у нас делается так.

В его «так» явно звучало — «а теперь катись отсюда и поживее». Заявлять, что у него нет телефона и начинать бесполезный разговор по новому кругу Глеб не стал. Сказав на прощание: спасибо, я последую вашему совету, — он взял за руку Тамару и вышел из офиса.

Ситуация — глупее не бывает. Я начинаю соглашаться с Томой, — Глеб ласково посмотрел на понурившуюся девочку, — когда она твердит, что в больших городах все ненастоящее. Люди тут тоже какие-то ненастоящие.

На улице сновали горожане и машины. Тамара жалась к Глебу, шарахалась от нервных прохожих и прятала глаза от пестрых мигающих реклам. У него защемило в груди. Проще всего сейчас было вернуться в уютную ласковую деревню, спрятать девочку от пустых взглядов, пошлых людских сквозняков, бетонных громад и нескончаемого потока автомобилей. Спрятать... И навсегда отсечь гигантский пласт жизни, пусть не мягкой и удобной, как пуховая подушка с детскими снами. Здесь, среди каменных углов, под феерией ярких огней, в угаре выхлопных газов варились тысячи человеческих судеб. Здесь изобретали правила существования, продвигали изощренные технологии, рушили и воссоздавали земную природу. Здесь клокотала неотвратимая действительность.

— Вечереет. Домой пора, — вымолвил Глеб.

— Домой? — Тамара вытянулась в струнку. — Но тебе нужно поговорить с тетенькой, которая написала рассказы в газете. Тебе обязательно нужно поговорить!

— Мы попробуем найти ее завтра, — поспешно пояснил парень.

— Хочешь, я посижу в квартире, когда ты пойдешь искать? Хочешь?

Глеб знал, что девочка боится оставаться одна в безликой каменной коробке, которую горожане называли домом. Но сейчас на осунувшемся курносом личике трепетал совершенно иной испуг. Она боялась стать причиной развилки на его пути.

— Мы будем искать вместе, — ответил Глеб и с усилием сдавил в себе раскачивающиеся сомнения.

Оглянулся вокруг. Действительность...

Город, младший сын земли, будто забыл о матери, и отчаянно рвался в небо высотными зданиями, высокопарными идеями и самомнением миллионов одиночек, каждый из которых стремился залезть хотя бы на сантиметр выше коллеги, соседа, брата. Казалось, еще одна ступень, и вся гигантская махина из стекла, бетона и безразличных лиц оторвется от корней и сгинет в холодном космическом пространстве. А старым добрым деревенькам, прилипшим к материнскому подолу, останется только медленно отходить в прошлое, унося в небытие память поколений. И так наступит гибель земли.

Тамара сжалась всем телом от ужаса. Глеб, опомнившись, вытряхнул из головы страшную мысль и бережно обнял девочку.

— Не пугайся, кнопка. Я подумал о плохом, но так не будет. Наша земля никогда не погибнет. Это точно, как то, что я не оставлю тебя одну, ни в квартире и нигде.

Она обвила его шею тонкими ручонками.

— Я хочу научиться ничего не бояться.

— Ничего не бояться нельзя. Так не увидишь опасность. А мы научимся смело смотреть на реальность.

— Ты самый смелый, — прошептала девочка. — И я буду смелой, тогда земля разрешит мне стать взрослой.

Эта тема еще ни разу не звучала в ее речах, и Глеб не сумел скрыть удивления.

— Ты хочешь стать взрослой?

— Да. Хочу. Чтобы тебе всегда было со мной хорошо, — заявила Тамара и, вобрав в грудь побольше воздуха, отважно шагнула в толчею многолюдной улицы.

Глава 11 Встречи (продолжение)

В сумерках, глядя с моста вдаль, где встречались две огромные реки, казалось, что вокруг простирается океан. Реки, превращенные людьми в многофункциональные водные магистрали, не замерзали. Теплоходы, баржи, рыболовные траулеры сновали туда-сюда круглый год, днем и

ночью перевозили грузы и пассажиров. Анна любила это место. Здесь хорошо думалось о вечном. Наплывали стихи, хотя ни одного стихотворения она так и не вспомнила до конца. Теперь появилось новое: она закрывала глаза и представляла Григория. Он ходил по огромным кабинетам, разговаривал, смеялся, шутил. Было немного странно, что всего через два дня после расставания его лицо, облик, движения как бы стерлись из реальной памяти, а на замену пришел неопределенный идеальный образ, который легко подчинялся каждой прихоти фантазии.

Анна отодвинулась от парапета и пошла по пустой пешеходной дорожке дальше. Осталось добраться до трамвайной остановки, сесть в вагон и доехать до микрорайона, где ее ждала пустая холодная квартира. Завтра все изменится. Она отважилась реализовать чек, врученный господином Бурмистровым. Завтра в гараже на Березовской ее будет ждать новая, полностью оформленная машина, на которой она поедет смотреть новую квартиру. Завтра выйдет новая статья, со скрипом дописанная за истекшие дни. Всё новое. И всё завтра. А пока — вперед, на ненавистный трамвай.

Журналистка встала на перекрестке, дожидаясь зеленого сигнала светофора. Одиночные автомобили проскакивали мимо. Горел свет в окнах многоэтажек, а на улице было пусто и промозгло. Анна поехала, перешла через проезжую часть и свернула в узкую улицу. Появилось ощущение, что за ней наблюдают. Она оглянулась. Чуть позади шли двое — мужчина и девочка. И больше никого вокруг. Подгоняемая надуманным страхом, Анна ускорила шаг. До проспекта оставалось еще два квартала.

— Глеб, а Глеб, — Тамара подергала его за рукав. — Почему во-он та тётенька нас испугалась?

— Кто ж ее знает? Тут в городе многие друг друга боятся.

— Глеб, а у нее был цветок.

— Как это «был»?

— Ну, почти такой же, как родился у тебя. Только очень-очень слабенький. И он почти совсем завял.

Глеб внимательно посмотрел в спину женщины впереди, но ничего особенного не заметил: ни «тепла», ни «холода».

— Ты думаешь, мы поможем ей оживить цветок? — спросил он.

— Не-е. Помочь нельзя. Человек сам оживит, если захочет. А она боится.

На улицу вырулила машина и помчалась навстречу.

— Отойдем-ка, обрызгает, — Глеб отвел Тамару в сторону.

Вдруг машина с визгом затормозила прямо перед одинокой женщиной. Вспыхнули фары. Тамара зажмурилась, а Глеб отчетливо увидел, как из автомобиля выскакивают три рослых «качка». Женщина вскрикнула. Ей зажали рот.

— Тома, стой здесь!

И парень ринулся на выручку.

— Эй! А ну прекратите безобразия!

Похитители не рассчитывали на вмешательство и заметно растерялись, когда прямо перед ними оказался посторонний человек.

— Оставь ее, ты, невежа! — грозно крикнул Глеб.

Он не ожидал, что слова как-то подействуют, но, привлекая к себе внимание, выиграл несколько секунд. На него замахнулись. Парень ловко ушел из-под занесенного кулака, метнулся к громиле, в клешнях которого извивалась женщина, и коротким ударом в висок выключил его из предстоящей драки.

— Бегите! — это относилось к жертве.

Он не успел проследить, выполнила ли она его команду, поскольку в то же мгновение очутился в центре свалки. «Качки» били профессионально. Глеб получил несколько мощных ударов в голову и в корпус, но на ногах устоял. Извернулся, ухватил одного за локоть и кинул через бедро. Второй саданул его чем-то тяжелым по спине: видно, целился в основание затылка,

но промазал. Парень отлетел к стене дома. Краем глаза он заметил женщину, в ужасе застывшую в двух шагах от него.

— Бегите! Живо! — прохрипел он и метнулся в сторону.

Кулак нападавшего врезался в кирпичи.

Глеб схватил остолбеневшую жертву в охапку и вместе с ней ввалился в переулок.

— Тамара!!

Девочка была уже рядом. На цыпочках прокравшись мимо неуклюжих великанов, она юркнула за угол и опрометью кинулась в темноту. Очнулась и спасенная дама. Глеб толкнул ее вперед, и она, наконец, побежала.

Анна так запыхалась, что в глазах мерцали только цветные круги. Она автоматически переставляла ноги, хотя не понимала — движется или как в кошмарном сне вязнет на месте. Наконец, она остановилась и, держась за фонарный столб, опустилась на мокрый асфальт.

— Я больше не могу...

— Ты можешь. Вставай. Пойдем!

Анна подняла взгляд и увидела перед собой девочку. Кажется, ту самую, что раньше заметила на улице. Голова прояснилась.

— А где твой папа?... — выдавился испуганный вопрос.

На курносом личике появилось недоумение.

— Ну, тот, кто меня спас?

— Глеб мой брат, — девочка старательно сдвинула брови, изображая серьезность. — Он нас догонит. Ему сделали больно, но он умеет побеждать боль. Он догонит. Пойдем.

— Куда? — Анна всмотрелась в подростка, рассуждавшего как ребенок.

— К нам. Там тебя не найдут. Глеб хочет, чтобы я вела тебя к нам. Это рядом. Ты не устанешь. Пойдем.

Анна, как замороженная, сжала протянутую ей ладошку.

— Тут совсем близко, — и девочка потянула журналистку за собой.

Они шли по темным переулкам минуты три прежде, чем за спиной послышались быстрые шаги.

— Тома!

— Мы здесь! — девочка выпустила Аннину руку и побежала навстречу брату. Косичка, выбившаяся из-под вязаной шапки с помпоном, шлепала ее по спине.

— Вам лучше переждать в безопасном месте, — с этими словами благородный спаситель приблизился к журналистке. Девочка семенила рядом. — Я их ненадолго уложил. Они могут вернуться за вами. Переночуйте у нас. Наша квартира в доме за углом.

— Спасибо... Я даже не знаю... Не знаю,... — она увидела разбитое в кровь лицо и ахнула. — Как вас!... Это из-за меня...

— Не волнуйтесь, пустяки. Давайте побыстрее уберемся с улицы.

Анна безропотно позволила взять себя под руку. Пропустив ее и девочку в подъезд, мужчина несколько секунд постоял в дверях, прислушиваясь к ночному городу.

— Пока не выследили, — сообщил он. — Значит, и впредь не найдут, — он дружески улыбнулся, и из рассеченной губы на подбородок потекла кровь.

Анна прикрыла глаза и с трудом сглотнула.

Квартира отважного спасителя и его странной сестренки располагалась на восьмом этаже. Лифт, разумеется, не работал, и Анна поднималась по лестнице на ощупь, одной рукой держась за грязные перила, другой прикрывая нос и рот, чтобы хоть как-то отделаться от гнусного запаха отбросов, кошек и прочих прелестей полувекового строения.

— Мы не насовсем тут поселились, — смущенно пояснила девочка, когда гостя застыла на пороге комнатки. — Вот диван. Отдохни.

И она скрылась в прихожей. Заурчал водопроводный кран.

— Глеб! Ура! Вода течет!

— Завари листочки, Тома, — откликнулся мужской голос.

Анне вдруг показалось, что этот низкий бархатный тембр ей откуда-то знаком. Она осторожно выглянула в прихожую. В ванной комнате горел тусклый свет, дверь была приоткрыта. Мужчина, опираясь о края раковины, стоял над краном, из которого тонкой струйкой текла вода. Куртку он сбросил. Теперь Анна видела широкую атлетическую спину, а закатанные по локоть рукава рубахи обнажали сильные натруженные руки. Длинные черные волосы лежали на плечах.

Он умылся и осторожно приложил к лицу полотенце. В зеркале, криво висевшем над раковиной, Анна заметила проступившие на ткани красные пятна.

— Как мне вам помочь? — робко спросила она.

— Не стоит беспокоиться, — он обернулся. — На мне быстро заживает.

Смуглое сухое лицо с жесткими обрезами скул, глубокие пронизательные глаза под черными густыми бровями, прямой ровный нос и крепкий «волевой» подбородок — ошибки быть не могло.

— Глеб? — Анна попятилась.

Удивление разгладило складки на лбу, синий взгляд напрягся.

— Глеб... — повторила она шепотом.

Он просветлел.

— Анна?.. Вот это да. Анна! — он подался вперед, но почему-то замер. — Погоди-ка, Анастасия Нежданова это...

— Это я! Я! Глеб! — она по девчачьи прижала руки к груди и крутанулась на каблуках. — Чудо! Просто чудо, что ты нашелся!

И Анна кинулась ему на шею. В ее объятиях парень вздрогнул. Она вспомнила о драке и поспешно отстранилась.

— Тебе больно? Ой, извини.

— Чепуха, — он еще раз с ног до головы оглядел девушку. — Тебя не узнать! Какая ты стала... Тома!

Девочка выглянула из кухни.

— Тома, познакомься, это Анна Жулавская.

— Здравствуй, — произнесла девочка с таким видом, будто видит гостью первый раз, и чинно удалилась.

— Что это с ней? — Анна продолжала улыбаться, но в глазах появилось беспокойство.

— Ничего страшного. Тамара немножко осторожничает.

— А кто она?

— Я зову ее сестренкой.

— Как? Она тоже, как ты? Индивид?!

Глеб ощутил слабое дуновение, похожее на «холод». В его памяти Анна представлялась чем-то средним: иногда она излучала «тепло», а иногда — ничего. Он списывал эту двоякость на безжалостное время. И вот настоящая, реальная Анна перед ним, как на ладони. Но «тепла» он больше не видел.

Похоже, Тома права: ее цветок завял, — с сожалением подумал Глеб.

— Нет. Тамара не индивид, — спокойно ответил он и хотел добавить «и я не индивид», но смолчал.

— Глеб, посмотри-ка, у тебя кровь, — Анна осознала свое открытие и ахнула. — Глеб, это же кровь!

— Я им надавал тумачков, но и мне попало, — он виновато повел плечами. — Подожди меня недолго. Мне надо в себя прийти.

Он ушел на кухню. Профессиональная привычка всюду совать нос Анну не покидала никогда, и на этот раз она не устояла перед соблазном.

Глеб сидел за столом перед чашкой пахнущего горечью коричневого настоя, запрокинув голову так, что затылком упирался в стену, и медленно глубоко дышал. Тамара стояла рядом. На

взгляд Анны она оглянулась. По ее совсем не детскому выражению лица журналистка поняла, что пора прекратить наблюдение.

Комнатенку освещала одинокая лампа без абажура. Диван, тумбочка, шкаф без дверцы, два матраца в углу, на которых устроилась, обняв колени, молчаливая Тамара. Анне стало казаться, что она попала в какой-то старинный кинофильм с этикеткой «кино не для всех». Она смотрела на Глеба, слушала его рассказ, и временами проваливалась в мистическое забытие, где реальность граничила с выдумкой, как в ее статьях. В один из таких моментов Глеб прервался на полуслове и спросил:

— Тебе трудно мне верить?

— Нет! Что ты! Нет, — Анна встрепелась. Запоздалый страх — как он прочел ее мысли — окатил холодной струей.

— Я не соответствую твоему представлению об индивидах, да? — Глеб с тоской смотрел на ту, которую помнил безмятежной непосредственной девчоночкой в отцовском доме.

— Ну, ... пожалуй, не совсем соответствуешь. Я знаю, ты всегда как-то отличался от других. Антон говорил, что у тебя огромный потенциал. Он предлагал отцу оставить тебя в лаборатории, но папа почему-то не согласился. Наверное, это к лучшему.

— Да. У Жулавского я бы никогда не стал тем, кто я есть.

— И кто ты теперь?

Глеб почувствовал дурноту. Еще одна глупейшая ситуация, в которой он был бессилён что-либо поменять.

— Человек, — просто ответил он и поспешил отвести внимание журналистки от своей персоны. — Ты писала про Лизу в статье. Там всё правда?

Анна, как положено, обиделась.

— Конечно! Какой разговор!

— Значит, Лиза тоже сумела развить себя настолько, что организм перестроился в естественную для земли форму. Они убили человека. Живого, юного человека!.. Мне страшно смотреть, что творится с людьми. Общество без души и сердца, голые слепые законы, дурацкие предубеждения. Стоит только человеку окунуться в этот котел, он начинает терять все хорошее и уникальное, что было у него в детстве. Рассудок и правила становятся главным критерием общественного существования. И я уже не знаю, существует ли альтернатива.

В его словах не звучало ни тени упрёка, но Анна ощутила легкий укол совести. Получалось, что сказанное относится и к ней.

— В истории с индивидами, — продолжал Глеб, — мне до сих пор не понятно, почему тогда не пришли за мной? На случайную ошибку это не похоже, и... Что это?

Анна медленно опустила на его колени компьютерный диск.

— Твое досье, — она откинулась на спинку дивана, — все эти годы я таскала его с собой вместо талисмана. А так как Антон успел уничтожить все копии, перед тобой — единственный экземпляр. Делай с ним, что хочешь.

Глеб провел ладонью по лицу. Ощущение было такое, будто он только что пересек пропасть и, наконец, разглядел тонюсенький мост, по которому прошел.

— Ты мне жизнь спасла.

Она неопределенно развела руками.

— Ну, ты мне тоже, — и уперлась взглядом в окно.

Еще утром Анна не рассталась бы с носителем уникальных данных ни за что на свете. И вдруг журналистская жила обвисла. Вянутый хруст уничтоженного сокровища не вызвал ни сожаления, ни отчаяния, ни тоски. Она смотрела на себя будто со стороны и могла лишь удивляться происходящему. Причина сего пряталась рядом: то ли за углом улицы, где затормозила машина похитителей, то ли за дверью этой комнаты, где она узнала лицо своего спасителя, то ли здесь, в эти минуты, пока в мозг укладывался ровный лаконичный рассказ человека о пережитом.

— Ума не приложу, кто хотел меня похитить, — Анна услышала свой голос, существовавший сейчас отдельно от мыслей.

— Тебе не угрожали? Письма? Звонки? — насторожился Глеб.

— Нет... Я вообще ничего не понимаю.

— Тебе нужно затаиться. Утром позвони своему шефу, возьми отпуск. И мы попробуем разобраться, что к чему.

— Мы? — она рассеянно подняла голову и тут очнулась.

Глеб удивленно посмотрел на девушку.

— Ты отказываешься от моей помощи?

— Нет. Но... Глеб, ты и так сегодня из-за меня ввязался в драку!

— Я не знал, что ты — это ты.

— А если бы знал? — осторожно уточнила Анна.

— Я бы попробовал вытрясти из этих троих кое-какие сведения. По крайней мере, выяснил бы, на кого они работают.

— Глеб... — она разглядывала друга детства как восьмое чудо света, — где ты набрался рыцарского духа? Неужели в своей деревне?

Он не понял, шутит Анна или нет. Она продолжала:

— Зачем тебе это? Тебе невыгодно влезать в мою историю! Да это просто опасно. Живи, как живешь! Клянусь, я не напишу про тебя ни строчки! Ни одна живая душа не узнает, что ты существуешь.

Она говорила искренне, но невидимая мерзлая поземка вилась между слов, прикрывая нечаянные прогалины в душе.

Глеб поднялся.

— Ты устала. Мы все устали. Давай спать, а утром спланируем следующие шаги, — он подошел к шкафу и достал подушку и одеяло. — Ложись здесь, на диване.

— Глеб... — Анна догадалась, что чем-то обидела товарища, но не могла взять в толк — чем именно.

— Я хочу найти свои корни, Анна. История Жулавского — это и моя история. Я должен многое понять, чтобы идти дальше по жизни. Иначе я проживу жизнь впустую.

Глава 12 Равновесие

Анну разбудил солнечный свет. За окном, наскоро завешенным старыми газетами, виднелось чистое голубое небо. Девушка потянулась и поморщилась: затекло плечо. Диван с торчащими под обивкой пружинами не располагал к комфортному созерцанию снов.

Глеб спал ничком на полу, голова его свесилась с матраса, одеяло сползло, обнажив загорелый мускулистый торс и внушительные кровоподтеки на боку. Анна не рискнула приблизиться к товарищу, будучи уверена, что в таком случае он моментально проснется.

Она достала сигареты, еще раз оглянулась на спящего и бесшумно вышла в прихожую. Тамара копошилась на кухне.

— Привет, — Анна остановилась возле облупленной колоды и закурила.

— Привет, — девочка с любопытством рассматривала новую знакомую. Сейчас при дневном свете она выглядела настоящим ребенком, от вчерашней взрослости не осталось ни следа.

— Ты давно встала?

— С солнышком. Кушать хочешь? Я делаю завтрак.

— Спасибо. Пока не хочу, — Анна профессионально изучила обстановку и поймала себя на том, что в голове проворачивает текст заметки. Писать она не собиралась, тем более, пообещала Глебу нигде не упоминать ни о нем, ни о Тамаре.

— Тебе здесь нравится, Тома?

— Не. Тут все ненастоящее.

Разговаривать с детьми Анна не умела, а другой стиль в данной ситуации не подходил. И все же журналистка попыталась завоевать расположение слабоумной девочки.

— А Глебу тоже не нравится?

— Глеб ищет свой горизонт. Поэтому он идет туда, где ему не нравится. Он говорит, что легкая дорога — это неправильная дорога. Я учусь быть такой же, как он.

— Ты любишь Глеба?

— Да! — девочка просветлела. — Он очень хороший.

— И он тебя любит?

— Да. Я тоже стараюсь быть хорошей.

— Он целовал тебя когда-нибудь? — вопрос слетел с языка непроизвольно, и Анна испугалась, что поспешила.

— Конечно!

Журналистка растерялась. Не спрашивать же «в лоб», спали ли они вместе. Впрочем, Анна почти уверилась: в плотские отношения удивительная пара никогда не вступала.

— Ты думаешь так же, как думали люди в городах, — вдруг выдала Тамара. — Это неправильно. Так нельзя думать.

— Почему же? Такая жизнь... — пробормотала опешившая журналистка.

— Это выдуманная жизнь. Кто-то придумал, что это надо делать. А на самом деле это приходит само, когда разрешит земля.

— А... а ты? — вылез неуклюжий вопрос.

Тамара сжала большие пухлые губы и посмотрела в сторону.

— Глеб идет к горизонту. Он сильный и смелый. Он обязательно найдет горизонт. А я иду с ним. И мы ищем наш дом.

Она отвернулась к электрической плите, на которой бурлила в кастрюле каша, и забормотала песенку.

— Оторвалась веточка,

На траву упала.

Где ты, моя деточка?

Елочка рыдала.

Без корней родимых,

Сгинешь ты в ненастье,

Потерять любимых,

Для земли несчастье.

— Доброе утро.

Анна вздрогнула.

— У-уф. Как ты тихо, — выговорила она, обернувшись.

Глеб успел привести себя в порядок: волосы стянуты тесьмой, лицо гладко выбрито. Только желтоватый синяк на скуле напоминал о ночном приключении.

— Выспалась? — он шагнул к столу и выдвинул для гостя табурет. — Присаживайся, не стесняйся. Тома, дай-ка я... — он взял у девочки ухватки и поднял горячую кастрюлю. — Сначала позавтракаем, а потом поговорим.

Где-то рядом запищал электронный зуммер.

— Мой мобильник, — спохватилась Анна. — Наверное, Григорий!

— Подожди! — Глеб удержал ее за руку. — При ответе абонента сигнал легко проследить.

— Но...

— Анна, за тобой охотятся. Ради собственного спокойствия, не бери трубку.

Девушка опустила голову. Она не слышала Григория уже двое суток. Он обещал позвонить. И вот эта дурацкая конспирация!

— И что же мне теперь делать? — в ее голосе дрожало бессилие.

— Затаиться на время. Мы с Томой будем тебя сопровождать...

Глебу показалось, что она вот-вот расплчется.

— Анна, подожди, не раскисай! — он сжал ее руку. — Я буду твоим телохранителем столько, сколько потребуется!

Тамара с готовностью кивнула и погладила Анну по другой руке.

— Он очень хороший и сильный.

Журналистка жалобно рассмеялась. Ее успокаивали биоробот и полоумная девчонка. Сцена, достойная мелодраматической комедии.

— Анна, — опять заговорил Глеб, — соберись. Подумай хорошенько. Этот твой парень, он может быть причастен к попытке похищения?

— Григорий? Да ты что! Нет, нет и нет!... Подожди минутку, я же ничего не говорила про него. Ты что, читаешь мысли?!

Глеб прислонился к стене.

— Ты назвала мужское имя, я решил, что он твой друг. Вот и всё.

— Нет. Ты уже не первый раз говоришь то, что я подумала! Глеб!

— Я не читаю мысли, Анна, — серьезно ответил он. — Тамара научила меня смотреть в человека. Ладно, это отдельный разговор. А у меня появилась одна идея. Ты слушаешь?

Она кивнула и согнала растерянность с лица.

— Пока я не наткнулся на твои статьи, мы с Томой держали путь в Ярославль.

— В дом отца? — Анна оживилась. — Я туда собиралась, Игорь даже командировку оформил...

— Извини, Игорь — это кто?

— Мой партнер. Он погиб в конце февраля в автокатастрофе.

— Журналист, которого, как ты писала, убили за расследование по делу Жулавского?

Анна испустила тяжкий вздох.

— Он просто разбился на машине, а я повернула это событие под другим углом. Так нужно было для темы. Давай, оставим его в покое.

Глеб покачал головой — вроде бы кивнул.

— Пора отправляться в дорогу. Оторваться от слезки на шоссе дело не хитрое. Мне вчерашние похитители особо сообразительными не показались.

— Они были не настоящие, — вставила Тамара, не отрывая взгляд от двух голубей на подоконнике за стеклом.

На реплику внимания не обратили.

— У меня есть машина, — вспомнила Анна. — В агентстве обещали, что сегодня в полдень все документы будут готовы. Мне осталось только получить ключи.

— А деньги на бензин? — уточнил Глеб. В Белкове бензин был камнем преткновения всех поездов, а с появлением двух мотоциклов — и подавно. Отказаться в развлечении Кожемятовским пацанам никто не мог, но игры с техникой строго-настрога ограничивали.

— Бензин? Вот уж ерунда. Я недавно получила довольно крупный гонорар.

Анна вспомнила о господине Бурмистрове с его экологической фирмой. «Ну, вряд ли он стал бы организовывать покушение, — решила журналистка. — Зачем ему? Я и так на него работаю. И Глебу об этом знать не обязательно».

Телефонная трубка пританцовывала возле красного уха. Филипп «рвал и метал». На другом конце провода безропотно выслушивали нескончаемый монолог до тех пор, пока доктору Жулавскому не пришлось замолчать, чтобы перевести дух. Осознав смысл прозвучавшего вопроса, он взвился, как вскипевший чайник.

— Ты что, не в состоянии контролировать этих тупоголовых евнухов?! Что значит, люди на улицах? Да чихать я хотел на улицы!! Если ты ни черта не замечаешь, при чем тут улицы! Остановите ее машину, вколите транквилизатор и везите сюда!.. Да! Только мою сестру!.. Какая разница, кто там вместе с ней!.. Да пусть он хоть трижды боксер, каратист или кто-там-еще!... Да делай, что хочешь! И не смей оставлять следов. Если к вечеру Анны у меня не будет, я вас всех в утилизатор отправлю, на опыты пушу!!

— Фил...

— Ты меня понимаешь, болван синтетический?.. О, не-ет... Ты издеваешься? Честно скажи, ты нарочно издеваешься?!!

— Фил, дай мне трубку. Немедленно! — терпению Стаса пришел конец.

Филипп бухнулся в кресло, бешено вращая помутневшими от ярости глазами. Но помощник уже завладел телефонным аппаратом.

— Орион, это я, Стас. Привет. Тут Филипп Алексеевич немного перетрутился... Да, да. Ха-ха, молодец!... Анна взяла машину? Кто за рулем?... Так... Так... Слушай, подожди ее брат. Следи за ней издали.

— Ты что ему говоришь? — Филипп подскочил.

— Заткнись! — и опять в трубку. — Нет, все нормально. Кстати, что там с нашими «мальчиками»?... Что, один? Троих? Кхе. Ты видел?.. Хм... Нет-нет, я слушаю. Какие выводы?... Да, понаблюдай. Держись молодцом!

Стас отложил аппарат и обернулся к Филиппу. Тот уже остыл.

— Зачем ты отменил захват? — равнодушно спросил доктор Жулавский.

— Анна никуда не денется. Орион ее пеленгует, так что каждый шаг нам известен. А я бы на твоём месте держал себя в руках, — назидательно добавил он и присел перед Филиппом на край стола. — Почему ты не хочешь просто позвонить сестре и пригласить ее на встречу?

— Она не согласится.

— Она журналист. Думаю, она уже сама ищет тебя.

— Журналистов нам только не хватало!

— Фил, сюда она войдет, но назад без нашего ведома не выйдет.

— Она сообщит, куда отправилась, ее начнут искать.

Стас потербил недавно опущенные усы.

— Резон в твоих словах есть... Но разве лучше будет, если наши «мальчики» угробят ее сопровождающих? И к слову: ты понял, что там какой-то парень раскидал троих? А номеру 4-25 даже сломал руку.

— Понял, — проворчал Филипп. — Надо усилить защитную систему Продуктов.

— Давай тест проведем. Пусть кто-нибудь из охраны базы попробует подраться с «мальчиком».

— Зачем? У нас в охране и так мало народу!

— Вот именно! Но приятель твоей сестренки отколошматил троих! Один! — Стас для убедительности показал Филиппу сначала три пальца, потом один указательный. — По-моему, это странно.

— Орион их укладывал штабелем по пяти за раз.

— Орион — индивид.

— Причем единственный на земле индивид!... Куда ты клонишь? Ты думаешь, отцовские создания еще существуют?!

Стас многозначительно постучал по столешнице.

— Не знаю. Но человеку не под силу расшвырять трех Продуктов сразу.

— О, черт... — Филипп потер виски. Тупые боли стали частыми гостями в его драгоценных мозгах.

— Фил, тебе надо расслабиться. Ты когда последний раз отдыхал? Слушай, давай я обеспечу тебе прогулку по окрестностям. Возьми с собой Азу, а я Катеньку прихвачу.

Доктор Жулавский в ответ болезненно поморщился.

Глава 13

Хранитель

При выезде из города Глеб неожиданно резко сменил направление и вырулил на скоростную магистраль. Анна испуганно оглянулась. Пунктирная линия на мониторе автомобильного компьютера указывала противоположное направление.

— За нами «хвост», — предупредил вопросы молодой человек. — Не пугайся, сейчас отцепим.

Журналистка тщетно искала глазами машину-преследователя. Второй разворот. Ей пришлось ухватиться за поручни сидения. Автомобиль помчался по эстакаде.

— Глеб, ты нарушил правила!

Тот и бровью не повел.

— Я снял маркер-пеленг, система дорожного контроля нас не видит. Тома, тебе нравится кататься?

— Ага! — девочка с восторгом следила за проносящимися мимо встречными машинами. — Как быстро! Глеб, мы еще ни разу так не ездили!

— Тогда держись крепче, — весело бросил он через плечо и, убедившись, что сестренка полностью увлечена дорогой и надежно прижата «ремнем безопасности», вполголоса скомандовал Анне. — Пристегнись.

Индикатор спидометра стремительно полез вверх. Глаза журналистки расширились от ужаса.

— Глеб, ты точно знаешь, что делаешь? — пробормотала она. — Глеб!

Машина круто развернулась прямо на встречной полосе и, ведомая уверенной рукой, ринулась в обратном направлении. Казалось, трасса сейчас вырвется из-под колес, и подтаявшие сугробы за полосатыми отбойниками закувыркаются перед лобовым стеклом. «Это последнее, что видел в жизни Игорь!» — взорвалось в уме. Девушка охнула и зажмурилась.

— Хороший автомобиль.

Спокойный голос товарища Анну доконал окончательно. Однако когда она увидела его сосредоточенное лицо и струйку пота, сползающую по виску, мысль о безрассудном озорстве мигом улетучилась. Смертельный трюк был ловким маневром для отрыва от преследователей.

— Где они? — с трудом выдавила девушка.

— Остались на эстакаде, — Глеб сбросил сумасшедшую скорость и аккуратно пристроился в правый ряд за массивной фурой. — Посмотри, по этому шоссе мы выберемся на наш маршрут?

Анна подтянула к себе выдвижную панель компьютера. Манипуляции с картой рассеяли стрессовое состояние, и она поняла, что Глеб вручил ей функции штурмана с одной лишь целью: успокоить ее взвинченные нервы. Тамара на заднем сидении опасность не уловила и продолжала беспечно крутить головой от одного окна к другому.

— Глеб, мы могли разбиться, — Анна понизила голос до шепота.

Он снял правую руку со штурвала, размял кисть и глянул в экран заднего вида.

— Разве не ты называла нас «биороботами»?

Анне было не до шуток, и Глеб поспешил исправить положение.

— Прости, я не всерьез, — он тронул ее плечо. — Я три года наматывал круги по пересеченной местности в седле мотоцикла. Это достаточный срок, чтобы набраться опыта.

— По-моему, мотоцикл существенно отличается от автомобиля, — Анна теперь готова была разозлиться. — И никакой ты не робот, а нормальный человек!

Она покосилась на его побелевшие от напряжения пальцы. Глеб решил, что в устах журналистки фраза прозвучала как комплимент, хотя, если принимать во внимание ситуацию, весьма сомнительный. Словесное пикирование не возобновилось. Анна отвернулась к окну.

Глеб вел машину по неприметным грунтовым дорогам, по старым шоссе с донельзя разбитым покрытием, а иногда и по грязным проселкам, если весенние оттепели не успели превратить их в жидкое месиво. Несколько раз роскошный автомобиль приходилось вытаскивать из грязи вручную. Анна сердилась, но эмоции старалась не выказывать. В сущности, она понимала, что Глеб прав. Все скоростные трассы в этом регионе так или иначе вели в столицу, и на первом же дорожном посту путешественников без документов ожидали серьезные осложнения.

Несмотря на настойчивые просьбы товарища оставить мобильник дома, Анна не могла не захватить с собой привычное средство связи. Улучив удобный момент, она набрала номер редактора, и сообщила, что продолжает расследование истории Жулавского.

«Я еду на его родину. Больше пока ничего сказать не могу», — так она закончила короткий монолог.

Путешествие длилось уже два дня. На ночлег однажды остановились прямо в лесу, но на следующий вечер Анна потребовала завернуть в районный городок. В захудалой гостинице, просыпаясь от каждого шороха за фанерной дверью, она мысленно согласилась, что сотворила глупость. В лесу Глеб чуял и слышал окрестность, как заправский лесничий. С таким телохранителем в его родной стихии она не знала бы забот ни днем, ни ночью.

Второй звонок Анна сделала ранним утром из гостиничного номера.

Григорий поднял трубку не сразу.

— Анна? — послышался его далекий слегка удивленный голос. — Что случилось, я не мог тебе дозвониться!

— Знаю, знаю. Так сложились обстоятельства. Я нахожусь немного не там, где планировала.

— Ты говоришь загадками нарочно? Анна, я действительно беспокоился за тебя.

— Спасибо, Григорий. По-моему, ты единственный человек, для которого я что-то значу. Прости, у меня нет сейчас времени говорить. Не звони пока на мой мобильник. Так надо, поверь... Я люблю тебя.

Она захлопнула крышечку аппарата. Последнее сорвалось с губ само, но Анна не жалела. Пусть будет так, как будет.

После полудня третьих суток, когда Тамара направилась в кусты, а Глеб взялся проверять мотор, Анна отошла в другую сторону, будто бы тоже «по нужде». А сама достала телефон. Номер она выучила наизусть заранее, чтобы не тратить время на записные книжки и тем более не вносить его в память телефона.

— Господин Бурмистров?

— Чем могу служить?.. А, Анна Алексеевна!

— Не ищите меня в городе, я на рабочем выезде. Возможно, будет интересная информация по нашему общему вопросу, — Анна чеканила слова, как машина. Этот разговор она тщательно продумала. — Мне нужно знать, заинтересован ли кто-либо из ваших конкурентов в работе Жулавского.

В трубке послышалось напряженное дыхание.

— Насколько мне известно, нет, — осторожно ответил, наконец, Павел Аркадьевич.

— Очень надеюсь, что вы правы, — сухо сказала Анна. — На меня было совершено покушение. Советую вам подумать над этим фактом. При первой же возможности я вам перезвоню.

Она оборвала связь.

«Пусть покрутится, — Анна с удовольствием представила озадаченную мину седого джентльмена. — Неважно, замешана его фирма в моих неприятностях или нет, случись еще что-нибудь подобное, я им предъявлю счет по полной программе».

Чем ближе подъезжала Анна к родным местам, тем явственнее чувствовала, как переполняет ее уверенность в собственных силах. В ее руках была уникальная тема, внимание на которую обратили не только безликая масса обывателей, но и довольно крупный финансовый концерн. Она оказалась в центре опасных событий, о коих еще предстоит написать. Судьба предоставила ей бескорыстного помощника, способного защитить от обидчиков, поддержать словом и объяснить любые научные факты, если таковые окажутся у нее в руках. Эрудиции Глеба могли бы позавидовать многие «ученые мужи», в этом-то Анна быстро убедилась. И, наконец, у нее был Григорий — галантный кавалер, прекрасный и внешностью, и умом, и душой.

Покосившийся столб с полустертой табличкой «Авдотьево» обозначил поворот на ненакатанную грунтовую дорогу, уводившую в лес. Глеб притормозил.

— Что такое «Авдотьево»? — подала голос Тамара, уставившись на неприметный дорожный знак.

— Село где-то там, — отмахнулась Анна, разыскивая взором знакомые и забытые очертания автобусной остановки, куда провожал ее августовским утром отец.

— Это плохая вывеска, — сообщила Тома. — На ней написано «Плохое место».

Журналистка непонимающе посмотрела на Глеба, тот в свою очередь с похожим выражением лица разглядывал девочку.

— Тома, на табличке написано название села, — поправил он.

— Нет. Буквы говорят «Плохое место», чтобы люди туда не ходили. Как в городе на разрисованных досках: слова говорят одно, а буквы — совсем другое.

Так вот почему она терпеть не может рекламные щиты, — смекнул парень. — Ай-да сестричка! А ведь не один институт, наверное, корпел над изобретением методов скрытого психического воздействия на массы.

— Зачем они обманывают? — продолжала Тамара. — Нельзя обманывать, нечестно.

— Ну, нас это не касается, — нетерпеливо прервала ее Анна.

Дорога в лесу заняла больше часа. Пришлось ехать прямо по талому снегу, поскольку грунтовое покрытие здесь никто отродясь не очищал. Показалась опушка. Анна привстала на сидении. Пригорок и плавный спуск. Она облегченно вздохнула. Коттедж отца, целый и невредимый, стоял на прежнем месте.

Не добравшись до ворот всего десятков метров, машина окончательно увязла. Зима выдалась снежная, и под ленивым мартовским солнцем заскорузлые сугробы таяли медленно и неохотно. Утопая по колено в мокром снегу, Анна пошла к парадным дверям, а Глеб остался подле омертвевшего автомобиля и внимательно оглядел округу. Блеклое здание вросло в застывшие зимние волны, и черные сучья одинокой липы одиноким контрастным пятном распластались на фоне серо-белого пустого двора. Глеб прислушался к земле. Чужие звуки отсутствовали, лишь из дома истекал слабый живой дух.

— Тома, ты чувствуешь? — шепотом спросил он. Мысль об Антоне мелькнула и опять потерялась.

— Да! Я хочу с ней познакомиться!

— С кем?

— С собачкой!

И девочка неуклюже побежала по сугробам. Глеб поспешил за ней, и тут из подвального окошка вылез лохматый худой пес. Черная шерсть висела на его боках спутанными клоچьями, а загривок недвусмысленно ошестинился. Как заправский сторож, пес выдал грозный рык, прижал уши и двинулся на незваных гостей. Анна, ойкнув, замерла. Тамара растерянно отступила. Пес, почувствовав свое превосходство, осмелел и залаял.

— Почему он злится? — недоуменно спросила девочка. — Мы же ничего плохого не хотим!

— Он нас не знает. Подожди, я попробую с ним договориться, — Глеб осторожно подступил к собаке. — Эй, Черныш, не шуми, — парень присел на корточки в метре от животного и медленно протянул ему руку. Пес показал зубы. — Черныш, Черныш, я свой.

Зубы исчезли под черной слюнявой губой. Пес вильнул хвостом, на полусогнутых придвинулся к человеку и обнюхал руку. Хвост, а заодно и зад, заходили ходуном.

— Признал, дружище? — Глеб рискнул потрепать собаку по загривку. — Вот и отлично. Ну и тощий же ты! Тома, у нас, кажется, осталась булка с котлетой.

Девочка бойко сбегала к машине и вернулась, держа в руке сверток. Пес пришел в дикий восторг. Тамара скормила ему остатки завтрака и была счастлива, когда Черныш — другое имя к нему просто не клеилось — облизал ее ладошку.

— Эй, вы поосторожнее. Она же не привитая, — окликнула Анна.

— Да полно тебе! Отличный пес! Здоровый. Да, приятель? — Глеб встал и погладил собаку по голове.

Черныш вскинулся на задние лапы, уперся передними Глебу в грудь и смачно лизнул в лицо. Тамара засмеялась.

— Откуда он тут взялся? — спросила Анна. — Неужели, в доме жил?

— Или из села забрел, — парень вытер рукавом следы собачьей преданности. — Молодой, год или полтора, не больше.

— А это ты откуда знаешь? — журналистка скептически поглядывала на собаку с безопасного расстояния.

— Зубы белоснежные, шерсть мягковата, несмотря на образ жизни. Когти на лапах крепкие, не слоятся. Да и вообще — ты на него посмотри!

Черныш «залег» в снег и заискивающе фыркнул на Тамару — звал играть.

«Отлично. По крайней мере ребенку будет, чем заняться», — с долей облегчения подумала Анна.

— Ты, я смотрю, в деревне всему на свете выучился, — подождав Глеба, она продолжила путь к крыльцу.

— Нет. Одному я так и не научился.

— Чему же?

— Поросят резать. Не могу, и все. Рука не поднимается.

«Это обязательно надо где-нибудь вернуть», — отметила про себя журналистка.

В доме гуляли сквозняки, мебель обветшала, вздулось пластиковое покрытие на полу, мыши погрызли ковры и обивки кресел в гостиной. В своей детской комнате, где на стене остался выгоревший плакат с изображением березовой рощи, Анна разок всхлипнула. Все здесь было невероятно далеким и чужим. Плюшевый заяц, когда-то такой любимый и бесценный, валялся в углу вверх лапами. Ящики стола были вывернуты, журнальные вырезки рассыпаны по полу, опрокинута фарфоровая кукла на полке. Обыск проводили даже в детской.

После осмотра гостиной и жилых комнат ожидание новых уникальных материалов плавно превратилось в надежду на какую-нибудь мало-мальски важную находку. А за дверью отцовского кабинета и эта надежда тихо канула в лету. У Анны опустились руки. Спецслужбы вывезли все, что казалось пригодным для расследования. Не осталось ни папок, ни тетрадей, ни даже книг на стеллажах в библиотеке.

Глеб беглым осмотром не ограничился. Пока удрученная Анна, сидя в гостиной на сыром диване, бесцельно перебирала помятые вырезки, он скрупулезно исследовал каждый уголок дома в поисках тайника или намека на тайник. Один он нашел. Но для того лишь, чтобы убедиться: агенты спецслужб обнаружили его гораздо раньше.

— Ну? — слышав шаги на лестнице, Анна подняла голову.

— Пока ничего, — Глеб вздохнул и присел возле журналистки. — Но я еще не побывал там, где стояли капсулы.

— Уж лабораторию-то точно обчистили. Сволочи! Они даже библиотеку конфисковали! Зря мы сюда приехали... Что ж, пойду фотографировать.

— Зачем?

— Для статьи. Должна же я хоть что-то показать в редакции.

Анна достала камеру и нехотя поднялась на ноги. Глеб не стал смотреть, куда нацелится объектив. Было что-то кощунственное в действиях журналистки, и он постарался отвлечься.

Когда он закончил вставлять аккумуляторы в портативный фонарь, в гостиную ворвалась раздумывавшаяся Тамара. Следом за ней влетел Черныш, запрыгнул в кресло и, вывалив язык, с видом хозяина развалился на подушках. А девочка вприпрыжку поскакала по залу.

— Как мы здорово играли!

И ни капли не устали!

Будет всем вокруг теплей,

А собачке веселей!

Глеб улыбнулся. Тамарино «тепло» залило промозглую гостиную, вышибло тяжелый осадок из души, окутало наострившегося пса и понеслось по дому. Парень посмотрел на Анну. На ее губах прицепилась сочувствующая усмешка.

Ну же, проснись. Я не верю, что твой цветок погиб. Проснись, сбрось кокон, расправь крылья, — безмолвные слова уперлись в незыблемый рассудок.

Журналистка чуть заметно вздрогнула и повернулась к Глебу. Он торопливо занялся фонарем, как будто только этот предмет его интересовал последние пять минут. А у самого внутри бурлило варево из восторга, досады и острых льдинок страха. Он дотронулся до глубин другого человека своим существом, но увидел перед собой вместо ожидаемого простора глухую мрачную стену.

— Глеб, а Глеб, смотри — портрет!

Неугомонная Тамара стояла перед картиной и разглядывала сложный узор.

— Это называется абстракционизм. Необычный способ рисования, — пояснил молодой человек.

— Нет, это портрет! Смотри, какой красивый дяденька... А вот тут еще... Ой, как много портретов! — она захлопала в ладоши и помчалась вверх по лестнице.

— Кажется, твоя малышка открыла шедевры искусства, — заметила Анна.

— Похоже. Но почему она называет это портретами? — озадаченный, Глеб пошел за девочкой, взвизгивающей от восторга где-то на втором этаже в галерее.

— Глеб, смотри, а это ты! Ну, смотри же!

Узор в раме, перед которой прыгала Тамара, не имел ничего общего не только с Глебом, но и вообще с чем-либо человеческим.

— Неужели ты не видишь? — она молящими глазами взирала на своего названного брата. — Посмотри!

Он щурился то так, то этак, пытаясь уловить скрытые линии или подобие рисунка-перевертыша.

— Ну это же твой цветок! — девочка от избытка чувств топнула ногой.

— Тома, я пока не умею видеть цветы, — мягко возразил Глеб, хотя у самого появилось бледное ощущение приближающегося открытия. — Давай посмотрим еще. Вот тут, например, кто нарисован?

— Это ласковая девушка, — без запинки ответила Тамара. — Она думает о большой-большой воде! А вот тут... ой, — она отодвинулась от узора в маленькой белой рамке. — У него голова как у нашей Маруси.

Марусей звали корову Борис Сергеевича. Хотя тетя Вера чаще называла ее Бедовкой, ибо более строптивого создания на деревне было не сыскать.

Минотавр что ли? — мелькнула у Глеба озорная мысль.

Экскурсию по выставке рисунков Ольги Жулавской пришлось прервать, поскольку короткий мартовский день кончался и в дом постепенно заползал сумрак. Глеб оставил Тамару в свое удовольствие восхищаться «портретами», а сам, прихватив фонарь, отправился на поиски подвальных помещений.

Менее всего ему хотелось заходить туда, где девять лет назад он выбрался из одинокой капсулы, скорее похожей на саркофаг, чем на чрево матери. Железная лестница ныла и стонала под медленными шагами. Ступени уперлись в бетонный пол.

В памяти вспыхнул ужас — первое и совершенно естественное чувство, охватившее его в темном подземелье, когда он, мокрый с ног до головы, метался один в поисках выхода. Его не встретили. Антон говорил потом, что создатель ошибся в расчетах, и ожидал его появления на неделю позднее.

Глеб с трудом сдержал участившееся дыхание.

Говорят, сильные эмоции могут немого заставить заговорить, — он попытался свернуть клубящийся страх в шутку, но не удалось. Зато яркий контур нежданного ответа на забытый вопрос отчетливо обрисовался в голове. — Возможно, аномалия моего развития происходит отсюда. Я познал эмоции раньше, чем мозг подготовился к встрече с человеческим миром. Вот почему Ольга Жулавская говорила Антону, что всех индивидов нужно встречать! Человек не должен рождаться в одиночестве. Ребенок окружен теплом матери и отца, и их аура ведет его по жизни... Если бы нас принимали, как людей, нам бы не пришлось замерзать в плену железного рассудка. О, нет... — фонарь дрогнул в руке, и луч света полосонул пустой зал. — Где те, кого встретила сама Ольга? Сколько их было? Успели ли они открыть в себе цветок до того, как создатель продал их богатым городским кварталам?

У Алексея Жулавского не было ни «тепла», ни потребности движения, ни способности разглядеть человека. Он застыл на достигнутом, как каменная самодовольная статуя на вершине выстроенного тщеславием пьедестала. И все, кто его окружали, невольно застыли вместе с ним: Антон, домработница Полина, безымянный лаборант.

Жулавский не встретил меня, и я не попал в тень его могучей холодной воли, — Глеб привалился спиной к стене. О том, что случилось бы в противном случае, он не решался подумать. — Страх одиночества заставил меня искать человека. И я нашел «тепло» в голосе на аудиодиске, в реке, в лесу... в земле. То было семечко моего цветка. А почву что-то формировало в капсуле. Но что?!

Он упирался в пустоту на месте загадочного звена бесчисленное количество раз и с досадой отступал перед очевидной лакуной. Сейчас было особенно больно, поскольку реальные шансы отыскать нечто, породившее альтернативное начало жизни, неотвратимо сходили на нет в гулкой тишине омертвевшего дома.

В гостиной Глеба ожидало первое существенное открытие.

Девушки дружно сидели на ковре и гладили пса, который, лежа на спине, играл собственным хвостом и был на седьмом собачьем небе от счастья.

— У него следы укусов! — сообщила Анна.

Она не ошиблась. На задних лапах, там, где шерсть превращалась в щетину, виднелись три отчетливые красные точки.

— Сделаны толстой иглой не далее как сутки назад, — добавил Глеб, осмотрев собаку. — А вот и более старый след. И еще один. Ого, Черныш! А ты бы мог нам многое рассказать!

— Ты думаешь, кто-то живет в доме? — у Анны перехватило дыхание. — Антон?

— Не знаю. Видишь, на инъекции не похоже. Диаметр иглы больше подходит для забора крови. Проверим. Вот здесь вена, — он зажал пальцами собачью лапу на середине голени, и припухлости венозных сосудов проступили под шкурой. Следы иглы пришлись точно на сосуд. Пес недовольства не проявил. — Э, приятель, а ты привык к медицинским процедурам!

— Глеб, надо искать! — Анна вскочила. — Антон здесь, в доме!

Черныш перевернулся на живот и нетерпеливо гавкнул. Тамара принялась тискать его за загривок. Игра на ковре возобновилась.

— Зачем Антону донор? — Глеб поднялся.

Вопрос прозвучал риторически, но журналистка откликнулась:

— Я слышала как-то раз, или он сам говорил, не помню, что отец периодически проводил ему «реставрацию» жидких тканей. Или что-то в этом духе. Наверное, Антон нашел способ поддерживать себя самостоятельно!

— Ты куда, Черныш? — удивленный возглас Тамары прервал разговор.

Пес ни с того ни с сего подскочил и помчался в коридор.

— Я не сделала ему плохо! — Тома хлопала глазами.

— Конечно, нет, кнопка, — Глеб просветлел. — Черныша позвал хозяин.

— Что? — вырвалось у Анны.

— За ним!

Черный хвост мелькнул в сумраке холодного дома и исчез. Глеб затормозил, едва не врезавшись в глухую стену. Подбежала Анна, за ней Тамара.

— Где-то тут потайная дверь, — парень судорожно ощупал стенные покрытия и, не найдя никаких следов, крикнул. — Антон! Антон, это я, Глеб! Отзовись, наставник!

Несколько секунд протянулись в полной тишине. Люди ждали. И вот из-под плинтуса показался свет. Половица повернулась ребром, приоткрылся узкий длинный лаз. Пахло теплом и застоявшимся духом медикаментов.

— Туда только собака пролезет, — прошептала Анна.

— Посмотрим, — и Глеб лег на живот.

Со стороны казалось невероятным, что взрослый мужчина атлетического телосложения просачивается в отверстие шириной менее четверти метра. Но он без видимых усилий опустил вниз обе ноги, бедро и левое плечо, поднырнул под стенную панель и исчез в тайнике. Тамара, не раздумывая, последовала за ним. Анна нерешительно помялась на месте, сняла пальто и, стараясь повторять движения товарищей, неловко протиснулась в щель. Ухнув в пустоту, она вскрикнула и... очутилась на руках своего телохранителя. Он бережно поставил девушку на пол.

Комната, устроенная в цоколе здания, представляла собой двухметровый куб без окон и дверей. Предметов здесь было так много, что журналистка разглядела дряхлого старика, лишь когда раздался его сиплый невнятный голос:

— Я рад видеть вас. Анна. Глеб.

— Антон! — она с трудом узнала в сгорбленном существе верного помощника отца.

— Не пугайся, я все еще существую, — Антон еле заметно кивнул головой.

— Антон! — Глеб приблизился к индивиду и опустился перед ним на колени, чтобы заглянуть в глаза. — Как ты здесь, наставник?

— Все информационные носители изъяли, а меня не нашли. Где Алексей Андреевич?

— Он умер в тюрьме, — сообщила Анна, робко изучая старика издали.

— Индивиды уничтожены, — тихо добавил Глеб.

— Я предполагал с вероятностью 92 процента. Я тоже погибаю. Состав для реабилитации закончился. Я получил временный заменитель на основе белковых соединений из крови собаки.

Антон глазами показал на Черныша, который притих в противоположном углу комнатки вместе с Тамарой.

— Кто эта девочка?

— Для меня и для всех она моя сестра. Мы прошли рука об руку много дорог, — ответил Глеб и, опомнившись, поспешил вернуть наставника к волнующей теме. — Антон, возьми в качестве донора меня. Человеческие клетки по всем параметрам ближе тебе, чем собачьи!

Старик внимательно осмотрел его с ног до головы.

— Ты прав. Организм здорового индивида содержит все требуемые мне вещества. Анализ и клонирование элементов займет определенное время...

Парень с готовностью вскочил, но вдруг понял, что Антон имеет в виду отнюдь не человеческие ткани.

— Но я..., — он запнулся, подбирая слова, — я больше не индивид.

— Какие факты лежат в основе твоего вывода?

Глеб опешил от идеальной линейности вопроса. Начинать жаркие словесные пояснения показалось нелепо. Он нашел на столе рядом со штативом скальпель и, не дрогнув, рассек себе запястье.

Напряженный взгляд индивида опустился в пол вместе с темно-бардовой каплей, сорвавшейся с руки.

— Как это случилось, Глеб? — в голосе появились признаки эмоций.

— Оно копилось годами. В какой-то момент я понял, что для меня земля и кто я для земли и для людей. Это было похоже на... прозрение или озарение. Я не знаю, какими словами это описать. А потом обрушился миг рождения. Помню только, что было ужасно больно внутри и... жар, как от огня.

Безмолвный аналитический процесс занял у Антона несколько секунд.

— Твой организм мутировал, — вслух подытожил он. — Твоя кровь мне не поможет. Будь внимателен: ты нанес себе опасную рану, повреждена вена.

— Ерунда. Смотри... — Глеб расслабил мышцы и легко погрузился в себя. Кровотечение остановилось, кожа вокруг пореза побледнела, и вскоре вместо открытой раны на кисти остался багровый рубец.

Тамара не проявила интереса к происходящему, зато Анна смотрела на «чудо» во все глаза.

— Ты сохранил способность к регенерации? В условиях принципиально отличного метаболизма? — заметно удивился Антон.

— Нет. Я научился использовать внутренние возможности человека! Тайские монахи совершенствовали управление собой с древних времен. Филиппинские медики делают операции голыми руками, не оставляя на теле больного даже шрама. Опытные знахари применяют психоэнергетическое воздействие на пациента и будят в нем скрытые силы, чтобы тот сам поборол болезнь. Как видишь, я не изобрел ничего нового! Человеческий организм — это сильная, устойчивая система, созданная природой... Не пытайся взывать к логике, наставник. Логика здесь бессильна. Природе нужно просто поверить.

— Алексей Андреевич утверждал, что создает законченный образец альтернативной жизни, — медленно выговорил индивид.

Глебу показалось, что тот расценил увиденное как сбой зрительной функции.

— Не самой жизни, Антон! — парень постарался изложить мысль четко и без эмоций. — Он создал альтернативное начало. Мы не рождались из капсул, мы входили из них, как эмбрионы со способностью анализировать и думать!

«Без эмоций» явно не удалось, и Глеб почувствовал, как между ним и индивидом вырастает стена непонимания. Он сделал последнюю попытку пробить логический заслон:

— Каждый индивид способен прийти к рождению, когда рядом с ним человек. Понимаешь, человеческое «тепло» будит настоящие, реальные ощущения. А не имитационные их формы, которые, как маску, предоставляет рассудок!

Непонимание достигло апогея. Лицо Антона стало непроницаемым. Глеб даже не был уверен, воспринял ли тот услышанные слова. Он сжал волю в кулак и приготовился к новой попытке, но тут задвигалась Тамара.

Девочка приблизилась к одряхлевшему индивиду, посмотрела на него с одной стороны, с другой, и выпалила.

— Тебе нужно дерево.

— Я не понимаю тебя, малышка, — в интонации Антона Анна уловила нотки, не раз ласкавшие ее слух в детстве.

— Тебе нужно дерево! — повторила Тамара. — Просто — дерево.

И она чинно удалилась в свой угол, где пригрел местечко задремавший пес.

— Антон, — журналистка улучила момент, чтобы перехватить разговор, — ты ведь знаешь, как отец создавал индивидов. Я ищу любые факты. Все, что осталось от знаний папы!

— Ты ставишь меня в сложные условия, Анна. Я дал слово Алексею Андреевичу, что никогда никому не предоставлю эту информацию, — произнес старик.

Смену темы он воспринял едва ли не с радостью, и Глеб молча признал свое полное поражение.

— Отец обещал посвятить меня в тайну индивидов, когда я вырасту, — не сдавалась Анна. — И вот я здесь, Антон. Спустя столько лет я вернулась, чтобы узнать. Ты остался единственным хранителем его тайны.

Натянулась пауза. Индивид задействовал логический процесс.

— Я передам тебе известные мне факты, — прозвучал его вердикт. — Анна, я верю, что твоя честность и преданность отцу не позволят случиться беде.

— Какой беде?

— Серийному производству индивидов. Когда Филипп высказал это предложение, Алексей Андреевич пришел в ярость. Он творил ради творчества, создавал ради создания. Таков был его девиз.

— Просто «творил», — мрачным эхом отозвался Глеб: его сложившееся представление о создателе подтверждалось.

Анна тронула товарища за плечо: мол, не перебивай.

— Алексей Андреевич занимался изучением горных пород, которые, по его убеждению, в редчайших природных условиях способны порождать биологические процессы. Таким образом, он поставил под сомнение «космическую теорию» зарождения жизни на земле и на опытах убедительно доказал свою гипотезу. Он создал изолированную систему, используя все химические элементы, которые присутствуют в живом субъекте, и активизировал процесс образования белковых соединений посредством специального модуля управления. Индивид развивался в замкнутой среде по заложенной программе. Спустя 6-7 месяцев капсула лопалась, и субъект обретал самостоятельность.

Антон замолчал, собираясь с силами. Глеб присел возле него и взял за руку, хотя понимал, что желание передать наставнику свое «тепло» навсегда останется сентиментальным желанием.

Анна стояла над онемевшим индивидом и с нетерпением вглядывалась в его неподвижное лицо. Взгляд старика ожил.

— Ты упомянул про модуль управления, — быстро задала вопрос журналистка. — Что это такое?

— Это главный элемент процесса создания. Модуль формировал структуру ДНК индивида и набор стартовых знаний.

Глеб насторожился: призрачное недостающее звено обретало контуры.

— Так что это физически? — Анна потрясла в воздухе открытой ладонью.

Антон боковым зрением проследил за жестикуляцией журналистки, помедлил и ответил.

— Со слов Алексея Андреевича мне известно, что изначально опыты приводили к появлению простейших белковых молекул. Затем Ольга Александровна стала принимать участие в его работах. Тогда был создан первый модуль для формирования индивида.

— Мама? Разве она была ученым?

— Я так не думаю. Она оперировала не фактическими данными, а ей одной понятными абстракциями. Информация о модуле управления в базах отсутствует. Алексей Андреевич никогда не оставлял записей о нем. На полке слева портативный компьютер. Я не пользовался им, поскольку генератор производит минимум энергии. Однако мне известно, что часть геологических разработок твоего отца сохранилась на жестком диске. Анна, компьютер твой.

— Антон, — Глеб поднялся и таким образом заслонил спиной разочарованную журналистку. — Тебе нужно отдохнуть.

— Ты прав. Я давно не говорил. Пора провести реабилитацию. Пес здесь.

— А может быть все-таки моя кровь...

— Нет, — в осипшем голосе появилась тоска. — Я долго тестировал процесс на клетках собаки. Чужеродный материал в настоящих условиях использовать невозможно.

Анна вернулась в машину. Тамара и Глеб остались с Антоном, и это пришлось весьма кстати. Она выдернула из панели в кабине терминал и влажными от волнения руками вставила разъемы в гнезда портативного компьютера, который подарил ей индивид. Экран засветился. Возникла знакомая картинка старой операционной системы, и Анна облегченно вздохнула. Получилось. Она принялась просматривать файлы. Формулы, схемы, списки и расчеты — она не понимала, что к чему, однако несколько моделей выглядели привлекательно. Анна сняла изображения в память электронного блокнота. Туда же отправились файлы с перечислением химических элементов и парочка схем. Решив, что этого на первый раз хватит, Анна восстановила порядок в машине и оглянулась на дом. Ни света в окнах, ни движения.

«Надеюсь, еще полчаса Глеб будет торчать у старика», — подумала журналистка.

Преыдущие звонки с мобильного неприятностей не повлекли, и Анна смело взялась за телефон. Настроить модем оказалось сложнее, чем она думала, но прибегнуть к помощи Глеба, не объясняя причину передачи, невозможно. Она возилась минут пятнадцать, пока не «достучалась» до спутника.

«Интересно, а справился бы Глеб с модемом? Он же настоящий деревенский парень!» — Анна с удовольствием представила озадаченную физиономию товарища.

Оснований сомневаться в способностях молодого человека у нее не было, но, подстегивая свое воображение, Анна начинала чувствовать себя творцом, подобно отцу. В такие моменты — а они случались нередко — образы, как куклы, обретали желаемые формы и покорно подчинялись прихотям хозяйки. А когда на стол ложилась свеженькая газета с обширным заголовком и длинными столбиками статьи, журналистка ликовала: в ее руках трепетали человеческие умы, которые она одним изошренным взмахом пера загоняла в просторы своих фантазий и измышлений.

В прекрасном расположении духа Анна набрала номер господина Бурмистрова.

— Я готова передать вам два файла, — заявила журналистка, слышав ответ абонента. И не дав Павлу Аркадьевичу рассыпаться в восхищениях, продолжала. — Это списки компонентов среды, в которой проходило развитие индивида. Второй файл — модель капсулы, где формировалось тело. Остальное при личной встрече.

— Анна Алексеевна, вы превзошли все мои ожидания!

— Включите модем. Передача начнется через десять секунд.

Она проследила, как индикатор отправки корреспонденции ползет по экрану.

— И сделала я всё сама, — прокомментировала Анна вслух.

Глава 14

Тайна

В фургоне, битком набитом аппаратурой, висел мутный полумрак. Индикаторы лениво подмигивали разноцветными глазами, урчал генератор, медленно ползали по крошечным экранам биометрические графики Продуктов. Орион ослабил узел галстука. Беспольный предмет одежды мешал в движениях, но имидж был однажды выбран и, следовательно, изменениям не подлежал.

Шесть единиц Продуктов сидели на лавке напротив и тупо смотрели перед собой. Диагностика предоставила данные состояния среды: сильный запах пота. Тучные тела независимо от внешних условий источали один и тот же дух, улавливаемый обонятельными рецепторами.

Он отвел взгляд от бестолковых гладких лиц. В потоке грубых эмоциональных выражений создатель употребил слово «евнух». Орион активизировал фактический анализ. Обозначение на восемьдесят три процента соответствовало действительности.

Мысли незаметно вернулись к объекту наблюдения. Анна. Орион не менее десяти раз за последние три часа усилием рассудка разворачивал нестройные рассуждения в другое русло. Но

думы о девушке упрямо возвращались в мозг из неопределенного источника, природа которого оставалась вне границ понимания. Медленно и непроизвольно из памяти поднимались ее слова, движения, мимика. Он отчетливо видел ее губы, покрытые тонким слоем помады нежно-брусничного тона. Румянец на щеках и блестящие грустные глаза. Каплю-кулон, опущенную в открытую изящную ладонь.

Индивид опомнился и удивленно посмотрел на свою руку, сжимающую трубку мобильного телефона. Зачем он взял аппарат, анализатор не определил. Запросив диагностику состояния, Орион убедился, что организм функционирует нормально. Уровень усталости колебался в допустимых пределах. Ранее он замечал за собой выплески неосознанных действий. Причем Стас не однажды хлопал его по пальцам, если он принимался вертеть ручку или карандаш. Это обычно сопровождалось нравоучением: «Не цепляй мои дурные привычки! В будущем тебе вдоволь хватит своих».

Орион посмотрел на часы. 0:45. Стас уже спит. Значит, при попытке связаться с базой, сигнал примет доктор Жулавский. Он, как правило, работает в своем кабинете до утра. Просканировав себя, индивид определил, что не желает разговаривать с создателем.

Время поползло в ночь.

Пробуждение после короткого глубокого сна произошло вдвое быстрее обычного. Взгляд уперся в неподвижную точку на размеченном сеткой окне радара. Он понял вдруг, что не дает покоя. Капля-кулон — изысканное украшение и не менее изысканное средство слежения. Анна приняла его как подарок. Обман. Отсюда следует, что неудобство в сознании вызвано «угрызениями совести». Из нового источника информации в рассудок протиснулось некое намерение. Аналитика преобразовала его в словесный ряд: набрать ее номер и... Что именно он хочет ей сказать, Орион не довел до ума. Логика остановила опасный проект: связь через спутник отслеживается в оба конца при условии, если заинтересованный субъект достаточно осведомлен в технической стороне вопроса. В случае Анны условие не выполнялось. Однако в уравнении четыре дня назад возникла новая неизвестная: молодой человек, сумевший победить в драке с тремя Продуктами, ловко и надежно упрятавший автомашину от всевидящего ока спутниковой системы дорожной безопасности, и, наконец, показавший на скоростной трассе высший пилотаж.

Стас посоветовал Ориону оставить попытки проследить «звонки» журналистки и быть предельно внимательным, если придется лично общаться с подозрительным умельцем. «Приглядишься к парню, — сказал он. — Вдруг братца в нем узнаешь. Если так, тащи его сюда под любым предлогом». Индивид понял мысль без дополнительных пояснений и установил рекомендациям высший приоритет. Приказ доктора Жулавского отошел на второй план, как нарушающий правовые и моральные нормы. Поскольку создатель, фактически, распорядился уничтожить спутников Анны.

Антон сидел неподвижно. Жидкость в резервуаре капельницы закончилась, а видимых изменений на лице индивида Глеб не находил. Тамара невнятно пела свои стишки дремавшему подле нее Чернышу.

— Мне Черныш нравится, — вдруг заявила она. — Он умеет дружить. А кошки не умеют. Глеб, давай возьмем его с собой? Он будет дома охранять. Чтобы никто деревне не сделал плохо.

Парень посмотрел на пса. В Белкове после смерти всеобщего любимца Снежка, вспоминая которого Димка всякий раз хлюпал носом, собак не заводили. Поговаривали по весне щенка в городе купить, да руки не дошли. А собака могла бы предотвратить и злосчастный пожар, и другие возможные неприятности.

— Ну, Гле-еб, — почуяв его сомнения, протянула девочка.

— Нельзя, кнопка. Черныш нужен Антону.

— Антону нужно дерево! — упрямо повторила Тамара и надулась.

— Реабилитация завершена, — послышался слабый голос индивида.

— Тебе стало лучше? — Глеб присел рядом с ним.

Антон растянул губы в улыбке.

— Ты рассуждаешь, как заботливый человек. Я не ощущаю боли. Я определяю себя... законченным.

— Антон, я что-нибудь придумаю для тебя.

— Ты следуешь опасному человеческому пороку: упрямству.

— Упрямство — порок для дураков, — бросил Глеб в ответ. — А для тех, кто мыслит, это двигатель! Пойми, Антон. Или просто поверь! Ты мне дорог. Ты мой наставник.

— Я учил тебя использовать логический вывод. В тебе теперь нет моих уроков. Ты человек. Вот индикатор твоей человечности, — старик показал на Тамару. — Я не могу проанализировать слова девочки. Я никогда не мог проанализировать Ольгу Александровну. Они обе рассуждают иначе, чем стандартный человек. А ты способен понять.

— Антон, я пришел сюда, чтобы узнать, какой дорогой мне идти дальше. Что я должен сделать на земле? — Глеб опустил голову на грудь и добавил. — И я не узнал.

— Я выбрал некорректный образ, когда обозначил твою цель пределом бесконечности. Ты добился цели. Ты человек.

— Но этого мало! Посмотри на меня. Я умею думать сердцем и душой, я достиг осознания своего человеческого «я», и тело мое, повинувшись рассудку, перестроило все жизненные процессы. Я родился для земли. Помнишь, ты мне сказал, что я выбрал дорогу к диву? Разве моя дорога кончается рождением? Человеческое общество едино. Земля терпит нас всех — и тех, кто живет с ней, и тех, кто давно не заглядывал к ней в душу. Есть города и деревни. Есть обыватели и поэты. Есть те, кто любит, и те, кто играет в любовь. Так что же позволяет нам существовать вместе? И зачем в мире, где всё делают упрощенным и искусственным, искусственно создали меня, достигшего в конце концов естественного чувства жизни?

Потекли минуты без слов.

— Если бы Ольга Александровна дождалась тебя, она бы никогда не покинула нас, — вдруг прошептал Антон и медленно поднялся.

Едва передвигаясь на негнувшихся старческих ногах, индивид подошел к лабораторному шкафу. Зазвенели пробирки под неуверенной морщинистой рукой, упала и вдребезги разбилась пустая колба. Завороженный, Глеб смотрел, как Антон извлекает из-под груди бесполезного хлама пеструю картонную коробку.

— Это всё, что я успел сохранить, — он опустил, почти уронил коробку на стол.

Глеб помог наставнику добраться до кресла и оглянулся на Тамару. Девочка бережно раскладывала перед индивидом на полу содержимое заветного хранилища.

То были выцветшие фотографии и карандашные узоры на листочках из старых школьных тетрадей. Последним девочка достала маленький, не больше сантиметра, осколок темного минерала.

— Дай мне, пожалуйста, малышка, — Антон чуть подался вперед.

Тамара аккуратно вложила в сухую старческую руку черный непрозрачный кристаллик.

— Это — незавершенный модуль управления. Последнее детище Алексея Андреевича.

Взгляд Глеба пристыл к кристаллу, на сколотой поверхности которого виднелись бороздки и точки, нанесенные иглой.

— Алексей Андреевич выжигал на камне линии, — продолжал Антон, — затем опускал в пробирку с родниковой водой. Прежде, чем закрыть готовую капсулу, он помещал в нее этот предмет. Дальнейший процесс невозможно логически объяснить.

— Должно быть, рисунок имеет значение, — пробормотал Глеб. — Если представить, что на уровне кристаллической решетки задан новый порядок, минерал приобретет свойства, которых у него нет в естественной природе...

— А это кто? — беззастенчиво перебила Тамара, держа в руках фотографию молодой белокурой женщины.

— Это Ольга Александровна, мама Анны и Филиппа Жулавских.

— Красивая... А я видела ее портрет на стене в гостиной!

— Какой портрет, малышка? — ласково спросил Антон.

— Ну, портрет! Она там думает о чем-то очень большом, — Тамара взмахнула руками, — как майское небо! Там много красивых белых и голубых пещер. Там много людей с огромными цветами. Только люди не двигаются. Они стоят и чего-то ждут. Она тоже ждет. Она очень хорошая, но... чужая.

— Я не понимаю, о чем говорит девочка, — Антон повернулся к Глебу. — Что с тобой?

Шальной взгляд парня метался от кристалла к разбросанным рисункам.

— А я начинаю понимать... Тома, посмотри сюда, пожалуйста. Тут тоже нарисован портрет?

И он поднес к глазам Тамары таинственный модуль управления. Девочка долго разглядывала линии и точки.

— Портрет. Но его не дорисовали... — она быстро перевернула бумагу на полу. — Вот этот!

И победно подняла клетчатый листок с хаотичным цветным узором.

— Этот рисунок я взял с рабочего стола Алексея Андреевича вместе с незавершенной работой, — подтвердил Антон. — Какие выводы ты делаешь?

Глеба смотрел в узор. От разноцветных линий будто веяло «теплом». Портрет, цветок... Узор изображал «тепло»! На короткий миг он разглядел человека в глубине ожившего орнамента.

— Ольга каким-то непостижимым образом рисовала человеческую сущность, — проговорил он. — Жулавский переносил изображение на осколок минерала, а земля создавала организм, взяв за основу портрет. Так появилось альтернативное начало жизни!

— Твои суждения не логичны. Ты фантазируешь.

Глеб встрепенулся.

— Между фантазией и реальностью очень тонкая грань, Антон!

Тамара уснула здесь же, прямо на полу, отказавшись от подушки и одеяла, предложенные Анной. Журналистка провела время до рассвета в своей детской комнате, мужественно стерпев отсутствие электроэнергии и тепла. А Глеб и Антон общались всю ночь. В основном говорил Антон. Глебу казалось, что наставник старается отдать ему свою память. Попытки развернуть разговор на настоящее или будущее успеха не возымели. Единственной темой, породившей проблеск надежды, был вопрос индивида о дереве. Глеб клял себя за то, что так и не научился доводить до ума все «странности», выплескиваемые Тамарой. Конкретного ответа он не нашел. Но пообещал вернуться в дом Жулавского, как только будет уверен в безопасности Анны.

В машине, когда журналистка принялась выспрашивать у товарища, о чем они разговаривали с индивидом в ее отсутствие, Глеб, не зная почему, замкнулся. Ответив что-то дежурное, он устроился на заднем сидении, прикрыл глаза и задремал: сказалась бессонная ночь. Тамара без остановки болтала о портретах, похвасталась, что Антон назвал ее похожей на Ольгу, но про узор на камне не вспомнила. Зато с чувством пропела Анне очередную песенку:

— Сказка не кончается,

Сказка повстречается,

Коль дорогою чудес

Нас ведет могучий лес,

И широкая река,

И густые облака.

Журналистка вела автомобиль по раскисшей дороге и искоса поглядывала на умолкшую Тамару. Стишок незаметно пробрался в душу и разбередил воспоминания безвозвратно потерянного детства. Когда-то похожие песенки напевала ей мама. В девочке и впрямь крылось нечто, неуловимо схожее с Ольгой. Анна дрогнувшей рукой достала подаренную Антоном фотографию и положила перед собой на панель. Чем дольше она смотрела в невинное лицо матери, тем больше находила в нем черт, присущих Тамаре. Некстати пришла на ум одна из

первых статей о переселении душ. Анна пригляделась к девочке: по словам Глеба, ей было что-то около семнадцати, и если бы не маленький рост, тощие косички и детские речи, она заняла бы достойное место среди своих ровесниц. «Тамара младше меня на восемь или девять лет, то есть она родилась в тот же год, когда пропала мама...», — сердце у Анны екнуло и отчаянно затрепетало. Воображение разыгралось настолько, что стало казаться, будто мать смотрит на дочь из больших синих глаз слабоумной девчушки.

Вдруг наперерез автомобилю откуда ни возьмись вылетела черная машина с тонированными стеклами.

— Глеб!! — Анна ударила по тормозам.

Он навис над водительницей и перехватил руль, но исправить положение не успел. Несмотря на небольшую скорость, машину занесло, и бампер уперся в сугроб.

— Задний ход! — крикнул парень, оглянулся и увидел второй автомобиль, преградивший путь к отступлению.

В следующую секунду из машин выскочили четверо, одетые в псевдвоенные комбинезоны. Дверцу со стороны шофера распахнули мощным рывком.

— Анна! — Глеб метнулся к выходу, но здоровенный детина уже хватался за ручку снаружи. — Тома, беги, прячься!

Глеб вышиб противоположную дверь, вывалился в мокрый снег и, сиганув через крышу автомобиля, что было сил саданул детине ногами в лицо. Анну скрутили двое других. Парень заметил в руке одного направленный на женщину аэрозольный баллончик.

— Анна, удержи дыхание!

Какое там! Журналистка вскрикнула и осела в лапах похитителей.

На Глеба кинулись сзади. Воняющий здоровяк сжал его плечи так, что захрустели кости. Парень извивался в железный хватке и почти выскользнул из капкана, когда перед ним вырос еще один верзила и безжалостно ударил по голове. В глазах на мгновение помутилось.

Не терять контроль! — приказал себе Глеб.

Хватку ослабили. Парень моментально вывернулся, нырнул между ног свинорылого здоровяка, вскочил и без зазрения совести нанес мощный удар локтем в основание позвоночника. Амбал рухнул. Оставшиеся навалились на Глеба, опрокинули в снег и начали избивать. Он успел сгруппироваться, но сознание неотвратимо меркло. Острая боль в колене вонзилась в мозг, и это стало последней каплей. Глеб отключился.

Ему показалось, что прошло несколько часов прежде, чем чувства вернулись. Но, приподняв голову, он увидел над собой все тех же амбалов, выстроенных в шеренгу. Пятеро. Шестым стоял высокий молодой человек с аккуратной короткой стрижкой на непокрытой голове, в элегантном костюме с темно-коричневым галстуком. Холодные глаза внимательно изучали избитое в кровь лицо телохранителя, а рука недвусмысленно пряталась в глубоком кармане распахнутого пальто.

Пистолет, — Глеб заставил себя сосредоточиться. — Решили меня убрать... Древние йоги умудрялись лежать на гвоздях, не получая порезов. Интересно, что бы они сделали перед летящей в лоб пулей?

Парень прекрасно понимал, что подобных рекомендаций ему никто не даст. Кроме, пожалуй, наиболее банальной: бежать со всех ног. Но бежать он не мог. Боль в колене однозначно говорила о серьезном переломе.

— Свободны, — произнес тем временем молодой человек с галстуком.

Верзила как куклы-истуканы зашагали к машине.

— Глеб! Глебушка!!

У него ухнуло сердце. Тамара.

Девчонка вылетела откуда-то сбоку — видимо, пряталась за машинами — и опрометью кинулась к Глебу. Упала на колени рядом, подняв фонтан мокрого снежного крошева, и отчаянно заслонила брата своим худеньким телом.

— Не трогай его! Не трогай!! — кричала она обладателю бесстрастного лица и коричневого галстука.

— Тома, уходи! Прочь отсюда! — Глеб тщетно старался оттолкнуть девочку.

— Не смей его трогать! — продолжала выкрикивать Тамара. — Ты злой! Твой цветок никогда не родится! Тебя неправильно нарисовали!

Индивид? — несмотря на весь драматизм ситуации и стонущее от побоев тело, Глеб не перестал соображать.

Красавец с галстуком шагнул к девочке и легко поднял ее за шиворот.

— Нет! — Глеб рванулся вверх и перехватил его руку.

Произошла короткая неравная борьба, и парень вновь оказался на земле. Тамара лягалась и визжала, переданная одному из амбалов. Ее голос удалялся.

— Ты сильный человек, — произнес над поверженным искусственный красавец. — Но ты не опасен.

— Это мы еще посмотрим, — процедил сквозь зубы Глеб, сиюсь привстать. — Индивид, кому ты служишь?

Тот не ответил, неторопливо повернулся и пошел к автофургону, притаившемуся за деревьями.

— Кому ты служишь? — из последних сил крикнул ему вдогонку Глеб.

Взревел мотор. Фургон вырвался на дорогу и скрылся из вида. Несколько секунд спустя лес содрогнулся от гулкого взрыва. Волна жара опалила снег. Оглушенный, Глеб инстинктивно вжался в землю. Когда он поднял голову, от автомобиля Анны и двух машин похитителей остались только обгорелые остовы. Всё было кончено.

Глава 15 Пленники

Комната оказалась довольно уютная и со вкусом обставленная. Из невидимых кондиционеров струился теплый приятный воздух. Анна не помнила, кто и когда принес ее сюда, поэтому не спешила подавать откровенные признаки жизни. Она еще раз внимательно осмотрела помещение, стараясь двигаться как можно меньше, и, не обнаружив окон, остановилась на мысли, что находится в камере для пленников.

За спинкой кровати блеснул огоньком непонятный датчик.

«Да все равно за мной следят!» — с досадой подумала журналистка и откинула одеяло.

Она лежала на белоснежных простынях в красивой шелковой пижаме. Трусики и лифчик остались на ней, а остальная одежда аккуратной стопкой разместилась на низком пуфике поодаль.

Первым делом Анна перетрясла жакет и брюки. Мобильник исчез, как и предполагалось. Сапожки тоже исчезли, зато вместо них возле стенного шкафа стояла пара туфель на высоком каблуке. Девушка примерила одну. Туфли сидели на ноге прекрасно. Более того, фасон колодки был такой же, что и у сапожек.

«Какая пунктуальность», — Анна хмыкнула и стала переодеваться.

Раздался мелодичный синтетический перезвон, затем появился незнакомый мужской голос:

— Анна Алексеевна, к вам можно войти? Нажмите кнопку на переговорном устройстве, оно возле кровати, и можете отвечать, я вас услышу.

— Как мило, — проворчала журналистка, но селектор включила. — Я еще не оделась, — резко сообщила она невидимому собеседнику. — Вы позволите мне привести себя в порядок?

— Конечно, какой может быть разговор. Когда будете готовы, сообщите...

Перезвон возвестил об окончании связи.

«Значит, камер слежения нет... Или мне дурят голову, — Анна причесалась и с удивлением обнаружила на туалетном столике помаду нежно-брусничного оттенка, которой обычно пользовалась. — Все обо мне знают...».

Она еще раз критично осмотрела свое отражение. Лицо бледное, а в целом ничего страшного.

«Интересно, а где Глеб и Тамара? — наконец, вспомнила журналистка. — Очень надеюсь, что где-нибудь рядом».

Она уверенно нажала на кнопку вызова.

— Я готова. Заходите.

Дверь бесшумно открылась. На пороге стоял крупный высокий мужчина лет тридцати пяти. Его большую голову венчал белообрый мальчишеский «ежик», а на жизнерадостном круглом лице торчали нескладные соломенные усы.

— Приветствую, Анна Алексеевна. Простите за этот... В общем, за такое невежливое приглашение...

— Вы, собственно, кто? — перебила Анна. — И где я нахожусь?

— Меня зовут Стас. А находитесь вы в полной безопасности.

— Изоляции, вы хотели сказать?

— Ух. Меня предупреждали, что вы дама прямолинейная. Как же нам с вами найти общий язык?

— Понятия не имею, — Анна вызывающе сложила руки на груди. — Вернее всего — никак, пока вы лукавите.

— Ну, что вы. Я честен, как... стеклышко.

— То, что вы трезвый, как лабораторное стекло, я уже поняла.

Стас закрыл лицо рукой и тихо засмеялся.

— Кое-кому неплохо иметь ваше чувство юмора.

— Кому же?

— Филиппу Алексеевичу. Собственно, я должен был выступать речью от имени вашего брата, но вы испортили мне весь монолог.

— Ах, Филипп! — просветлела Анна, но в глазах ее поднялась тьма. — Так вот чьих рук это дело! Негодяй!

— Анна Алексеевна, поверьте, у нас не было другого выхода. Мы не могли пригласить вас легально, — Стас постарался говорить быстро и без остановки, чтобы его вновь не перебили. — Эта лаборатория засекречена. Все, кто здесь работают, не имеют права даже позвонить домой, не говоря о том, чтобы куда-то выехать. Мы с вами находимся в зоне секретного объекта. Вот почему мы вынуждены были обставить ваш приезд, как похищение.

Анна внимательно посмотрела на сломанный в суматохе ноготь и как бы невзначай спросила.

— А что, похищение включало нападение на моего друга? Кстати, где он? И где девочка, которая была со мной.

— Девочка, ваша подруга?

— Ну, это сестренка моего приятеля. Они здесь?

— Хм... В соседней комнате. Прошу.

Стас открыл перед дамой дверь. Анна скроила пренебрежительную гримасу и не спеша вышла в коридор, краем глаза отслеживая поведение белообрый провожатого. Скованность в его голосе, появившаяся после вопроса о Глебе и Тамаре, не ускользнула от внимания журналистки.

— Чуть не забыл, — Стас порылся в карманах рубашки и достал стандартную для научных институтов карточку-бэдж. — Приколите на видное место. Тут ваш местный код. Чтобы попасть в свою комнату, используйте магнитный ключ, вот так.

Он продемонстрировал, как с помощью карточки открывается дверь.

Анна молча прицепила бэдж на жакет. Суровая мина, которую она избрала в начале разговора, уверенно держалась на лице.

— Ну и куда идти?

Стас что-то пробормотал в ответ, прошел несколько шагов по пустому коридору со множеством безликих дверей, и остановился возле одной.

— К сожалению, девочка еще не пришла в себя. Доза транквилизатора оказалась слишком большой. Исполнители не учли ее вес и возраст.

Анна заглянула в открытую Стасом комнату. Тамара лежала на кровати мертвенно бледная, неподвижная и осунувшаяся.

— Вы не знаете, Анна, — журналистка подметила, как Стас, будто ненароком, убрал из обращения отчество. — У нее нет аллергии на какие-либо препараты?

— Она выросла в глухой деревне, насколько мне известно. Скорее всего, она вообще не знает лекарств. А что вам мешает провести анализы?

— Сканирование аномалий не показало. Но странное дело! Она не дает взять у себя кровь. Как будто сжимается вся, и из вены — ни капли.

Анна внутренне вздрогнула: «Неужели все-таки индивид?»

— Такое бывает у опытных людей, — продолжал Стас. — Но обычно это делается сознательно, и предполагает долгие тренировки. Здесь мы столкнулись с феноменальными явлениями подсознательного управления организмом.

— У Томи не все в порядке с головкой, — Анна неохотно поделилась информацией. — У нее сознание семилетнего ребенка. Говорит невпопад, поет песенки и все такое.

— Как вы думаете, вам удастся ее разбудить? Возможно, она среагирует на ваш голос.

— Позже, — отрезала Анна. — Сначала я хочу поговорить с братом. Хочу послушать, как он объяснит, какого черта приволок меня сюда. Кстати, вы собирались отвести меня к Глебу. Надеюсь, в его случае с транквилизаторами вы не переборщили?

Стас нахмурился и плотно закрыл дверь в комнату Тамары.

— Получилась очень неприятная история, Анна. Невзирая на уговоры, он продолжал оказывать сопротивление. И наши мальчишки... — его взгляд гулял по пластиковым плинтусам. — В общем, я вынужден сообщить... Он погиб.

— Что?... Вы уверены?

— Увы. Мне правда очень жаль, — Стас рискнул поднять глаза. — Ребят мы, конечно, наказали. Но, сами понимаете. Человека уже не вернуть.

«Не может быть! Вранье! Глупости! — мысли металась у Анна, как теннисные мячики по корту. — Хотя, если его можно ранить, значит можно и убить... Нет. Он наверняка выжил, только здесь об этом не знают... А что если его кремировали?»

— Анна, — рука Стаса сжала ее локоть, — ваш парень...

— Он был другом моего детства, — сухо произнесла журналистка. — Не вздумайте сказать о гибели Глеба Тамаре. Девочка просто умрет от горя.

— А что же ей сказать? — Стас опешил от хладнокровия, с которым Анна выдала последнюю фразу.

— Да что угодно — сбежал, лежит в госпитале. Хотя нет. Скажите, просто пропал. Пусть ждет.

Пока в коридоре жилого крыла базы Стас говорил с Анной, в кабинете доктора Жулавского состоялся другой разговор.

— Филипп Алексеевич, я не могу присутствовать при вашей встрече с сестрой, — Орион прямо смотрел на создателя, стоя на вытяжку перед рабочим столом.

— Что еще за фокусы? Ты мне нужен здесь!

— Узнав меня, Анна Алексеевна окажется под влиянием эмоций. Это затруднит ваше общение.

— Я сказал, будешь тут торчать! — Филипп оторвался от кресла.

— Филипп Алексеевич, вы рассуждаете нелогично.

— Тьфу! Сколько раз тебе говорить: не смей меня поучать!

По интонации босса индивид определил, что его предложение уже принято. Все остальное — присущее человеку упрямство.

— Ладно, проваливай к себе... Эй, стой! Точно мне скажи, что ты сделал с трупом и с машинами?

Ориону пришлось вернуться и изложить историю слово в слово в четвертый раз за истекшие сутки.

— Тело человека поместили в салон автомобиля Анны Жулавской на место водителя. Ее машина и две машины, предназначенные для захвата, были взорваны по истечении 30 секунд с момента отъезда. Применена взрывчатка...

— Всё, дальше не нужно, — оборвал Филипп.

Накануне, когда Стас и Филипп потребовали повторить сцену похищения в деталях, Орион предположил, что его заподозрили во лжи. Он тщательно проверил память пятерых Продуктов, задействованных в операции, и даже исследовал останки «списанного» шестого, которому отважный телохранитель журналистки сломал хребет. Утечка информации исключалась. Продукты-бойцы были сконструированы так, чтобы не запоминать происходящее без специального приказа. Тогда Орион пришел к выводу: создатель боится юридических последствий якобы произошедшего убийства.

Индивид давно понял, что законы в официальных документах и законы, существующие в человеческом обществе, имеют большие различия. То, что на бумаге называлось «преступлением», часто считалось «объективной необходимостью». Дальнейшие рассуждения привели к построению достаточно простой схемы: в обществе наличествуют несколько множеств субъектов, которые а) исполняют закон, б) прислушиваются к законам и в) игнорируют законы в соответствии с собственными правилами. Критерием принадлежности к каждому из множеств был уровень обладания властью. Орион оказался среди субъектов, однозначно относящихся к множеству «в». Следовательно, обязанности «исполнять закон» у него не было, и опасения доктора Жулавского являлись безосновательными.

Однако что-то все-таки остановило его палец, до определенного момента уверенно лежащий на курке. И это «что-то» не поддавалось логическому разбору так же, как движения и мысли, возникающие под воздействием воспоминаний об Анне. Индивид допускал, что его поступок возымеет неприятные последствия, но временно отложил самоанализ по причине недостатка данных.

Оставался другой, более актуальный вопрос: что заставило его привезти на базу девочку с неадекватным мышлением. Версия для босса звучала так: «Ошибка идентификации — неверно определен возраст. Посылка: несовершеннолетний ребенок женского пола один в безлюдной местности. Следствие: физическая гибель с вероятностью семьдесят пять процентов. Вывод: доставить на базу для дальнейшего проживания».

Орион предвидел, что выслушает от создателя в ответ на заготовленную речь. Но дело сделано, и девочка находится в лаборатории. С ней предстоит наладить контакт. С какой целью? Он не решил. Хотя где-то глубоко в мозгу, независимо от рассудка, ответ уже имелся. Раздвоение мышления, замеченное вскоре после первого контакта с Анной Жулавской, индивида серьезно беспокоило.

Анна шагнула в кабинет и застыла. Ей показалось, что за столом у противоположной стены сидит отец. Мужчина поднял голову, и Анна вздохнула. Филипп походил на отца разве что фигурой. Во всем остальном близкое сходство с Алексеем Жулавским отсутствовало.

— Анна! — Филипп встал ей навстречу.

— Здравствуй, братец, — она постаралась придать своему голосу как можно больше холода.

— Как я рад тебя видеть! Располагайся, — Филипп показал сестре на кресло. — Ты, кажется, куришь? — он придвинул ей распакованную, но полную пачку сигарет.

Анна медленно, демонстрируя длинные ногти с хорошим маникюром, выдернула одну и прижала губами. Брат, неуклюже перекинувшись через стол, чиркнул зажигалкой.

— Ты стала прямо красавица, Анюта!

— Ты приволок меня сюда, чтобы полюбоваться? — Анна затянулась и выпустила облачко дыма.

— Я искал тебя. Мы не виделись десять лет!

— Одиннадцать.

— Какая разница! Я рад, что ты здесь. Где ты пропадала? Ты исчезла из всех баз данных, из всех адресных книг!

— Меня спрятали незадолго до ареста отца.

Филипп нахмурился. Анна тоже изобразила на лице горечь потери.

— Как все глупо получилось с папой, — произнес доктор Жулавский. — До сих пор в голове не укладывается. Последнее, что он успел сделать в жизни, так это уберечь тебя от клейма позора.

— Последнее, что он сделал, это довез меня до автобусной остановки, чмокнул в лоб и велел хорошо учиться, — отчеканила Анна. — А спрятал меня Антон. И давай не будем играть в добропорядочных детишек. Отцу уже не поможешь.

Филипп не ожидал такого напора и слегка растерялся.

— Как хочешь... Ты не знаешь, Антон остался жив после повсеместной «чистки» индивидов? Я нигде не нашел упоминания о нем.

Анна отрицательно качнула головой.

— До того, как твои вонючие грубияны накинулись на нас в лесу, я была в отцовском доме. Там пусто, как на кладбище.

— Да, — вздохнул Филипп. — Кое-что мне удалось раздобыть, но далеко не все. Ты знаешь, чем я занимаюсь?

— Осторожнее, Фил, ты говоришь с журналистом, — усмехнулась Анна.

— Причем с отличным журналистом! — рассмеялся брат, хотя ничего смешного девушка не видела. — Ты прирожденный журналист. В жизни не встречал более любопытной и изворотливой девчонки. Сколько раз я, помнится, выпроваживал тебя из шифоньера в моей комнате!

— Я была ребенком. Так чем ты занимаешься?

— Я создаю сверхчеловека. Да-да! Это не громкие слова. Ты видела ребят, которые захватили тебя на дороге? Они сделаны в моих лабораториях.

— А как у них с мозгами? — Анна скривилась от воспоминания о потных «боровах».

— Эта партия разрабатывалась как средства охраны и сопровождения. Мозги им не нужны. Сейчас проводится работа над офисными служащими — секретари, клерки, рассыльные. У них будет развитый интеллект.

— Фил, ты открываешь мне карты, потому что уверен в полной герметичности этого «почтового ящика»? — поинтересовалась Анна.

— В общем, да, — Филипп потер ладонями стол. — Я хочу повторить опыт отца.

Резкая смена темы явилась для журналистки совершенной неожиданностью. Казалось, что доктор Жулавский действительно играет в открытую.

— И что? У тебя есть результаты? — осторожно спросила она.

— Кое-какие есть. Но об этом потом. Я должен многое тебе показать и рассказать.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы мы объединили силы, Анюта. Ты же первая в полный голос заговорила об отце! Ты разрушила миф, годами создававшийся вокруг его идеи! Теперь мы можем двигаться дальше. Наука в наших руках! Суперчеловек родится здесь, у нас — в России! Индивиды сохранят и пронесут сквозь столетия человеческие знания, всё, что создала цивилизация! Египтяне спрятали свои секреты в пирамидах, и никто вот уже четыре тысячи лет не может их расшифровать. Я поступлю иначе. Я создам суперлюдей: сильных, выносливых, умных, способных устоять перед любой всемирной катастрофой, когда бы она ни состоялась. Они доживут до светлых дней и поведают новой цивилизации всё, накопленное нашей. Без секретов и шифров. Они будут жрецами знаний! Они будут учить новое племя!

Анна слушала и с тоской думала: «Господи, куда черт меня занес? Неужели ради этого бреда Филипп угробил столько лет своей жизни! А теперь еще и меня запер в своем сумасшедшем доме».

К счастью, доктор Жулавский не собирался разглагольствовать до ночи. Сославшись на срочную работу, он попрощался с сестрой и предложил ей погулять по базе.

— Стас тебе всё покажет. Эксплуатируй его на полную катушку, — добавил он напоследок. — Если надоест, вот мой код. Можешь вызвать меня с любого терминала. Их тут полно! Отдыхай.

Анне ничего не оставалось, как отправиться на экскурсию.

Стас оказался прекрасным экскурсоводом. Он отвечал на все вопросы Анны, деликатно объяснял, почему в некоторые стерильные лаборатории нельзя заходить без специального пропуска, показал обширную оранжерею — место отдыха персонала базы, и небольшой спортзал, заставленный изощренными тренажерами.

— Я нигде не заметила выхода на улицу, — сказала журналистка, когда путешествие по «почтовому ящику» подошло к концу.

— Мы засекречены по самые уши, — смущенно улыбнулся помощник доктора Жулавского. — Никто из работающих здесь не знает даже приблизительного географического расположения объекта. Так решила фирма. Каждый год состав лаборатории меняется. Все, кто желает остаться, продлевают контракты, других увозят по домам с соблюдением полной секретности. Люди не возражают, они полностью осознают особенности нашей работы.

— А вы насколько это осознаете?

— У-у! — Стас закатил глаза. — В некотором роде, ваш брат стал пленником собственной идеи. Но он гениальный ученый. Он своего добьется.

— Пожалуй, — Анна, державшая себя до недавнего времени, как каменная дама со стальными нервами, решила сменить гнев на милость. «В ближайшие дни мне отсюда не сбежать. Пусть считают, что я на их стороне», — подумала она.

— Филипп говорил что-то о мировой катастрофе, — Анна открыла новую тему для обсуждения. — И о пирамидах. Это он серьезно?

Стас погладил усы.

— Как вам сказать... Пирамиды, жрецы и фараоны — это его давний пунктик. Поначалу он часто задавался вопросом — зачем нужен суперчеловек. Наши Продукты призваны выполнять второстепенные функции в обществе. Но суперчеловек — нечто большее. Однажды в баре он снюхался... О, простите!

Анна с улыбкой махнула рукой.

— Словом, он познакомился с Сократом.

— С кем? — журналистка совершенно естественно вытаращила глаза.

— Парень называл себя «Сократом», по специальности он математик. За непристойное поведение вылетел с работы и занялся исследованиями космоса. Он утверждал, что очень скоро земля перевернется «вверх тормашками» и начнет вращаться в противоположную сторону, как китайский волчок. По его мнению, такое уже происходило. В результате погибла Атлантида, а остальное поглотил всемирный потоп... Анна, что с вами? Вы всерьез меня воспринимаете?

Журналистка зябко передернулась.

— Я однажды слышала что-то в этом роде, когда начинала работу в газете. Моя интервьюируемая ссылалась на исследования какого-то разумника, опубликованные в конце прошлого века. Надеюсь, это бред сивой кобылы.

— Откровенно говоря, я тоже надеюсь, — поспешно согласился Стас.

— Давайте пойдем к Тамаре, — Анна уверенно завладела инициативой. — Попробую с ней поговорить.

Женщина появилась из туманной пелены. Белые пышные кудри, платье цвета ясного неба, шелковый шлейф на ветру, будто крылья синей птицы. Она плавно качалась в пустоте и без движения приближалась.

— *Просьпайся, тебя зовут*, — мелодичный перелив проступил из тишины.

— Где я? — вроде бы спросил Глеб.

— Ты идешь к Диву.

Пустота расступилась. Он увидел высокую пещеру с сияющими голубыми стенами и группу людей, ожидающих на пороге. Лица терялись в тумане.

— Ты нужен им, — вновь возник музыкальный голос. — Они встречают тебя.

Теплая влажная рука коснулась щеки, погладила лоб, тронула замерзшую грудь.

— Кто ты? — обратился Глеб к женщине и...

Очнулся от собственного стога.

Призывное «гав!» врзалось в барабанные перепонки. Пес снова приложился горячим языком к шершавой щеке и бодро завил хвостом.

— Черныш? — Глеб приподнялся и заметил на спине собаки крепко привязанную сумку. — Антон!..

Осознание пронеслось стремительно и горе захлестнуло рассудок.

— Антон, зачем же ты!.. Нет! — он ударил кулаком в снег.

Пес отскочил, непонимающе заскулил и подполз к Глебу, норовя лизнуть в руку.

— Прости, приятель, — парень потрепал его по загривку, — это не к тебе...

Проснулась боль. В висках бессознательно застучало:

Тома, Тома, Томочка... Где ты, сестренка?.. Тома... Антон...

Он усилием воли придушил отчаяние, подтянул к себе собаку и онемевшими пальцами распустил ремни брезентовой сумки. Пес, освободившийся от непривычного предмета, запрыгал перед человеком, демонстрируя бурную радость. Глеб слегка отодвинул разыгравшегося пса со словами — не сейчас, малыш — и исследовал содержимое посылки. Там оказался набор первой медицинской помощи, несколько старых банок с консервами, два складных ножа, спички и сложенный вдвое листок бумаги.

«Глеб, я слышал взрыв в лесу и послал на помощь собаку, — гласила записка. — Пес прекрасно берет след, используй его. Береги Тамару и Анну. Не беспокойся за меня. Я долго буду жить возле родного дома. Антон».

Глеб механически сложил письмо и убрал за пазуху. Понять сообщение можно было двояко, однако на душе стало спокойнее.

«Возле дома», «ему нужно дерево», — он напрягся. — Может быть он все-таки разгадал, о чем твердила Тамара?

Воспоминание о девочке опять сжало грудь. Глеб зажмурился.

Я найду тебя, хоть на краю земли, Тома! Держись, родная, жди и держись...

Прежде, чем что-либо предпринимать, Глеб внимательно осмотрел себя. По его подсчетам без сознания он пролежал не менее суток. Столь долгой «отключки» он не планировал, когда отползал подальше от дороги и устраивался в корнях сосны, но организм решил по-своему. Ушибы и ссадины уже не беспокоили, голова не кружилась после приличного сотрясения, сломанные ребра можно было пережить, а вот разбитое колено составляло нешуточную проблему. Попробовав согнуть левую ногу, Глеб взвыл и долго лежал плашмя, тяжело переводя дух. Отдышавшись, он сделал себе три инъекции обезболивающего, с грехом пополам вправил выбитые кости и наложил тугую повязку.

Дом Жулавского остался в двадцати километрах к югу, шоссе находилось на севере, и путь к нему даже напрямиком через лес занял бы четыре-пять часов, а в нынешнем состоянии Глеба и того больше.

С момента похищения минули сутки, — размышлял парень. — За это время фургон мог укатить к черту на кулички. Направления я не знаю. Обращаться в правоохранительные органы

бессмысленно, у меня нет ни доказательств похищения, ни собственных документов. Мне никто не поможет... — Глеб посмотрел на собаку. — Антон написал, что пес умеет брать след... Других вариантов у меня все равно нет. Завтра попробуем этот.

Он прижался спиной к стволу дерева. Энергия леса текла отовсюду, и Глеб открылся, подставляя себя под незримые струи тепла, как под потоки свежего ветра. Земля обнимала человека и баюкала на могучих руках, как мать баюкает больное дитя. Дух весенней влаги остужал боль, шелест пробудившихся после зимних холодов сосен навевал добрый сон, солнечные лучи рисовали на снегу черные прогалины, и юные зеленые ростки храбро тянулись к свету. Первый день апреля отвоевывал у зимы свои законные права.

Глава 16

Маски

Вчера девочка проснулась. Ее организм не поврежден. Мозг функционирует нормально. Почему она молчит?

Орион еще раз просмотрел результаты сканирования. Он собственноручно проводил тесты. Медицинская программа обработала данные и выдала заключение: нарушений мозговой активности нет. Девочка была абсолютно здорова и физически, и психически, но ее поведение говорило об обратном.

Люди научились надевать маски. Они лгут, прикидываются, хитрят. Искренность считается отклонением. Девочка искренна. И она молчит.

Логический вывод не срабатывал. Недостаток данных.

Орион переключился на обычный для себя метод рассуждений.

Вопрос: Каким образом она узнала во мне индивида? Что значила ее фраза о цветке?...

Он поднял из памяти всё, что читал и слышал о религиях, мистике, ясновидении, общении с иными мирами и прочих явлениях, которые общество причисляло к аномальным или паранормальным. Аналог отсутствовал.

Предположение: уникальное, неописанное свойство рассудка. Вывод: ...не определено.

Предположение: принадлежность к иному миру. Вывод: ... нет однозначного определения для термина «иной мир».

Индивид оторвал взгляд от пятна на стене, медленно поднялся и прошелся по комнате.

Новая идея полыхнула в сознании неожиданно.

Предположение: альтернативная форма развития человеческого сознания. Вывод: ... вероятность 94 процента.

Посылка: если рассмотренный факт считать тождественным понятию «сверхчеловек» по психологическому критерию. Вывод: ... вероятность 80 процентов.

Этого не может быть, — он впервые не поверил в истинность собственного заключения и ощутил то, что логика определила как испуг. — Довольно. У меня нет необходимых данных.

Мысль представилась в словесной форме. Верный признак перегрузки.

Филипп и Анна пообедали вдвоем в маленькой гостиной, смежной с кабинетом. Неловкая девица лет двадцати принесла кофе, едва не уронила сахарницу, смущенно заулыбалась и поспешно вышла.

— Надеюсь, это не твой Продукт? — уточнила Анна.

— Это Катенька, — усмехнулся Филипп и пригубил кофе. — Черт ее дери! Двадцать раз говорил, чтобы клала семь ложек на кофейник, а не пять! Бестолковая, сил моих больше нет.

Понятия не имею, с какой панели ее снял Стас, но если бы не этот добряк, я бы ее на пушечный выстрел в свою приемную не пустил.

— Ты хочешь, чтобы я заняла ее место?

Доктор Жулавский поперхнулся.

— Анюта, как ты такое подумать могла! Сделать тебя секретаршей!

— Я не вижу, где еще могу тебе помочь, — Анна передернула плечиками. — Я не ученый, не химик, не математик. Мыть пробирки я не умею, а белые халаты терпеть не могу.

— Анюта, у тебя такая светлая голова! Столько идей! Ты будешь моей помощницей, как Стас. Он, кстати, давно растерял квалификацию биолога и тоже не умеет мыть пробирки. А однажды, представляешь, вывалил в утиль все свои лабораторные халаты! Теперь, когда припечет, мой таскает, стервец!

Филипп засмеялся. Анна для порядка хмыкнула в ответ.

— Аня, у нас с тобой большое будущее. Представь: в наших руках сотни индивидов! Мы поведем их к людям! Как Осирис и Исида. Они будут нашими жрецами на земле!

— Фил, мы же не во времена фараонов живем.

— Кто знает, что случится завтра, через неделю, через год? Мы строим будущее, оглядываясь в прошлое. Если бы правительство учитывало ошибки истории, мы бы давно жили при коммунизме. А мы с тобой учтем и ошибки, и плюсы всей человеческой истории.

Анна вздохнула и решила не спорить.

— Как ты собираешься создать сотню индивидов? — используя словоохотливость брата, спросила она.

Филипп немедленно проглотил наживку.

— Я овладел технологией, которую изобрел отец!

Глаза Анны округлились. В первый момент ей показалось, что Филипп выдает желаемое за действительное, но от этой мысли она быстро отказалась. Доктор Жулавский был боссом огромной, оснащенной самым современным оборудованием секретной лаборатории. Продукты, с которым Анне довелось повстречаться, являлись, безусловно, продуктами генной инженерии. Подобные разработки мог финансировать только огромный международный концерт или само правительство, и даже не одно. А раз за спиной Филиппа стояли такие титаны, получить материалы следствия по делу Жулавского ему не составляло труда.

— Потрясающе, Фил! — Анна согнала с лица сосредоточенность и предстала перед братом в облике детской непосредственности. — Ты уже создал индивида? Ты покажешь мне?

— Обязательно. Это мой образец, он будет высшим жрецом знаний!

— А другие есть?

Филипп замялся.

— Кое-что я сделал, но остался не решенным вопрос, связанный с элементом управления процессом.

Анна вспомнила фразу Антона об отсутствии каких-либо описаний загадочного модуля.

— Есть одно, что отец успел уничтожить, — продолжал Филипп. — Данные о том, как формируется ДНК у индивида. Я бьюсь над этим уже не один год...

«Так тебе и надо», — ехидно подумала Анна, хотя неудовлетворенное любопытство щекотало язык, подталкивая журналистку задать поспешные вопросы. Она удержала рот на замке.

— Помоги мне, Анюта, — доктор Жулавский с надеждой смотрел на сестру.

— Как, Фил? Я не разбираюсь в науке!

— Подумай, сестричка, вспомни. Ты жила у отца все последние годы. Неужели он ни слова не говорил о работе? Неужели не давал никакого намека...

«Мама и отец делали модули вместе», — журналистка прикусила губу. В голове возникла сложная дилемма: предоставить Филиппу возможность самому барахтаться в омуте неразрешимых вопросов или подсунуть соломинку для спасения. Она выбрала первое.

— Я не помню, Фил. Я же была девчонкой! Может быть, если я буду ходить за тобой, следить за твоими исследованиями, я что-то восстановлю в памяти?

— Да, да... наверное..., — Филипп надолго замолчал. — Пойдем, я покажу тебе результаты! Он вскочил и стремительно зашагал в кабинет.

Анна рассчитывала, что брат сейчас продемонстрирует ей индивида. Но нет. Доктор Жулавский включил проекционную матрицу и уселся за компьютер. На большом, чуть ли ни во всю стену, экране появились изображения капсулы в нескольких разрезах и столбцы цифр. Похожую картинку журналистка уже видела, более того — отправила по модему господину Бурмистрову. «А я угадала, — гордо отметила она про себя, — это и впрямь было наиболее важным файлом! Забавно. Его Продукты не сообразили обыскать мою машину. Иначе братец догадался бы, что я просмотрела файлы в компьютере Антона».

Филипп в подробностях расписывал, как создается «саркофаг» и для чего он служит. Анна слушала в пол-уха.

— Большое значение имела вода, — увлекшись, доктор Жулавский беспрестанно жестикулировал. — Мне доставили полсотни кубометров прямо из Уральских гор! Помнишь, отец в молодости ходил с экспедициями как раз в том районе? Он был геологом, и я решил, что исследования свои он начал с изучения горных пород. А вот это...

Анна наострила ушки, увидав на экране увеличенное в сотни раз изображение какого-то камня, разрисованного хаотичными бороздами разной глубины.

— Это главный чип — процессор, который управляет построением организма индивида. Минерал мне тоже привезли. Он идентичен образцу. И на этом всё. Я не понимаю, как эта штука работает!

Анна до боли в глазах всматривалась в картинку.

— А напыление? Какие-нибудь микробы, микроорганизмы? — нерешительно предположила она.

— Ничего! Образец был абсолютно чист, хотя хранился в простой родниковой воде.

— погоди, погоди. Ведь индивид — живое существо? — Анна забеспокоилась.

— Именно. Он состоит из тех же элементов, что и мы. У него 46 хромосом и практически идентичный нашему геному. Из десятков тысяч генов всего семь имеют существенные структурные отличия. А в итоге — мозговая деятельность и метаболизм разнятся с человеческими как небо и земля. Представляешь! Как будто нас лепили из одного и того же теста, но лепили по-разному.

— Это я понимаю. Ты мне объясни, если он живой, то откуда берется ДНК? Из воды что ли?

— Ага! — Филипп вскочил и стукнул кулаком по экрану. — Вот ты и задала главный вопрос! И ответить на него — наша с тобой задача!

«Чудесно, братец записал меня в свою команду. Ох, и статья получится! Пусть считают меня пропавшей без вести!.. А Григорий... Жаль, так все прекрасно начиналось...» — Анна остановилась перед дверью своей комнаты и оглянулась.

Самое время было навестить Тамару.

Девочка сидела на кровати, забившись в дальний угол.

— Тома, привет, — Анна приблизилась. — Как ты себя чувствуешь?

Тамара не ответила, только покрепче обняла колени.

— Тома, почему ты молчишь? Тебе плохо?

Журналистка под села к девочке. Та спрятала лицо.

— Томочка, Глеб скоро заберет тебя отсюда. Ну? Посмотри на меня. Надо немножко его подождать.

— Ты думаешь, что Глеб умер, — не поднимая головы, проговорила Тамара. — Это неправда.

— Конечно, неправда. Глеб скоро придет.

— Ему сделали очень больно.

— Он хотел нас защитить. Он не знал, что меня увез мой брат. И я не знала, — Анна погладила девочку по плечу.

— Ты не любишь со мной говорить. Зачем ты пришла? — Тамара взглянула на журналистку синими пронизательными глазами. Анна отодвинулась. — Ты придумала, что я такая, как твоя мама, да?

— Нет...

— Ты неправду говоришь. У тебя на лице одно, а внутри другое. И ты всегда что-то придумываешь. Поэтому сохнет твой цветок. Но ты не бойся. Очень много людей живут без цветка. Тебе не будет больно.

— А кому без цветка больно? — решила спросить Анна.

— Тем, кто тебя любит. Им больно, если цветок засыхает. Глебу очень больно.

— Глеб любит тебя, а не меня.

— Ты опять думаешь неправильно! — Тамара выпрямилась. — Почему ты всегда думаешь об этом неправильно? Уходи.

— Хорошо. Я потом загляну к тебе, можно?

Девочка смотрела в стену.

Глава 17

Лица

Глеб долго пытался объяснить Чернышу, как взять след, но молодой пес решил, что новый хозяин приглашает играть. Он лаял, прыгал по почерневшим сугробам, хватал ветки и тыкал человеку в руки. Когда ветка отлетала в кусты, пес кидался за ней и с чувством выполненного долга приносил назад. Глеб испробовал всё: и «ищи!», и «нюхай!», и даже «фас!». Но Черныш, похоже, понимал единственную команду — «апорт».

Парень до деталей восстановил в памяти рассказ Антона о собаке. Черныш родился в доме прошлой весной, когда в одинокий коттедж забрела щенная сука. Сука вскоре пропала, два щенка погибли от холода, а Черныша Антон принес к себе и выкормил синтетическим раствором, близким по составу к материнскому молоку. Пес быстро окреп, научился добывать себе еду в лесу, но по зову хозяина приходил домой каждый день. Антон использовал звуковой сигнал, чтобы приманить собаку. Глебу удалось имитировать манок. На его свист Черныш охотно отзывался. Но как заставить собаку идти по следу, парень не знал.

— Ладно, приятель, пора двигать к шоссе, — вздохнул Глеб и осторожно поднялся.

Кости еще не срослись, но оставаться на месте он больше не мог. Опираясь на длинную палку, он выбрался на грунтовую дорогу, где два дня назад машину остановили похитители, и с тоской подумал о Тамаре.

Где она? Что ей предстоит пережить? Уцелеет ли на безумном вираже? И кто подстроил этот драматический поворот на дивном пути к горизонту?... Ни одна дорога не обходится без потерь.

Ее я не потеряю! Я дойду... — комок чувств перекачивался внутри. Болело уже не тело — к этой боли Глеб привык. Болела душа.

Черныш вдруг завертелся на месте, уткнув в землю мокрый черный нос. Глеб остолбенел. Четвероногий спутник вынюхивал оплывший след шин на талом снегу.

— Черныш, ищи... Ищи, Черныш! — шепотом, чтобы не спугнуть слабую тень надежды, выговорил парень.

Пес по-взрослому зарычал и потрусил вперед, низко опустив лохматую голову.

Сломанное колено болело страшно, но, опасаясь, как бы Черныш не потерял путеводную ниточку к Тамаре, Глеб упрямо ковылял за собакой. Посох — ствол погубленной непогодой юной березки — прогибался под тяжестью тела. Сознание мерцало, реальные и фантомные тени застилали глаза, прогалины кружились в безумном хороводе, а ветер, пропитанный мелким дождем, вбивал в мозг бессвязные фразы. Глеб старался сосредоточиться на чем-либо конкретном.

Черная спина пса, хруст наста под ногой, стук крови в висках, немой ритм и застрявшие в памяти слова «Парус! Порвали парус!...» Давным-давно песня вызвала яркий выплеск эмоций, заставивший рассудок формировать ассоциативную базу. Текст и мотив были забыты, но закрученный до предела сгусток нервов и воли стал своим.

Показалась развилка. Глеб смутно помнил этот поворот. Не позволив себе ни минуты передышки, он продолжил движение, но не прошел и десятка метров, как услышал за спиной призывный собачий лай. Черныш сидел на перепутье, и Глебу показалось, что на черной выразительной морде пропечаталось недоумение. Чуть только хозяин остановился, пес вскочил и побежал по левому ответвлению обледенелого проселка. Парень посмотрел вокруг. Дороги вроде бы ничем не отличались друг от друга. Однако он медленно повернулся и, подволакивая больную ногу, направился за лохматым проводником.

Сгустились сумерки, когда человек и собака выбрались на шоссе.

Чистая асфальтовая трасса, с которой солнце давно стерло снег, черной лентой раскинулась с запада на восток. Каждый день по ней проносились автобусы, грузовики, легковые автомобили. Черныш несколько минут метался по обочине, выскакивал на середину шоссе и, поскуливая, нюхал мокрый асфальт. Морось сыпалась из сизых размазанных туч. Глеб с надеждой взглянул на небо. Поисковой собаке легче работать именно в такую погоду — он слышал это, или где-то читал. Но ни один, даже опытный выдрессированный пес не способен взять след машины на проезжей дороге.

Тем не менее, неподвижное ожидание чуда существовало несколько минут прежде, чем уступило место очевидному поражению. Глеб тяжело опустился в снег и подозвал собаку.

— Ничего, приятель, мы как-нибудь справимся, — проговорил он, приласкав понурившегося пса. — Ты молодец...

Черныш неуверенно повил хвостом.

Глеб прикрыл глаза и постарался максимально расслабить тело.

Тома, Томочка... Куда мне теперь, сестренка?... — он представил Тамару и фургон, уносивший ее в неизвестность. Гул леса над головой, шорох дождя, резкий рев промчавшейся мимо машины остались вне восприятия. А нечто горячее и неумолимо тревожное потянулось издалека, тронуло грудь и вдруг отчаянным жаром вспыхнуло на лице. Глеба качнуло. Рука провалилась в колючий сугроб.

Он медленно поднялся, не отрывая взгляд от блеклого пятна над горизонтом там, где садилось солнце. Если тень сомнения и мелькнула где-то в глубине, до сознания она не добралась. Интуиция уверенно взяла верх над рассудком.

Глеб поднял сумку и посмотрел на Черныша. Чуткий пес, прижав уши и вытянувшись, как стрелка компаса, повернулся на запад.

Стас нашел Филиппа на опытной площадке. Протиснувшись в узком проходе между двумя увлеченными своим делом сотрудниками, он приблизился к боссу и остановился за его спиной. Доктор Жулавский ревностно наблюдал, как врач, просунув руки в «рукава» стерильной камеры, вводит стимуляторы в человеческое тело, распластавшееся на столе под стеклянным колпаком.

— Из этого экземпляра получится настоящий гигант! — прокомментировал Филипп. — Развивается в два раза быстрее остальных!

— С чего это вдруг?

— Разбираются. Кажется, материал оказался нестандартный. Ты гляди, какой красавец!

Стас посмотрел на голое тело за стеклом и поморщился. Продукты даже в одежде выглядели отвратительно, а вид обнаженного вообще вызывал приступы тошноты.

— Ты зачем дал Анне полный доступ? — спросил Стас, отвернувшись от «окна» камеры.

— Она мне нужна, Стас. Я чувствую, что она мне поможет!

— Слушай, твоя сестрица — профессиональная журналистка. Ты представляешь, что будет, если она опубликует статью о базе?

— Каким образом она ее опубликует? Взломает центральные ворота или отыщет код к «черному ходу»? Или ты думаешь, я такой кретин и позволил ей заходить в сектор связи? Я даже нашему компьютерному гению доступ закрыл!

— Ладно, не кипятись. Но ее острый носик мне не нравится, уж извини за откровенность. Советую тебе не болтать лишнего.

— Я сам знаю, как вести себя с младшей сестрой, — отрезал Филипп. — Еще что-то?

— Ты подумал, что делать с девочкой?

— С какой... а, с дебилкой! Пусть сидит здесь. А что с ней еще делать?

— Во-первых, она почти ничего не ест. Во-вторых, из-за нас она осталась круглой сиротой. В-третьих, она выдает такие параметры в тестах, что психоаналитик и медики за голову хватаются. А в-четвертых, я не понимаю, почему ею заинтересовался Орион.

Филипп, наконец, отвлекся от любования своим детищем.

— Какие еще параметры? На каких тестах?

— Орион провел несколько исследований. Девочка совершенно нормальная, а ведет себя — как безмозглое чудо. Я начинаю думать черт-те что. Ты не боишься, что она какой-нибудь агент?

— Стас, ты спятил, что ли? Ей двенадцать лет!

— Семнадцать, — и внятно, чеканя каждое слово, повторил: — Анализы показали, что девочке семнадцать лет. И не спорь. Это точный результат. Кроме того, энергетика головного мозга у нее такая, что зашкалили все тестовые графики.

— Стас, — Филипп вытянулся, как жердина, — а что если она индивид?

— Меня эта мысль уже посещала. Вынужден тебя разочаровать. Она человек. И знаешь, что она заявила Генриху, когда он ее проверял? «Когда мне земля разрешит, я стану взрослой». После этого она выдала вслух всё, что он подумал, и заткнулась. И второй день — молчит!

— Ого!

Стас знал, как сложно удивить Филиппа, но сейчас доктор Жулавский был удивлен.

— А что Орион? Кстати, я его давно не видел.

— Парень скрывается от Анны и часами торчит в комнате у девчонки. Понятия не имею, что он там делает.

— Отлично. Потрудись это выяснить, — доктор Жулавский посчитал, что уделил теме достаточно внимания. — Ты же у него в «папочках» ходишь, а не я.

Определенная доля ревности в голосе Филиппа присутствовала, но, подняв глаза, Стас наткнулся на безучастную физиономию. Продолжать разговор не было смысла.

Орион навещал странную девочку несколько раз в день. С его появлением она немедленно забивалась в угол и молчала. Он сидел перед ней, рассматривал, анализировал, но выводов не получал. Любые вопросы оставались без ответа. В конце концов Орион решил, что без внешнего раздражителя контакт не получится, и следующий раз пришел в ее комнату с лилией в пластмассовой вазе.

— Тебе нравятся цветы? — спросил он и поставил подарок на стол.

Тамара посмотрела на лилию, посмотрела на Ориона и вдруг звонко рассмеялась.

— Какой ты глупый! Этот цветок мертвый, а твой живет вот здесь, — она приложила ладонку к его груди.

— Цветок — это мысли? Разум?

Тамара слезла с кровати и пробежала на середину комнаты.

— Нет! Твой цветок очень маленький. Ты не даешь ему расти, потому что все время думаешь. Ты неправильно думаешь. Но не так неправильно, как думает Анна.

Орион всеми силами пытался найти логику в торопливой речи ребенка.

— Вот ты опять думаешь... Фу, какой ты глупый. Надо не так думать! — она топнула голый пяткой по ковру и опустила руки. — Глеб думал совсем не так. И он родился. А ты еще очень маленький.

— Глеб твой друг? — осторожно спросил Орион.

— Он мой брат!... Ты прости, что я тебя обидела, — вдруг понурившись, продолжала Тамара. — На самом деле тебя правильно нарисовали. Ты настоящий. Просто ты еще маленький.

Опять проскользнуло ощущение раздвоения источника мыслей. Орион внутренне собрался. Тамара смотрела на него жалобно, будто говорила взглядом — ну же, шагай! И не дождавшись, тяжело вдохнула.

В ее понимании мыслить едино неправильно, — Орион с трудом подобрал слова для оформления полученного вывода.

— Тамара, я хочу открыть тебе секрет. Ты умеешь хранить тайны?

— Умею, — на лице прописалась заинтересованность.

— Я сказал, что Глеб погиб. Это неправда.

— Я знаю, — потеряв интерес к «секрету», ответила девочка и уселась на ковер.

Ориону пришлось проделать то же, чтобы сохранить контакт глаза-в-глаза, как учили в книгах опытные психологи.

— Ненастоящие люди сделали ему больно, — Тамара принялась вырисовывать пальцем на ворсе ломаные линии. — Ему и сейчас больно, но он идет сюда.

— Это здание надежно охраняется. Глеб не сможет его найти.

— Сможет. Глеб смелый. Он идет к горизонту!

Полнейшее отсутствие логики. Орион незаметно для себя вздохнул.

— Тамара, разреши задать тебе вопрос?

— Ты хочешь спросить, Глеб такой же как ты или нет? — девочка вскинула головку, и косички забавно вспрыгнули над плечами.

Ориону показалось, что она смеется над ним без звука и мимики, и осознал, что второй источник мыслей работает в полную силу.

— Да, — автоматически отозвался он, а сам поспешно активизировал самоанализ.

— Глеб не такой, — с готовностью принялась объяснять Тамара. — Он родился. Сначала он был, как ты. То есть, не совсем как ты... У него был большой сильный цветок. Он его сам вырастил. Потому что ходил по земле. А потом он родился. У тебя цветок маленький, потому что тут нет земли, и живет только один цветок, который у усатого дяденьки. Ты меня понимаешь?

Орион провел рукой по глазам. Ни пыли, ни влаги на лице не было, движение оказалось бессмысленным.

— Нет, Тамара. Не понимаю.

— Тебе грустно от того, что ты не понимаешь, да?

— Да... — тихо ответил индивид.

Девочка посмотрела в пол.

— Я бы очень хотела тебе помочь. Глеб говорит, что когда отдаешь что-то другому, то становишься сильнее. Если я буду отдавать тебе свой цветок, мой будет сильным, а твой нет. Потому что тебе некому отдавать свой.

Орион потерял всякую надежду формализовать высказывания Тамары. Пора было прекращать утомительную для рассудка беседу. Девочка будто угадала его мысль:

— Пойдем гулять! — она вскочила и потянула индивида за руку. — Пойдем! Не бойся, Глеб не обидится. Глеб умный. Когда он придет, вы подружитесь.

В коридоре навстречу Ориону и Тамаре попался главный генетик базы.

— О, да у вас новое поручение! Нянькой, стало быть, сделали? Ну-ну, действуйте, молодой человек, — он походя похлопал Ориона по плечу и отправился своей дорогой.

Из второго источника сознания выползла отчетливая мысль в словесной форме: все точно наоборот — не я с ней нянчусь, а она со мной.

Анна до сих пор не определилась, как действовать в сложившихся условиях. Дни проносились в суете, гора новых впечатлений не умещалась в голове и занимала сны кошмарными сюжетами. Опытный полигон, где тренировали Продуктов, вызвал такое отвращение, что смотреть на Филиппа, азартно обсуждавшего с генетиком проблемы каких-то препаратов, она не могла. Кое-как отговорившись, журналистка покинула ученых и едва ли не бегом поспешила в единственное спокойное место на базе — в оранжерею.

До конца стандартного рабочего дня оставалось четверть часа. Анна плюхнулась на скамейку и принялась растирать пальцами виски. Как возвышенные помыслы брата могли уживаться с отеческой любовью к потным жирным монстрам, она не понимала.

«А кто из местных знает о создании индивидов? — вдруг подумала Анна. — Генетик с похотливыми глазенками? Дотошный начальник биологов? Или его ассистентка в имидже «синего чулка»? Нет! Он скрывает свою настоящую цель! Никто кроме него и, может быть Стаса, не видел всех деталей головоломки! А это означает, что тайна отца все еще остается тайной!.. Только правительственные структуры имели материалы, которыми сейчас располагает Филипп. Получается, Игорь был прав. Правительство ищет новые формы для развития генной инженерии. Генетические мутанты — полезный побочный продукт, прикрытие. От Филиппа ждут другого... Ой, мамочки, куда же я влезаю?»

Она вспомнила про господина Бурмистрова, про модную передачу и почувствовала, как руки и ноги становятся ватными. Она самым натуральным образом содействовала «утечке» информации из правительственной секретной лаборатории. Вопрос — откуда она в действительности взяла файлы, во внимание не примут. «А рискнет ли редактор опубликовать мои материалы? — внезапно задумалась журналистка. — Игорю пригрозили, чуть только он углубился в запрещенную зону. Его тему закрыли... А как же я?»

Неподалеку зазвенел голосок Тамары.

— Нет, тут тоже неправильно! Это растение — настоящее. И это настоящее. А все вместе — неправильные. Понимаешь, как люди в городе. Один хороший. Другой хороший. А вместе — неправильно... Не понимаешь?

Анна вытянула шею, чтобы посмотреть, с кем столь бойко беседует девочка. За листьями мелькнул черный стриженный затылок. Анна встала и... оказалась лицом к лицу с Григорием.

— Ты?... — журналистка задохнулась.

В голове пронеслось: неуклюжий воняющий верзила, едва не сбивший с ног, сказочное знакомство в сквере, пять прекрасных счастливых вечеров, нежный кулон, подаренный на прощание и неожиданная ловушка на дороге, которую не предполагал даже Глеб...

— Ты... Григорий, как ты мог?!

Глаза Анны утонули в потоке слез. Она развернулась и побежала прочь. Кадки с деревьями, кадки с цветами. Она металась по оранжерее в поисках выхода, и рыдала.

— Анна! Постой, Анна!

Орион выпустил руку Тамары и кинулся за девушкой.

Тамара склонила головку с косичками к плечу и умиротворенно улыбнулась.

— Раз цветочек, два цветочек,

Нежный, хрупкий стебелечек.

Ты расти, расти, расти,

Чтоб другой цветок спасти.

Девочка вприпрыжку побежала вглубь искусственного сада. Она ласкала растения и танцевала вокруг бонсаи в низких ваннах. Радость выплескивалась через край, и Тамара спела песенку ленивому фонтану, представив на минутку, что перед ней лесное озеро. Она запрыгала дальше, но за поворотом дорожки, натолкнулась на женщину в белом халате.

— Что ты тут делаешь? — удивленная, сотрудница базы окатила девочку ледяным взглядом.

— Я учусь делать хорошие дела! — гордо заявила Тамара. — Если я буду делать много добрых дел, земля разрешит мне стать взрослой, — она присмотрелась к женщине и отступила. — Тебе плохо?

— Нет, — узкие черные глаза остались непроницаемыми, но густые брови выгнулись изумленной дугой. — Ты сестра Филиппа?

Тамара отчаянно замотала головой.

— Я Тамара, сестра Глеба. А ты?

— Аза, — восточная красавица чуть заметно расслабилась и опустила плечи.

— А кто такой Филипп? Почему ты думаешь о нем плохо?

— Филипп — это страшный, плохой человек, детка.

— Человека можно простить. Я сегодня простила Ориона за то, что он ударил моего брата.

— Есть вещи, за которые прощать нельзя. Запомни это, пока ты дитя.

— А...

Но женщина с плохими мыслями отвернулась и скрылась в ответвлении аллеи, унося в измазанной садовым грунтом руке пучок шипастых зеленых листьев.

Баталия на бильярдном столе незаметно закончилась. Обернувшись на тишину за спиной, Стас обнаружил, что остался в комнате отдыха один. Нехотя поднявшись, он отправил в мусорный контейнер опустевший пластиковый стакан и медленно побрел к выходу. Воспоминание о стопке нерассмотренных документов, оставшихся на столе, вышибло всякое желание возвращаться в свою благоустроенную келью.

— Там в зале ваш помощник, кажется, решил угробиться штангой.

Стас вздрогнул от неожиданности. Санитара, выполнявшего по совместительству функции уборщика, он не заметил. «Помощник», «зал» и «штанга» в первый момент не связались в голове.

— Какой штангой? — машинально переспросил Стас.

— Обычной, какой еще, — пробасил санитар и включил моечную машину.

Тренажерный зал располагался сразу за комнатой отдыха, однако Стас успел развить такую скорость, что, затормозив на пороге, проехал на ногах по влажному полу не менее метра. Ритмический грохот эхом гудел во всех углах. Темп был предельный. Вес тоже, в чем он немедленно убедился, увидав количество колец, нанизанных на снаряд.

— Орион!

Индивид не отреагировал.

Стас решительно сдернул выключатель. Штанга замерла в фиксаторах.

— Слушай, малыш, ты что с собой делаешь? — он взял парня за плечи и с усилием привел в сидячее положение.

Застывшая маска на ничего не выражающем лице медленно расплавилась.

Стас убрал руку и лишь теперь заметил, что тело индивида залито потом. Он поискал глазами полотенце, такового поблизости не обнаружил и, подцепив скомканную рубашку, накинул на подопечного. Орион низко опустил голову.

— Что делают люди, когда им плохо? — глухо спросил он.

— Кто что умеет, — Стас присел рядом. — У кого не хватает духу посмотреть жизни в глаза, упиваются до чертиков и ловят кайф.

— Мой организм не подвержен действию наркотиков, — в реплике явственно прозвучало сожаление.

— Орион, ну-ка посмотри на меня, — Стас постарался придать голосу строгость. — Что случилось?

Индивид долго молчал.

— Я заставил Анну жестоко страдать, — еле слышно ответил он, наконец.

Стас облегченно вздохнул.

— Нашел из-за чего переживать! Эта мадам, по-моему, вообще не знает, что такое страдание. Два сапога пара. Что она, что наш драгоценный Филипп Алексеевич.

— Нет! Ты не понимаешь! — Орион вскочил. — Она сказала, что любит меня. Она думает, что я человек! А я предал ее! Приказали — исполнил. Я никто! Я просто манекен!

Он бросился к выходу из зала. Стас оторопел. Не сколько от услышанного, сколько от жаркой речи существа, железную логику которого ему не удалось поколебать никакими средствами вот уже более полугода. Возле открытых дверей Орион остановился, отступил, как шатнулся, в сторону и ничком припал к стене. Стас неуверенно приблизился к застывшей фигуре. Самое время было по-человечески поговорить с парнем. Но с чего и как начать? Тонкий дипломат на переговорах и совещаниях всех уровней, он растерялся перед сгустком чувств и топтался на месте, будто застенчивый школьник.

Орион опомнился, когда сообразил, что упирается лбом не в холодный пластик, а в теплое человеческое плечо.

— Пойдем-ка на свежий воздух, — негромко предложил Стас.

Черный туннель увяз в пространстве, и приглушенные звуки неровных шагов невнятно шуршали в ушах.

Почему он спотыкается? — вопрос подтолкнул рассудок к движению.

Орион оглянулся. Глаза, функционирующие в режиме ночного видения, выделили из тьмы серый силуэт. Индивид протянул человеку руку. Стас почувствовал себя значительно увереннее со зрячим проводником в крошечной темноте.

Сработал кодовый замок. Пахнуло влагой и прохладным духом апрельской ночи. «Мертвая зона», раскинувшаяся на полтора километра вокруг подземной базы, встретила людей тоскливым лунным светом.

— Что значит: отдавать и становиться сильнее? — спросил Орион.

— Точно не знаю, — Стас в раздумье посмотрел в сумрачное беззвездное небо. — Видимо, когда что-то отдаешь, взамен появляется нечто большее, и поэтому становишься сильнее. Природа не терпит пустоты. А можно сказать и проще: если ты кому-то нужен в жизни, ты начинаешь ощущать ответственность за него. Тоже своего рода сила.

— Это и есть причина, по которой ты сопровождаешь Филиппа Алексеевича?

Стас стушевался. Бесхитростный вопрос требовал такого же ответа.

— Наверное... Хотя, нет. Всё сложнее...

— Если тебе неприятно отвечать, не отвечай, — поспешно добавил Орион.

— Не в этом дело. Ты и так знаешь обо мне больше, чем кто-либо, — Стас выдохнул облачко пара. — Случается иногда, что ситуация затягивает, и ты как бы не властен над собой. И несет твой корабль попутным ветром, успевай только лавировать между рифами.

— В твоих словах звучит поэтика.

— Редкое явление, да? — усмехнулся Стас и посмотрел на индивида.

Тот задумчиво созерцал неровный диск тающей луны, висящий между мрачных ночных облаков.

— Ты сказал однажды, что рискнул прикрыть Филиппа Алексеевича, когда его личностью заинтересовалась Служба Безопасности, — произнес Орион. — То есть, ты взял на себя ответственность за него. Из данного тобой определения следует, что так возникает сила. А ты говоришь про слабость. Или я неверно истолковал метафору о корабле и попутном ветре?

Более всего сейчас Стасу хотелось вернуть индивида в русло ярких чувств, в котором он, сам того не осознавая, держался последние полчаса.

— Всё ты истолковал верно, — торопливо ответил он. — Но сила и слабость — две стороны одной медали. Такова жизнь. А главная моя ответственность сейчас — это ты.

— Почему?

— Потому что ты — молодой, познающий мир человек, которому выпало несчастье родиться без матери и отца, и родиться взрослым. Ты набьешь себе много шишек. Это больно, когда ты уже не беспечный пацан, шмякнувшийся с дерева. Вот сегодня, спрашивается, какого черта ты надрывался штангой?

— Я не хотел думать.

— Помогло?

Орион улыбнулся.

— Не очень... Стас, ты полагаешь, Анна не будет страдать?

— Скорее всего нет. А за тебя я не уверен, — белобрысый «ежик» чуть заметно подпрыгнул на голове, когда его обладатель хитро прищурился. — Не волнуйся. Время все расставит по своим местам. Но послушайся совета: никогда не лги женщинам и друзьям.

Индивид рассеянно нагнулся и набрал в ладонь горсть колючего снега.

— Я оставил Глеба на дороге, — он решил последовать совету немедленно.

— Я так и думал, — Стас удовлетворенно кивнул.

— Филипп Алексеевич мне не поверил? — странное ощущение в спине диагностика определила как щекотку, но на ум пришла более естественная фраза — «засосало под ложечкой».

— Я тебе не поверил, малыш. Потому что у тебя совесть есть. Тебя беспокоит судьба парня?

Орион посмотрел на темную стену леса, обрисовавшего периметр «мертвой зоны». В рассудок незаметно проникло очевидное объяснение поступка, и слова просочились сквозь пересохшие губы.

— Он был весь в крови. Ему переломали ребра, выбили колено. А он продолжал сражаться. И девочка. Она же физически слаба, но она бросилась на помощь. Хотя знала, что у меня оружие! Стас, откуда у людей столько отваги?!... Я поступил малодушно. Я забрал Тамару, решив, что она мне пригодится. А его бросил там, потому что... испугался его мужества.

— Так вот в чем дело, — Стас задумался. — Не волнуйся, найдем этого богатыря, я обеспечу ему госпитализацию без лишних вопросов, а потом пусть забирает девочку и оба идут своей дорогой.

Орион вскинул голову.

— Его дорога ведет сюда, Стас, — он отвел руку в сторону одноэтажного здания, венчающего мрачные подземные сооружения. — Тамара уверена, что он придет. И я уверен. Почему-то... — следующее решение заняло несколько секунд и выплеснулось: — Глеб был индивидом.

— Индивидом?... «Был»?

Вопрос надолго повис в ночном воздухе.

— Я не понимаю логику Тамары, но кое-что в ее словах мне удалось формализовать, — аналитика с трудом протиснулась в сознание, и речь обрела четкость. — Получается, что индивид развил в себе некий «цветок» и родился человеком. «Цветок» можно отдать и тогда «станешь сильнее». Предполагаю, что Глеб «отдал цветок» Тамаре. Посылка: «цветок» есть любовь — не подтверждена. Но я... мне... — «второй источник» смешал фразу. — Мне кажется, здесь кроется что-то большее.

— Уф, — Стас пригладил усы. — Ну, знаешь... Поздравляю!

— С чем?

— С большими перспективами.

Орион беспомощно хлопнул ладонями по коленям.

— Теперь я тебя совершенно не понимаю, Стас! — жалобно воскликнул он.

Тот расхохотался от души и, обняв Ориона одной рукой, развернул его к приоткрытому люку бункера.

— И слава богу, что не понимаешь. Тут понимать-то нечего: если один сумел стать человеком, тебе дорога туда же. Слушай, давай возвращаться. А то замерзнем тут до костей.

Глава 18 Открытие

У прилавка в магазинчике Глеб ловил на себе недружелюбные настороженные взгляды. Продавщица нетерпеливо спросила: «Это всё?», быстро отсчитала мелочь на сдачу и обернулась к

следующему покупателю. Глеб забрал сверток с покупками для себя и для Черныша и, стараясь не хромать, пошел к выходу.

Недовольство добропорядочных граждан при виде широкоплечего молодца с недельной щетиной на осунувшейся физиономии и с длинной палкой, вместо костыля, было Глебу понятно. Все это время он и пес шли пешком по обочинам накатанных трасс. Попутки не останавливались. Только пожилая веселая пара подвезла человека с собакой, сократив им путь на три десятка километров. Дальше их дороги разминулись. Жизнерадостные старички покатали в город, что лежал между двух российских столиц, а Глеб взял на юго-запад, туда, где ждала Тамара.

Черныша возле крыльца магазина не оказалось. Глеб удивился: обычно пес терпеливо исполнял команду «место», пока хозяин не давал отбой. Парень тихо посвистел собаке. Черныш не появился, зато из-за угла раздалось возбужденное «гав» и заливиный девичий смех. Удивление сменилось тревогой. Тем более что за калиткой припарковались три заляпанных грязью мотоцикла. Глеб поспешил на голоса.

На дворике за магазином Черныш давал представление. Он плясал на задних лапах перед раскрашенной всеми видами косметики блондинкой и ее не менее экстравагантными приятелями. Блондинка хохотала и бросала псу кусочки сосиски. Увалень, на щеке которого красовалась сочная татуировка, с возгласом — мне оставь, дура! — попытался выхватить у нее пакет. Черныш взвился в прыжке и отвоевал себе целую сосиску. Компания загоготала.

Глеб замер. В глазах встали бандиты, разгромившие дома в Белкове в прошлом году. Они выглядели так же — аляпистые одежды, разукрашенные наколками морды. И все же к этим парень подошел.

— Черныш, как тебе не стыдно! — обратился он к собаке.

Пес заглотнул трофейный кусок и, виляя хвостом, подбежал к хозяину.

— Твой? — утирая проступившие от хохота слезы, спросил один из компании.

— Да. Извините.

— Э, брось! Мы та-ак повеселились! — воскликнула блондинка.

— Эй, мужик, ты откуда взялся? Из лесу вышел? — подал голос мотоциклист, которого Глеб не заметил: тот копался возле своего мотоцикла.

Внимание юнца разрывалось между незнакомцем и машиной, поэтому, продолжая пялиться на Глеба, он нашел левой рукой руль и крутанул ручку газа. Двигатель гаркнул и захлебнулся.

Трое парней обложили товарища отборным матом. Смысл был следующий: чини скорее «такой-то» тарантас, а не то, «такой-сякой», будешь добираться пешком.

Глеб посчитал, что его присутствие уже никого не заботит, и прошел мимо. Но на мотоцикл оглянулся. Не мог не оглянуться, хотя давно считал, что ненавидит все, что движется на двух колесах.

— Подтяни винт дросселя на пол-оборота. У тебя второй карбюратор барахлит, — бросил он незадачливому мотоциклисту.

Тот разинул рот и проводил хромого незнакомца взглядом. Заворачивая в калитку, Глеб услышал за спиной тарахтение ожившего мотора.

— Эй, мужик, тормознись! — размалеванная молодежь догнала его на улице. — Эй, слышь, ты что, в лесу моцили чинить научился?

Говорил тот самый увалень с татуировкой, который пытался отнять у сердобольной девицы свой завтрак.

— Гораздо раньше, — Глеб прищурился на ярком солнце.

— Круто! С первого взгляда! Круто!.. — восхитился хозяин исправленного мотоцикла.

— Взгляд не поможет. Слушай, тогда движок сам о себе все расскажет.

— Эй, а твой-то моциль где? Подсекли, что ли? — малый с татуировкой кивнул на поврежденную ногу.

— Нет. Проиграл раунд.

— А куда топаешь?

Любопытство граничило с сочувствием. Глеб уловил слабые импульсы «тепла», исходящего от компании. Он поискал конкретный источник, и не нашел. Каждый из пяти молодых оболтусов был «нейтральным», но пятеро человек вместе излучали одно «тепло».

— Вот, попал в историю, — он решился на частичную откровенность. — Девушку мою... увезли. Я должен ее найти.

— О-ого, — ахнула блондинка. — И ты такой крутой позволил?

— Мне ногу сломали, чтобы догнать не смог. Теперь идем с Чернышом по следу.

В адрес похитителей посыпались «многоэтажные» высказывания.

— А что, братки, айда! А?! — завопил кто-то. — Пособим!

Восторженный дружный вопль возвестил о безоговорочном согласии. Желание прогнать скуку и желание помочь человеку смешались в один комок.

— Давай! Садись! — «татуировка» хлопнул по сидению мотоцикла позади себя.

— Да у меня же пес, — засомневался Глеб.

— Я его с собой посажу, — подскочила блондинка. — Чернышка, айда ко мне!

— Я те посажу! — огрызнулся было парень за рулем, но девица ткнула его кулачком в бок.

— Засохни, Корявый! Песик, песик!

Глеб скомандовал Чернышу, и тот охотно запрыгнул на колени блондинки. Сидя, он оказался выше и девушки, и Корявого. Эта картина опять развеселила компанию, и «кортеж» с шумом вырулил на дорогу.

Анна сидела в своей комнате и курила сигарету за сигаретой. Буря чувств, поднявшаяся вчера, утихла, оставив за собой обломки надежд и иссякшие родники слез. Гибель Игоря в свое время вызвала лишь приступы досады, а предательство Григория разрушило, казалось, всё.

Опять включился зуммер на селекторе.

— Анюта, ты у себя?... Аня, я беспокоюсь. Я тебя ждал к завтраку. У тебя там всё нормально? — это был искаженный динамиком голос Филиппа.

Анна стукнула по клавише.

— Да, я у себя! И у меня всё ненормально!

— Анют, я стою около твоей двери. Ты меняпустишь, в конце концов?

Она помедлила и дала системе сигнал снять блокировку замка. Филипп зашел.

— Я тебя ненавижу, — прошипела Анна. — И твоего подручного ненавижу!

— Ну-ну, зачем же так сразу. Успокойся, пожалуйста, — он подсел к сестре. — Что ты нервничаешь? Я признаю, я поступил нечестно. Орион получил приказ войти с тобой в контакт и следить по мере возможности. Откуда я знал, какие у вас возникнут отношения!

— А что ты вообще знаешь обо мне?

Она швырнула брату сорванный с цепочки кулон.

— Это был передатчик, да? Чтобы меня постоянно пеленговали? — слезы опять навернулись на глаза. — Скажи, это ты велел Григорию меня соблазнить?

— Что? — Филипп готов был расхохотаться. — Соблазнить? О, боги! Знала бы ты, что говоришь! Подожди, скоро я тебе преподнесу такой сюрприз...

— Фил, ты когда-нибудь кого-нибудь любил? — перебила Анна и уперлась ненавистным взором в его лицо. — Ты хотя бы что-нибудь слышал о любви?

Доктор Жулавский с натугой втянул в себя воздух.

— В нашем деле приходится жертвовать. И жертвы иногда получаются очень дорогими. Я принес в жертву женщину, которую люблю. Мы рисковали вместе и мы ошиблись.

— Ты поставил на ней генетический эксперимент? — Анна вызывающе усмехнулась.

— На ребенке. Эксперимент показал, что я был неправ. А теперь я достиг положительных результатов благодаря той ошибке. Такова наука! Мы теряем одно и находим другое! А ты

рыдаешь по поводу какой-то ерунды! Ты — моя сестра. Ты умная женщина! Мне жаль, конечно, что заставил тебя переживать. Но Орион действовал грамотно, умело, и вот результат — мы с тобой работаем вместе во имя великого дела!

«Да пошел ты со своим великим делом», — мысленно выругалась Анна.

— Соберись, Анюта, — Филипп сменил пафосный тон на обычный человеческий. — Мы сегодня тестируем новую партию Продуктов. Те самые, интеллектуальные, о которых я тебе говорил. И не обижайся ты на Ориона.

— Почему ты зовешь его Орионом? Опять Египетская... — она хотела сказать «дурь», но вовремя вспомнила, что портить отношения с доктором Жулавским пока рано.

— Орион — Ка Осириса, поднявшегося к богам! У всего живущего есть свое Ка — двойник, сопричастник человеческого существа. И нашему Ориону отведена очень важная роль. Он станет дубликатом Осириса! Я называю его «Орион», чтобы этот Ран укрепил его сущность. Ран — имя. Великая штука, скажу я тебе!... — Филипп многозначительно поднял указательный палец. — Кстати, парень непротив, не волнуйся. Я жду тебя в кабинете!

Анна неожиданно почувствовала себя нужной. Тест Продуктов, на внешний вид не столь безобразных, как первая партия, проходил в зале, оснащенном под учебный класс. Журналистка беседовала с созданиями генной инженерии, делала пометки в своем блокноте, советовалась с сотрудниками лаборатории, если находила что-то интересное в речи подопытных, словом, выполняла простые, но необходимые функции.

Общество Григория-Ориона за обеденным столом она стерпела на удивление легко, чего не могла бы сказать о нем. Молодой человек прятал взгляд, молчал и не реагировал даже на неуклюжие шуточки Филиппа. Стас поглядывал на Анну, и бледная тень сожаления проскальзывала по его лицу. Журналистка отметила сей факт, но большого значения не придала. Стас ей не понравился сразу, хотя вел он себя куда более естественно, чем доктор Жулавский.

Скучный обед был неожиданно прерван появлением главного генетика. Генрих Васильевич — солидный мужчина в годах — ворвался в гостиную доктора Жулавского, как перепуганный мальчишка, сжимая в руке обломок стула.

— Филипп Алексеевич, у нас проблема! — запыхавшись, крикнул он с порога. — Номер 01-23 вышел из-под контроля!

— Что? — Филипп медленно поднялся. — Почему не сообщили?

— Так я ж вам и сообщаю! — генетик едва переводил дух. — Он разгромил блок, он...

Орион ринулся в коридор со скоростью, которой мог позавидовать дипломированный спринтер. Стас подскочил к компьютерному терминалу.

— Охрана! Говорит «лидер»! Код 1-01!

Филипп стоял в центре и таращился то на своего помощника, то на генетика.

— Жертвы есть? — бросил через плечо Стас.

— Сейчас будут, — выдохнул Генрих Васильевич. — Двое остались в лаборатории.

— Что б его... — Стас начал щелкать по кнопкам на пульте. — Бригада №4! Экстренная деконсервация реанимационного блока!

Анна заметила, что Филипп до сих пор не произнес ничего членораздельного.

— Ты чего стоишь? — она с силой дернула брата за плечо. — Это ж твой Продукт!

И она, не раздумывая, побежала к месту происшествия. Доктор Жулавский опомнился и поспешил за ней, следом — главный генетик.

— Анна, останьтесь здесь! — крикнул из гостиной Стас, но безрезультатно. Журналистка не могла упустить возможности побывать в гуще событий.

Грохот и крики были слышны во всех прилегающих коридорах. Стеклопанельная стена, за которой бушевал голый монстр, покрылась мелкой сеткой трещин. Сотрудники, успевшие выскочить из лаборатории, жались к стенам, а один дрожащими руками заряжал пневматический пистолет. Орион, руководивший эвакуацией людей из соседних помещений, оставил подопечных и перехватил из рук перепуганного врача оружие. Четко, без лишних движений, он вогнал капсулу

с парализатором в патронник, проверил затвор, скомандовал — «Заблокируйте за мной дверь», — и шагнул на опытный полигон.

Эту сцену застали Анна и подоспевшие за ней Филипп и Генрих Васильевич.

На вопрос босса «что здесь происходит?» никто не ответил. Филипп осекся, заметив за стеклом стройную фигуру индивида.

Вдребезги разлетелся опрокинувшийся шкаф для инструментов. Орион метнулся в сторону, споткнулся обо что-то мягкое на полу, но сохранил равновесие и отпрыгнул к стене. Помешавшее маневру окровавленное человеческое тело впечатления не произвело. По его подсчетам в блоке оставался еще один труп — вероятность выживания в сложившейся ситуации была ничтожно мала. Продукт выскочил из-за стойки, взревел и метнул в Ориона вывороченный «с мясом» терминал. Индивид уклонился и навскидку выстрелил. Продукт завопил, попытался выдернуть вонзившийся в тело дротик, но лекарство свое дело сделало. Он рухнул на пол, передернул конечностями и застыл.

Орион выпрямился и медленно убрал пистолет. Из-за треснувшего стекла лаборатории что-то кричал Филипп. Присутствие босса было неизбежным и крайне невыгодным, поскольку скрыть ошибку своей самостоятельности Орион мог лишь посредством физического уничтожения тела путем кремации. Он, когда спешил на место трагедии, рассчитывал, что успеет это сделать. Обстоятельства сложились иначе: увидав последствия буйства, индивид принял решение в первую очередь увести людей из опасной зоны. Время было упущено.

Дверь распахнулась, и Филипп, багровый от ярости и ужаса, ворвался в блок. За его спиной появилась Анна.

— Черт подери... черт подери! — доктор Жулавский медленно прошел вперед и уперся в тело сотрудника. — Черт подери!!

Второй труп валялся за перевернутым столом. Медики из бригады №4 неуверенно мялись на пороге. С первого взгляда было видно, что реанимация несчастным не поможет.

— Ума не приложу, как это случилось... — бормотал Генрих Васильевич. — Обычная ежедневная процедура... Он вскочил как, как...

Филипп разразился бессвязной бранной тирадой, и умудренный опытом ученый, вжав голову в плечи, вынужден был выслушивать разнос, который, как решила Анна, в той же степени должен был относиться и к самому доктору Жулавскому.

Она остановилась над распластавшимся телом Продукта. Существо дышало, это было единственным признаком жизни. Краем глаза журналистка видела Ориона, стоящего в стороне. Лицо его казалось непроницаемой холодной маской.

— Ты не ранен? — тревожно спросила Анна.

— Нет, — он как будто очнулся от глубоких раздумий. — Вам не ...

И вдруг как тигр прыгнул на девушку. Анна не успела издать ни звука. Прокатилась кувыркком в странных объятиях молодого человека, осталась лежать на полу и только после этого завизжала. Орион же схватился в рукопашную с генетическим творением. Никто не заметил, как Продукт поднялся на ноги, поэтому сигналом опасности стал только крик Анны. Журналистку подхватили и выдернулись из-под сцепившихся в мертвом захвате человека и монстра.

— Не стрелять!! Заденете парня! — скомандовал где-то рядом Стас.

Молчаливая борьба тем временем продолжалась. Затаив дыхание, Анна издали следила за Орионом. Без суеты и паники он медленно заводил мощные лапищи Продукта назад. Бледное лицо сохраняло полное спокойствие. Раздался отчетливый хруст. Анна зажмурилась. Желтые кости уроды торчали из плеч, и кровь залила лоснящееся тело. Монстр крутил головой, открывал и закрывал рот, но рева не получалось. Видимо, парализатор подействовал на голосовые связки. Наконец, он рухнул, а победитель немедленно прижал его к усеянному осколками стекла полу.

— Уничтожить, — проговорил Орион, когда два охранника в бронированной амуниции подскочили на помощь.

Анна, несмотря на испытанное потрясение, отметила, что еще ни разу не видела на базе солдат. «Стас вызвал, — пронеслась догадка. — Где-то поблизости находится военизированная охрана».

Хлопнул приглушенный выстрел, и голова Продукта брызнула бурой и белой массой. Орион поднялся.

— Кремируйте это, — выговорил он.

Охранник покосился на бадж, приколотый к рубашке Ориона, кивнул, и направленная огненная струя обрушилась на смятое существо.

Филипп задохнулся негодованием.

— Прекратите! Его надо изучать! Орион! Да ты!... Да я тебя!!... Ты сам...

— Вы определили меня своим вторым помощником, Филипп Алексеевич, — отрезал индивид, — и позволили принимать решения. В данной ситуации мое решение было верным. Изучение существа проведете на аналитическом материале.

Орион пошел к выходу. Перед ним расступались, кто-то похлопал по плечу, кто-то норovil пожать руку.

— Молодец, — Стас чуть заметно улыбнулся.

Орион почувствовал, как лоб покрывается испариной. Незаслуженная похвала вызвала лавину горечи и нетелесной боли. Опекун не ведал, в чем кроется причина трагедии. А причиной стало его завышенное самомнение: две недели назад он решил усовершенствовать эксперимент ученых.

«Никогда не лги женщинам и друзьям», — совет старшего товарища прочно засел в голове. — Доктор Жулавский мне не друг, — успокоил себя индивид.

— Орион, — Анна догнала его в коридоре. — Спасибо.

Он поспешно опустил взгляд. Присутствие девушки непонятным образом сковывало движения. «Не лги женщинам», — услужливо подсказал рассудок, но второй источник информации выплеснул такой фейерверк сумбурных образов, что даже элементарные слова застряли в горле. К счастью, Анна не заметила на лице молодого человека признаков внутреннего хаоса. Ее внимание было приковано к бурым пятнам на кисти его руки.

— Смотри, он тебя поранил!

На тыльной стороне левой ладони виднелся отчетливый глубокий рубец. Орион мгновенно провернул в памяти картину происшествия. В падении, защищая от травм Анну, он проехал рукой по осколкам стекла. Свернувшаяся кровь белесой скорлупой прилипла к коже, смешавшись с кровью Продукта.

— Нет. Пустяки. Ерунда.

Он пошел, почти побежал прочь.

— Орион, что с тобой? — раздалось вслед, но он не рискнул оглянуться.

Анна, Анна, Анна... — он поймал в мыслях бессмысленное повторение ее имени.

Отражение плавало в зеркале. Правильные черты лица, стильная прическа, яркие карие глаза. В художественных романах и поэтических произведениях, которые он перечитал в огромном количестве, когда готовился к «контакту с объектом наблюдения», всегда описывали красивых мужественных умных мужчин. Он предстал перед девушкой именно таким. И легко завладел ее сердцем. И так же легко она крикнула ему вчера — я тебя ненавижу.

«...сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»... Поэт был прав. Не внешность определяет человека, — с тоской подумал Орион. — Сегодня я спас ее жизнь. Я был ей нужен, и она снова посмотрела на меня, как... — определение не находило места ни в одном известном ему слове.

Второй источник сознания распахнулся, и поток путаных суждений устремился в рассудок, минуя механизм аналитического вывода.

Я отдам ей всего себя, — шальная мысль легла на крылья мечты и понеслась в безоблачные дали. Но разум безжалостно обрушился на беспечные грезы и расплющил их о каменную стену лжи.

Усугубляя отвратительное состояние, память развернула перед глазами обезображенный человеческий труп. Орион с ненавистью посмотрел на белое лицо в зеркале.

— Все, к чему я прикасаюсь, рушится и горит!

Зеркало скривило идеальный лик в отчаянный оскал.

— Я не живу!

И Орион саданул кулаком в правдолюбивое стекло. Звон осколков по кафелю совпал с призывным сигналом на терминале внутренней связи. Перелив повторился. Третий раз. Четвертый.

Индивид нехотя подошел к пульту. Он не сомневался, что вызов исходит от доктора Жулавского, поэтому даже не взглянул на системную панель, где светился код абонента.

— Да, Филипп Алексеевич, — в последний момент приглушив тяжелый вздох, произнес индивид в микрофон.

— Орион.

Этот голос способен был перевернуть для него весь мир.

— Анна? — ни силлогизмов, ни формулировок, ни выводов в голове не осталось.

— Орион, ты можешь мне помочь? — смущение и надежда трепетали на другом конце провода. Его молчание она расценила по-своему. — Ты, наверное, отдыхал? Извини, пожалуйста...

— Нет-нет, Анна, я в вашем распоряжении!

— Григорий, мы же давно перешли «на-ты». Ты забыл? — ее дыхание билось в динамике, будто норовило прикоснуться к собеседнику.

— Зови меня Орион, — с трудом выговорил индивид. — Где ты?

— Рядом, в холле. Тамара пропала. Я ищу ее уже битый час.

Орион выпрямился над терминалом.

— Она же была в своей комнате, — пробормотал он и вспомнил, что после нечаянной встречи с Анной в оранжерее так и не видел девочку. — Я иду, подожди минутку. Я мигом.

Он поспешно передел рубашку, прицепил галстук и, вовремя заметив на руке следы порезов после удара в зеркало, кинулся к умывальнику. Взъерошенный и бледный, индивид предстал перед девушкой спустя пять минут.

Сначала Орион и Анна осмотрели комнату Тамары. Длительного следствия не потребовалось: сразу стало ясно, что со вчерашнего вечера она сюда не заходила. Тщательное «прочесывание» оранжереи также не дало положительных результатов. В лабораториях девочку не видели. Выйдя в коридор после разговора с очередной группой сотрудников, Орион подумал, что даже если Тамара побывала возле них, это осталось незамеченным: люди на базе были заняты либо собой, либо своей работой.

В столовой для персонала кто-то припомнил, что ребенок вроде бы вертелся поблизости.

— Ну, это радует, — безо всякой радости подытожила Анна. — Она хотя бы поела.

Орион молча согласился.

Они посмотрели друг на друга и дружно улыбнулись. Напряженность улетучилась.

Поиски были продолжены. Незаметно потек разговор, и Орион ощутил странную легкость внутри себя. Он уже не подстегивал анализатор, не доводил до перегрузки диагностику внешних условий, не разыскивал заблудившиеся слова и не пытался впихнуть в русло логики то, что произрастало из «второго источника». Анна шла рядом, иногда касалась плечом его руки, увлеченно говорила о Тамаре, о лаборатории, о Филиппе и Стасе. Он отвечал, и обоим было...

Тамара назвала бы это состояние «хорошо», — подумал он.

К полуночи, обшарив все доступные помещения, оба присели на скамейку в оранжерее и устало переглянулись.

— Где мы еще не были? — безнадежно спросила Анна.

— В кабинете у Филиппа Алексеевича, — Орион расслабил узел галстука. — Но я туда не пойду. Он с меня три шкуры спустит, если узнает, что девочка бесследно исчезла.

Анна захихикала.

— Я сегодня думала, что Продукт тебя на куски разорвет, а все получилось наоборот. Так что братцу до твоих «шкур» не добраться!.. Орион, а как ты пришел к Филиппу?

Парень не сразу нашел, что сказать.

— Я был его студентом. Он меня учил, если точнее.

— Ты по профессии биолог?

— Я пока не выбрал специализацию.

Ложь. Он старался «выключить» аналитическое мышление, вернуться ко «второму источнику» и излить правду, какой бы страшной сейчас она ни казалась. Но вдруг догадался, что именно «второй источник» не дает истине вырваться наружу. Не хватало сил своими руками обрубить тонкую нить, связывающую его и девушку. Рассудок выстроил не менее трех возможных путей развития событий, и все приводили к одному выводу: полный разрыв отношений.

Прости, Анна, прости меня за эту ложь. Я не могу тебя потерять, — мысленная фраза родилась произвольно.

Он плотно сжал губы и отвернулся, чтобы лицо под воздействием бесконтрольной мимики не выдало его с головой.

— Скажи честно, — Анна не старалась понять, почему он побледнел, — зачем ты заговорил со мной в сквере? Ведь ты мог повесить на меня этот чертов передатчик в трамвае, в кафе, да где угодно!

— Ты мне понравилась... — сорвался ответ, и он осознал, что теперь говорит чистую правду.

Анна поддалась уговорам Ориона и отправилась спать.

— Ты все-таки попробуй ее отыскать, — сказала она напоследок. — Томочка — не подарок, но жаль будет, если с ней что-то случится.

— Она тебе не симпатична? — изумился Орион.

— Честно, я ее боюсь. Она как будто мысли читает.

— А разве это плохо?

Он пожалел, что задал вопрос. Анна как-то странно посмотрела на него, улыбнулась и, попрощавшись, ушла к себе.

Орион опасался, что в суматохе, когда Стас вызвал вооруженную охрану, Тамара незаметно проскочила в лифт и, таким образом, может разгуливать и в подвальных помещениях, и в гаражах на наземном этаже, и даже вне стен базы. В последнем случае существовала вероятность ее встречи с братом. Необъяснимый страх опять заполз в мозг. Признаться себе, что боится контакта с Глебом, Орион не решился. Да и оснований для серьезных опасений у него не было: как бы силен ни казался этот человек, случись им столкнуться в поединке, у Ориона имелись бы явные преимущества — он обладал нечеловеческой мощью и реакцией, владел всеми известными приемами борьбы, контролировал повреждения и надежно закрывался от боли.

Осознав, куда привела мысль, индивид оторопел. Такой глупости от рассудка он не ожидал.

— Вот это понесло. На дуэль собрался! — пробормотал он себе под нос, направляясь к лифтам. — Стас бы сейчас слезы от хохота утирал... Прибыли.

Это последнее получилось само собой, когда до сознания дошло, что он разговаривает с собственной особой. Аналитика сделала реверанс и выдавала список из десятка медицинских терминов, соответствующих нынешнему состоянию. Запросив причину, Орион обнаружил еще более нелепую мысль: априорно заданное условие «наличие соперника». Он понял, откуда вылезла эта бредовая идея — «второй источник». Индивид поспешно навел порядок к голове.

Поиски Тамары Орион продолжил на нулевом ярусе базы, отведенном под склады. Сюда имели доступ многие, но желание без дела шататься в темных лабиринтах ни у кого из персонала

не возникало. Прачечная и несколько хозяйственных комнат располагались в тупике слева от лифта и были единственным активно посещаемым местом. Здесь Тамары не оказалось. Орион постоял в темноте с закрытыми глазами, настраиваясь на ночное зрение, и уверенно направился дальше по коридору.

Признаков девочки нигде не было видно. Орион дошел до конца, заглянул в несколько боковых рекреаций и повернул к лифтам. Но тут внимание привлек крошечный черный шарик, застрявший в щели на стыке двух листов половых покрытий. Индивид осторожно поднял находку двумя пальцами, но шарик рассыпался в руке мелкой пылью.

Земля из оранжереи, — понял он и внимательно осмотрел пол. — Тамара?

Второй катышек грунта валялся в тупиковой рекреации поодаль. Орион обошел помещение и обнаружил еще один след на стене в том месте, где обшивка едва заметно отставала от несущей конструкции. Земля осталась на ребре покрытия, как будто кто-то отгибал его длинными ногтями, под которые забился грунт. Индивид бесшумно потянул тонкий пластиковый лист, и тот легко поддался. За обшивкой виднелась отчетливая полоса, обозначившая дверь. Кодовый замок отсутствовал, зато он обнаружил щель для обычного металлического ключа.

Базу реконструировали на основе старого объекта неизвестного назначения, — Орион рассмотрел замочную скважину: ее использовали довольно часто. — Обшивка новая, следовательно, помещение умышленно урезали, — он быстро просчитал в уме размеры основного яруса, где жили и работали сотрудники лаборатории, и сравнил с размерами подвалов. Получились приблизительно равные величины. — Нет. Дверь ведет за пределы используемой в настоящее время площади. В таком случае на поверхности должны оставаться признаки подземных сооружений...

Он тщательно восстановил в памяти вид «мертвой зоны», окружающей основное здание базы, и не увидел ни одной детали, указывающей на присутствие бункеров, кроме внешнего люка «черного хода».

Остается предположить, — Орион продолжил анализ, — что подземные объекты не подлежали реконструкции и были частично демонтированы. Отсюда следует, что неизвестный из персонала несанкционированно открыл проход в перекрытые секции.

Индивид еще раз осмотрел земляной след на обшивке, взглянул на свои пальцы и уточнил вывод:

Неизвестная. Размер и длина ногтя указывают на принадлежность женщине.

Он оборвал рассуждения, поскольку думать в подобном режиме о Тамаре было крайне сложно. Орион вспомнил ее тощие маленькие руки.

Нет. Девочки здесь не было. Подземный объект использует кто-то другой. Цель... Не известна.

Визуальную и аналитическую информацию, полученную в подвалах, Орион решил оставить «про запас» и в будущем провести собственное расследование.

На электронном табло в жилом крыле базы светились цифры «02:17». Начинать поиски в «мертвой зоне» в такой час было бессмысленно, и Орион вернулся в свою комнату. Первое, что бросилось в глаза — крупные буквы на экране компьютера: «Зайди ко мне немедленно!!!» Послание пришло 15 минут назад. В таких случаях Стас произносил либо «Черт его дерь», либо «Что б его». Ориону больше нравилось первое.

— Черт его дерь, — высказался он вслух и потащился к боссу.

Из кабинета Филиппа раздавались невнятные голоса. Секретарши Катеньки, разумеется, на месте не было, и Орион вошел к доктору Жулавскому без стука и доклада.

Тамара сидела на полу, вжавшись спиной в письменный стол, и всхлипывала. Анна без прически и макияжа в длинном «домашнем» халате обнимала девочку за плечи. Филипп расхаживал по кабинету красный от гнева и, как видно, уже выговорившийся вдоволь. Тут же находился Стас. Первого помощника выдернули прямо из постели, и он неуютно поеживался в широкой полосатой пижаме и шлепанцах.

— Где тебя черти носили? — Филипп накинулся на Ориона.

Лучше промолчать, — целомудренно решил тот.

— Объясни мне на милость! Как она сюда попала?!

— Кто?

— Девчонка, болван!!

— Филипп, — попыталась одернуть брата Анна, но тщетно.

— Она сидела в моей личной лаборатории! Откуда у нее доступ? Как эта дура догадалась открыть дверь?!

Орион поднял взгляд на Стаса. Тот пожал плечами.

— Я тебя спрашиваю! — Филипп подскочил к индивиду. — Откуда у нее доступ?!

— Я не знаю, — спокойно ответил Орион. — Прошу вас, успокойтесь, Филипп Алексеевич. Вы пугаете девочку.

Доктор Жулавский побагровел. Впервые его творение разговаривало с создателем в таком тоне.

— Он делает одинаковых! Он делает неправильно! У них не будет настоящего цветка! — Тамара вырвалась из рук Анны и кинулась к Ориону. — Скажи ему, что он делает неправильно! Нельзя рисовать два раза! Он нарисовал машиной! Так нельзя! Так неправильно!

Видимо, это было первое высказывание Тамары с момента ее обнаружения, потому что все присутствующие как по команде застыли и уставились на девочку.

— Тамара, я не могу тебя понять. Не плачь. Скажи мне еще раз, — Орион говорил мягко и удивительно спокойно. — Попробуй по порядку.

Она закивала и, игнорируя остальных, обращалась теперь только к индивиду.

— Он делает таких, как ты. Он нарисовал твой цветок четыре раза. Это неправильно. Нельзя рисовать один и тот же цветок. Он рисовал не рукой, а машиной! Не он рисовал, а... компьютер, — морщась, выговорила она непривычное слово. — Такой цветок не оживет. Им будет очень больно. И тебе будет больно, и мне, и Глебу. Земле будет больно!

— Что такое цветок, Тамара? — глядя девочке в глаза, спросил Орион.

— Цветок это... это... Это то, что внутри!

— Где он его нарисовал?

— На камушке, — она завертела головой и вдруг просияла. — Вот он, цветок! Это твой цветок, Орион!

Все дружно оглянулись в направлении ее руки. На проекционной матрице застыла картинка кристалла с узором.

Анна оторопело смотрела на экран. Части мозаики складывались в уме в законченную картину. Модуль управления определяет личность индивида. На камне выгравирован набор линий. Рисунки матери — абстрактные узоры. Девочка углядела в них «портреты». Отец и мать работали вместе... Открытие не укладывалось в голове. «Невероятно! Обычные линии на обычном камне, и это строит живой организм?»

Филипп впялился в экран, как в божий лик. Ответ, который он безуспешно разыскивал годами, стоял на пороге.

— Тамара, почему нельзя рисовать цветок два раза? — осторожно продолжал расспрос Орион.

— Потому что нельзя! Нельзя на земле два одинаковых! Это неправильно!

— Спроси ее, как рисуется новый узор? — выдохнул Филипп.

Орион обнял Тамару одной рукой и тем самым развернул к себе лицом.

— Ты видела четыре таких камушка? — прозвучал его вопрос.

Стас зашикал на Филиппа, и тот проглотил возмущенную тираду.

— Да! Четыре камушка лежат в четырех ящиках из глины.

— Где? — Орион чувствовал, как вновь закипает «второй источник».

— Там! За стенкой. Там страшно. Там неправильно!

Она ткнулась лицом ему в грудь и притихла.

— Тамара, давай я провожу тебя в твою комнату, — Орион бережно отстранил девочку и нашел ее ладошку. — И принесу тебе ужин. Ты голодна?

— Я боюсь. Тут все ненастоящее. Потому что у него страшный цветок, — она мотнула головой в сторону Филиппа. — Очень страшный цветок из звезд. Я никогда такого цветка не видела.

— Пойдем, малыш, — Орион уверенно направился к выходу.

— Куда ты ее ведешь? — выкрикнул доктор Жулавский.

— Куда положено вести ребенка в такое время, — откровенно огрызнулся Орион. — В постель.

Анна смотрела на закрывшуюся за Орионом и Тамарой дверь, на пунцового от ярости Филиппа и на Стаса, тщетно сгонявшего с лица ликующую мину. «Он что же, радуется, что Филиппу дали пинка?» — подумала Анна и поняла, что разделяет его чувства.

— Пожалуй, и мне пора в кроватку, — она встала. Ощущение нерешенного вопроса осталось где-то в подкорке.

— Анна!

— Фил, нам всем надо успокоиться. Девчонка тебя боится. Постарайся не орать на нее, ладно? Я догадываюсь, это нелегко. Но уверяю тебя: толк от нее будет лишь в том случае, если она чувствует себя хорошо... Господи, ну и денек!

Глава 19 Становление

— Аза...

— Да, милый?

— Помнишь, как мы ездили на озера?

— Помню, — узкие длинные ногти нежно скользнули по худой почти безволосой груди.

— Как нам было хорошо там вдвоем...

— Я помню, Филипп, — она прильнула к его плечу.

— Сколько лет назад это было? Пять? Шесть?

— Не важно, милый. Мы помним, значит — не важно.

Филипп закрыл глаза и откинулся на подушки.

— Когда я закончу свою работу, мы поедем на озера снова... Ты обижаешься на меня?

— За что, милый?

— Я уделяю тебе слишком мало внимания. А ты такая прекрасная... Почему ты осталась?

— Я люблю тебя. Я буду ждать, когда ты достигнешь своей великой цели.

— Осталось немного, Аза. Я почти, почти у цели! Сегодня я понял нечто кардинальное! Нечто фундаментальное! Потерпи, дорогая. Скоро я буду твой весь полностью... Как сейчас!

Он обхватил женщину за талию и крепко прижал к себе...

Успокоить Тамару оказалось непросто. Стоило ей задремать, как кошмарные сны вцеплялись в хрупкое сознание, и девочка с криком вскакивала на кровати. Орион не стал применять медицинские препараты. Она нуждалась не в лекарствах, а в простом человеческом тепле, но как ни старался индивид приласкать ребенка, ничего кроме неуклюжих фраз у него не получалось. И не мудрено. В его собственной голове поселился такой сумбур, что в пору было лечь и вырубить все мыслительные процессы на неопределенный срок.

Филипп трижды вызывал индивида, но Орион игнорировал «звонки». Четвертый сигнал пришел от Стаса. Выслушав сбивчивые объяснения, он бросил в ответ всего одну фразу: «Отдохни. Потом поговорим». Орион смекнул, что Стас связан присутствием босса. Собравшись, он ровным голосом подтвердил полученное распоряжение и выключил терминал. Впрочем,

отдыхать он не планировал. Предстояло найти Анну. Он настроился на трудный разговор. Если девушка догадалась, о чем твердила перед экраном Тамара, беседа получится короткой. Если нет... он усилием воли приглушил логический вывод.

Ближе к полудню, когда Тамара, наконец, крепко заснула, индивид перепрограммировал дверную панель и быстро вышел, заблокировав замок. Теперь в комнату девочки могли попасть только ее хозяйка и сам Орион. Личный код доктора Жулавского индивид исключил из базы доступа с особой тщательностью.

Знакомый волнующий голос доносился из столовой. Орион остановился возле настежь распахнутых дверей. Анна сидела за столиком и непринужденно пересмеивалась с местным компьютерным гением, именовавшим себя «Старик Юникс». На базе его хвастливые байки знали наизусть, и перед новой слушательницей парень изощрялся пуще прежнего.

Заметив молодого помощника Филиппа, Анна встала, отмерила «Старику Юниксу» положенную дозу улыбки и, извинившись, выскользнула вон.

— Я тебя искала, — она взяла Ориона за руку. — Ты такой странный сейчас. Ты успел отдохнуть?

— Немного.

Она не догадалась, — с грустью подумал индивид. — Я для нее все еще человек.

— Что с тобой? Что тебя тревожит? Ты переживаешь из-за девочки? — продолжала Анна, увлекая Ориона за собой.

— Тамара успокоилась и уснула. Я переживаю за тебя.

Анна остановилась у перил длинного узкого балкона, опоясавшего зал-оранжерею. Внизу зеленели искусственные посадки, и лениво журчал по имитированной горке безликий фонтан.

— Ты мне сказала по телефону. Помнишь? — Орион осекся, не решившись повторить вслух навсегда запечатленную памятью фразу.

На лицо девушки легла тень тоски.

— Я не знаю, почему я так сказала. Нет, Орион! Это, наверное,... наверное, правда! У меня было несколько мужчин, я думала, что любила их. Но ты... ты особенный.

У него перехватило дыхание.

— А Глеб? — произнес он.

— Что Глеб? — удивленно вскинулась Анна. — Он друг детства, и всё. К тому же...

Орион видел, как она борется с сомнениями. Действительно, журналистка и влюбленная женщина воевали сейчас в ее рассудке. Слова то подкатывались к горлу, то отступали под натиском профессиональной скрытности.

— Глеб — индивид?

— Тамара сказала? — Анна почувствовала облегчение. Журналистка и женщина остались каждая при своем. — Его создал мой отец незадолго до краха. Глеб был честным парнем. Благородным, как рыцари, — она усмехнулась. — Я его не понимала...

Орион не смог определить, что именно породило в ее тоне грустные нотки: воспоминание об отце, ощущение непонимания или... потеря близкого друга.

— Орион. Ты отдал приказ его убить?

Тот поспешно качнул головой.

— Он жив, Анна.

Пусть лучше у меня на дороге встанет соперник, чем новая ложь! — Орион отчаянно атаковал рассудком «второй источник» и опешил: ничего, кроме второго источника в сознании больше не было.

— Ты наврал Филиппу, что ли? — отреагировала Анна самым что ни на есть банальным образом. Глаза ее восторженно заблестели.

— Да, как-то так... — промямлил Орион и отважился продолжить: — Анна, Глеб дорог тебе?

Она отодвинулась слегка. Думать больше не хотелось. Душа жаждала ухватить невесомую цепь удивительных чувств, зревших в сердце, притянуть к себе, запутаться в обворожительной

паутине, забыться, прикоснуться к мифическому образу любви, поднимающемуся из праха древности.

— Это не то, что ты считаешь, — неловко высказалась она. — А я сама ничего уже не понимаю. Все носятся с собственными целями, топчут других, сами попадают по ноги, толкутся на месте, бегают по кругу. Весь мир превращается в сумасшедший дом! И вот появляешься ты, — румянец выступил на бледных щеках, — и я не знаю: то ли люблю тебя, то ли преклоняюсь, как перед идолом любви. Орион, я хочу сбежать куда-нибудь, где нет лжи и лицемерия. Где мне не придется постоянно помнить о выгоде, скрывать себя от себя самой! Иногда мне кажется, что я хочу стать индивидом, и, как Глеб, услышать голос земли. И жить с этим голосом в сердце. Или забыть про все на свете, спрятаться, исчезнуть... Но ты! Я смотрю на тебя и хочу любить!

— Анна, — он тронул ее плечо, но тут же отдернул руку. — Я не имею права лгать тебе. Я решил сегодня, что обязан сказать...

В ее влажных глазах замерло ожидание.

— Я... ты мне очень дорога. Я, наверное... люблю тебя. Но я... — он выпрямился, одним махом отбросив неуверенность. — Я — индивид доктора Жулавского. Твой брат создал меня.

Анна побелела. Ладони потянулись к лицу и застыли, прижав приоткрытые алые губы.

— Боже... — голос затерялся в воздухе. — Орион, нет!

— Я говорю правду, Анна. Прости меня.

Она стремительно отвернулась. Взгляд уперся в живую зелень растений в искусственном саду.

— Простить за правду? — прошептала она. — Господи, что же творится в нашем мире!

Орион отступил на шаг, но Анна, не раздумывая, бросилась ему на грудь, стиснула плечи, обняла и отчаянно прижалась к нему всем телом.

— Я тебя люблю! Я тебя все равно люблю, Орион! Неужели мы стали настолько пустыми, что только у индивидов осталась настоящая душа. Боже, что я говорю... — она вздрогнула и попятилась.

— Анна!

— Я не имею права тебя любить, — слезы потекли по ее щекам. — Ты такой... чистый. А я пустая, я даже не умею верить сердцу!... Прости, я не могу сейчас. Я должна разобраться с собой. Прости, Орион!

Каблучки застучали по пластиковому полу. Орион шагнул следом за девушкой, но ноги сковало и невидимые гири потянули вниз. Что-то сжалось и ухнуло в груди, отчаянно завертелось перед глазами стены и пол. Он уцепился за перила и с ужасом ждал, когда поднявшийся изнутри жар поглотит его целиком.

— Орион, — теплая рука, опустившаяся на затылок, показалась ледяной. — Что она тебе наговорила?

Появление Стаса стало неожиданным спасением. Холодный пот остудил тело. Буря затаилась на дне единственного источника.

Стас настойчиво развернул Ориона к себе и посмотрел в глаза.

— Парень, ты себя нормально чувствуешь? — на лице опекуна отразился страх.

Орион попытался ответить, но только глотнул ртом воздух и не выдал ни звука.

— А ну пошли со мной, — Стас решительно взял его под руку и повел в жилое крыло.

Ровное дуновение кондиционеров перемешалось с горячими всплесками неизвестного происхождения. Орион сфокусировал взгляд на человеке и вдруг догадался, то слышит его испуганное дыхание.

— Не бойся, я, кажется, еще не умер.

Бестолковая реплика несколько не успокоила Стаса.

— Заткнись, бога ради, — буркнул он.

Орион оказался в своей постели. К губам прижали скользкий стакан, и вода просочилась в пересохшее горло. Время, звуки и абрисы предметов поплыли в тумане.

— Малыш, ты меня слышишь? — Стас наклонился над подопечным. — Отлично. Побудь здесь. И пока я за тобой не приду, чтоб никуда!

Он вышел и, заметив, как ноют колени, прислонился к захлопнутой двери.

— Ну и напугал ты меня, парень, — вполголоса пробормотал он. — Что же там между вами произошло?... — Стас оглянулся на комнату Ориона, но решил не возвращаться к нему с вопросами. — Да-а, уважаемый Филипп Алексеевич, теперь держись зубами за воздух. Владеть он ими будет! Ха! Кишка тонка — владеть человеком!

Журналистка сидела в комнате отдыха персонала, где на полную громкость орал видеопроигрыватель, и курила.

— День добрый, — Стас подсел к девушке. — Позвольте на пару слов?

— Я хочу побыть одна.

Стас демонстративно оглянулся на пятерых сотрудников перед экраном.

— Одна? — он потряс большим пальцем в сторону зрителей.

— Им на меня наплевать, — Анна затынулась.

— Я не задержу вас надолго, — продолжал Стас, как бы не замечая недовольства собеседницы. — Я видел, как вы разговаривали с Орионом. Ума не приложу, почему Филипп вас до сих пор не поставил в известность... — он невзначай покосился на Анну и встретил ее крайне недружелюбный взгляд. Впрочем, на иное он и не рассчитывал. — Дело в том, что Орион — не совсем человек.

— Да? — дежурная, но вполне сознательная реплика.

— Он индивид. Один из тех, кого создавал ваш отец.

— И какое это имеет значение?

Стас оказался в замешательстве. «Один-ноль в ее пользу, — признал он. — Похоже, парень сам успел ей всё рассказать. Чем же она его огрела?»

— Мне показалось, что вам, журналисту, будет интересно это узнать, — сыграв невозмутимость, продолжал Стас вслух.

Настороженность в заплаканных зеленых глазах. «Один-один», — улыбнулся он про себя.

— Спасибо за информацию, — отозвалась Анна. — Надо понимать, братец весьма высоко поднялся в своих исследованиях.

— Откровенно говоря, он поделил лавры с отцом. Модуль управления, тот самый «камушек», о котором вчера болтала девчушка, он у отца просто спёр.

— О, как интригующе, — журналистка изобразила интерес. — А что, четыре новые капсулы действительно существуют?

Она не надеялась, что Стас клюнет на удочку, но он ожидал как раз подобного вопроса.

— Существуют. Филипп досконально скопировал кристалл с помощью компьютеров и вскоре после появления на свет Ориона, заложил новых индивидов. Но об этом до сегодняшней ночи знали только два человека.

— Вы и Филипп? Тогда почему вы мне сейчас об этом рассказываете?

— Чтобы расставить точки в забавном ночном приключении. Девочка, умышленно или нет, выложила все, как на духу.

— Это вы провели ее в лабораторию?

— Да что вы! Вернее всего, она спокойненько забрела туда сама следом за Филиппом. Он же ничего вокруг не видит, когда занят делом.

«Он и в остальных случаях ничего вокруг не видит», — подумала Анна.

— Филипп хочет наладить потоковое производство индивидов? — спросила она.

— Боюсь, что да.

— Бойтесь? — и Анна ясно вспомнила слова Антона об отце и его ссоре с сыном.

— Вы обратили внимание, как ведет себя Орион?

Она не ответила. Стас, не спуская глаз с дрогнувшей маски на ее лице, продолжал:

— Индивид — это не робот, не Продукт, которым нужно управлять. Это личность. Причем богатая человеческая личность. Тиражирование одного и того же человека вернее всего погубит и оригинал, и его клоны. Даже глупенькая девочка это осознает.

Акцент на «человека» сделал свое дело. Анна вздрогнула и отвернулась.

— И что вы предлагаете? Вразумить Филиппа? — она нервно притушила сигарету и потянулась за новой.

— Для начала я хочу понять, что произошло с Орионом.

— Где он? — Анна привстала.

Орешек треснул. Хитринка забилась в уголки серых внимательных глаз, и Анна зарделась. «О, женщины. Сколько же у вас личин? — с тоской и восхищением Стас взирал на собеседницу. — И которая настоящая? Не та ли, что возникает при мысли о любимом?»

— Парень в своей комнате. Не волнуйтесь, ничего страшного. Вымотался до предела, теперь отсыпается.

Анна поджала губы.

— Вы решили, что он из-за меня?... Ради этого вся беседа?

Настало время откровений. Стас прикинул в уме предстоящие ходы и ответил.

— Постарайтесь понять, Анна, — доверительный тон попал не в фазу: журналистка насторожилась. — Орион вырос и совершенствовался на моих глазах. Теперь он окунулся в настоящую жизнь. И мне небезразлично, как он будет чувствовать себя впредь. Он любит вас, а значит — будет жить для вас.

Настороженность исчезла. Девушка рассеянно покачала головой. Слабое чувство, похожее на зависть, скользнуло по сердцу. У Ориона был настоящий друг, опекун,... отец. Для нее в жизни не нашлось человека, взявшего бы на себя столь тяжкую роль.

— Почему же вы сказали, что Орион не совсем человек? — глухо спросила Анна.

— Потому что это правда. Восемь месяцев назад он вышел из капсулы, похожей на те, которые сейчас стоят в личной лаборатории вашего брата. Возможно, я выразился неточно. Он — иначе рожденный человек. Ему в сто крат труднее освоиться в нашем обществе. Но он имеет право на нормальную жизнь. И дать ему эту жизнь может только тот, кто вырос на земле среди людей. Филипп этого не понимает. Но Тамарины «нарисованные цветки» он вчера осознал, будьте уверены. И теперь горит желанием использовать девочку в своих целях.

«Девочка похожа на мать. Мать рисовала узоры», — закрутилось в голове у Анны. Разговор на террасе: «Что ты рисуешь?» — «Посмотри, это Диво». — «Эти черточки?»

Ей потребовалось двадцать лет, чтобы понять мамину мечту...

— Вы полагаете, создание индивидов можно продолжить? — робко спросила она.

— Если Тамара сумеет нарисовать код на камне, и мы поможем индивидам познать человеческие чувства, да. Филипп жаждет спасти цивилизацию после всемирного потопа, — Стас усмехнулся в усы. — А, по-моему, многих надо спасать уже сейчас от черствости, примитивизма и бесчеловечности.

«Создать индивида! Создать еще одного искреннего, мудрого человека с доброй душой и открытым сердцем, — мысли закружились у Анны разноцветной счастливой радугой. — Когда такие люди вольются в человеческое общество, общество заметит их и повернется к ним лицом. Пойдет за чистотой и искренностью, как отважилась пойти я!»

— Убедить Тамару будет нелегко, — с трудом приглушив восторг, начала Анна. — Филипп вел себя вчера как последний дурак. Вряд ли девочка согласится участвовать в его работе. Ему нужно наладить с ней отношения. И вообще, нам понадобится время.

— Мне нравится это «нам», — кинул Стас. — А Филиппа я беру на себя.

Уткнув палец в стену, Тамара чертила на ней невидимую линию. Коридор тянулся и тянулся вперед, встречные люди проходили туда-сюда, иногда задевали и, обронив дежурное «извините», шли по делам.

Холодно. Цветы не живут, когда холодно. Глеб. Глебушка...

Слезинка пробежала по щеке.

Хлопали железные двери. Плясали цветные точки в узком окошке. Белые одежды. Плохие одежды.

Тамара пристроилась за спиной пожилого человека в очках, увлеченно изучавшего шуршащие бумаги. Хлопнули двери. Тамара пошла в новый коридор. Человек в очках оглянулся по сторонам, произнес грубое слово, и железные двери закрыли его в маленькой комнатке.

Он обижается на комнатку. А комнатка не виновата. Он велел ей неправильно ехать.

Темно.

— Кошка, кошка, где твоя дорожка?

Кошкины глазки видят всё в лесу.

Кошка, кошка, подожди немножко.

Солнышко станет и прольет росу.

Стена была совсем холодной, и Тамара отдернула пальчик. По телу пробежал озноб.

Дядя Боря говорил, что бабушку Владлену положили под землю, когда она уснула. А я не сплю. Я живая. И я иду под землей. И земля не обижается. Интересно. И немножко страшно.

Раздался отчетливый скрип. Тамара вмиг притихла и присела на корточки. В темноте показался огонек. Женщина с плохими мыслями прошла мимо. Девочка сжалась в комочек. Мысли были настолько черными, что она боялась на них смотреть. Но там, откуда она пришла, тоже были мысли.

Как мышки в погребе, — Тамара осмелела. —

Мышка одна,

она голодна.

Зернышко пожевала,

другое достала.

День за днем.

Мышки вдвоем.

Зернышки тают,

люди страдают.

Зима холодная,

деревня голодная...

— Ой.

Тамара уперлась в приоткрытую дверь.

Плохое место. Очень плохое. Но Глеб бы не испугался. И я не боюсь.

Она проползла между железной колодой и острыми обрезами скрипучих ворот и отважно шагнула в новый коридор. Большущие детские глаза расширились от ужаса. Тамара прижимала к груди кулачки, будто удерживала в себе желание бежать без оглядки.

Я буду смелой, и земля разрешит мне стать взрослой, чтобы Глебу всегда было хорошо. Я не боюсь мышек...

Коридор внезапно кончился, и девочка почувствовала дуновение. Кто-то медленно и глубоко дышал.

— Кошка, кошка, дай мне свои глазки, — зашептала Тамара. — Я тебе их верну...

Она поморгала и взгляделась в кромешную тьму. Очертания предметов обрели четкость, и перед взором девочки открылась широкая комната. Столы, стулья, шкаф и в нем бутылочки и коробочки. А в глубокой стеклянной ванне чуть в стороне...

Тамара зажмурилась. Из темноты на нее смотрела масса человеческой плоти.

— Ты ненастоящий, — медленно проговорила девочка. — Я не боюсь.

Она открыла сначала один глаз, потом другой. Существо в ванне двигалось и шумно дышало.

— Зачем ты плохо думаешь? Я тебе ничего не сделаю...

Из ванны показалась человеческая рука. Совсем детская, судя по размерам ладони, но неестественно длинная. Рука прикоснулась к большой грифельной доске, стоящей на штативе

вплотную к аквариуму, и начеркала мелом поверх полустертых значков, совершенно непонятных Тамаре:

«Где моя мама?»

— Она ушла и забыла закрыть дверь. Ты кто?

«Гном».

— Так зовет тебя мама?

«Да».

— Тебе трудно писать?

«Нет».

— А мне кажется, трудно. Ты думай, а я буду слушать.

«Чтение мыслей — аномальное явление. Читай мысли. Я буду изучать».

— Ну хорошо, — Тамара слегка растерялась. — Ты думаешь, что ты страшный, поэтому люди тебя заперли здесь, и только мама к тебе приходит.

«Неточно».

— Так неинтересно. Ты прячешься от меня. В тебе мысли придуманные! Почему ты думаешь о людях плохо? Потому что мама так думает, да? У твоей мамы очень страшные мысли! А ты о людях ничего не знаешь.

«Я верю маме».

— Ты помогаешь ей в плохом деле... — Тамара всеми силами старалась понять, что же в действительности задумала женщина, повстречавшаяся в оранжерее. Она сказала, что нельзя прощать, а прежде упомянула Филиппа. Теперь страшное создание в аквариуме периодически глушило мысль об... отце.

Тамара сделала еще одно усилие, и вдруг осмыслила. Все оказалось предельно просто: страшилище верит маме, мама ненавидит страшного человека Филиппа, страшилище в ванне плохо думает о папе, и получается, что папа страшилища это и есть Филипп.

Я подумала, как взрослая! — обрадовалась Тамара. — Я думаю как земля и как взрослая сразу! Как Глеб!

«Говори», — вычертила на доске рука.

— О чем говорить?

«Что я думаю?»

— Нет. Я не буду тебе говорить. Думай сам. Но учти, мама учит тебя думать неправильно и плохо. Ты не страшный, ты просто стал ненастоящим.

«Как ты меня видишь?» — рука поставила знак вопроса, покачалась в воздухе и дописала. — «В комнате абсолютно темно».

— А я попросила у кошки глазки. Ты правда не страшный, Гном. Но мне пора идти.

Тамара попятилась и опрометью кинулась в коридор.

Глава 20

Сказка

С помощью шумной молодежной компании Глеб и Черныш преодолели полторы сотни километров в седлах мотоциклов и оказались, образно говоря, в нескольких шагах от цели. Но след пресловутого фургона затерялся где-то на лесных дорогах, и человек с собакой потратили на поиски его целый день. Когда, наконец, направление было определено, Черныш из самых благих побуждений чуть не свел на нет все совместные труды.

Недалеко от районного центра — довольно крупного городка — Глеба остановила патрульная милицейская машина. Грубое обращение блюстителя правопорядка, потребовавшего

документы, возмутило собаку. Черныш кинулся на человека в форме, сбил с ног и ощутимо тяпнул. Второй патрульный выхватил оружие. Глебу удалось не попасть под удар электрической дубинки и уберечь пса от пуль. Петлять по лесу пришлось довольно долго. Измотанные, путешественники всю ночь отсиживались в пустой медвежьей берлоге, дожидаясь, когда страсти вокруг их личностей поутихнут.

Глеб решил сторониться проезжих дорог. Образ Тамары проступал с каждым часом все отчетливее. Парень закрывал глаза и ощущал девочку рядом так, будто мог дотронуться до ее горячего солнечного цветка. А Черныш — живой шустрый компас — неизменно поворачивался в направлении его мыслей. Ничто теперь не могло сбить путников с незримого следа — ни талые снега, ни лесные буреломы, ни полноводные ручьи.

Полдень выдался жарким, как будто май опередил время и вылился на землю потоками весеннего тепла. Заслышав вдалеке голоса, Глеб взял правее, чтобы избежать ненужных встреч. Ни ветка, ни сук не хрустнули под ногой. Но вот голоса повернули в его сторону. Глеб приказал Чернышу залечь в кустах, и сам притаился рядом.

Из-за деревьев показался огромный мордovorот в пятнистой униформе, и чуть позади него моложавая длинноногая женщина. Она без умолку говорила, военный отвечал короткими басовитыми репликами, и оба торопливо оглядывались по сторонам. Потом женщина в отчаянии прокричала: «Витя! Витя!» и расплакалась. Глеб, хотя и находился в трех десятках метров от людей, увидел их страх. Женщина и мужчина боялись чего-то одного, но боялись по-разному. Помедлив, парень покинул свое укрытие. «Легенду» он придумал, когда остановился за спинами людей.

— День добрый!

Оба вздрогнули. Рука вояки дернулась к кобуре, но он совладал с рефлексом и за оружие не схватился. «Частный лицей №1. Служба охраны» — прочел Глеб на металлической пластине, приколотой к форменной куртке.

— Возникли проблемы? — спросил он, сделав вид, что движения охранника не заметил.

— Ты кто такой? — тот слегка отодвинул спутницу, собравшуюся немедленно выплеснуть свои беды на встречного.

— Лесник местный.

— А где твой жетон?

Глеб ожидал вопроса.

— Дома валяется. Хочешь, пошли, покажу. Тут километров пятнадцать всего.

Мордovorот хмыкнул, покосился на собаку и решил, видимо, что все лесники должны выглядеть именно так: заношенная до дыр одежда, посох в руках, участливый взгляд, за плечами сумка, а у ног беспородная псина.

— Что у вас случилось-то? — Глеб обратился к моложавой даме.

— Мы проводили урок. Я каждый год привожу свой класс на эту поляну, — она торопливо показала туда, где звенели детские голоса. — Понимаете, у меня уникальная методика: мы с ребятами проходим весенний лес.

Как можно проходить весенний лес на уроке Глеб не понимал. Впрочем, учительницу это не волновало. Запинаясь, она быстро продолжала:

— У нас мальчик пропал. Хороший мальчик. Все были на месте. Стали в автобус садиться, а Витеньки нет.

— Сколько взрослых с вами? — Глеб повернулся к охраннику.

— Всего четверо. Мы с партнером, госпожа учительница и девушка из старшего класса. Поможешь мальчика отыскать?

— Да-да, прошу вас, помогите! — закивала женщина. — Меня уволят, если с ним что-то случилось! Подумать только, сколько раз мы ездили сюда, ничего страшного не приключалось!

Глеб осознал, в чем состояла разница «страха» учительницы и мужчины в униформе: она боялась за себя, а он — за малыша.

— Покажите мне его вещь. Любую, — и Глеб зашагал по направлению к автобусу, хотя еще не видел ни машины, ни людей. — Черныш!

Пес поскакал за хозяином.

Дети в автобусе притихли, когда перед ними предстал бородатый дядька в помятой старой куртке. Пока учительница судорожно искала сумку пропавшего мальчишки, Глеб внимательно изучал ребят. От некоторых исходило «тепло», где-то две трети десятилеток не излучали ничего. От двух он почувствовал явный «холод».

Вещи, наконец, нашлись. Глеб вынес портфель из автобуса и позвал собаку.

— Нюхай. Нюхай! Черныш, след! След! Ищи, Черныш!

Пес радостно визгнул и без труда отыскал одному ему «видную» дорожку.

Мальчика обнаружили в километре от автобуса на высоком берегу разлившейся реки, по которой ползли одинокие льдины. Счастливая учительница излила Глебу тонны благодарностей. Тот для порядка что-то ответил и устремил взгляд на школьника. «Холод». Неприкрытый жесткий «холод». Он украдкой вздохнул, а когда заметил, чем занимается ребенок, ужаснулся. Витя самозабвенно резал перочинным ножом дождевых червяков, извлеченных из-под коряги.

— Что ты делаешь? — Глеб присел возле мальчишки.

— Я побеждаю, — сообщил пацан. — Папа сказал, что я должен всегда побеждать!

Учительница потащила мальчика за руку. Он неохотно поплелся за ней, с сожалением посмотрев на недобитых червей, сложенных кучкой на плоском камне.

— Сынок местной шишки, — пренебрежительно пояснил охранник. — С ним и в школе одни неприятности.

— Бывает, — откликнулся Глеб.

— Хороший у тебя пес! — мужчина потрепал собаку по холке. Черныш не возмутился. — У нас в селе было полно собак. Жаль вот, жена не хочет в квартире живность держать. А я б завел такого! У, хороший пес! А давно тут лесничество открыли?

— Нет, я пока один работаю, — парень развивал «легенду». — Месяц назад приехал. Лес тут больной. Видишь, — он поднял кусочек коры поваленного дерева, — поросль рыжеватая.

— Ну?

— А должна быть серая.

Сейчас он говорил честно. Лес в этом районе страдал, и Глеб это чувствовал нутром.

— Да тут всё больное, — вздохнул охранник и оглянулся. Учительница уже скрылась за деревьями. — А, сама дойдет, — он махнул рукой. — Постою немного! Люблю эти места... А тебя не предупреждали, когда взяли на работу?

— О чем? — насторожился «лесник».

— Да, это... у нас здесь дебри, чуть на юг возьмешь, вообще хана.

— Я видал.

— Ходили слухи, где-то рядом военная база раньше была. Кто говорил — атомная, кто — бактериологическая. Потом ее вроде как закрыли. А следы, знаешь, на долгие годы остаются. Ты не слышал?

— Нет. Но теперь мне кое-что про лес понятно. Спасибо!

Интуиция не подвела. Он знал теперь все, что хотел. Оставалось только отыскать бывший военный объект.

Лес подскажет, — Глеб глубоко вдохнул теплый весенний воздух. — Держись, Тома. Я рядом.

— Я не хочу с ним говорить! — Тамара упрямо смотрела в пол. — Он кричит.

— Тома, Филипп Алексеевич прошлый раз был не в духе, — Стас попробовал зайти с другого конца. — Он много работает и иногда...

— Нет. Он неправильно думает.

Орион нахмурился. Затея не понравилась ему с самого начала. Зато Анна отчаянно двинулась в атаку.

— Томочка, Филипп хочет сказать тебе очень-очень важное, — начала она. — Мы с ним просто поговорим. Не бойся. Хочешь, я буду сидеть рядом?

— Глеб придет и поговорит с ним про важное, — Тамара отвернулась.

— Слушайте, милая девушка, — вдруг поднялся Стас. Резкость в его голосе была строго дозирована. — Вам уже семнадцать лет. Вам пора принимать решения самостоятельно, а не хвататься по любому поводу за рукав старшего брата. Так вы никогда не станете взрослой.

Демарш произвел желаемый эффект. Тамара вскинула голову и испуганно посмотрела на нависшего над ней великана с соломенными усами.

— Я стану взрослой, когда разрешит земля.

— Земля разрешает стать взрослыми тем, кто достоин: умным и смелым.

Тамара отодвинулась от Стаса, оглянулась на Ориона, на Анну и выпалила:

— Я не боюсь Филиппа и его плохого цветка. И я хочу стать умной. Я сама поговорю с ним о важном.

После того, как Стас ушел, девочка минут десять молча сидела на ковре. Орион и Анна поначалу не решались нарушить тишину, но пауза перевалила за все разумные пределы, и стало ясно, что Тамара глубоко ушла в себя.

— Анна, ты уверена, что создание индивидов целесообразно? — шепотом спросил Орион.

Она подняла изумленный взгляд.

— Конечно! А как же иначе?... Послушай. Я сегодня поняла, почему мама создавала портреты. Она всю жизнь ждала чего-то особенного, светлого, чистого. А его не было. И тогда она это нарисовала. Те, кого отец называл индивидами, в представлении мамы были светочами, маяками, которые покажут людям настоящую любовь, добро и красоту. Ее мечта отныне живет во мне. Я встретила тебя, и как-то изменилась. Но только я одна. А сколько еще на земле людей, которые хотят и могут стать лучше. Они ждут своего дива. И девочка может его нарисовать. Мне кажется, в Тамаре поселилась душа моей мамы. Это звучит нелепо, тебе, наверное, трудно согласиться...

— Мне трудно согласиться, — Орион тронул ее руку и тем самым мягко прервал восторженную речь. — Я знаю, как больно быть индивидом.

— Хотите, я расскажу вам сказку? — подала голос Тамара. — Сказка мне приснилась.

— Расскажи, — Анна почему-то забеспокоилась.

Девочка поудобнее устроилась на ковре и устремила взор в потолок

— В далекой-далекой земле жили добрые люди. У них были голубые глаза и кудрявые белые волосы. Они были такие хорошие и милые, что все вокруг застыло от их доброты. Им некуда было идти, потому что все дороги были знакомые. Им стало плохо. Но земля решила спасти людей и показала им большущую пещеру, где жили камни. Люди нарисовали на одном камне портрет нового человека, и пещера сделала его настоящим. Новый человек вышел к людям. Он отдал им все, что знал и умел, а они отдали ему свою любовь и доброту. Потом они рисовали на камнях новых людей, и новые люди нашли неизвестные дороги, и пошли они все вместе по этим дорогам, и им опять стало хорошо.

— А ты умеешь рисовать портрет? — бухнула Анна.

Девочка пригладила косички и серьезно ответила.

— Анна, мы живем на нашей земле. А сказка про чужую землю.

— Но ведь моя мама рисовала портреты, и ты их видела.

— Видела. Она и Глеба нарисовала, и Ориона нарисовала. Только она, наверное, не знала, что на нашей земле всё по-другому.

— Тома, а наша земля разрешает рисовать портреты? — на одном дыхании выговорил Орион.

— Я не знаю, — девочка понурилась. — Когда цветок Глеба родился, земля не обиделась, когда твой родился, тоже, вроде, не обиделась. У земли спроси, она никогда не обманывает.

Стас дважды прорепетировал с Филиппом предстоящую встречу и остался удовлетворен.

— Слушай, главное — держи себя в руках. И запомни: с Тамарой надо говорить на ее языке, иначе она тебя не воспримет. Ну, давай, зови.

Пока Филипп разговаривал по коммутатору с Орионом, Стас облачился в халат.

— Маловат, — он с сожалением нащупал треснувший шов.

— Что? — оглянулся Филипп.

— Твой размер мне явно не по плечу, вот что... Черт! — он поспешно сунул пораненный палец в рот и удивленно посмотрел на пуговицу. — Черт его дери! Ладно, мы с тобой договорились. Только не пялься на меня в экран. Представь, что меня тут вообще нет.

Стас скрылся в личной лаборатории босса, а доктор Жулавский вышел в приемную, чтобы встретить Тамару.

— Здравствуй, умная кроха, — он вылепил на лице добродушную улыбку.

Девочка оглянулась на Ориона и скроила недовольную гримасу.

— Давай поговорим. Пойдем ко мне, я угощу тебя очень вкусным соком.

Она покорно прошла в кабинет. Орион двинулся за ней, но Филипп предупреждающе поднял указательный палец.

— Жди здесь. Надо будет, позову.

Разговор с Тамарой оказался для Филиппа сущим адом. Первые полчаса это было устное сочинение на тему: «как мой папа путешествовал по горам и придумал сделать особенного человека». Когда дело дошло до «глиняного ящика с ключевой водой», Тамара начала подбрасывать отдельные фразы. Филиппу пришлось под нажимом суфлера упомянуть о «маме, которая помогла папе нарисовать особенного человека». После чего девочка выдала скороговоркой:

— Ты делаешь нечестно. Тебе не хочется говорить о маме, а ты говоришь, потому что Стас тебе так говорит в компьютере.

Филипп остался сидеть за столом с открытым ртом.

— С чего ты взяла? — выцедил он из себя мало-мальски стройную реплику.

— Стас красиво думает, а ты думаешь очень громко. Я его слышу, а тебя нет. Лучше расскажи мне сказку.

Доктор Жулавский долго откашливался. Тамара терпеливо ждала.

— Ну... в общем. Давным-давно на северо-востоке Африканского континента существовала, ... то есть, жили люди. Сначала они ничего не знали о ремеслах и земледелии. Жили себе и жили. Но однажды к ним пришел бог по имени Осирис со своей сестрой Исидой. Осирис научил людей выращивать зерно, делать орудия труда. И люди поумнели. Они признали Осириса фараоном. То есть — царем. Но злой брат Осириса Сет захотел сам править людьми и убил Осириса. Он разрезал его тело на куски и разбросал по всей стране, чтобы его никто не нашел. Исида решила воскресить Осириса, собрала все части его тела и слепила вместе. Осирис превратился в созвездие Ориона, и долго-долго правил своим народом через фараонов, которые считались его сыновьями на земле. А жрецы — слуги Осириса — хранили его знания и передавали от одного фараона другому. И вот если теперь случится большая беда, Осирис вернется с небес и с помощью своих жрецов научит людей жить по-новому.

Тамара захихикала.

— Тебе понравилась сказка? — с мученической улыбкой спросил Филипп.

— Она веселая, потому что ненастоящая, — сообщила девочка. — А теперь скажи настоящее и важное.

Доктору Жулавскому пришлось изворачиваться самостоятельно, ибо помощник после высказывания Тамары о «компьютере» прекратил суфлерские работы и теперь молча наблюдал за происходящим. Филипп долго распространялся о жрецах-индивидах и о том, что жрецов должно

быть много, а узор у него только один. Когда его понесло на всемирную катастрофу, Стас потряс в камеру кулаком. Филипп, к счастью, сигнал заметил и прервал описания апокалипсических ужасов до того, как девочка успела напугаться.

— Ты можешь мне помочь, умная кроха, — доктор Жулавский навалился на стол, считая, что таким образом он окажется ближе к терпеливой слушательнице. — Ты умеешь рисовать картинки?

— Ага, — девочка самозабвенно изучала взглядом кнопки на огромном металлическом сейфе.

— А портрет ты можешь нарисовать для меня?

Она прямо посмотрела на Филиппа. Он невольно отпрянул.

— Если я нарисую портрет, ты меня домой отпустишь?

— Конечно!

Она по-взрослому хмыкнула и мотнула головой.

— Ты не отпустишь. Ты скажешь, чтобы я рисовала еще портреты, как твоя мама.

— А ты хочешь быть как моя мама? — оживился Филипп.

— Нет, — спокойно ответила Тамара. — Я хочу быть как я. Я хочу стать взрослой. Поэтому я попробую нарисовать портрет.

— Умница! Какая же ты умница! — расцвел доктор Жулавский. — Вот, держи, — он извлек из ящика стола кожаный пенал и протянул девочке. — Тут особые иглы. Их нужно подогреть, и тогда они рисуют на вот этом камушке линии.

И пенал, и осколок минерала оказались в руках Тамары.

Орион мерил шагами приемную. Секретарша Катенька неприкрыто наблюдала за ним во все глаза. Обычно в подобных ситуациях молодой человек восседал на стуле как каменная статуя и даже не смотрел в ее сторону, хотя она из кожи вон лезла, чтобы продемонстрировать ему свои ножки.

Дверь то и дело распахивалась, пропуская сотрудников в белых халатах, и Катенька, как автоответчик, выпроваживала их одной и той же фразой: «Извините, Филипп Алексеевич занят. Зайдите попозднее». Орион не обращал внимания на входивших и выходивших до тех пор, пока взгляд ненароком не выхватил из привычной обстановки тонкую женскую руку, опущенную на секретарский стол. Некий важный факт заметался в голове. Орион напрягся. Прежний контроль над памятью отсутствовал, информация утонула в хаосе знаний и мыслей.

Приняв стандартный ответ Катеньки, Аза не спеша направилась к выходу. Анна натолкнулась на нее в дверях.

— Ой, простите, — она ринулась прямо к Ориону, но, увидав его застывшее лицо, удивленно оглянулась на силуэт женщины, растворившийся за стеклянной стеной.

— Кто это? — беспокоило осведомилась Анна.

— Аза, супруга Филиппа Алексеевича, — отозвался Орион.

— Она тебе что-то сказала? Почему ты на нее уставился?

— Не знаю, — он стряхнул с себя оцепенение. — Кажется, я о чем-то забыл. У меня с утра в голове сплошная чехарда.

Анна решительно отвела его к проекционному экрану, изображавшему окно с видами живой природы, и заглянула в лицо.

— Орион, тебе нужно как следует отдохнуть. Сегодня я беру Тамару на себя.

— Тебе тяжело с ней общаться, ты сама мне говорила.

— Ничего, переживу.

— Я должен выяснить, почему Стас обнаружил ее комнату открытой. Я прекрасно помню, как заблокировал замок, — не унимался Орион.

— Успокойся. Она же сказала — ходила гулять. А открыть дверь она могла случайно. Помнишь, как она играла кнопками у тебя на терминале? Я ее поспрашиваю, где она гуляла на этот раз, а ты отдыхай, — Анна покосилась на секретаршу, занятую переключением папок на

столе, быстро поднялась на цыпочки и коснулась губами его щеки. — Я ведь тоже хочу, быть нужной тебе, — добавила она шепотом.

Из кабинета появился осунувшийся Филипп, у него из-за спины выскочила Тамара.

— А мне вот что дали! — она продемонстрировала Анне темный камень с одной отполированной поверхностью и набор игл для выжигания. Девушка узнала этот набор: сколько раз она видела его на столе отца!

— Ну как, отвести тебя в твою комнату?

— Пошли, — Тамара уверенно зашагала вперед.

— Тебе теперь не страшно в лаборатории? — спросила Анна, когда обе покинули кабинет.

— Нет. Я видела место страшнее. Я теперь знаю, почему Глеб не боится того, чего боюсь я.

— И почему?

— Глеб знает, где настоящий страх. И я узнала.

Анна пригляделась к девочке. В тоне ее появились отчетливые взрослые нотки.

— И где же страх?

— Везде, где думают очень плохо. Я видела. Страх там, — она ткнула указательным пальцем в пол и вдруг прошептала. — Анна, я так хочу, чтобы Глеб поскорее пришел! Я засыпаю и вижу страх здесь, рядом с нами. Это очень большой и страшный страх.

— Не бойся, Тома. На базе много мужчин, они не испугаются. Они нас спасут от страха.

Тамара совсем не по-детски устало улыбнулась.

— У тебя есть только один мужчина. Обопрись на него. Его цветок оживил твой цветок.

Глава 21

Друг

— Черныш, нет, ты останешься здесь, — тихо сказал Глеб. — Жди меня, приятель. Я вернусь и позову тебя. Жди, Черныш!

Пес заскулил и отполз в кусты, где осталась сумка.

— Молодец. Жди.

Глеб медленно, пригибаясь к земле, двинулся вдоль высокой двухслойной сетки, обозначавшей зону объекта. Защита была рассчитана безошибочно. Протянутые перед колючей проволокой провода под напряжением предназначались для животных, а второй слой безусловно служил сигнализацией. Дотронься до ограды, и наряд охраны немедленно выследит нарушителя. Деревья вокруг были тщательно вырублены, и первая идея Глеба сигануть через препятствие с ветвей сосны оказалась нереализуемой. Зато появилась другая. Глеб повертел в руке свой посох, прикинул высоту и пощупал многострадальное колено. Кости успешно срослись, и хотя нога еще ныла при большой нагрузке на суставы, можно было рискнуть.

Он выбрал место поравнее, перехватил посох на манер спортивного шеста, закрыл глаза и четко, до деталей представил предстоящий перелет: место упора, угол дуги, момент отрыва. Несколько раз глубоко вздохнул, собрался и сделал рывок.

Короткий разбег и мощный толчок.

От удара о землю из глаз посыпались искры.

Нормальные люди падают на маты, — подумал он весело, когда в ушах перестало звенеть.

Поднялся на ноги. Прислушался. Тишина в лесу и тишина в окружающем пространстве внушали надежду, что проникновение осталось незамеченным. Предположив, что базу охраняют не только электронными средствами, Глеб лег на мокрую землю и ужом пополз к сердцу запретной зоны.

Лесная полоса скоро оборвалась, и началось поле, в центре которого в полукилометре от опушки виднелась крыша низкого здания без признаков окон и дверей. В стороне ближе к

зарослям, где затаился Глеб, стояли два небольших одноэтажных дома, предназначенные для внешней охраны. При свете дня нечего было и думать, чтобы подобраться к лаборатории. Глеб устроился в тени молодого ельника и приготовился дожидаться ночи.

Орион никогда не знал снов. И этот — первый в жизни сон — был солнечным и приятным. Он видел Анну, Тамару и других людей, которых не запомнил, видел чистое безоблачное небо и прекрасные неземные дома. Он чувствовал, что улыбается, слышал тихие мелодичные звуки голосов.

Пробуждение состоялось внезапно. Кто-то стоял над кроватью — бестелесный неподвижный призрак.

— Тамара? — он сел и нащупал выключатель. Вспыхнул электрический свет. — Как ты открыла дверь?

— Как ты учил, — она показала магнитную карточку. — Орион, помоги Глебу войти.

— Куда войти? — обычно он просыпался моментально, чуть только открывал глаза. На сей раз приятные грезы продолжали витать где-то поблизости, а сознание с трудом воспринимало действительность.

— Куда Глеб должен войти? — переспросил Орион, справившись, наконец, с дурманящей дремотой.

— Сюда. Он там, наверху.

Орион вскочил, не сразу попал в штанины брюк и долго перестегивал пуговицы на рубашке. По привычке подхватив галстук, он приложил его к вороту, но, чертыхнувшись про себя, отбросил на кровать. Девочка дипломатично изучала стул.

— Глеб хороший, — заговорила она, стоило только Ориону подумать, под каким видом ему встречать незваного гостя. — Вы обязательно подружитесь!

Два часа ночи. Лифт с громким шипением открылся, и Орион невольно оглянулся по сторонам. Тусклый свет и пустота. Тамара первой вбежала в кабину.

Внешний выход из здания базы охранялся с особой тщательностью. Доступ сюда имели всего несколько сотрудников, в их числе находился и Орион. Он настоятельно попросил девочку остаться в помещении, а сам уверенно чиркнул магнитным ключом и ввел код. Ворота медленно поползли в разные стороны...

Скрежет за стеной Глеб скорее почувствовал, чем услышал. Он целый час ломал голову, как вскрыть хитрый замок и не поднять всю базу по тревоге, и вдруг «сим-сим» распахнулась, будто по велению волшебной палочки. В черном проеме появился силуэт человека. Глеб моментально узнал эту статную высокую фигуру с прилизанной прической на голове. Он поборол естественное желание расквитаться немедленно, и прижался к стене. Тамара была совсем рядом. Ее присутствие стало едва ли ни вещественным.

— Я знаю, что ты здесь, Глеб, — послышался приглушенный голос. — Отзовись. Я один. Охраны нет.

Парень оказался в легком замешательстве: чего он никак не ждал от похитителя, так это искреннего шага навстречу.

— Глеб, со мной только Тамара, — продолжали из темноты.

Мысль о том, что девочку держат заложницей, вспыхнула и погасла перед внутренним знанием: она свободна и ждет его тут, возле ворот.

Тень отделилась от стены. Орион облегченно вздохнул.

— Где Анна? — глухо спросил Глеб.

— В лаборатории. С ней все в порядке... Ты нужен нам, Глеб.

Орион опасался, что человек воспримет ситуацию как хитро расставленную ловушку, и поспешно продолжал.

— Я спрячу тебя на базе, никто не узнает, что ты здесь!

Ночь укрывала таинственного гостя, но Орион чувствовал, что его изучают.

Что мне еще ему сказать? — в отчаянии подумал он. — Какие слова нужны, чтобы рассеять подозрительность? Да кто вообще после всего происшедшего способен поверить на слово?

Глеб внимательно рассматривал собеседника. Перед ним был молодой человек с ярким «теплом» внутри. «Тепло» не просто лилось, оно пылало, взывало к встречному «теплу» и рвалось ввысь, как юный весенний цветок к солнцу.

— Не ищи слова, парень. Я смотрю в тебя. И я тебе верю.

Глеб неспеша зашел за порог. Ворота сию секунду замкнулись, свежий дух весенней ночи сгинул, придавленный пошленьким шелестом кондиционеров, и тьма стерла тени и силуэты. Но остался горячий радостный взгляд.

— Глебушка! — Тамара кинулась в его объятия.

Глеб подхватил ее на руки. Ему показалось, что она неуловимо повзрослела. Кошачье зрение могло исказить облик, но в какой-то миг он понял, что смотрит сейчас не глазами, а тем огромным, что скрывалось внутри и пока не имело имени.

Он ничего не сказал, просто нежно обнял девочку и открылся для нее всем существом.

Орион как ни старался переключиться на ночное видение, результата не добился. За истекшие сутки он перестал узнавать свой организм и быстро смирился с беспричинной потерей многих необходимых функций. Потеря не казалась фатальной на фоне одного единственного приобретения — распахнутой для него нежной любящей души Анны.

— Эй, не ломай глаза, — насмешливо сказали из темноты. — У вас тут разве нет освещения?

Орион опомнился и поспешно нашел панель управления. Дежурные лампы над входом замерцали рыжими разводами.

— Ой, Глеб, какой ты смешной! — Тамара всплеснула руками.

Парень провел ладонью по лицу, где основательно прижилась черная жесткая борода, и смущенно пожал плечами.

— Так получилось. Тебе нравится?

— Не-а.

Орион решил, что пора вмешаться.

— В моей комнате приведешь себя в порядок, — сказал он. — Там поговорим.

— Это Орион, — гордо представила его Тамара.

Парень хмыкнул, мол, ну и имечко, и протянул руку.

— Глеб. Привет, братишка.

Орион не ожидал, что общение с новым знакомым окажется настолько простым. Он готовился к долгому осторожному разговору, где придется взвешивать каждое слово, а получилась обычная дружеская беседа без тени подозрений, хитростей и сделанных масок на лице.

Глеб не скрывал, что идея подыграть Филиппу и с помощью Тамары создать новых индивидов ему не по душе.

— Но почему? — не выдержал Орион после третьей попытки представить обозримое будущее в ярких красках, как это делала Анна.

Реплика получилась довольно громкой, и оба дружно обернулись на девочку. Она сладко спала на кровати Ориона под мягким ворсистым пледом.

— Почему? — уже шепотом повторил молодой человек.

— Тебе ведь это тоже не импонирует. Что-то не так... Или я просто чертовски устал.

— Извини, я не подумал, — смутился Орион. — Там ванная комната, прими душ, а я пока найду тебе одежду, — и на вопросительный взгляд уточнил. — Ты собираешься ходить по лаборатории в таком виде?

— Да меня в любом виде засекут!

— Ничего подобного. Доверься мне, — Орион хитро подмигнул.

Глеб с удовольствием смыл с себя грязь и без сожаления сбрил бороду. Заросли на лице Тамаре не нравились, значит и следа от них не останется.

Орион принес чистую рубашку, белье и черные классические брюки.

— Я ж в этом утону! — Глеб придиричиво оглядел товарища. Молодой человек был на полголовы выше него.

— Закатаешь рукава, — безапелляционно отрезал тот. — Я постелил тебе на диване. Обычно база просыпается в семь утра. У тебя есть полтора часа.

Глеб тихо засмеялся.

— Эй, братишка, и ты все еще считаешь себя индивидом?

Орион изумленно поднял глаза. Ему казалось, что эту тему уже закрыли.

— Дай-ка мне руку, — продолжая посмеиваться, сказал Глеб и прежде, чем тот успел возразить, полосонул по его пальцу лезвием опасной бритвы.

— Зачем? — Орион отшатнулся.

Из пореза проступила алая жидкость. Он поспешно стер ее ладонью. Сейчас появится бело-желтая масса, загустеет и ранка закроется... Он недоуменно смотрел на палец. Алая кровь вяло проступала из поврежденных капилляров.

— Другим способам убеждения ты сопротивлялся, как бык, — Глеб положил бритву на место.

— Как?... Что это? Как?! Глеб, я не ходил по земле, я не вступал в бой, я не был в огне...

— Зато огонь вспыхнул внутри тебя, парень. Успокойся. Это должно было рано или поздно произойти. Хотя с тобой, пожалуй, это произошло так рано, что ты сам не заметил — когда.

Орион посмотрел на разбитое накануне зеркало, на порезанный палец и проронил.

— Зато Стас заметил.

— Тебе крупно повезло, — Глеб сжал его плечо. — Тебя встретил человек.

Филипп ликовал. Девчонка нарисует процессоры для новых индивидов! Каким образом? Вопрос больше не имел значения. Даже создание Ориона не вызвало у него столь бурных чувств. Это будут его индивиды, его жрецы, подвластные только ему — доктору Жулавскому. Стас привел несколько бледных возражений и, сказавшись уставшим, ушел. Впрочем одна реплика запала-таки в голову Филиппа. «Свободным человеком управлять невозможно. Мы все зависимы: от государства, от финансовых передряг, от всеобщего мнения, от нищеты и от благополучия. А индивид умен, силен и первоначально чист. Он априорно свободный человек».

— Пусть думает, как ему нравится, — Филипп бубнил себе под нос эту фразу уже десяток раз подряд. — Пусть думает, как ему нравится. Пусть думает...

Руки тем временем продолжали трудиться сами по себе. На тонкие стенки трафарета ложился один слой глины за другим.

— Пусть думает, как ему нравится...

В ход пошел графит. Черные угольные слои криво опускались на мокрую бурую глину.

— Пусть думает...

Текли минуты и часы. Два новых саркофага, зажатые в объятиях пластика, стояли вдоль стены. Филипп работал, как автомат.

— У меня будут новые и старые индивиды... — доктор Жулавский «сменил пластинку». — Старые индивиды... Новые индивиды... Пусть рисует, а у меня будут старые индивиды...

Крошечное подсобное помещение основной лаборатории едва-едва вмещало в себя гений доктора Жулавского. Пот градом тек по бледному лицу. Исступленный взор упирался в пустоту. А руки работали, как отлаженный механизм.

И лишь когда три кристалла-процессора с плеском упали в воду, Филипп пришел в себя. Творение стояло перед ним в виде трех новых наглухо закрытых капсул.

«Отец никогда бы не смог добиться такого прогресса, — с гордостью подумал доктор Жулавский. — А я могу. Я усовершенствовал технологию! И я достиг цели!»

Он подошел к столу и зачерпнул из ящика горсть плотных пробирок. В каждой из них плавал кристалл с одним и тем же рисунком. Филипп рассмеялся и высыпал «процессоры» назад.

— А вот это, дружище Стас, мой маленький секрет! И только мой.

Он накрыл новые саркофаги пластиковыми чехлами, любовно погладил их и вышел в соседнее помещение, плотно закрыв за собой дверь. Щелкнул невидимый кодовый замок, и дверь слилась с серым полотном стенного покрытия. Четыре капсулы стояли посередине лаборатории.

«Скоро, — подумал Филипп, но не испытал прежней радости. — Девчонка твердила, что им будет больно... Может быть тут и кроется ошибка, но в новых — нет! — он оглянулся на стену, за которой пряталась его единоличная тайна. — Отрицательный результат, лучший результат!»

6:28. Дежурный уже положил диски с записями истекших суток в ячейку курьерской системы. Филипп достал их из приемника, уселся за стол и лениво запустил программу анализа данных. Никаких грандиозных событий вчера не произошло. Запущена в эксплуатацию опытная партия клерков, партии №04 и №06 успешно прошли тестирование. Получены материалы для десяти новых Продуктов.

— А это еще что? — Филипп спешно остановил прокрутку и вручную вернул страницу.

Система контроля перемещений персонала зафиксировала использование магнитной карты в замке главного внешнего выхода. Строчка была особо выделена, как наиболее важная в списке. Доктор Жулавский взглянул на номер карты и посерел.

— Стервец!

Рука зависла над коммутатором, покачалась в воздухе и вернулась на стол. Филипп недобро усмехнулся.

Когда Глеб засыпал, Орион сидел за компьютером и сосредоточенно работал. Через час картина не изменилась.

— Эй, братишка, проблемы?

Орион встрепенулся.

— И да, и нет, — он устало поднялся.

— Тогда начни с «нет».

Перед Глебом на стул опустились две пластиковые карточки. Он бросил взгляд на документы и застыл.

— Официальный пропуск в бюрократическое общество. Твой и для Тамары, — сказал Орион. — Сделано чисто, не беспокойся. Доступ в инфосеть у меня вполне законный, остальное — ерунда.

— А имя откуда ты взял? — Глеб поднес к глазам стандартную карту с впаянными кодами и всего тремя словами, начертанными по-человечески: «Глеб Борисович Потемкин».

— Из твоего рассказа о Борисе Сергеевиче. Ведь он вполне тебе отец, — неуверенно улыбнулся Орион. — Я нашел его в базах данных и вписал тебя и Тамару. Я правильно поступил?

Вместо ответа, Глеб вскочил и крепко обнял друга.

На второй карточке чернели буквы «Тамара Борисовна Потемкина».

У Ориона стало легко на душе. Не то чтобы он сомневался в своем решении. Искренняя радость Глеба была для него дороже всяких похвал.

— Эти ты спрячь, — посоветовал Орион. — А здесь нужна вот такая... — он приколот на рубашку товарища бадж с тем же именем, но уже с приставкой «доктор». — У нас недавно

произошло неприятное происшествие, погибли два человека. Пусть считают, что ты прибыл на замену. Держись подле меня и пока помалкивай.

— Понял! А что у тебя не получилось?

— Я забыл вовремя уничтожить запись об открытии центрального входа. В шесть утра она была скопирована на диск и теперь лежит на столе Филиппа. А в его компьютер я попасть не могу.

— Почему же? Ты только что вскрыл государственную базу личных кодов!

— Компьютер Филиппа не подключен в сеть, — поморщился Орион.

Завтрак в столовой для сотрудников поначалу показался Глебу плохой затеей. Но случайные взгляды на его персоне не останавливались, и парень понял, почему Орион так уверенно утверждал, что появление нового человека никто не заметит. Люди здесь не интересовались окружающей обстановкой. В одиночку, или небольшими — два-три человека — группами, они сидели за столиками, и лишь изредка переговаривались. Тамара уплетала фруктовый салат за обе щеки, поглядывала на Глеба и хихикала.

— Тут так странно, правда? — проглотив очередную ложку, сказала она. — И очень смешно. Мы невидимки! Я целый день играла в невидимку!

— Смешно, да не смешно, — Глеб еще раз окинул взглядом столовую. — Легко быть невидимкой, если вокруг сидят слепцы.

Орион задумчиво теребил палец, на котором еще виднелся след «единственного способа убеждения».

— Почему он меня до сих пор не вызвал? — пробормотал он.

— Не заметил, надеюсь, — подсказал Глеб.

— Ты не знаешь Филиппа, — Орион вздохнул. — Каждое утро он скрупулезно просматривает диски.

— Он так рано встает?

— Нет. Поздно ложится. Обычно он засиживается в кабинете до утра, а потом до обеда отсыпается.

— Филипп плохо думает, — встала Тамара и потянулась за соком.

И Глеб, и Орион уловили в привычном для речи девочки слове совершенно непривычный смысл.

— Тома, ты сказала «плохо»? — переспросил Орион.

— Ну не плохо, а плохо! — она поочередно посмотрела на мужчин. — Его голова работает неправильно... Не понимаете?

— Напротив, сестричка, — улыбнулся Глеб. — Ты четко излагаешь свои мысли.

— А я стала по-взрослому думать. Это трудно, но я хочу быть как ты. Чтобы земля разрешила мне стать взрослой. И я буду думать... Глеб, ты меня научишь правильно... размышлять?

— Обязательно!

Несколько сотрудников завернули в столовую и направились к раздаточной стойке, один остался в дверях, внимательно высматривая кого-то в зале. Глеб, не поднимая головы, следил за вошедшим.

— Это не Филипп Жулавский, случайно? — тихо спросил он.

Орион напрягся, почувствовав, как холодный взгляд буравит его затылок.

— Увы. Случайно — он.

Филипп увидел индивида и двинулся к нему. Ярость красными пятнами сверкала на белых щеках.

— Орион! — доктор Жулавский навис над помощником. — Живо в мой кабинет!

Молодой человек медленно поднялся. Дрогнула мышца на шее Глеба. Тамара осторожно отставила пустой стакан.

— А это кто? — Филипп впился взглядом в новое лицо. — Та-ак. Ты у кого работаешь?

— Я ввожу доктора Потемкина в курс дела по просьбе Стаса, — встрял Орион. — Он прибыл сегодня в 7:00 и будет выполнять работу в блоке № 6 вместо трагически погибшего доктора Зайцева.

Привычный чеканный темп ответа свое дело сделал: подозрительность частично съехала с физиономии Филиппа. Он покачался на каблуках, но упрямство не позволило изменить тональность разговора.

— Я тебя не спрашивал! Оба идите за мной!

Деваться было некуда. Тамара, хотя к ней распоряжение не относилось, быстро нагнала Глеба и уверенно зашагала рядом с ним.

В кабинете Филипп грозно водрузился за свой стол.

— Что ты делал ночью в «мертвой зоне»? — прогремел вопрос. — И почему Стас не поставил меня в известность о новом сотруднике?

— Вероятно, он не успел вам сообщить. Я встретил господина Потемкина утром, — выдал Орион первое, что пришло на ум, а сам лихорадочно соображал, как будет выкручиваться, когда в кабинет явится первый помощник доктора Жулавского.

Оставалось надеяться, что Стас догадается, кто такой «господин Потемкин», и поддержит маленький спектакль.

Глеб, изображая полное равнодушие к происходящему, скроил на лице отсутствующую мину.

— Меня не интересует, где ты был утром! Что ты в 2:15 делал у ворот, черт тебя дерит? — в голосе Филиппа появились ноты неприкрытой жестокости.

— Он водил меня гулять, — вдруг вступилась Тамара. — Я хотела гулять. Орион отвел меня на улицу, и мы играли в кошек.

Филипп поперхнулся. Девочка хлопала синими невинными глазками.

— Хочешь, мы с тобой тоже поиграем в кошек, — продолжала она. — Выключи свет, и я буду кошкой. А ты меня ищи, давай?

— В другой раз, детка, — Филипп выжал из себя улыбку, не замечая, как Орион кусает губы, чтобы сохранить внешнюю серьезность.

Накал страстей в кабинете потух.

— Доктор Жулавский, я могу идти? — тоном деловитой неотложности спросил Глеб.

— Вали, работай, — махнул рукой Филипп.

Еще немного, и он отдал бы тоже распоряжение и Ориону, но тут дверь открылась, и Анна поспешно вошла к брату.

— Привет, — походя объявила она. — Фил, ты не вызывал Стаса? Его нигде не видели, из комнаты он не отвечает. Я не... — и тут ее взгляд натолкнулся на «доктора Потемкина». — Глеб?!

Имя сорвалось вопреки воле. Анна замерла, сообразив, что сделала несусветную глупость.

— Кто? Погоди-ка, откуда ты его знаешь? — Филипп привстал. Удивление, смешанное с тревогой, медленно перерастало в очевидный вывод: его ловко водили за нос. — Орион! Ты... — он уставился на Глеба. — Это тот самый?! Да я тебя деактивирую, паршивец! Ты меня уверял, что этого супермена убили, а труп сожгли! Какого черта этот «труп» шляется у меня на базе?!

У Анны был такой жалкий вид, что Глеб поспешил перейти в наступление.

— Сделать из меня «труп» не так-то просто, — он уверенно шагнул к доктору Жулавскому. — Я решил, что вам понадобится моя помощь, раз вы взялись продолжать дело моего создателя.

Глеб покосился на Ориона.

Что ты делаешь?! — было написано на его лице.

Все нормально, угомонись, — ответил взгляд Глеба.

И он продолжал вслух.

— Я последний индивид Алексея Жулавского. Я знаю, вы стремитесь сохранить знания людей и передать их новым поколениям. Я готов играть на вашей стороне.

Тамара зашебуршилась возле кресла. Смеяться нельзя, но ей было так весело!

Филипп вытаращил глаза.

— Ты... ты Анубис! Я был прав! Все боги Египта!... Я должен подумать. Всё. Всё. Я должен подумать... Он воссоздавал богов Египта! Светлый Сириус, звезда Исида! Следующей будет Исида! ... Тамара, ты помнишь сказку, которую я тебе рассказал? Ты помнишь?

Девочка поднялась в полный рост и торжественно кивнула.

— Я помню.

— Нарисуй Исиду. Умоляю, нарисуй Исиду!

— Я нарисую.

Тамара гордо проследовала к выходу и дернула за руку Анну, мол, идем отсюда.

Оказавшись в приемной, девочка бухнулась на ковер и рассмеялась.

— Как там было весело! Ой, Анна! Как там весело! Там все вверх тормашками!

— Томочка, ради бога, тише! Прошу тебя.

Глухо хлопнула дверь. Глеб прислонился к стене, всеми силами сдерживая хохот. Орион закрыл рукой лицо. Анна смотрела на мужчин, на пищащую от смеха девочку, и чувствовала себя последней дурой.

— Да что с вами такое? — взмолилась она. — Глеб, откуда ты?

— Из бездны Анубиса, вероятно, — парень вытер рукавом влажные от смеха глаза. — Грешно смеяться над больными, но в такое дерь... простите... я еще не попадал. Анна, ты не говорила, что у Филиппа не в порядке с головой.

— Это у вас обоих не в порядке с головами! — воскликнула девушка. — Зачем ты ему наплел про индивидов? А ты что молчал, Орион? Да прекратите хохотать!

— Анна, извини, — выговорил Орион. — Кажется, мы бодро прошли по лезвию ножа.

Анна догадалась, что странное веселье друзей всего лишь маленькая разрядка по завершении щекотливой ситуации, к которой она тоже невольно приложила руку, вернее — язык.

— Тома, — Глеб поднял девочку с пола. — Как это ты научилась хитрить?

Тамара переминулась с ноги на ногу.

— Филипп думал очень плохо, и я испугалась. Я решила, что если Филипп думает так неправильно, а я тоже буду говорить неправильно, то тогда всё получится правильно.

Лица Глеба и Ориона изумленно вытянулись. Девочка сознательно использовала самый сложный для понимания силлогизм.

Уставившись в пол, она тихо продолжала:

— Я не буду рисовать ему Исиду.

— Тома, ты же сказала... — опешила Анна.

— Я не умею рисовать. Я вижу портрет, но нарисовать не получается... пока, — она подняла глаза. — Ты опять думаешь про маму, да? Пойми, я и она — совсем разные. Она мне не мама. А тебе — мама. Будь, как она, и ты нарисуешь! Скоро там, — она показала рукой на кабинет, — встанут те, кого нарисовал компьютер. Им будет плохо. И земле будет плохо.

— Тома, мы можем им помочь? — задержав дыхание, спросил Орион.

— Земля поможет, если захочет. Я землю очень просила.

— Когда они встанут? — Глеб смотрел на закрытую дверь.

— Скоро. Мы услышим, Глеб. Мы их встретим! Их обязательно нужно встречать.

— Стас этого не знал, а меня встретил, — тихо сказал Орион.

Анна спохватилась.

— А где Стас? Меня беспокоит его отсутствие.

Орион ощутил острое прикосновение тревоги.

— Я схожу к нему, — медленно сказал он. — Подождите здесь.

Кодовый замок с удовлетворенным писком выплюнул магнитный ключ. Дверь приоткрылась.

— Стас, — неуверенно позвал Орион в темноту. — Стас, ты здесь?

Ответа не было.

Он включил свет.

На кровати под одеялом покоился человек. Белобрысый ежик на голове принадлежал, безусловно, первому помощнику доктора Жулавского. Но лицо! Орион в первый момент едва не отпрянул. Опухшее посиневшее лицо с оплывшими щеками и черными впадинами вокруг закрытых глаз походило на жуткую маску мифического чудовища.

— Стас, что с тобой? Стас! — молодой человек в ужасе наклонился над постелью.

Губы шевельнулись, из горла вырвалось шипение.

Орион опустился на колени и взял отекающую кисть. Пульс едва прощупывался.

— Стас! Что это? Стас, прошу тебя!... — он сжал его руку, будто это могло удержать неумолимо утекающую из тела жизнь.

Веки задрожали. Сквозь ресницы просочился мутный взгляд. Уголки губ чуть-чуть растянулись, рот приоткрылся, хрип превратился в подобие голоса, и Орион разобрал: «Прости... я не успел...»

— Стас, нет! Подожди, я вызову врачей!

Голова едва заметно качнулась.

— Поздно, мой друг, — Стас вложил в слова последние силы. — Ты свободный человек. Живи... и люби...

Между веками застыла белесая ледяная полоска.

— Стас! Так нельзя, Стас! Стас, останься... — выкрикнул Орион.

Тишина. Струя тепла скользнула по щеке и исчезла во тьме.

Непоправимое обрушилось, согнуло, скомкало мысли и дыхание. Из груди просочился глухой протяжный стон. Орион зажмурился. Горячая капля упала на простыню и расплылась крошечным влажным пятном.

Ярко горел искусственный свет. Настольные часы с циферблатом тонко просигналили начало нового часа, и минутная стрелка поползла на новый круг.

— Он ушел, Орион, — послышался за спиной голос Глеба. — Его тепло ушло в землю.

— Почему?... Почему он? Он был лучше всех, он был...

Речь смешалась с беззвучным рыданием.

Глеб опустил ладонь на холодное лицо умершего и медленно закрыл остекленевшие глаза.

— Орион. Пойдем. Ты сделал все, что мог.

— Я ничего не сделал, — прошептал тот, не двинувшись.

— Ты его проводил. Человек не должен рождаться в одиночестве, и не должен в одиночестве умирать. Идем отсюда, сообщим медикам. Идем, Орион.

Глеб потормошил его за плечо. Молодой человек тяжело поднялся и, автоматически переставляя ноги, вышел в пустой коридор.

— Почему? — прошептал он, когда в панели щелкнул магнитный ключ. — Это земля предупредила нас, что не желает сносить на себе индивидов?

— Не городи чушь, — жестко осадил Глеб и вернул на лацкан друга его бадж. — Земля — не убийца. Но злые руки способны сделать из ее сокровищ страшные яды.

Орион вздрогнул, как очнулся.

— Ты предполагаешь умышленное отравление?

— Посмотрим, — суровая складка шрамом рассекла высокий лоб.

Глава 22

Враг

Медики увезли тело. Несколько сотрудников, попавшихся навстречу, пошептались и разошлись. Глеб, облачившись в непривычный белый халат и нацепив маску, вместе с двумя

врачами проследовал в помещение, где намеревались проводить вскрытие. Орион мужественно отправился к Филиппу с тяжелой вестью, а Анна и Тамара рука об руку побрели в оранжерею.

— Страшная женщина думала плохо про Филиппа, — всхлипнув, сказала Тамара, когда обе присели на пластиковой скамье. — Я думала, она сделает плохо Филиппу, а умер Стас! Почему? Стас был... хитрый, но не плохой. Он думал красиво.

— Он был очень хорошим человеком, Тома, — Анна обняла девочку и прижала ее головку к своей груди. Слезы предательски поползли по щекам. — Он заботился о Филиппе, помогал ему. И Ориона любил... Не плачь, девочка.

— Я не плачу, — всхлипнула она. — Это ты плачешь.

Они посмотрели на мокрые щеки друг друга и тихо засмеялись, продолжая ронять на сухой грунт дорожки горячие искренние капли души.

Катенька долго жала кнопку переговорного устройства. В кабинете не отвечали.

— Говорят, Стас заболел? — полюбопытствовала она, не прерывая своего занятия.

Орион решил, что девушка, которая частенько сопровождала первого помощника босса и негласно считалась «его девочкой», имеет право знать, что произошло.

— Он умер, Катя.

— Умер?... Вот это да! — с интересом воскликнула она. — А от чего?

Ориону стало противно смотреть на куколку с рожицей сожаления.

— Давнишняя болезнь, — без зазрения совести соврал он.

На его счастье, разговор закончился, поскольку коммутатор выплюнул из динамиков ответ абонента.

— Кого черти несут? Ты Стасу сказала, что я его жду?

— Н-нет еще, Филипп Алексеевич. К вам Орион. Он как раз от Стаса.

— Пусть войдет.

Сначала Ориону пришлось выслушать длинную речь по поводу богов Египта. Сделав две безрезультатные попытки вставить слово, он вздохнул и терпеливо дождался, когда фонтан Филиппа иссякнет.

— Мне надо поговорить со Стасом, — заявил, наконец, доктор Жулавский. — Мне нужны материалы и еще кое-что.

— Филипп Алексеевич, Стаса больше нет.

Продолжить он не смог, сорвался голос.

— Куда он еще подевался?! Он мне нужен немедленно!

Орион старался сохранять спокойствие.

— Он умер, Филипп Алексеевич.

До доктора Жулавского начал медленно доходить смысл услышанного.

— Ты что несешь?... Ты не смей надо мной шутить!

— Такими вещами не шутят! — взорвался Орион и чуть не выпалил в довесок «идиот».

Потребовалось усилие воли, чтобы сохранить видимое хладнокровие. — Стас умер полчаса назад.

— О, нет... Как? Почему? — Филипп задрожал всем телом. — Нет... Моя работа. Моя работа!

Орион отвернулся.

— Где он? Орион, где он?... Подожди. Ты возьмешь все его дела. Да-да, все дела. А сейчас покажи мне, где он.

Обезображенное болезнью тело Стаса лежало на столе, закрытое простыней. Филипп стоял подле, его глаза метались по лицам и предметам, но медика он выслушал, не перебивая.

— Типичная клиника отека Квинке. Если бы он сообщил о плохом самочувствии сразу, мы бы смогли его спасти. Видимо, приступ начался ночью, он не успел позвонить. Филипп Алексеевич, мне очень жаль.

— Вам же говорят, это не аллергия! — возмутился Глеб. — Почему вы не хотите провести дополнительные анализы?

— Молодой человек, — врач строго посмотрел на «коллегу». — Вы видели результаты анализов. О чем еще может быть разговор? Доктор Потемкин утверждает, — заметив внимание на лице Филиппа, пояснил медик, — что причиной смерти стал неизвестный яд, проникший в кровь. Это абсолютная ерунда!

— Я разберусь, — пробормотал Филипп. — Я с этим разберусь! А вы, — он ткнул пальцем в грудь врача, — извольте дать мне полный отчет. Я желаю знать, что вызвало анафилактический шок. И чтоб ни одного дурацкого слуха на базе не гуляло! Ты — за мной!

Последнее относилось к Глебу.

Филипп стремительно вышел из блока и развернулся к индивиду.

— У тебя есть медицинский опыт?

— В общем да, — ответ сорвался раньше, чем Глеб успел прикинуть свои шансы.

— Отлично. Делай, что хочешь, но сегодня же дай мне абсолютно правдоподобную картину происшествия. Орион! Обеспечь ему доступ в любые базы. А этих болванов я уволю! — он потряс кулаком в сторону лаборатории. — Всех поувольняю!

Филипп отмахнулся от Анны и зашагал в свой офис.

— Ну вот, санкции получены, — хмуро усмехнулся Глеб.

— И что ты намерен предпринять? — поинтересовался Орион.

— Для начала тщательно исследовать ткани. Пусть медики делают свое дело, а мы должны изловить гадость, которая убила Стаса.

— Почему ты так уверен, что это яд? — робко спросила Анна и, нервно передернувшись, уточнила. — Потому что Тамара твердит про «сделали плохо»?

— Не знаю, но в его смерти есть что-то неприродное. Лучше уж я ошибусь сейчас, чем...

Он не стал заканчивать фразу, однако за него это сделал Орион.

— Чем мы упустим убийцу.

— Анна, прошу тебя, ничего не предпринимай самостоятельно, — продолжал Глеб. — И не теряй из виду Тамару, пожалуйста. Оставайтесь вместе.

Девушка испустила тяжкий вздох, граничащий со стоном, кивнула и отправилась в жилое крыло базы.

Прошло не меньше трех часов прежде, чем Глеб оторвался от компьютера. Он откинулся на стуле, механически развязал тесемку в волосах и потряс головой.

— Нашел? — обернулся Орион.

— Федот, да не тот, — парень протер глаза. — Дай-ка мне еще раз медицинский раздел здешней библиотеки.

— Ты разве еще не все прочитал?

— Меня интересует вирусология. И проверь, пожалуйста, еще раз тесты четвертый и седьмой на предмет целостности клеточного ядра.

Орион не шелохнулся.

— Вирус? — выговорил он.

— Я пока не уверен. Посмотри на тесты, а я займусь самообразованием...

Электронное табло медленно отсчитывало минуты. Где-то здесь, в лабиринте коридоров и кабинетов, похожих друг на друга как близнецы, ходил человек, сотворивший зло. Он ничем не выделялся среди белых халатов и сосредоточенных лиц. Но, возможно, сейчас, в эту минуту, он хладнокровно обдумывал следующий кровавый шаг. Орион оторвался от гипнотической пульсации секундной точки на часах и решительно вернулся к компьютеру. Генетические последовательности, бесконечные белковые цепочки, образцы собственной крови, крови Продуктов и «подопытного» лаборанта, согласившегося участвовать в тесте, гигабайты информации — и всё это за последние шесть часов. Внимание рассеивалось. Мысли отправлялись в фантастические странствия, и вернуть их к пресловутому компьютеру казалось невозможным.

Орион стыдился своей беспомощности, ибо осознавал, что не Глеб, а он, проработавший на базе почти год и замахнувшийся на собственные научные изыскания, должен сейчас скрупулезно изучать клеточные структуры бесчисленных образцов, думать и делать выводы. Он старался сосредоточиться на объекте исследования, но в голове плавали только несуразные идеи, обрывочные фантазии и липкая боль первой страшной потери.

— Что там делают медики? — вдруг спросил Глеб.

Орион опомнился. Смысл вопроса добрал до ума.

— Аллерген разыскивают. Проверяли Продуктов.

— Орион, знаешь, что тебе не хватает? — Глеб развернул кресло на сто восемьдесят градусов. — Ты не умеешь расслабляться. Доказано, что человеческий мозг, если он функционирует нормально, способен эффективно работать над одной проблемой не более пятидесяти минут. Затем требуется небольшая передышка.

— И что мне сделать в качестве передышки? — без энтузиазма спросил Орион.

— Еще раз чисто возьми у себя кровь. Потом под каким-нибудь предлогом сделай то же с Анной и Тamarой.

Глаза молодого человека округлились.

— Все-таки вирус?

— Да, как это ни прискорбно. Хитрая бестия. Но я нашел доказательства. Смотри сюда...

Перед Орионом на экране потекли формулы. Глеб продолжал пояснять.

— На мертвой ткани обнаружить его действие невозможно. И я восстановил на модели «живую» картину. Вот эти обрывки РНК видишь? А вот так это выглядело в первоначальном варианте, — кадр смерился, и Орион сразу же распознал типичную структуру нуклеоида.

— Он заразный?

— Надеюсь, уже нет. Но тебя я хочу проверить в первую очередь. Ты контактил со Стасом, когда он был еще жив. Действуй, — Глеб кивнул другу на лабораторный стол.

В пробирку шмякнулась густая красная капля.

— Если мне даже предстоит умереть, я буду счастлив знать, что умер человеком, — мрачно пошутил Орион.

— Врезать бы тебе за такие слова, — без тени иронии сказал Глеб. — Думаешь, человеческий организм существует сам по себе? Нет, братишка, все живое управляется отсюда, — он постучал пальцем по своей голове, — и отсюда, — прикоснулся к груди. — Стоит только убедить себя, что болен, и мысль оживет в теле. И наоборот: как бы плохо тебе ни было, сосредоточься и представь себя сильным и здоровым, найди причину боли и мысленно сотри ее, чтоб следов не осталось. И будешь здоров.

— Где ты этому научился? — удивился Орион.

— У людей.

— Но люди болеют и не вылечиваются.

— Многие слишком полагаются на свои и чужие мозги, и не видят себя частью природы. А природе нужно верить. Понимаешь, разум — всего лишь ступенька в сознании. Мы с тобой были поставлены на нее априорно, а другие долго и трудно поднимались к вершинам рассудка через младенчество, детство, юность. Поднялись и остановились, как победители, не ведая, что нет предела человеческим возможностям и что можно раздвинуть горизонты.

— Раздвинуть горизонты, — задумчиво повторил Орион.

Глеб усмехнулся своему красноречию и, спохватившись, обернулся к терминалу. Анализ крови показал отрицательный результат. Образец был чист.

— Глеб, — Орион заметно приободрился, — как тебе пришло в голову искать вирус? Ты ведь сначала говорил о яде.

— Когда я разыскивал вашу базу, один местный мужик упомянул секретную бактериологическую лабораторию, — ответил Глеб. — Я склонен ему верить, потому что видел, как болеет лес. На всю округу — десяток здоровых деревьев. Что тут творили? Куда девали отработанные культуры? На чем проводили эксперименты?

— Я слышал, что базу создали не на пустом месте, — Орион обвел взглядом стены и потолок. — Но все дела вел Стас, а он не любил распространяться на подобные темы даже со мной. Думаешь, он подцепил вирус где-то здесь?

Глеб задумчиво переставил из ячейки в ячейку пустую пробирку.

— Не похоже. Вирус передается через кровь, такое заключение дал компьютер на основе фактического анализа. А вот идентифицировать этого «зверя» не удалось. Такое ощущение, что штамм получен искусственно, возможно, в лабораторных условиях. На базе есть вирусологи?

— Нет. Жулавский не проводил исследований, связанных с вирусами. У нас работают инженеры-генетики, химики, биологи, биофизики, врачи, физиолог и психоаналитик, есть уйма лаборантов, младший медицинский персонал.

— Можно проверить досье на всех сотрудников?

Орион пожал плечами.

— В принципе, да, — и вспомнил. — У меня теперь все функции Стаса. Но зачем, Глеб?

Парень вальяжно закинул руки за голову, но суровая складка осталась на напряженном лице.

— Интуиция, — бросил он, глядя в пустой монитор.

Обстановка на базе не отличалась от обычного рабочего дня. В информационной сводке прошло сообщение о скоропостижной смерти заместителя доктора Жулавского, приводился туманный диагноз и несколько стандартных для некролога слов. Здесь же сотрудников ставили в известность, что обязанности зама временно будет исполнять второй помощник руководителя проекта.

Анна еще раз перечитала сводку и тяжело вздохнула. Тамара оторвалась от листка, по которому свободно гулял ее карандаш, внимательно посмотрела на девушку и тихо спросила:

— Ты ходила к брату, потому что думала, что ему плохо внутри?

— Да. Но ему, похоже, совсем не плохо, — грустно ответила Анна. — Он не понимает, кого он потерял. Стас был его настоящим другом!

Девочка задумалась.

— Анна, когда было плохо Глебу, мне тоже было очень плохо. Значит, если мама Гнома хотела навредить Филиппу, она специально навредила Стасу?

— Чья мама?

— Гнома.

— А... что это — Гном?

— Он не что, а кто. Гном живет в подвале. Он живой, но ненастоящий. И очень умный, как компьютер.

— Ты говорила с Гномом?

— Гном не умеет разговаривать. Он пишет мелом на доске.

— Тома, ты еще чуть-чуть подождешь, если я сейчас схожу к Ориону и Глебу?

— Зачем? Они сами пришли.

Распахнулась дверь.

— Ребята, а у нас тут Гном, — с видом поставленной в тупик учительницы доложила Анна.

— А у нас неизвестный штамм совершенно ненормального вируса, — ответил Орион, опустился на диван и прижал ладони к лицу. — Черт знает что...

Глеб, чуть только глянул на Тамару, одним махом прогнал усталость.

— Томочка, что ты нашла в подвалах? — выговорил он.

Тамара подняла голову и просияла.

— Вот здорово! Теперь ты увидел, как я внутри думаю! — восторженно подытожила она.

Динамик возвестил об окончании рабочего дня, и сотрудники один за другим потянулись прочь из лабораторий и опытных блоков. Мерное движение персонала по коридорам было нарушено двумя мужчинами, стремительно шагающими против людского течения.

— Если б я догадался зайти в эту трижды проклятую дверь! — не унимался Орион. — Стас был бы жив сейчас!

Глеб давно оставил попытки успокоить друга, лишь перед приемной он затормозил и бросил через плечо:

— Говорить буду я, лады?

Филипп встретил индивидов, восседая на рабочем столе.

— Ну-с, какие результаты? — он в упор смотрел на Глеба.

— Нам необходима ваша помощь, Филипп Алексеевич.

— Вот как? Вы что, ничего не выяснили? — доктор Жулавский соскочил на пол. — Опять все должен делать я?!

— Мы выяснили многое. Теперь нам необходимо знать, что вчера между 18-ю и 20-ю часами делал Стас: что он говорил, не было ли какого-то неординарного события, связанного с ним? — Глеб старался втолкнуть в сознание собеседника спокойствие и рассудительность. — Важна любая деталь. Филипп Алексеевич, пожалуйста, вспомните вчерашний вечер в вашем кабинете.

Доктор Жулавский стоял, как железная статуя, под пронизывающим взглядом молодого человека. Плечи его медленно опустились, пелена гнева упала, и в глазах появились проблески понимания.

— Вчера... в кабинете. Я разговаривал с Тamarой. Я рассказывал ей про Осириса и Исиду...

— Где находился Стас?

— В моей личной лаборатории. Там, за дверью. Он сидел перед камерой и наблюдал, — неуверенный голос Филиппа постепенно обретал прежние, жесткие тона. По лицу гуляла толпа разрозненных мыслей.

— Филипп Алексеевич, прежде чем Стас закрылся в лаборатории. Что он делал?

— Да ничего особенного, — Филипп сморщил лоб.

— Любая деталь, — подсказал Глеб. Филипп обязан был что-то вспомнить. Он почти вспомнил. — Филипп Алексеевич, любая!

— Халат, — лицо доктора Жулавского разгладилось. — Да-да! Он напялил мой халат, халат порвался под мышками, а он порезал палец!...

Орион прошел к шкафу и осторожно извлек лабораторную униформу.

— Этот? — он показал Филиппу белое одеяние.

— Да!... Подождите, но это же мой халат!

— Почему Стас не использовал свою рабочую одежду? — перебил Глеб.

— Его рабочая одежда — это костюм с галстуком! Стас — мой представитель на всех деловых переговорах!... Куда ты клонишь?

— Филипп Алексеевич, гибель Стаса — нелепая случайность. Убить намеривались вас.

Филипп опустился на стул для посетителей.

— То есть как «убить»?

— В двух пуговицах, — Орион аккуратно разложил халат на столе, — вставлены едва заметные шипы растительного происхождения. Смотрите, один еще остался здесь. Мы сейчас проверим, но по-моему уже ясно, что шипы заражены.

— Очень сложный и неизвестный в официальных источниках вирус, — продолжал Глеб, — полученный в искусственных условиях. Передается через кровь, разрушает обмен веществ в организме и убивает инфицированного в течение 8-10 часов. Стас был сильным мужиком, поэтому продержался чуть дольше. Внешняя картина развития болезни напоминает отек Квинке.

Филипп долго молчал, разглядывая пуговицы.

— Я сверну шею ублюдку, который это сделал, — пробормотал он.

— Мы вычислили убийцу, — заговорил Глеб и, кивнув Ориону, закончил мысль. — Но вам будет неприятно узнать ее имя.

— Филипп Алексеевич, — подхватил Орион, — что ваша супруга знала о результатах ваших исследований?

— Аза? Вы с ума сошли! Она обожает меня, как... как... Мы общались всего два дня назад! Я сказал, что скоро закончу работу и мы поедem на озера. Она была счастлива!

На словах «закончу работу» друзья многозначительно переглянулись.

— Именно окончание ваших исследований она и не могла допустить, — сказал Глеб. — В ее досье сказано, что в университете она серьезно занималась вирусологией, и изменила тему диплома за полгода до защиты, чтобы работать под вашим началом. Даже если она добровольно согласилась на проведение эксперимента с эмбрионом, теперь она ненавидит вас. Ребенок родился уродом. И она мстит за сына.

— Но мы давным-давно помирились! Это была ошибка! И... ребенок умер!

— Ваш сын находится здесь, в одном из бункеров незадействованной части базы, — сообщил Орион. — Там же, вероятно, Аза обнаружила неуничтоженные образцы бактериологического оружия. Выглядит ребенок нелицеприятно, но он живет и мыслит. А судя по тому, какую работу провела его мать для получения штамма, он не просто великолепно соображает в свои четыре года, а является настоящим биологическим компьютером.

— Мой код был верным! — Филипп подскочил, как мальчишка. — Биологический компьютер. Мой код был верным!

Орион с трудом сдержал желание захватить боссу по сияющей физиономии. Ничего вокруг не замечая, Филипп продолжал.

— Я должен нанести ей визит! Вы оба, со мной!

— Филипп Алексеевич, ответные действия Азы непредсказуемы, — возразил Глеб.

— Плевать! Я должен с ней поговорить обо всем, что тут произошло, — глаза Филиппа стали холодными как лед. — Живо за мной!

Анна дожидалась в приемной. С первого взгляда ей стало ясно, что Филипп одержим какой-то новой идеей.

— Еще немного, и он окончательно слетит с катушек, — тихо высказался Глеб.

Удерживать доктора Жулавского было бы нелепой и нереализуемой затеей. Орион надеялся лишь на то, что у Филиппа хватит рассудительности изолировать Азу и под каким-либо предлогом приставить к ней охрану. Одному дьяволу было известно, на что способна эта восточная красавица.

Филипп ворвался в комнату женщины без предупреждения. Аза изумленно оторвалась от шитья, медленно встала и гордо вышла навстречу.

— Что случилось, милый? Зачем ты привел этих людей?

Орион и Глеб демонстративно встали на пороге.

— Ты хотела меня убить, верно? — быстрый, ставший непомерно высоким голос Филиппа выдавал его бурное торжество. — Ты подсунула мне вирус собственного производства, а?

— Что с тобой? — Аза осторожно отступила на шаг.

— Ты ведь не похоронила его по своему обряду? Ты его оставила здесь и науськивала на меня, как собачку.

— Филипп!

— Ты не сказала мне, что наш эксперимент все-таки удался! Человек-компьютер! С моей помощью ты родила феноменальное существо! Только теперь мне плевать на твоего урода! Мои творения, мои суперлюди — они уже среди нас! Твой заморыш — это хлам!

Она тяжело дышала.

— Ты достоин страшной смерти! — медленно произнесла она. — И ты ее получишь!

— Нет, дорогая. Ты угробила Стаса, а не меня! Меня достать тебе не удастся!

Аза кинулась к кровати и прежде, чем присутствующие осмыслили, к чему ведет этот маневр, выхватила из-под подушки пистолет.

— Сын шайтана!

Орион метнулся вперед вместе со звуком выстрела. Даже Глеб не успел предотвратить его рывок. Оба — и Орион, и Филипп — упали на пол. Завизжала Анна. Аза кинулась к дверям.

Глеб преградил ей путь, но отшатнулся, заметив занесенную над головой рукоять пистолета. Он перехватил руку с оружием, ушел от удара, и невольно ослабил хват. Тонкая кисть вывернулась из его пальцев. Аза оттолкнула Анну и кинулась к лифтам. Глеб готов был броситься за ней, но...

— Орион!!

Отчаянный женский крик, как удар хлыста, развернул и втолкнул назад, в комнату.

Молодой человек раскинулся на полу, потухающий взгляд уперся в потолок, а на бледно-голубой рубашке расплывалось яркое алое пятно. Филипп пятился ползком, пока не уперся спиной в стену, и не спускал глаз с окровавленной груди того, которого считал индивидом.

— Орион! — Анна бросилась на колени.

Глеб сорвал со стола салфетку и спешно прижал рану.

— Орион! Ты слышишь меня? Не теряй сознание! Анна, говори с ним!

И подскочил к селектору.

— Бригаду реанимации, срочно! Жилой блок, комната 33. Огнестрельное ранение.

На том конце откликнулись: «Принято!», и Глеб, чуть не споткнувшись о ноги Филиппа, вернулся к другу.

— Орион, посмотри на меня! Ну?... Помнишь, что я тебе говорил сегодня? Соберись, определи источник боли и заставь ее уйти...

— Я помню... — прошептал раненый. На губах выступила кровь.

— Молчи. Соберись и слушай себя. Ты здоровый парень, все будет нормально! Анна, будь с ним. Не оставляй его одного!

— Глеб, он человек! — она и плакала, и смеялась одновременно.

— Вот именно...

Грохнула об пол ручная перевозка. Медики вбежали в комнату. Пока Ориону оказывали экстренную помощь, Глеб привлек к себе врача и четко описал характер ранения.

— Не волнуйтесь, доктор Потемкин, — кисло произнес сотрудник базы, бегло глянув на бадж, приколотый к рубашке Глеба. — Мы свою работу делать умеем.

И врач покосился на Филиппа.

— Я с ним займусь, — предупредил вопросы Глеб.

Ориона уложили на носилки и повезли в медицинский блок, Анна неотступно следовала рядом с каталкой.

Филипп зашевелился, оперся об угол кровати и медленно встал.

— Почему его забрали врачи? — потерянный взгляд доктора Жулавского гулял по полу и, наконец, сфокусировался на кровавом пятне.

— Чтобы оказать медицинскую помощь, — внятно ответил Глеб.

— Индивид сам умеет оказывать себе помощь. Разве не так? — Филипп долго разглядывал алое пятно. — Он индивид?

Глеб вздохнул. Можно ли объяснить глухому, как звучит жизнь?

— Орион закрыл вас собой от пули, которую выпустила ваша жена. Вы собираетесь что-либо предпринимать по этому поводу?

Филипп преобразился.

— Еще как собираюсь! — он двинулся к компьютерному терминалу. Пластиковая карта попала в щель с четвертого раза, но голос на удивление оказался ровным и холодным: — Говорит «лидер». Код 1-04.

— Она скрылась в подвалах, — подсказал Глеб.

Доктор Жулавский кивнул.

— Наряд на нулевой ярус. Живо!... Я ее сотру в порошок.

— Филипп Алексеевич, — начал Глеб, но понял, что его слова восприняты не будут.

Оставалось только неотступно следовать за Филиппом, чтобы он не словил ненароком очередную пулю или инфицированную иглу.

Возле лифтов Глеба ожидал сюрприз в облике Тамары.

— Аза пошла к Гному, — завидев приближающихся людей, сообщила девочка. — Она очень злая и испуганная. И еще она хочет что-то... совсем плохое.

— Хуже, чем раньше хотела? — насторожился Глеб, хотя не представлял, что еще может быть хуже.

— Ага. Она хочет сделать большую беду для всех. Глебушка, я боюсь.

Сердце у парня ухнуло в пятки. Он вдруг догадался, что может быть «хуже» и «большая беда для всех».

— Филипп Алексеевич! — он готов был встряхнуть доктора Жулавского и трясти до тех пор, пока дурь не вылетит у того из головы. К счастью для Филиппа, он сразу обратил внимание на говорившего. — Эта база создана на основе секретной военной лаборатории?

— Вроде бы... Ага, вот они, бездельники!

Лифт замер и три солдата в броне и полном вооружении шагнули в коридор.

— Подождите, — Глеб схватил Филиппа за руку. — Чем занималась лаборатория? Какого рода исследования тут проводили?

Филипп отмахнулся и обратился к старшему в наряде с бессвязной речью. Сержант выслушал монолог до конца и в полной растерянности поискал глазами кого-нибудь более «понятного».

— На нулевом ярусе базы несанкционированно вскрыто помещение, где предположительно находятся ядовитые вещества, — перевел Глеб. — Нарушитель вооружен и направляется к изолированному объекту. Существует опасность заражения. Нарушителя найти и обезвредить.

— Есть!

— Я покажу дорогу, — Тамара вылезла из-под руки брата.

— Ни в коем случае, Тома.

— Гле-еб! Я же там была! Я вас приведу! Я не боюсь, честное слово!

Спорить было некогда. Глеб и за ним Филипп вместе с солдатами отправились за юной проводницей.

По стенам заплескали потоки электрического света. Солдаты — двое с огнеметами, один с мощным карабином, шли впереди, готовые стрелять в любого, кто посмеет показаться на пути.

— Что такое код «1-04», — шепотом спросил Глеб, не слишком надеясь на ответ.

— Поиск сбежавшего Продукта. У нас были прецеденты в начале работ.

— Здесь! — сообщила Тамара и потянула краешек стеной пластиковой обивки.

Покрытие, не церемонясь, содрали, под наглухо запертую дверь подложили портативную взрывчатку, и направленный взрыв снес преграду в один момент.

— Тома, Аза там с сыном? — уточнил Глеб.

— Да.

— Тогда вот что, сестренка: попроси у кошки глазки, и бегом к лифтам. Поднимешься наверх и вернешься в свою комнату.

— А ты?

— А я скоро приду. Филиппу нужна моя помощь. Ты сделаешь, как я прошу?

Тамара чуть-чуть кивнула и повернула назад.

Коридор влился в широкое помещение, похожее на те, где располагались опытные лаборатории. Свет фонарей полз на стены и вдруг выхватил из темноты прозрачный открытый контейнер с чем-то живым внутри. Глеб, которому свет сейчас больше мешал, чем помогал, тщетно пытался рассмотреть содержимое ванны. Луч фонаря дрогнул в руке выдавшего виды солдата. Вскрикнул Филипп. А Глеб отчетливо услышал испуганные мысли существа, заключенного в аквариум.

Гном, — позвал он внутри, — ты и есть Гном, малыш?

Существо молниеносно провело анализ и выдало результат в форме, непонятной рассудку, но вполне доступной чувствам.

«Ты пара девочки, которая была здесь. Ты не должен умереть. Умереть должен другой».

Гном, он твой отец! Так нельзя!

«Уходи».

В этот момент раздался истошный вопль Филиппа.

— Уничтожить это! Немедленно!!

— Нет! — выкрикнул Глеб, но солдаты приказ поняли однозначно и, следуя инструкциям «1-04», добросовестно исполнили свою работу.

Разрывная пуля с глухим шлепком вырвалась из дула и угодила точно в центр шевелящейся массы. В сердце Глеба вонзился отчаянный стон существа. Почти физическая боль согнула человека пополам.

Струя огня обрушилась на «аквариум». Глеба обдало жаром. Шквал чужого страха, страданий и злобы ворвался в душу, затопил мозг и отбросил потерявшее контроль тело на холодный бетонный пол. Внешние звуки утонули в предсмертном протяжном гуле. Голова, казалось, вот-вот лопнет под натиском крови, бьющей в виски. Последним усилием воли Глеб порвал опасный контакт с гибнущим созданием.

В ноздри хлынула ни с чем не сравнимая вонь. Организм, едва освободившийся от инородных чувств, подвергся атаке удушающего запаха горелого мяса. Дыхание перехватило, спазм вывернул желудок наизнанку, в глазах заметались кровавые пятна.

Блики огня скользили по стенам и оскалившемуся в злорадной улыбке белому лицу Филиппа. Мелькнул силуэт женщины. Оглушенный, Глеб с трудом заставил себя сосредоточиться и поймал взглядом точку, откуда смотрела на убитого сына обезумевшая мать. В ее руках застыла бумажная коробка. Не помня себя, парень вскочил на ноги. В голове застряло очевидное — не успеть.

— Будьте вы прокляты! — выкрикнула Аза, занесла над головой коробку и, что было сил, метнула в центр комнаты.

Глеб рванулся наперерез, но поздно. Со звоном разлетелись осколки стекла. Аза вскинула руку. Он четко видел ее пустой кулак, поднятый в яростном проклятии, и первый момент не мог понять, почему Филипп заорал «Стреляйте!», а солдаты, не задумываясь, исполнили команду. Тело женщины затрепетало под свинцовым дождем.

Они решили, что у нее пистолет, — догадался Глеб и застонал от бессилия.

— Вычистите здесь всё, — распорядился доктор Жулавский. — Перекройте! Замуруйте! Чтоб никаких следов!

Он пнул ногой покореженный картон. Захрустели раздавленные пробирки. Затем посыпались ругательства.

Глеб шатаясь вышел из бункера.

— Глебушка, — робко позвала из темноты Тамара и посеменила к брату.

— Не смотри в меня, Тома, — Глеб поспешно отвернулся. — Я слишком много видел плохого. И я ничего не смог сделать...

Заботливые руки потянули его вниз. Он опустил на колени, не поднимая глаз.

— Тома, я не остановил беду.

— Ты не виноват, — девочка погладила длинные спутанные волосы. — Не отчаивайся. У Ориона все хорошо, и Анна верит, что все будет хорошо. Если беда придет, мы ее не испугаемся и остановим вместе.

Глеб приник головой к острому плечу Тамары и заставил себя полностью расслабиться. Девочка нежно обхватила его плечи. Ее «тепло» пылало в темном уютном коридоре факелом надежды.

За стеклянной дверью медицинского блока Глеб увидел Ориона. Он полулежал на кровати с высоко поднятым изголовьем, тщательно перевязанный, бледный в тон подушки, и улыбался. Анна сидела возле и что-то говорила, ласково глядя его по щеке. На экране терминала четко отплясывала ритм яркая зеленая линия. Глеб подавил неуместный вздох и хотел отойти, но Орион призывно помахал ему рукой.

— Глеб, — Анна открыла дверь, — он поправляется! Это чудо! Посмотри на него!
Раненый уверенно сел на койке.

— Я сделал, как ты говорил, — громко сообщил он. — Нашел и уничтожил повреждения. Я поверил природе!

— Молодец.

Глеб прислонился плечом к стене.

— Что произошло? — Орион напрягся.

— Отдыхай пока. Потом разберемся.

Тревога, граничащая с ужасом, сковала Анну с ног до головы. Ей показалось, что она знает ответ. Орион быстро снял манжету, от которой к биометрическим терминалам тянулись провода. Линия на экране взбрыкнула и превратилась в гладкую черту.

— Глеб, что случилось? — он отпустил поручень койки и, чуть пошатываясь, сделал шаг вперед.

Анна поддержала его под руку.

— Аза выпустила джинна из бутылки прежде, чем умерла, — глухо произнес Глеб.

— А Гном? — ахнула девушка.

— По приказу Филиппа его уничтожили.

— Глеб, ты как? — Орион заглянул ему в глаза. — Где Тамара?

— Я уговорил ее остаться в комнате. С ней все в порядке пока.

— Что ты знаешь про «джинна из бутылки»?

— Ничего, — Глеб отвел взгляд. В душе вновь поднималась ледяная пурга отчаяния. — На базе пятьдесят шесть человек! Может быть ничего не произошло, может быть в той проклятой коробке были обычные стекляшки. Может быть вирус, если он вообще существует, окажется нестойким или не распространится по воздуху! Всё — «может быть». А точного ответа нет!

— Успокойся, — рука друга опустилась на плечо. — Вирус пока не объявил нам войну, верно?

Глеб поднял голову. Молодой человек стоял перед ним, расправив плечи. Ни кровь, проступившая сквозь повязку, ни скребущаяся в груди боль, ни слабость с дурманящим головокружением не подорвали его решимости.

— Верно, — Глеб почувствовал, как сам невольно выпрямился. — Вот что, Орион. Распорядись, чтобы солдаты не покидали базу. Заблокируй входы. От Филиппа я ничего не добился по этому поводу. Похоже, он в отключке: сидит в своем кабинете, как истукан, и молчит. Анна...

— Я попробую с ним поговорить, — девушка кивнула и поправила волосы.

— Глеб, надо бы предупредить людей, — предложил Орион.

— О чем? О моих догадках насчет смертоносного вируса? — парень горько усмехнулся. — Нам придется ждать атаки. Но карантин необходимо обеспечить уже сейчас.

Глеб сидел возле безмятежно спящей Тамары и бережно перебирал пальцами ее непослушные русые косички.

Земля родимая, защити ее. Охрани ее от беды и зла, как всегда хранила, — бессознательная молитва плескалась в душе, будто речная волна в суровую пору. — Прости слепых и глухих к тебе, земля. Все мы дети твои. Прости и охрани от страшных напастей...

Бесшумно вошла Анна. Глеб поднял на нее затуманенный взор. Девушка тихо присела на краешек дивана. На лице — ни следа косметики, фиолетовые синяки под глазами, бледные сухие губы. Глеб вмиг пришел в себя.

— Анна, как ты себя чувствуешь? — шепотом на одном дыхании выговорил он.

— Устала, — она вздохнула. — Нет-нет, Глеб, со мной все хорошо! Не волнуйся.

— Где Орион?

— Заснул наконец-то. Он, кажется, уже сутки на ногах, да еще и ранение... Знаешь, как он старается быть похожим на тебя! — в утомленных глазах засветилась нежность. — Врач, который его оперировал, стоял с разинутым ртом, когда Орион продемонстрировал ему полностью заживший шов.

Глеб улыбнулся. Что бы она ни говорила про Ориона, из всех тайных уголков ее существа начинала просачиваться теплая искренняя любовь.

И кто же из вас взрастил ваши цветы, ребята? — промелькнула ласковая мысль.

— Филипп заперся в кабинете, — после долгой паузы возобновила разговор Анна. — Катенька ждала, когда ее впустят с ужином, до одиннадцати ночи. А Филипп до сих пор не ответил, ни по коммутатору, ни через дверь.

— Чудовище! — Глеб не сумел сдержать эмоции, и тут же об этом пожалел.

— Он больной человек, — тихо отозвалась Анна. — Прошу тебя, не злись на Филиппа. Он не был таким раньше. Он был нормальным ребенком, неплохим братом. Он целеустремленно работал за свою идею, и не его вина, что в нашем обществе дорога к познанию лежит через трупы сотен душ. Он шел к благородной мечте. Не важно, прав его приятель или не прав, грядет всемирная катастрофа или обойдет стороной. Филипп искренне верил, что это катастрофа произойдет, и хотел спасти цивилизацию. Ту самую, которая лишила его души! А теперь он, похоже, потерял и рассудок. Он создавал то, чего в принципе не может быть! И потерпел крах, как отец... Наверное, на нашей земле чудес не бывает. Диво — это миф из маминой жизни.

— Ты ошибаешься, Анна, — Глеб подсел к подруге. — Недавно я видел группу молодых оболтусов, каждый из которых сам по себе ничего не нес в душе. Каждый был обычным шалопаем. А вместе они излучали «тепло». Я часто думаю об этом феномене. И знаешь, кажется, я понял, почему не соглашаюсь с тобой, когда ты призываешь индивидов вести людей к призрачному Диву. Общество существующее, и общество, которое представляла твоя мама, это два несвязанных множества. Наше общество укрепилось в правилах и, как бы ни казалось со стороны гадко, оно прижилось на земле. Индивиды видят общество «со стороны». Они не чувствуют единства людей, как долго не чувствовал и я. Невольно они внесли бы в существующую реальность слишком много чужого, придуманного, искусственного. За ними пошли бы многие, я уверен. Началось бы паломничество к новым богам, которые по сути своей ничем не отличались бы от прежних. Любой идол, как бы высок ни был его пьедестал, служит человеку, а не ведет его за собой. Идея «я есть центр мира», так старательно насаждаемая в умы, кроется даже в самом названии «индивид». Таким образом, индивиды усугубили бы распад нашего общества на миллиарды крошечных ячеек, не способных увидеть мир целиком. А это и есть гибель человеческой цивилизации.

— Глеб, — Анна во все глаза смотрела на друга, — так ведь ты — то самое Диво, о котором мечтала мама! Все, что ты говоришь и делаешь, это как в Тамариной сказке!

Он откинулся на спинку дивана и устало качнул головой.

— Орион пересказал мне ее сказку. Понимаешь, меня рисовали для чужой земли, а я пошел по нашей. Я хотел влиться в жизнь, взглянуть на мир глазами людей, и стать своим для них. Даже если со мной и растет какое-то «диво», то оно — дитя человеческое.

Анна опустила голову на руки и задумалась. Глеб задремал.

Громкий стук в дверь выдернул Глеба из короткого глубокого сна.

— Анна, оставайся с Тamarой здесь и ни под каким видом не покидай эту комнату! — мгновенно среагировал он и шагнул в коридор.

Охранник, один из тех, кто проводил «зачистку», попятился от неожиданности. Без шлема и бронезилета, с горящими ужасом глазами на выбеленном рябом лице, он выглядел потеряннным и беспомощным.

— Доктор Потемкин, у нас, кажется, инфицированный, — сбивчиво доложил он. — Вы велели сообщить, если...

— Идем.

Глеб направился в учебный класс, где временно обосновались трое военных.

— Доктор Потемкин, мы что же... все?

— Спокойно, парень. Нет оснований заказывать панихиду, — он остановился и доверительно посмотрел на перепуганного охранника. — Ты же солдат. Хладнокровный, сильный, умелый представитель самой мужественной профессии. Как тебя зовут?

Тот был застигнут врасплох.

— Рядовой Кулибин!

— Во, видал, и фамилия у тебя историческая. Солдатская смекалка, брат, еще в русских сказках воспета. Давай, соберись. Нам понадобится твоя помощь.

Глеб удовлетворенно посмотрел на плоды своего «труда» и двинулся дальше. Рядовой Кулибин энергично зашагал следом.

Одного взгляда на больного было достаточно, чтобы признать два факта: во-первых, вирус существенно отличается от своего собрата, убившего Стаса, и, во-вторых, шансов на спасение у бедолаги нет. Глеб не подал виду, когда оба открытия окатили его, как ушат ледяной воды.

— Когда он заболел? — спокойно спросил «доктор Потемкин».

— Мы спали тут, он вдруг захрипел. Поглядели, а у сержанта... это, — сообщил рядовой.

Глеб посмотрел на настенный хронометр, на умирающего и пришел к третьему неутешительному выводу: вирус поработал всего семь часов, а покрытый язвами и отеками человек уже при смерти. Внимание привлек третий солдат, старательно прячущий от глаз доктора руки.

— У тебя что? — Глеб насильно развернул его кисть.

Водянистые красные припухлости облепили кожу, а приглядевшись, Глеб заметил похожие отметины на шее и щеках несчастного. Солдат закашлялся.

Новоявленный доктор обернулся к рядовому Кулибину и приказал снять гимнастерку. Тот, передергиваясь от напряжения, стянул одежду и предоставил мускулистое тело для осмотра. Признаков инфекции Глеб у него не обнаружил. Пообещав вернуться с лекарствами, он запер всех трех в помещении, отошел подальше и привалился к стене.

Паника.

Осознав свое состояние, Глеб сжал кулаки. Чувства и эмоции здесь не помогут. Требовалась полная концентрация сил и вся мощь логического анализа. А аналитический модуль давным-давно канул в небытие вместе с ассоциативной базой и прочими атрибутами прежнего существования.

Я должен мыслить хладнокровно, четко и уверенно, — сказал он сам себе. — Ошибки не допускаются. Итак, дано: нестабильный вирус-мутант, созданный в лабораторных условиях; результат действия — летальный исход; времени нет.

Глеб потряс головой. Анализ не строился, данные забивались приблизительными абстрактными картинками, обрывками воспоминаний о вчерашних исследованиях и прочей побочной информацией.

Да черт возьми! Тут полно ученых, химиков, биологов! Неужели мы не одолеем эту заразу!

Решение.

Оно всплыло неожиданно и совершенно отчетливо: организовать людей на борьбу со смертельной бедой.

Медицинская бригада, поднятая по тревоге, собралась в палате, куда вызвал их Орион. Глеб без лишних эмоций обрисовал ситуацию.

— У нас даже костюмов биологической защиты нет! — врач беспомощно встряхнул руками, будто возносил молитву к небесам.

— Я туда не пойду! — испуганно воскликнула его ассистентка.

— Туда пойдут те, кто готов, невзирая на опасность, помочь людям, — отрезал Глеб. — Мне нужны только добровольцы. В текущий момент первая задача — обеспечить более или менее изолированное помещение для пострадавших и оказать посильную помощь. Мы не знаем пока, как передается вирус, и что он из себя представляет. Исследование займет несколько часов. Это уже вторая задача.

Врач нервно пригладил взъерошенные волосы. Ассистентка в растерянности оглянулась на мужчин, вздохнула и, сконфузившись, спрятала глаза.

Высоченный хмурый санитар молча вытащил из шкафа носилки.

— Ну, док, двинули, что ли? — пробасил он.

Глеб проводил медиков взглядом.

— Орион, кого из сотрудников мы можем привлечь к работе?

— Главного генетика, — сразу же ответит тот. — Начальника биологической лаборатории и группу химиков из третьего сектора.

— Давай их всех сюда.

Орион рванулся к коммутатору, но что-то сообразив, оглянулся на друга.

— Я могу послать “SOS” в центр, минуя терминалы Филиппа!

Глеб нахмурился. Эта мысль приходила ему в голову, но принять решение не давал один вопрос, который он и задал Ориону.

— А как они отреагируют на заявление о боевом вирусе-мутанте, выпущенном черт знает откуда в изолированной секретной лаборатории при сомнительных обстоятельствах?

Молодой человек опустил руки.

— Я тоже не знаю, — кивнул Глеб. — Нам надо посоветоваться с кем-то более опытным. А пока — за дело своими силами.

Через час три из пяти научных секторов бурлили человеческими эмоциями и мыслями. Орион не уставал удивляться, как ловко Глебу удается тушить вспыхивающие очаги паники. Он сновал из одной лаборатории в другую, умудряясь при этом координировать их действия и быть в курсе всех исследований и тестов. Его перехватывали в коридорах, и взволнованные лаборанты совали ему распечатки и компьютерные фотографии. Глеб просматривал бумаги с машинной скоростью, раздавал распоряжения и шел туда, где считал свое присутствие необходимым.

Орион с группой добровольцев отправился в жилое крыло. Комнаты, жильцы которых не отвечали на «звонки» селектора, без зазрения совести вскрывались универсальным ключом. Таковых было шесть. И за всеми шестью дверями вошедших поджидал кошмар смертельного вируса. Изолятор, организованный в учебном классе для Продуктов, к пяти часам утра заполнился десятью новыми пациентами. Тело первой жертвы — сержанта службы охраны — вынесли в отдельное помещение.

— Глеб Борисович!

Глеб, не успевший привыкнуть к этому обращению, затормозил не сразу.

— Глеб Борисович! Нашли гада! — молодой сотрудник догнал его на повороте. — У нас в лаборатории, на компьютере...

Начальник биологического блока поднялся навстречу. Беспольный респиратор висел на опухшей шее, по бледному лицу градом катился пот.

— Любуйтесь, Глеб Борисович, — он показал на экран. — Да не на меня! Я знаю... Вот он, наш убийца.

Глеб с трудом оторвал взгляд от больного ученого. Увеличенная в миллиарды раз фотография вируса заняла все полотно проекционной матрицы. Ни в одной классификационной таблице подобного монстра Глеб не видел.

— Этот штамм нигде не описан, — слова давались биологу тяжело. — В основе нуклеоида редкое сочетание ДНК и двухцепочной РНК, что позволяет этому сукиному сыну воспроизводиться с сумасшедшей скоростью. Обратите внимание на капсиду. Видите, какие белковые комбинации? Не мудрено, что вирус прекрасно чувствует себя в воздушной среде. Тут на модели... дайте на экран... процесс репродукции. Вибрионы выходят из зараженной клетки одновременно. Мембрана разрушается, и всё: клетка взорвана изнутри.

— Как насчет ингибиторов? — спросил Глеб. — Сыворотки?

Биолог опустил на стул.

— Видимо, ингибиторы буду искать не я. Если они существуют...

Глеб оглядел лабораторию. Доклад начальника слушали все присутствующие. Даже лаборантка в дальнем углу перестала всхлипывать и тереть ладонями глаза.

— Что показал анализ крови рядового Кулибина?

— Парню крупно повезло, — заговорил биолог, проводивший тесты. — Его организм продуцирует интерферон весьма активно.

— Мы можем выделить из его крови антитела?

— Я неточно выразился, — торопливо поправился сотрудник. — Солдат не заболел. Он просто-напросто оказался устойчив к заразе.

Глеб на секунду задумался.

— Допустим, — медленно заговори он, — чей-то организм победит вирус. В наших условиях возможно создать достаточное количество сыворотки из крови такого человека?

— В принципе, да, у химиков есть оборудование, — подала голос хрупкая пожилая женщина, совершенно спокойная в отличие от своих коллег. — Проблема лишь в том, кто в состоянии выжить. Вы видели, каков фактор-агрессор этого вируса. Мы все здесь инфицированы, Глеб Борисович. Нам не помогли никакие фильтры.

Повисло молчание. Глеб прикрыл глаза. Чувство вины перед людьми, обреченными на мучительную смерть, захлестнуло сознание. Мог ли он остановить Азу, если бы не потерял контроль над собой? Мог ли раньше оборвать контакт с Гномом и не корчиться в судорогах, переживая в себе его агонию, а вместо этого вырвать из рук обезумевшей женщины проклятую коробку?

— У нас будет донор, — голос прозвучал решительно и безапелляционно. — Готовьте все для получения сыворотки, и дайте мне два часа.

В коридорах суетились белые и синие халаты. Глеб механически отвечал на вопросы и сообщения. Но две цифры прочно застряли в голове: из 49 зарегистрированных случаев заболевания, 9 — летальный исход. В переходе между блоками мелькнула кофточка Анны. Глеб не сомневался, что она не сдержит обещания сидеть взаперти, а ринется туда, где нужна ее помощь.

Тамара. Он остановился и прислушался к сердцу. Девочка находилась где-то рядом. Глеб вздохнул и завернул в комнату отдыха, а ныне — второй лазарет.

Пятнадцать — неподвижных, стонущих, спокойных, рыдающих — лежали на матрасах и скамьях. Врач, склонившийся над пациентом, поднялся и, шатаясь, побрел к следующему. Ноги подкосились. Глеб кинулся к человеку, но откуда ни возьмись метнулось синее платице, и хрупкие руки удержали осевшее тело.

— Тебе нужно полежать, а я сделаю, что ты делаешь, — зашептала Тамара и потащила больного к пустому матрасу.

Глеб подхватил человека на руки. Тома кивнула ему, подскочила к имитированной койке и торопливо откинула одеяло.

— Сюда.

Она бережно укрыла потерявшего сознание, подтянула к себе кювету с водой, достала салфетку. Глеб молчал. Тамара нашла свое место в общей беде, и поделила эту беду со всеми на равных.

В стороне пожилой толстяк, едва шевеля опухшими посиневшими губами, бодрим голосом рассказывал соседу какую-то историю.

— ... а я ей говорю: время на рыбалке бог не считает, сколько с удочкой просидишь, столько он и накинёт...

Человек рядом с ним был мертв, но подобие улыбки застыло на замершем лице и в стеклянных глазах остался блеск надежды.

Глеб стиснул зубы. Единое яркое «тепло» сверкало многоликой радугой над живыми и ушедшими. И на пути разгулявшейся смерти отважно стояло диво человеческое.

— Глеб, я в тебя верю, — Тамара открыто взирала на брата. — Делай то, что ты решил.

Ориона Глеб нашел в блоке инженеров-генетиков вместе с Генрихом Васильевичем. Из обрывка фразы, услышанной в дверях, тема разговора стала ясна.

— Помощь? Молодой человек, — главный генетик смерил помощника доктора Жулавского сочувствующим взглядом, — вы еще так юны и наивны, что совершенно не представляете себе опасность слова «помощь». И не возражайте! Я отлично помню, каким вы выбрались из каменной утробы. Ваше счастье, что у вас оказалась светлая голова, иначе бы — что Продукт, что вы, было бы едино.

Орион стерпел нелицеприятное сравнение.

— Нам не справиться с вирусом своими силами! Глеб! — он заметил друга. — Мы обсуждаем вызов спасательной команды.

— Молодой человек, — нажал Генрих Васильевич. — Поймите же, наконец! Военные не станут рисковать. Кому нужна огласка собственного головотяпства? И кому нужны мы? Да такие лаборатории создадут десятками — все отчеты по «Продуктам» правительство уже получило. Это мероприятие Стас организовал исключительно ради создания таких, как вы. Кто без Стаса докажет, что разработки следует продолжать? Филипп Алексеевич, который, кстати, до сих пор пальцем не пошевелил, чтобы успокоить людей? Или я? Или вы сами? То-то! Хотите остаться в живых, закройте глаза и ждите, когда все закончится. Иначе конец будет положен одним росчерком пера под словом «ЗАЧИСТКА»!

— Генрих Васильевич, — Глеб шагнул к генетику. — Я не хочу допускать, что вы правы. Уничтожение пятидесяти шести человек...

— Сорока шести, доктор Потемкин, — генетик хладнокровно протер очки. — Десятерых уже нет. А к вечеру на всей базе останутся только Продукты и три-четыре счастливица, вроде вас.

Орион не выдержал.

— Да даже если останется два человека, я не верю, что правительство или кто всем этим руководит, посмеют отдать приказ об уничтожении людей!

— Боже, как вы наивны, — седовласый ученый уселся за стол.

— Оставим эту тему, — суровый взгляд Глеба уперся в затылок собеседника. — Мы не сообщим о вирусе только по одной причине. Чтобы не произошло утечки. В противном случае пострадают сотни людей. Мы сами сделаем оружие для борьбы с болезнью. Орион, проследи, чтобы химики подготовили всё для синтеза ингибиторной сыворотки.

— А что, разве кто-то выздоровел? — изумленно обернулся генетик.

— Пока нет. Ассистент, приготовьте мне культуру для инъекции.

Человек в белом халате уставился на Глеба.

— Глеб Борисович, вы... — слова потерялись в респираторе.

— Быстрее, дружище. Даже минута может спасти жизни.

— Глеб, ты с ума сошел! — опомнился Орион.

— Доверься мне, братишка. Все будет в порядке.

В палате, где вчера оправлялся от раны Орион, Глеб сел на кровать и закатал рукав.

— Давайте.

Ассистент поднес дрожащую иглу к вене.

— Глеб Борисович, я не могу... Как же вы?... Как же мы без вас?

— Без меня вы будете максимум два часа. Ладно, дайте сюда, я сам.

Он уверенно взял шприц и вколол себе инъекцию. Орион отвернулся.

— Не волнуйтесь, мужики, выживу, — Глеб подбодрил обоих взглядом.

Анна в полном смысле слова потеряла и Глеба, и Ориона. Она обегала все лаборатории, несколько раз постучала к Филиппу и растерянно встала посреди коридора. Дылда-санитар молча катил перед собой носилки с двумя новыми телами, завернутыми в простыни. Анна посторонилась. Вид смерти уже не шокировал ее, как несколько часов назад. Похоже, смерть больше никого на базе не шокировала.

Девушка прикрыла глаза. Ей казалось, что она стала старше сразу на десять лет. Она видела и слышала всё: отчаяние, молитвы, вопли, проклятия, пустые глаза уносящихся в неведомое, отекающие лица и покрытые язвами руки ученых, до последнего сидевших за своими компьютерами и микроскопами. Она видела обезумевших людей, штурмующих наглухо закрытые внешние ворота, и решительно вскинутый карабин в руках солдата, голос которого гремел в железобетонной коробке внешнего корпуса: «Стойте, буду стрелять! Стойте, нам туда нельзя! Мы там всех убьем!» Она видела Глеба — безусловного лидера в битве с бестелесным врагом, и Ориона, неизменно возникавшего в самой гуще событий, и Тамару, маленькую синюю птицу среди мертвых и живых. Страх и решимость, паника и хладнокровие, трусость и самоотверженность бурлили в человеческой общине, отрезанной от мира бронированными воротами и жестоким словом — «эпидемия».

— Ориона ищите?

Анна вздрогнула. Хрупкая пожилая женщина возвращалась из жилого блока в лабораторию. В ее посиневших руках пряталась фотография в пластиковой рамке.

— Он с Глебом Борисовичем в блоке у медиков, — продолжала сотрудница. — А я вот маму с собой взяла, — она подняла рамку с фотографией к глазам. — Когда буду умирать, хочу, чтобы она рядом была... Простите.

Женщина поджала губы и заторопилась своей дорогой.

Анна посмотрела ей вслед, проглотила непрошеную слезу и, спохватившись, побежала в медицинский сектор.

Перед стеклянной дверью она замерла, как вкопанная. Глеб лежал на койке. Смолисто-черные космы рассыпались на белой подушке, кадык перекатывался под кожей припухшей шеи, пот залил пожелтевшее лицо, а грудь часто и судорожно дрожала. Орион неподвижно сидел спиной ко входу, низко опустив голову.

— О, нет... — Анна попятилась. — Только не Глеб! Нет...

Не помня себя, девушка кинулась, куда глаза глядят. Поворот, дверь, поворот. Она остановилась. Спасительная идея вмиг вышвырнула прочь скомканный саван ужаса.

— Старик Юникс! — вслух воскликнула Анна. — Господи, только бы он был жив!

Программиста Анна нашла в столовой. Кто-то притащил туда видеопроектор, и «старик Юникс» как ни в чем не бывало сидел перед экраном, на котором охали и стонали обнаженные тела. Пол вокруг его кресла покрывала шелуха от семечек.

— Что ты делаешь? — девушка не нашла ничего лучше, как начать разговор с вопроса, ответ на который был очевиден.

— Смотрю порнуху, — отозвался парень. — Отец меня драл за такие картинки, а мать запрещала лопать семечки, говорила — заработаю аппендицит. Хочешь? — он сунул ей пакетик.

— Послушай меня: мы можем всех спасти, — возбужденно зашептала Анна.

— Мы? — на отчужденном лице «старика Юникса» появилась заинтересованность.

— Мы с тобой. Ты же компьютерный гений!

— Говорят, а я не против, — программист приосанился.

— Ты можешь послать электронное письмо в инфосеть?

— Отсюда? Ха, запросто! Это только босс думает, что мне права в сети порезал. А кому ты будешь писать?

— У меня есть один человек. Пошли скорее к твоим компьютерам!

«Старик Юникс» действительно работал профессионально. Пока Анна составляла текст письма, он щелкал по клавиатуре, как будто играл на рояле.

— Готово? Давай адрес.

«Г-н Бурмистров. Я нахожусь в лаборатории моего брата. Все материалы, которые вам необходимы, вы сможете получить от него. Возникла непредвиденная проблема: на базе вспыхнула эпидемия неизвестного вируса. Доктор Жулавский болен. Требуется экстренная помощь. Время дорого. С его смертью навсегда исчезнут исследования А.А. Жулавского. Анна».

«Как я еще догадалась спросить у Ориона, где расположена лаборатория, — с запоздалым страхом подумала она, и вписала приблизительные координаты. — Надеюсь, нас найдут. Они просто обязаны нам помочь!»

Анна судорожно щелкнула «мышью» по пункту «отправить сообщение».

— Ну как? Ушло?

«Компьютерный гений» поколдовал над пультом и сообщил.

— Порядок!

Надежда забрезжила в смертельном тумане. Дрожа от волнения, Анна поспешила к Ориону. «Все равно Филипп ничего им не расскажет, — успокаивала себя журналистка. — И никто из нас не расскажет. Главное, чтобы пришла помощь! Чтобы спасли людей и... Глеба».

Уткнувшись в стекло палаты, Анна озадачено сморгнула.

Глеб сидел на койке, растирая руку, а Орион и сотрудник в белом халате возились с пробирками на столе. Вот Глеб поднялся, размял плечи, что-то весело сообщил товарищам и направился к умывальнику.

— Как это? — девушка топталась на пороге. — Что это?

— Оружие против вируса, — Орион поднял перед собой лабораторный сосуд на треть наполненный темно-красной жидкостью.

В счастливом порыве, он заключил Анну в объятия и горячо расцеловал.

— Подожди тут, я к химикам!

Ассистент произнес что-то невнятное и, сияющий, побежал следом.

— Глеб! Я не понимаю... Я видела, как ты лежал здесь полчаса назад!

Парень опустил полотенце.

— Мы не хотели тебя пугать, — он закинул за спину мокрые волосы и привычно затянул тесемку. — Я ввел себе вирус и справился с ним. Теперь в моей крови есть лекарство для всех.

Из глаз Анны брызнули слезы.

— Как ты смел... Как ты мог так рисковать! Я думала, ты умираешь!

Глеб растерянно смотрел на отчаянно всхлипывающую женщину.

— Анна, ты ведь знаешь, что я умею справляться с ранами. Вирус — это тоже самое. Я впустил гада и не выпустил! Кстати, это оказалось довольно просто.

— То же самое?! «Кстати»? «Оказалось»? Не смей так делать! — смех и рыдания выскакивали из груди вместе со словами. — Никогда не смей так делать с собой! Я уже помощь вызвала! Скоро тут будут специалисты!... Ты погибнуть мог!

— Подожди. Какую помощь ты вызвала? — опешил Глеб.

Анна неожиданно осознала две вещи: она только что пережила первую настоящую истерику, а десять минут назад совершила самую идиотскую ошибку в своей жизни.

Горизонт

— Письмо ушло в инфосеть, — подтвердил Орион и отодвинул от себя клавиатуру. — Но маршрутизация была настроена настолько грубо, что послание наверняка перехватили.

— За базой следят? — уточнил Глеб.

— Я пробовал разные протоколы передачи и несколько раз замечал перехват сигнала. Со слов Стаса я знаю, что исследования Филиппа Алексеевича финансирует отнюдь не фармацевтическая фирма, как значится в официальных бумагах.

— Правительственные службы, не меньше, — не поднимая головы, сказала Анна.

— Да, именно, — подтвердил Орион.

— База принадлежала военному ведомству, — заговорил Глеб. — Скорее всего, они и сейчас наблюдают за состоянием дел.

— Это хорошо или плохо? — упавшим голосом поинтересовалась девушка.

— Если поверили в наше сообщение о существовании сыворотки — хорошо, — продолжать Глеб не стал: Анна и так выглядела совершенно потерянной.

Сыворотку получили без промедления. Тесты заняли не более четверти часа, и препарат ввели всем, кто находился на базе. Оставался Филипп. Ни одна из попыток связаться с ним к успеху не привела.

— Наверное, он уже умер, — тяжело вздохнула Анна. — Он ведь первым подвергся атаке вируса.

— Не думаю, — возразил Глеб. — Среди нас оказалось несколько человек, на ком вирус сломал зубы. В том числе и ты. Подобная устойчивость часто является наследственной.

— Я нашел код к его кабинету, — сообщил Орион из-за терминала.

Электронный замок вскрыли быстро, но вход оказался забаррикадирован с внутренней стороны чем-то тяжелым. Пока Анна исполняла патетический монолог в щель между дверью и косяком, Орион привел угрюмого санитара и рядового Кулибина. Вчетвером мужчины с помощью рычагов отодвинули тяжеленный сейф, закрывавший проход. Оставалось только дивиться, как Филипп умудрился протащить его через полкомнаты в одиночку.

Глеб и Орион, за ними Анна осторожно проникли в помещение. Все предметы, за исключением пресловутого сейфа, стояли на своих местах, компьютеры работали, над столом как обычно возвышалась гора папок и распечаток. А Филиппа не было. Только сквозь щель у самого пола из личной лаборатории просачивался свет.

— Филипп Алексеевич, — позвал Орион, — вам нужна помощь? Как вы себя чувствуете?

Ни шороха в ответ. Анна, ни на что не надеясь, толкнул дверь в лабораторию и... створы открылись.

— Саркофаги! — девушка попяtilась.

Два целые и невредимые стояли вплотную друг к другу на невысоких металлических лафетах. Два других были пусты. Причем один оказался частично разбит, следов воды не осталось, а куски глины валялись на полу бесполезной грудой.

— А вот и ответ на задачу про сейф, — хмуро пошутил Глеб.

Орион прошел вдоль стены, разглядывая остатки капсул, приподнял и отбросил крупный осколок и вдруг приглушенно ахнул. В углу под разбитой крышкой лежало высохшее мертвое тело. Глеб настойчиво отстранил друга, нагнулся и осторожно коснулся голого плеча. Тело легко перевернулось, скрюченные конечности обратились к людям, будто молили о помощи, а перекошенное лицо без признаков губ и носа уставилось в потолок широко открытыми испуганными глазами.

Анна приблизилась к замершим мужчинам, решительно протиснулась между сомкнутых плеч и, вскрикнув, судорожно вцепилась в руку Ориона. Он поспешно отступил и, обняв девушку, спрятал ее лицо на своей груди.

Счастье, что Тамара этого не видит, — мелькнуло у Глеба, и он непроизвольно отвернулся от кошмарного зрелища.

Справившись с потрясением, друзья еще раз осмотрели ужасное помещение. Признаков второго вставшего из капсулы индивида не было. Равно как и признаков его создателя.

— Забрать бы их отсюда, — Орион провел ладонями по закрытым саркофагам.

— Придет время — заберем! — отозвался Глеб.

Из недр его души вырывалось «тепло». Неподдававшиеся контролю могучие струи обняли капсулы и потянулись внутрь, к тем, кто должен был подняться и идти в человеческий мир.

Нельзя. Рано! — он осадил взвившиеся чувства. — Мы встретим вас, братцы. Обязательно встретим!

Тамара сидела перед зеркалом и аккуратно расплетала косички.

— Кто стоит и дива ждет,

Тот до дива не дойдет.

Не пугайся, и иди,

Диво будет впереди.

Мы его в пути найдем,

И с собою поведем.

— Глеб, заходи! — она прыгнула к терминалу и уверенно вдавила клавиши.

Никто на пороге не удивился, когда комната открылась раньше, чем прозвучал сигнал.

Увидав друзей, Тамара робко сжалась.

— Они встали?

— Двое. Двое еще в капсулах, — Глеб стянул с плеч медицинский халат и отправил его лётом на стул.

Анна решила предвосхитить вопрос.

— Там было очень страшно, Тома. Не обижайся, что мы тебя не взяли с собой.

— Я видела много страшного, — серьезно ответила девочка. — Я умею теперь бояться только того, чего нужно бояться. Я стала смелой. Мы победили беду. Глеб, я сходила к доктору, как ты просил. Он чувствует себя лучше. И все чувствуют себя лучше.

— Отлично, — он потрепал девочку по голове. — Кнопка, а что ты сделала со своими косами?

— Они для маленьких. А я готова стать взрослой, и земля мне разрешит. Тебе нравится?

Она потрясла волнистыми прядками. Глеб критично осмотрел ее волосишки и показал на ванную комнату.

— Давай-ка сюда расческу.

Анна с умилением наблюдала забавную сцену. Орион же принял во внимание всего одну фразу.

— Глеб, зачем ты разрешил ей ходить по базе?— в реплике прозвучало негодование. — Ты уверен, что вируса больше нет?

— Не сердись, — донеслось из-за двери вместе со звяканьем и скрежетом навесного шкафчика. — Я не буду держаться за рукав старшего брата, — Тамара появилась в комнате с расческой в руках. — Помнишь, как Стас мне сказал?

Она протянула Глебу парикмахерское орудие, проворно забралась ему на колени и смущенно добавила:

— Ну, если только иногда буду.

Теперь Орион не мог не улыбнуться.

— Тома, — Анна присела на корточки перед девочкой, — ты можешь сказать, где сейчас Филипп. Ты слышишь его? Его мысли?

Тамара отвела глаза.

— Не слышу. Ты не пугайся, Анна. Я Филиппа никогда не слышала. Он думает далеко от земли, поэтому я не слышу. Вы его не видели?

Она закрутила головой и пискнула. Глеб поспешно вытащил расческу из спутанных волос.

— Филипп пропал куда-то, — ответил он. — И один вставший тоже пропал.

— А другой?

Пришлось рассказать, что произошло в лаборатории. Тамара надолго замолчала.

— Ума не приложу, куда он делся, — Орион бесцельно разглядывал пустой терминал. — Надо было мне раньше найти этот чертов код! Там и дел-то на полчаса.

— Ладно, не терзай себя. Мы все проморгали, — сказал Глеб и поинтересовался: — Здесь есть выход наружу кроме основных ворот?

— Есть, но я заблокировал его сразу, как ты объявил карантин. Если только у Филиппа был какой-то собственный ключ.

— Тогда кто забаррикадировал кабинет изнутри? — вставила Анна. — Индивид?

— Нет, — Глеб чуть заметно вздрогнул, и Тамара осторожно опустила ладошку на его руку. — Встав в одиночестве, он бы начал искать людей, а не прятаться. Уж поверьте моему горькому опыту.

Улыбнуться ему не удалось. Образовалась неловкая пауза.

— Утром соберем всех, кто здоров, и попросим помочь, — уверенно заявила Анна, вставая. — Наверняка остались какие-нибудь кладовые, подсобные помещения. Перевернем вверх дном всю базу! Не мог же Филипп сквозь землю провалиться!

С ней согласились по всем пунктам.

Среди ночи, когда Глеб решил, что наконец-то выспится как следует, его беззастенчиво растолкала Тамара.

— Глебушка, пойдем скорее.

— Куда? — парень протер глаза.

— Встречать. Я все приготовила.

Глеб оторопело смотрел на две аккуратные стопки одежды, добытые, безусловно, из гардероба Ориона.

— Орион уже знает, — бойко доложила девочка. — Я за Анной схожу, а ты вставай.

Глеб порадовался про себя, что накануне они с другом, крепя сердце, спрятали тело погибшего индивида. Теперь его не увидят ни Тамара, ни те, кто вот-вот выйдут из капсул к людям.

Внутри саркофагов началось интенсивное движение. Послышался один глухой удар. Крышка содрогнулась. Эхом ответил второй саркофаг.

Вы будете жить, — упрямо твердил про себя Орион. — Правильно или нет изображен узор, вы все равно должны жить.

Перед глазами упорно вставал изуродованный труп. Орион гнал от себя образ до тех пор, пока...

Крышки слетели с капсул одна за другой. Встречающие затаили дыхание.

Высокий статный шатен медленно выпрямился над своей «колыбелью». Ровное, приятное лицо, внимательный взгляд из-под черных бровей.

Он похож на Ориона, но он другой, — с радостью поняла Анна.

— Ростислав, — имя слетело у Глеба с языка произвольно.

Индивид повернул голову на «крестного». Но тут заколыхалась вода в капсуле рядом, и второй поднялся на ноги. Такой же темноволосый и ладный. Индивиды смотрели теперь друг на друга.

— Всеволод, — произнес Глеб, и Тамара шумно вздохнула у него за спиной.

Орион сделал несколько шагов навстречу.

— Братья!

Первый переступил через борт капсулы и уверенно встал перед людьми. Второй споткнулся, и первый подхватил его под руку.

— Смотри, они настоящие! — радостно шепнула Тамара в ухо Глебу.

Орион и Анна укутали индивидов в приготовленные одеяла.

— Давайте уйдем отсюда поскорее, — Анна неуютно поежилась и покрепче обняла своего подопечного.

Тамара настезь распахнула дверь, и в полумрак замкнутого пространства из кабинета прорвался свет.

Пока друзья помогали индивидам одеваться, Глеб неподвижно стоял перед наглухо закрытым входом в личную лабораторию доктора Жулавского. К веселым голосам Тамары и Анны примешалось что-то еще. Когда он выходил, ощущение яростного взгляда, упершегося в затылок, было сродни вещественному прикосновению. Сейчас осталась смутная тень, похожая на обрывок сновидения.

— Что делать будем? — негромко спросил Орион.

— В смысле?... — Глеб несколько секунд соображал, в чем, собственно, вопрос.

В суматохе, которую устроила Тамара, сообщив о встрече, никто не подумал, что будет после.

Глеб, не оглядываясь, отошел подальше от глухой стены.

— Нельзя им здесь оставаться, — Орион наблюдал, как Анна заботливо расправляет на плечах одного из индивидов пиджак. — Давайте так. Пересечем «мертвую зону», вы останетесь за границей базы, а я вернусь сюда, — предложил он. — Наше сообщение об эпидемии и сыворотке приняли, скоро прибудет команда эвакуации. Когда все закончится, я вас найду.

Тот, кому Глеб нечаянно дал имя Ростислав, приблизился к мужчинам.

— Первая часть мне нравится, — кивнул Глеб и взглядом пригласил подошедшего в разговор. — А вот вторая внушает опасения.

— В чем заключается опасность? — вдруг спросил индивид.

Его голос был практически идентичен голосу Ориона, и Глеб в первый момент только по интонации определил, кто задал вопрос.

— Вирус убил семнадцать человек, — произнес он. — Мы остановили эпидемию, но следствие неизбежно. А так как мы все, — он показал взглядом на друзей, — находимся здесь, мягко говоря, нелегально, объясняться с властями будет сложновато. К тому же... Орион, ты надеешься, что лаборатории позволят функционировать и впредь?

— Конечно! Не ради прикрытия же здесь развернули такую деятельность с Продуктами.

Глеб спорить не стал, но циничный монолог Генриха Васильевича казался ему более правдоподобным, чем заверения друга. Какие выводы сделал Ростислав, было известно только ему одному, однако Глебу показалось, что индивид воспринял ситуацию адекватно.

Держись, парень, — тоскливо подумал он, следя краем глаза за сосредоточенным лицом будущего человека. — Однозначность в реальном мире ты не найдешь. Ничто в нашей жизни не описывается единственной формулой.

В приемной доктора Жулавского индивид, нареченный Всеволодом, пошатнулся, задев осиротевший стол секретарши Катеньки. Рот его приоткрылся, но из горла не вырвалось ни звука.

— Что с тобой? — Орион обернулся к нему, как на пружине.

На лице Всеволода проступило отчаяние. Он нашел глазами собрата, опять попытался что-то произнести, и вдруг задрожал всем телом. Ростислав мгновенно оказался рядом и, подхватив, бережно опустил его на пол. Люди застыли в ожидании новой беды. Скорченный труп неродившегося создания... Старческие морщины одряхлевшего Антона... Что еще способна сделать с индивидом единственная неверно «нарисованная» на кристалле линия?

— Он не знает, как говорить, — произнес в зловещей тишине Ростислав. — Не волнуйтесь, это пройдет. Пока я буду говорить за него, — и он обратил взор на него.

Во взгляде таилось много больше, чем стандартное сканирование объекта для получения аналитического заключения. Орион и Глеб, безусловно, заметили бы и это, и на удивление живую речь индивида, если бы не скорлупа страха, сковавшая обоих.

— Ребята, проверьте себя, — попросил Орион, опускаясь на колени возле своих клонов. — Как вы себя чувствуете?... Черт, как же это называлось?... Диагностика состояния!

— Все нормально, — просто ответил Ростислав и слегка приподнял Всеволода. — Встанешь?

Тот кивнул и смущенно улыбнулся. У людей как будто камень свалился с плеч.

— А они первые, кто пришли вдвоем, — сообщила Тамара. — Глеб, а Глеб, а мне так в сказке и не снилось.

Анна тихонько ахнула.

— Тома, — она ухватила девочку за руку и торопливо, ибо мысль опережала язык, спросила: — Ты долго сидела в лаборатории, прежде чем Филипп тебя нашел? Что ты делала? Говорила с ними? Ты их оживила?

Тамара недоуменно отодвинулась.

— А причем тут я? Они живые, как все. Им земля разрешила прийти. Я только попросила.

— Анна, умоляю, оставь мистику на утро, — произнес Орион.

Глеб посчитал своим долгом вмешаться, поскольку рой фантазий грозил превратиться в новые невероятные предположения немедля.

— Мы, кажется, собирались выходить отсюда, — напомнил он.

Орион всматривался в темноту туннеля. Всего три дня назад он проходил здесь рука об руку с другом. И вот Стаса нет. Осталась память и слова, произнесенные при прощании: живи и люби. Холодный прямой коридор выгнулся крутым виражом, готовый второй и последний раз провести молодого человека навстречу непредсказуемой судьбе. Орион чувствовал, что никогда уже не вернется назад. Захлопнулась железная дверь, щелкнул замок. Прошлое — и то, что хотелось забыть, и то, что горькой каплей потери притаилось в сердце — было навсегда заперто в лабиринтах научной лаборатории доктора Жулавского.

— Тебе нехорошо?

Живые глаза узрели самое сокровенное. Он вздрогнул: показалось, что из темноты смотрит Стас. Ростислав напрягся.

— Я вспоминал, — поспешил ответить Орион. — Я потом расскажу вам... об одном человеке, — он оглянулся на Всеволода, выпрямился, уверенно шагнул на лестницу и громко предупредил. — Осторожнее, тут света нет!

— Кошка, кошка, дай мне свои глазки, — зашептала Тамара и шмыгнула в туннель.

Анна осторожно нашла ногой ступеньку и была приятно удивлена, когда сильная рука бережно поддержала ее под локоть. Глеб, взявший на себя роль замыкающего, проверил, надежно ли закрыта дверь, повернулся и уперся в немого индивида.

— Спасибо, парень, я вижу дорогу. Лучше Ориону помощи.

Всеволод прикоснулся к его запястью, мол, понятно, и пошел в темноту.

Они встали с явно выраженным чувством плеча, — подумал Глеб и внимательно вслушался в юную сущность. «Тепло» жило, и цветочные ростки отважно и стремительно набирали силу.

Еще одна странность ночного путешествия, от которого все ожидали значительно больших неприятностей, чем крутая лестница и темный туннель, обнаружилась на границе периметра в лесополосе.

— Сигнализация отключена, — пробормотал Орион, исследовав ограду. — Кому понадобилось снимать охрану?

— Скоро узнаем, — отозвался Глеб, быстро сосредоточился и раздвинул руками колючую проволоку. — Эй, Ростислав, эксперименты будешь ставить потом. Давай живее.

Индивид неохотно подчинился. Но напоследок все-таки еще раз сжал в кулаке шипастый стальной узел. Глеб усмехнулся и показал ему свои ладони, на которых не осталось ни единого пореза.

— Это человеческое свойство? — с сомнением спросил Ростислав и осторожно стер с руки остатки свернувшейся крови.

— Да. Но так умеют далеко не все. У тебя это впереди.

Дома. Глеб остановился и с удовольствием открылся земле. Лес распахнул ему дружеские объятия, опьянил духом хвои и влажной коры. Апрельская ночь говорила с человеком на все голоса. Сварливо ухал филин в далеком ельнике. Весело балагурил с сосновыми корнями весенний ручеек. Чавкал недовольный мокрый мох.

Глеб почувствовал на себе внимание друзей. Смотрели с интересом, Тамара — с пониманием. А один слушал. Парень прикусил счастливую улыбку. Не пришло еще время для восторга. Но... Всеволод слушал лес вместе с ним.

— Здесь переждем, — Глеб показал на заросли можжевельника и тихо посвистел.

— Кого ты зовешь? — удивилась Анна.

— Сейчас увидишь, — и повторил «позывной».

Из чащи донеслось радостное — «гав». По уши грязный, Черныш налетел на хозяина черной торпедой и едва не сбил с ног. Морду псу пришлось зажать, чтобы он не излил свой восторг на всю округу. Затем его внимание переключилось на Тамару, и в можжевельнике началась рычаще-сопящая возня.

— С такой охраной вам тут будет спокойно, — попытался пошутить Орион и вновь тревожно оглянулся туда, где осталась база.

— И думать забудь, — отрезал Глеб. — Вместе пойдем.

— Втроем, — подошел Ростислав.

Анна сидела на широком пне, кутаясь в пиджак немого индивида, и жалобно смотрела на мужчин издали. Все, чего она жаждала сейчас, это уйти подальше от железобетонной утробы, где провела десять беспокойных дней. Уйти вместе с Орионом и с теми, кто стал ее новой семьей. Тамара бесшумно приблизилась к Анне и положила руки ей на плечи.

Глеб посмотрел на девушек, на Всеволода, возле которого уселся пес, и тоном, не терпящим возражений, сказал.

— Нас — четверо мужиков. Двое здесь, двое пойдут к базе. Арифметика ясна?

Ростислав опешил, а Глеб незаметно подмигнул Ориону.

— Да, — кивнул индивид и внятно добавил. — Но мне обстановка там, — он показал на скрытую за деревьями колючую проволоку, — не нравится.

Мне тоже, — подумал Орион, вспомнив про отключенную сигнализацию, но предложение Глеба было разумным, и спорить он не стал.

Мертвая ограда безропотно пропустила мужчин на территорию секретного объекта. Они прошли в зарослях по периметру, пока не показались очертания дороги, ведущей к зданию лаборатории. Глеб сделал знак укрыться в кустарнике. Орион не понял причины маневра, но указание выполнил. В безмолвии потекли минуты.

— Почему мы затаились? — шепотом спросил молодой человек, не дождавшись от друга объяснений.

— Моторы, — тихо ответил Глеб. — Пять или шесть крупных машин.

Скоро и Орион услышал приближение грузовиков. В сумраке появились дрожащие пятна фар. От лаборатории друзей отделяло метров семьсот, но даже с этого расстояния было видно, как пять фургонов остановились полукругом перед основными воротами, и из них высыпали люди в блестящих костюмах химической защиты. Гром взрыва встряхнул апрельскую ночь. Зашумели перепуганные птицы. Эхо прокатилось по лесу и завязло в кронах.

— Зачистка, — выговорил Орион, не веря своим глазам.

— Охрану вывезли заранее, — подсказал Глеб.

— Там же люди!

Глеб ухватил друга за рукав и притянул к земле.

— Не высовывайся. Про нас не знают, но лучше не создавать щекотливых ситуаций.

Еще полтора часа мужчины лежали в укрытии и наблюдали, как солдаты в специальной униформе выводят и выносят людей и рассаживают их по фургонам. Орион до боли в глазах всматривался в далекие силуэты. Несколько теней показались ему похожими на нескладную фигуру Филиппа. Но насмешница-ночь обезличила всех.

Три машины уехали, возле двух оставшихся выстроились солдаты.

— Сейчас начнут прочесывание, — обречено вздохнул Орион.

— Вряд ли. Официально нас на базе вообще не было. Даже тебя Филипп не включил в кадровый реестр, — Глеб позволил себе расслабиться. — Люди будут помнить нас, но для бюрократической машины мы навсегда останемся «невидимками».

— Наверное... Куда это их понесло?

Военные возвращались в здание.

Вскоре ахнул новый взрыв. За ним другой. Третий.

— Это внутри, — Глеб припал ухом к земле. — Решили не церемониться и громят все скопом.

— Я не заметил, чтобы Филипп выходил, — Орион напрягся всем телом, будто надеялся одним рывком перенестись в горящую лабораторию.

— Всё. Поздно, — прошептал Глеб.

Орион прижался виском к влажному душистому мху.

— Я ненавижу это слово — «поздно». Я опоздал дважды, и двое погибли из-за меня! Стас и.. доктор Жулавский.

Глеб перевернулся на бок и опустил ладонь на его руку.

— Как бы ты ни был силен, отважен, умен, остаются вещи, которые влияют на тебя, а ты на них никак не можешь повлиять. Не вини себя. Просто — помни.

— Мне больно, Глеб.

— Я знаю, братишка. Держись. Ты нужен Анне, Ростиславу и Всеволоду. Спрячь свою боль ради них. Они тебя слышат. У вас впереди большая жизнь и вам предстоит пройти ее вместе.

— А ты и Тамара? — Орион поднял голову.

— Земля — это бескрайний простор добра, ненависти, безразличия, любви, тупиков и открытий. И все мы — частица дива человеческого. Того самого, которое не разглядели на земле ни Ольга, ни ее сын... Дорог много, только выбирай. Сначала мы с Томой заглянем домой, я обещал отцу вернуться к посевной. Проводим вас до города и как раз успеем. А там решим, куда дальше.

— Я хочу верить, что наши дороги где-нибудь пересекутся.

— Я тоже. Земля, брат, она круглая!

Глеб и Тамара вышли к реке. Черныш тотчас влез в воду, облаял водомерок и, выскочив на берег, кинулся по лугу за молодой бабочкой.

— Глеб, а Глеб, — девочка смахнула с лица распущенные русые волосы. — А все-таки, где твой горизонт?

— А во-он он, впереди.

Она звонко рассмеялась.

— Неправда. Ты говорил, что горизонт возле леса, потом — у реки. Мне кажется, что ты давным-давно прошел сквозь него. Как в песне, которую ты мне однажды спел.

Он, прищурившись, посмотрел вдаль.

— Да-а. Предел бесконечности. Он вокруг нас, и он остается впереди.

— Ага, — в больших синих глазах заблестела хитринка. — А знаешь, что я думаю? Я думаю, что каждый человек должен стать горизонтом. Как ты. И не спорь! — она взяла его за руку и

развернула к себе лицом. — Ты стал горизонтом для Ориона, Анны, для Ростислава и Всеволода, для ученых в лаборатории, даже для дразнилки-Димки. И для меня.

Глеб изумленно смотрел на Тамару.

— Мы с тобой как две колеи на дороге: идут себе рядом и идут, — продолжала Тома с едва заметной грустью в бодром голосе, — но они никогда не пересекаются. А я так не хочу. Мне пора стать взрослой и сильной... Я вот что сделала.

Он перевел взгляд на ее открытую ладонь и вздрогнул. Черный камень, обвитый четким узором лежал на девичьей руке.

— Ты нарисовала? — у него перехватило дыхание. — Как? Когда?

— Когда мы победили вирус. Я хотела, чтобы мама Анны и Филиппа пришла и посмотрела на нашу землю, увидела все наши цветы и оживила свой. Только вот, — Тамара запнулась, — теперь мне кажется, что я ее по-другому нарисовала. Ее цветок был сделан из звезд, а я его изобразила по-нашему, по-земному. Это неправильно?

Глеб задумался. Мгновенный порыв завязался в словах, и он медленно спрятал в своей руке юную ладонь с черным кристаллом.

— Знаешь, Тома, ведь две калии — это одна дорога. Им не нужно пересекаться, они всегда вместе. Как два крыла у птицы. Не будет одного — птица не полетит. Когда ты станешь взрослой, у нас с тобой родится дочка. И мы научим ее быть такой же доброй, искренней и чуткой, какой ты представляешь Ольгу. Так для нас будет правильно. А альтернативное начало жизни — это дело Земли.

Тамара глубоко вдохнула теплый майский ветер и улыбнулась.

— Тогда я подарю камушек реке. Пусть земля сама создаст Ольгу. Если захочет!

И крошечный кристалл с тонким плеском опустился в речные воды.

РАССКАЗЫ

КОГДА ДЫШАЛ МОРОЗОМ МЕСЯЦ-МАЙ

*Посвящается всем растениям северо-запада и средней полосы России,
пострадавшим от небывалых холодов 2-11 мая 1999 г.*

Солнце взошло. И ветер сегодня теплый. Эй, просыпайся, молодежь, пора утро встречать. Нынче май славный — все по закону: ночью зябко, а день добрый. Воды у матушки-земли вдоволь, пей — не хочу. Водица родимая по жилкам гуляет, благолепье! Люблю я эту весеннюю пору. Каждый год новый лист раскрываю, будто первый раз, когда только-только из-под земли ростком выбился. Вы, молодняк, годков через двадцать это оцените, а пока щурьтесь, щурьтесь, да не забудьте ветру поклониться да листочки на восток обратить. Солнце ждать не станет, лучом как кистью махнет, и за горизонт. А для нас солнышко — сама жизнь. Это лишь кажется, весна и лето не спешат. Траву перерасти не успеете, а они нам сентябрьский поцелуй, и след простыл.

А вот и соседи пробудились. Здравия всем и долгих лет! Как самочувствие, Дубок?... Увлечся, последние сплетни впитывает. Подрос, окреп, выкормыш человеческий. Мы тут в сквере так его зовем. Он не обижается, смеется. Никто до него у нас смеяться не умел. Видать, от людей перенял. Славный он малый. Позапрошлый год его в сквер в кадке принесли. Человек-мужчина — большой шаг — я сразу определил: взрослый. И человек-женщина — росток совсем, ребенок то

есть. Родитель и его отпрыск. Не спрашивайте меня, как я людей угадываю. Слышу, чую — это мне от предка досталось, Лесной Березы. Я его память по сей день храню.

Человек-мужчина начал землю тревожить, прямехонько над моими корнями. Я уж грешным делом чуть не завопил, а ну как подрубит. Но нет. Он ко мне своего выкормыша подсаживает и говорит. Ласковое что-то он говорил, нежное. До сих пор диву даюсь: странные существа — люди. Собак, кошек в домах приживают, знаю. Птиц в клетки запирают, рыб в банках с водой держат, даже цветы у них на окнах живут. А тут — деревце. Причем любили его не меньше, чем кошку или щенка. Я это по их теплу угадал. Точь-в-точь то же тепло, что у человека-женщины, которая каждое утро здесь проходит, и рядом с ней собака.

Дубок хилый был, хуже и придумать нельзя. Где ж ему здоровым расти! В кадке-то да в четырех стенах, без солнца, без родни. Добре, что людям хватило смекалки настоящей земле его отдать. Мы с Липой долго выкормыша в чувство приводили. Он ведь даже говорить не умел и нас понимал с трудом. Но ничего, выжил. И прошлый май выдержал.

Здесь его корешки, рядом. В моих корнищах запутались. Ничего, тесно не будет. А когда он в великана-дуб превратится, я уступлю. Время мне придет уступить. Нет, мне не жаль, напротив. Знаю, доброе дерево мое место на земле займет.

Послушаю, как там брат-Липа... Молчит. Э-эх. Сам я уж полвека на земле стою, а ведь как поросль несмышленная жду чуда: вдруг очнется друг, ответит. Напрасно. Мертвы корни, мертв прошлогодний срубок. Но все-таки где-то глубоко жизнь теплится. Одна почка набухла. Земля позволит, так следующей весной вытянется росток.

Молодняк, который нынче земное чрево покинул, память впитывает жадно, что воду. Уж не раз меня просили не таить, поведать о злой беде, о том, как одолели ее, устояли. Никто другой рассказывать не берется. Сок в ветках стынет, когда вспоминают. Я б тоже, верно, спрятал былое в самой сердцевине корней, да тревожатся молодые. Чуют боль, а причину уразуметь не могут. Особливо те, кого люди недавно в нашу землю поселили. Как раз на аллее, где юные клены погибли. И я решил — открою сокровенное, пусть знают и не страшатся.

Ранняя выдалась тогда весна. Проснулись мы после зимних холодов и себе не поверили. Шутка ли — середина апреля, а тепло, хоть цветом цвети. Солнце нас ласкало, будто перед летним яром. Вода — вот она, рядышком, и сок в ветвях струился сам собой. Дубок шутил: житуха как в кадке у человека-девочки — никаких забот, никаких усилий. Липа не замедлил свое слово сказать: «Эх ты, желудь! Пока половодье идет, земля тебе воду щедро предлагает. Погоди, наступит июль, будешь ты капельки вытягивать и за каждую благодарить».

Мы принялись почки напивать. Каждый норовил перешеголять других и первым листья развернуть. Я осторожничал. Хотя что греха таить, угнаться за молодежью нелегко. Пока каждую веточку соком порадуешь, пока засохшие посчитаешь, глядь — весь сквер в зелени стоит. Зато Липа старался без усталости. Молод он был. Кора загубеть не успела еще, а крона раскинулась на диво густая да статная. Листья свежие, росой умытые, благоухали по утрам, и люди случалось останавливались, любовались красавцем.

Сварливая Сирень долго отмалчивалась в углу у ограды, и вдруг выпустила шапку бутонов. То-то мы удивились. Сирень, она милая, теплом добрая. Да только люди ветки ее ломают. Нравится им ее ароматные кисти. Не понимают — не живет оторванный цветок, гибнет. Вот и ворчит старая подруга, жалуется.

Дубок отворял почки медленно, как я его учил. Он вроде бы стеснялся своих кудрявых листьев. Я уж было хотел вразумить малыша, но пришла человек-девочка — она частенько навещала выкормыша — и принялась говорить. Мне показалась, беспокоится она: тепло ее нежное трепетало. И я сказал Дубку: человек тебя любит, волнуется, что листочки твои кажутся меньше других. Наш юный друг насупил. До полудня оленьим мхом молчал. А как дневная жара миновала, предстал перед нами весь в зеленом кружеве, веточки расправил, за солнцем потянулся.

Клены издали поглядывали да завидовали. На годок младше их Дубок, а уже соперник. Им-то в красе первыми хотелось быть. Не зря ж по осени люди их листья в букеты собирают. Да того мало — им бы круглый год великолепием своим тешить.

В садах у людей яблони и вишни цвет стали набирать. С утра до ночи трудились, спешили. Сирень на них из-за изгороди косилась и ворчала: кто ж в начале мая завязь вскармливают — ну как черемуха о холодах возвестит. А человек-старая-женщина радовалась. Смотрела на юный цвет и таким теплом исходила, что я даже взгрустнул: не в саду расту и нет у меня хозяйки. Нашел бы чем одарить за доброту да любовь.

Двенадцать солнечных восходов мы в весенних ветрах купались. Зима забылась, лето, казалось, на пороге стоит. И вдруг заползла в наши края тревожная весть: холод приближается. Липа отмахнулся — мол, попусту балаболят лесные Елки. А меня тревога взяла. С чего это наши собратья в лесу забеспокоились и травяным корням о морозе наговорили? Им ли печалиться — стоят себе зимой зеленые под снегом, дремлют, лишь маковками покачивают. Решил я расспросить Лесовиков. Трава мои слова понесла, а сама корешки взялась убаюкивать — поверила сплетням.

Жил в лесу один мой знакомый. Родственник, вернее сказать. Частенько мы переговаривались — благо лес недалеко от человеческого поселка стоял. Вот Береза и откликнулся, поведал: пришла злая весть из северных лесов. Мороз на нас надвигается лютый, непомерный по маю мороз. Лишь два дряхлых лесных старца нечто подобное помнили. Страшная это напасть — говорили они, — засыпать надобно, как на зиму засыпаем, иначе не выжить ни поросли, ни молодняку; и матерым не сдобровать: ветвям да кроне худо придется.

Знал я, не будет Лесная Береза пустое болтать. Передал его слова соседям. Заспорили собратья. Одни кричали: эка невидаль — майские холода, не саженцы мы одногодки, нас не напугаешь. Елки возле дома, куда человеческий молодняк каждый утро толпой валит, им вторили — какие там холода, глупости! Другие призадумались. Липа принялся Дубок учить, как сок останавливать, а Сирень подобралась вся, и Яблоням нагоняй — вот, говорили вам! Те, беззаботные, не уразумели и знай свое — цветут. Клены меня на смех подняли. «Никак испугался, дядя Береза! Тебе бы в печке погреться! Огонь, что солнышко, славно от мороза бережет!»

Я обиделся. Испокон не принято у нас про печку шутить, то всякому дереву с малолетства ведомо. Огонь солнцу сродни, уважать его надобно, да остерегаться. Жадный он: дашь лист сухой — ветку отнимет, а коли ветка в его пасть попала, так жди конца. Уж лучше тело свое людям отдать, чтобы жилище строили.

Не разговаривал я с кленами в тот день, хотя они мои корни долго всякими колкостями щекотали, резвились. Что взять-то с них? Из семечек возросли, в человеческом питомнике. Ни родительской памяти, ни науки природной не ведали. Им бы у нас, старших, уму-разуму набираться, да гонор не дает.

А холодный ветер уже мою верхушку гнуть принялся, пичуг с веток согнал. Тополя забеспокоились, поросль свою обильную наставлять принялись. Слышу, и Липа спешно сок в глубокие корни погнал. «День другой потерпим, а там опять цвет в силу пустим», — оправдывался.

Затаились мы. Кто с любопытством, а кто и со страхом ночи дожидались.

И пришла первая мерзлая ночь. Ударил по ветвям недобрый ветрище, закружил. Промозглый дождь из туч брызнул. Дубок ерохорился, поначалу посмеивался: «Слышь, дядя Береза, как у человека-девочки в кадке! Она, глупышка, меня однажды ключевой водицей помыла. Ух, и мерзко я себя чувствовал!» «Помолчи, балагур, — остерег его Липа. — Кадка твоя в тепле стояла, высох, и лады. Завтра тебе долго греться придется, на солнышко только и уповай». Страшно им обоим было. Чували — корешками своими, нутром, что не скоро солнце увидят.

К утру ближе дождь легким сделался. Я и не догадался сразу, почему. Дубок меня разбудил.

«Дядя Береза, что это вокруг? Это Тополя семена сбрасывают? Такие холодные?»

Я листья свои послушал, да так и оторопел. Снег! Что зимой, летели на нас с небес морозящие хлопья. И падали, падали на ветки, на свежие листья, на теплые стволы.

«Воду земле верни, — велел я Дубку. — Да смотри, чтобы в ветвях не боле капли осталось, иначе отмерзнут».

«Как же так, Дядя Береза! Ведь листочки завянут, а почек новых мне уже не вскормить».

«Солнце воротится, оживут твои первенцы. А пока ветки да корни береги. В них вся сила твоя».

Занялся рассвет. Тусклый туманный. Светило наше родное из-за туч не показалось и тепла не дало. Глядело на нас грустно из-за сизой дымки и редкими лучами поглаживало верхушки тех, кто повыше стоял. Как будто успокаивало, жалело. А снег носился в мерзлом воздухе, ложился на листья плотнее, плотнее. Скоро все мы стояли точно яблони в белом цвету. Только цвет этот был сродни смерти.

Человек-женщина прошла мимо меня, и ее собака комель мой оросила. Весело было псу — прыгал, сугробы на траве лапами разбивал. А человек грустила. Маленькое солнце, что внутри ее ствола спрятано, особую теплоту излучало. Я никогда раньше подобного не чувствовал.

«Нас жалеет, — подсказал мне Липа. — Она коснулась моей ветки. Ей плохо потому, что плохо нам».

Проходили по скверу и другие люди. Тусклое у них тепло, невнятное. Я лишь шаги корнями ощущал. Спешат туда, где их ждут заботы. До наших бед им дела нету. Но я пожелал им хорошего дня. Я всегда желаю людям хорошего дня, хоть наверняка знаю — не услышат. Старый родитель мой, от чьих корней меня ростком оторвали да в сквер принесли, всю память мне передать успел. Порой мерещилось мне, будто мои ветки рыдали, когда со всех сторон летел металлический дождь. И стоны развороченной земли будто сам я слышал. И уходящее тепло упавшего человека будто бы я провожал, и сок его тела по моей коре разливался. Мудрая Береза говорил: люди злое время называли войной. Их тепло в ту пору было для старого дерева как паводок весенний — впитывай, принимай тайные силы круга земного. Теперь и я умею человеческое тепло прочитывать. И Липа умел...

В небесах холодные тучи гуляли, снег сыпал, как зимой. Одно неладно: зимой страшиться снега не надобно — листья сброшены, корни да поросль под сугробами согреты, и сок тонюсенькой струйкой тянется. Нынче же нам напасть лютая грозила. Тяжело мокрый снег на листьях держать. Крона моя уже поникла, сплошь в холодных липких лепешках. Сила из ветвей уходила. Больно. А Дубок — тот совсем пригнулся к земле. Но не жаловался, терпел. Липа молодцом держался, другие наши собратья сурово молчали. Сирень лениво переругивалась с товарками из сада человека-старой-женщины. Я было хотел призвать ее к спокойствию, но не стал, догадался: опытная соседка не позволяла Яблоням духом упасть. И вот чистила их почем-зря, гордость щипала, заставляла в ответ хорохориться, о горе забыть. Ведь нам здесь, в сквере, давно понятно стало, что завязь свою милые кумушки потеряют безвозвратно.

Застонали Тополя. У одного огромная ветвь под снежным бременем захрустела. Липа корешки растопырил и своими соками Дубок окружил. И я по его примеру. Не ко времени было нашему юному другу слышать вопль раненого товарища.

Снегопад на убыль пошел и вскоре иссяк. Но Тополь еще долго голосил, проклинал тучи и ветер, а оторванная ветвь отчаянными стенаниями наши корни мучила. Не одно солнце прошло по небосводу прежде, чем она зачихала, жизнь до капли землице отдала.

Я к Дубку обратился и вдруг осознал, что его, беднягу, та же участь ожидает. Гибкость юных ветвей до сих пор ему устоять помогала, но если солнце вскорости снег не растопит, не мороз ночной, а мокрая тяжкая масса убьет мальчика, сломает пополам. Ужас просочился во все мои волокна.

«Кошка. Фу, опять эта жирная кошка!» — воскликнул меж тем Липа.

Посетил нас самый нежеланный гость. Жила хитрая откормленная бестия где-то поблизости, а в сквере развлекалась: охотилась на маленьких серых птичек. Я ее более всех не любил. Кошка когтями в мою кору вцеплялась и по самым тонким веточкам пробиралась прямехонько к птичкам.

К счастью, до сих пор смертоубийство обходило стороной. Но я — грешно, знаю — не мог удержаться от яркого желания как-то да сбросить вредное животное на землю.

«Эй, сосед, кажется, у нас неладно, — испуганно зашептал Липа. — Гляди, она сейчас стряхнет с меня снег».

«Так радуйся», — Дубок силился веселым казаться.

«Глупый желудь! Снег свалится на тебя!»

Признаюсь честно, растерялся я. Широка крона у Липы, так широка, что наши ветки порой встречались. А Дубок аккурат под ними рос. Чем тут другу подсобить?

Нежданно-негаданно помощь предложила Осина. Издавна славилась она у нас несокрушимым равнодушием, и уж от нее, единоличницы, мы никак не чаяли подмогу получить.

«Пожалуй, я сумею согнать Существо, — вяло изрекла она. — Белостволый, дай-ка тронуть твои корешки, а ты, Красавчик, ожидай меня в гости».

Я, не раздумывая, открыл ей самые сокровенные пути в корнях. Тотчас сок ее в мои волокна влился и потек, потек. Меня аж озноб пробрал. Показалось, что выпьет она сейчас всю мою жизнь целиком. Липа вздрогнул, когда алчный сгусток к его стволу приблизился. А Осина лишь усмехнулась, и тепло свое особое дальше понесла, к ветке, куда жирная кошка взгромоздилась. Как корни вбирают окрестную влагу знойным летом, так тепло Осины впилося в животное и принялось заглатывать ее силу. Ошалела когтистая, в панике прыгнула на ствол и стремглав кинулась наутек. Комья снега с ветвей Липы на землю осыпались. Дубок остался невредим.

«Рада была пособить, — удаляясь, сказала Осина. — Долгих лет тебе, Выкормыш человеческий!»

«А она меня напугала, — признался Липа. — Случись что, из любого из нас жизнь высосет, как пчела нектар. М-да...»

Опять закружился снег. На сей раз он оказался легким, будто тополиный пух, по-зимнему сухим и холодным. Дубок, как ни крепился, согнулся в три погибели. Ослабел он, того гляди не выдержит, обломится юный ствол. Но повезло выкормышу: человек-девочка прибежала в сквер любимца проведать. Снег с веток стряхнула, обхаживать принялась. А он, как в себя пришел, и так и этак перед ней. Даже теплом делиться попробовал, да не знает она нашего языка. Зато я ее яркое, цветущее тепло понял. Оказывается, Дубок-то родитель посадил аккурат в день ее рождения. Вот и росли они вместе — дерево и человек, и друг друга преданно любили.

Минул лихой день, и ночь нас накрыла. Ни луны, ни звезд — только тучи на небе. Травы из лесу весть принесли. Лесной родственник мой говорил: не ждите тепла в семь ближайших солнц, к худому готовьтесь, терпите. Соседи выслушали меня, приуныли. Кто-то предложил — сбросим листья, да в сон уйдем, а иначе того гляди стволы отмерзнут, как минувшей осенью у садовой Сливы. Я против высказался. Не резон нам раньше времени от солнца и воды отказываться.

«А, какой смелый! — подали голос Клены. — Сам выше Елей вымахал, тебе-то что — одной веткой больше, одной меньше.»

Трудно с дурными. Наскакивают почему зря, нет, чтоб послушаться совета.

«Как поступать собираешься, Белостволый?» — спросила Осина.

«Листья воды лишу, молодые корешки усыплю. С семенами проститься придется, да то не беда. Будет новая весна, будут и семена».

Я нарочно громко говорил, чтобы молодые гордецы звездолестные услышали. Много я от них грубостей видал, но не казнить же лихом за кривое слово. Подростут, образуются.

Пока мы совет держали, Сирень все больше Яблони в саду слушала. А после к нам обратилась и говорит: мол, худо дело — погибает молодняк, весь сок в землю отпустил, ветви замерзают. Мы дружно к саду повернулись. Кто поближе к ограде рос, принялись Яблони теревить, да уговаривать. Да попусту все, для них горе — что каменная стена. Отгородились от нас, не слышат. Стоят под снежной шапкой, оплакивают погибшие завязи.

Пока мы кумушек уговорить да успокоить пытались, в саду человек-старая-женщина сновала. Придет — уйдет, придет — уйдет. Я к шагам прислушался. Придет — с тяжелой ношей. Уйдет — налегке. И тут дымом потянуло. Огонь!

Свято преданы мы солнцу, но пасынка его сторонимся. Не видали мы добра от него, лихо одно. Вот все как по команде и притихли.

Костер сильнее и сильнее разгорался. Стволы лесных собратьев в огне горели, как солнце жаром согревали замерзший сад. А человек-старая-женщина так и топала туда-сюда, туда-сюда.

Сирень к ограде прильнула.

«Сгоришь, дуреха», — остерег кто-то из соседей.

«Не кликай, — огрызнулась ворчунья. — Человек-старая-женщина мертвые деревья для себя припасала, в своем доме солнце сотворить хотела. А теперь всё Яблоням отдала. Отогреваются, кумушки. Авось живыми будут».

Скоро снег кружиться перестал. Солнце из туч лучи спустило. Холод не прогнало, но светом порадовало.

А дальше — хуже. Май будто наряд чужой надел: претворился коварным октябрём, морозом задышал. То дождь ледяной, то снег мокрый, то ветер промозглый. Сок в волокнах стыл, да так, что к молодым веточкам доползая вовремя не поспевал. Отмерзали ветки. Гибли. Липа и тот сплеховал, большую ветвь потерял.

Сирень тихо плакала. Одна за другой чернели цветущие кисти. Холод, что огонь разгулявшийся, все пожирал, оставлял за собой мертвую сушь. И конца беде лютой не видать было.

Дубок — умница, строго слову следовал. Солнце днем ласкалось, молодежь тут же на радостях водицу принималась тянуть. А наш — ни-ни, брал ровно столько, чтобы сил хватило сок по всем веточками пропустить, да к ночи затаиться. Тех, несмышленных, мороз ночью насмерть прихватывал. Много поросли погибло. Дубок же только одну веточку отморозил. Пригорюнился, как наказание принял.

«Дядя Береза, разве я не слушался тебя? Разве водой жадничал?»

«Нет, — говорю ему, — все по закону делал. Да только есть в жизни то, что не во власти нашей изменить. Берут верх над нами и холода, и огонь, да и люди — случается. А ты живи и земле-матушке верь. Испытывает она, силу проверяет. Слабых да глупых — заберет, не позволит плохой памяти множиться, а других прочно стоять научит».

Кивали моим словам соседи, соглашались. Боль свою поглубже в корни спрятали, хоть тяжело всем было. Ни один невредимым не остался. Самое меньшее — листочки иссохли. А у кого и хуже — цветы да поросль погибли, ветки отмерзли, корни застыли.

Друг за друга мы держались. Будили, коли кто в дрему впал не вовремя. Вот только Клены мы не уберегли. Те все больше с Елями общались. А Ели, что они о нас, лиственных, знают? Кликали мы, кликали к беднякам Кленам, да с каждым часом слабее их ответ становился. И рады бы уж нашим советам внять, да сил не осталось. Убил мороз юные стройные создания. Заледенил стволы, погубил молодые корни. Настало новое утро, и не докричались мы до Кленов.

Беда — она для всех одна. О людях думать я не забывал. И они о нас радели сердечно. Человек-девочка прибежала, корни Дубка мхом лесным укрыла. Я ей спасибо сказал.

Другие люди тревожные ходили. Тепло их бурлило, что ручей в половодье: злились, значится, на погоду. В домах у них холод поселился, не прогонишь. Маленькие дома, из наших собратьев сложенные, они огнем согревали. А большие каменные промерзли до нутра. Брат-Липа сказал как-то: и почто печь не ставят, обогрели бы жилище. Дубок своей ученостью блеснул: «Там, дядя Липа, печи особые. Их разом включают по осени и всю зиму тепло. А весной — не положено. Весной солнце греет».

Эх, знали бы друзья мои прямоствольные, какую напасть накликали!

Ночь опустилась, тихо в сквере стало. Вздремнул я. И тут слышу — человек идет. Плохое было в его шагах, а тепло, как сухая земля, твердое, билось внутри, будто наружу вырваться хотело. Так люди страхом мучаются. И злятся тоже так.

Мимо меня прошел человек, ствол рукой тронул. К брату-Липе шагнул. Вдруг удар раздался. Вскрикнул Липа! А человек второй удар обрушил. Топором. И еще, и еще. Никогда не забуду, как друг мой кричал. Соседи зашумели, а я к человеку тепло простер — умолял прекратить. Не случилось чуда, не услышал он меня. О своем замерзающем ростке думал, и рубил, рубил... Осина к нему свой сок бросила, надеялась остановить, как кошку остановила. Да не по корням ей человек-мужчина.

Застонал, рухнул Липа. До корней моих его голос донесся: не поминай лихом, брат, да Дубок береги; живите в мире...

Потом человек ветки рубил, молодой ствол на части крошил. Только не слышал я более ничего. Корни мои горе в узел скрутило.

Соседи-собратья поведали на другой день все, что услышать успели. Унес человек тело брата-Липы в большой каменный дом. Акация, что во дворе его росла, рассказала, как дым из одного окна тянулся. Видать грели жилище. А я росток человека того вспомнил. Видать, с отчаяния родитель в сквер пошел дерево рубить. Погибал его росток, как наши в стужу засыхают.

Долго я думал потом. Почему Липу? Почему не меня? Ведь жара с моих веток больше будет, это всякий знает. А ответ простой оказался: толст мой ствол и вершина повыше крыш будет. В одиночку не повалил бы меня человек, вот и повернулся к тому, кто помоложе и потоньше. К Липе.

Как-то давно молодежь меня спросила: какой смертью лучше умирать дереву? «Лишь бы не в печке», — не раздумывая, ответил я. А сейчас смотрю на сруб, что от брата-Липы остался, и иное на ум приходит. Его тело в тепло превратилось и спасло человеческий росток. Росток взрослым станет, много дел совершит. И пусть это будут добрые дела, как те, что человек-девочка творит. Ради жизни можно свою жизнь положить. Ведь земля у нас одна — у нас, деревьев, у людей, у зверей. Мы друг друга поддерживать должны, и любить. Так испокон веков было, и будет так.

Холода ушли. Канули в память. Скинули мы вялые, замерзшие листья. Зеленый листопад ветром унесло. Солнце ярче светить стало, и из лесу весть пришла: встречайте лето! Двигается к нам жаркий дух.

Вот так и пережили мы лютую напасть. А о том, кто из мая того уже не вернется, мы помним. И о неродившихся яблочках, и о погибших Кленах. И Липу помним. Земля позволит, превратится его единственная почка в росток. Мы землю хорошо о том попросим.

ВСТРЕЧА НА МОСТУ

Огромные часы на стене пропели обычную вечернюю мелодию и в полной тишине принялись отсчитывать десять. К последнему колокольному переливу присоединился мягкий голос компьютера, прозвучавший из кабинета: «день-дон-дон, поступило сообщение». Мы с мужем переглянулись.

— А это от кого? — спросил он и лукаво посмотрел на меня.

— Наверное... — я помедлила; сегодня письма и открытки лились нескончаемым потоком: наши друзья поздравляли нас с первой годовщиной свадьбы. — От моих родителей.

— Проверим?

Я соскочила с кресла.

— Проверим!

Юркнуть в кабинет первой мне не удалось — опять подвел длиннющий шлейф накидки, брошенной поверх моего домашнего трико. Зато я не преминула еще разок погладить белоснежные лепестки лилии, плавающей в специально приобретенном по такому случаю аквариуме. Лилию муж подарил мне сегодня утром, со словами: о, Ярославна, королева моих сердец, позволь вручить тебе Цветок Рассвета, дабы он стал символом наших слившихся в объятиях душ навечно.

Несколько необычная поэзия, но я успела привыкнуть к форме его лирических упражнений. Кстати, меня действительно зовут Ярославна. Не знаю, о чем думали мои родители тридцать лет назад, но имя это закреплено за мной с тех самых пор.

Я угадала: письмо пришло из отчего дома. Я прочла вслух. Мои родители поздравляли нас с годовщиной и желали всяческих благ. А в конце текста стояла приписка от брата: «Будь счастлива, Слава, в твоей запредельной Австралии».

Улыбка осталась на моем лице, но глаза наполнились грустью. Все-таки я чувствовала себя немного виноватой перед братом.

— А парень-то догадался, — осторожно заметил мне муж.

Я неопределенно пожала плечами, спрятав за этим движением тяжелый вздох.

— Яра, а ведь ты давно хотела мне рассказать, как все началось, — напомнил он.

— Пожалуй, самое время, — согласилась я, усаживаясь в кресло перед компьютером; это было мое любимое место. — А началось все в солнечный октябрьский день...

Пролетело лето. Зелень деревьев медленно-медленно перетекала в золотые тона, облака ниже и ниже плавали над землей, и чаще и чаще по утрам в окно стучались настырные осенние дожди. Для нашей семьи прошедшие месяцы стали особо важным периодом в жизни. Володя поступил в институт. Теперь к странному букету профессий — преподаватель-филолог, экономист-бухгалтер и инженер-программист присоединялся будущий врач, и может быть даже — хирург, ибо Вовка бредил хирургией едва ли не с детства.

Он окунулся в учебу самозабвенно, так, будто на книжных полках больше не стояли наши любимые Толстой, Кэрролл и Желязны, как будто разом исчезли все видеокассеты и отключился телефон. Его письменный стол был завален теперь анатомическими атласами и медицинскими учебниками, а разговоры за ужином неизменно заканчивались бурными мамиными протестами приблизительно такого содержания: «Володя, оставь медицинские темы за порогом кухни!»

И вот в один прекрасный день за ужином воцарилось неожиданное спокойствие. Вовка сидел задумавшись, бесцельно созерцая прозрачное небо за окном, и рассеянно гонял вилок по тарелке одинокую горошину. Чай сопровождался тем же романтическим молчанием до тех пор, пока папа не высказался:

— Сдается мне, молодой человек, сердце ваше начало пошаливать.

Володя дернулся и непонимающе уставился на отца, а папа всячески прятал в своих пышных усах хитрющую улыбку. Мама была более прозаична.

— С девочкой, что ли, познакомился? — спросила она.

Вовка вспыхнул до корней волос.

— Да чего вы все! Вам какое дело?

Он одним глотком допил чай, в два шага пересек кухню и скрылся в нашей комнате. Я удивилась про себя: Володя никогда не разговаривал с родителями в таком тоне. К счастью, они не обиделись.

Нашим семейным девизом давно стала поговорка — в тесноте, да не в обиде. Так уж сложилось: отдельная двухкомнатная «Хрущевка» обмену не подлежала, а очередь на расширение, в которой с незапамятных времен стоял отец, канула в лету с приходом к власти Ее Беспардонности Коммерции. Поэтому комната у нас с братом всегда была одна на двоих, но

чувствовали мы себя в ней вполне комфортно. Мы дружили с детства, несмотря на то, что я старше его почти на десять лет. Дружили крепко. Помню, однажды — Вовке как раз исполнилось девять — в его присутствии состоялся разговор о моем будущем. Песня для таких случаев обычная: вот выйдешь замуж... Мой братишка слушал, слушал, и вдруг расплакался: не хочу, мол, чтобы она куда-то уходила, я с ней уйду. Его еле-еле успокоили...

Володя сидел за столом, и вроде бы читал. Я заглянула ему через плечо: анатомический атлас лежал «вверх ногами», а Вовкин взгляд бесцельно гулял по стене, по карандашнице, по стопкам книг и тетрадей.

— Володь, — я присела рядом на табурет; он поспешно захлопнул учебник, так и не заметив, что держал его в перевернутом виде. — Как ее зовут?

Он улыбнулся. Первый раз за весь вечер. Отвел взгляд.

— Таня.

Я вдруг как воочию увидела перед собой девушку.

— Она невысокая, черноглазая, с длинными светло-русыми волосами? — выдала я на одном духу.

Вовка ошарашено уставился на меня.

— Ты откуда знаешь?

— Получается, знаю, — бодро ответила я, хотя сама себе удивилась.

— У, ведьмочка! — он говорил без зла.

Вообще, сей нелицеприятный эпитет в его понимании предназначался мне вроде комплимента. Я не претендовала, конечно, на нечто экстрасенсорное, однако время от времени кое-какие странные мои способности выплывали наружу и, неуправляемые, шокировали окружающих.

— Я права?

— Наверное. Она описала себя приблизительно так, — и заметив мое недоумение, добавил. — Мы разговаривали по компьютеру.

— Это ты до чатов добрался? — я была раздосадована; в медицинском институте недавно открыли Интернет-класс, но я надеялась, что мой брат догадается использовать компьютеры по их прямому назначению, а не в качестве сомнительного развлечения.

— Чего ты на меня смотришь, будто я на помойку полез! — ошетинился Вовка. — Чат — такое же средство коммуникации, как телефон, как твоя электронная почта. Разве нет?

— Ладно. Об этом потом. Лучше расскажи-ка, как вы познакомились.

— Я вышел на ее канал, она ответила. Мы поговорили. Она в университете учится, на юридическом, — он замылся на секунду. — Таня не любит чаты. Говорит, если хочешь познакомиться с человеком, надо видеть его глаза. Я с ней согласен! Мы решили встретиться завтра в шесть вечера на мосту.

— Твоя идея?

— Частично. Место выбрала Таня. Она обожает реки.

— Дерзай, — я похлопала брата по плечу.

На первое свое свидание Володя готовился со всей тщательностью, на которую был способен. От посторонней помощи он отказался, и я издали наблюдала за ревностным выбором подходящего галстука и усердной чисткой ботинок. Собирался дождь. Я посоветовала брату взять с собой большой отцовский зонт. Кроме того, мама заставила его надеть плащ вместо куртки.

— Но я сказал Тане, что буду в черной мотоциклетной куртке! — из последних сил отбивался Вовка.

Маму переспорить не представлялось возможным.

Как обычно я проводила вечер за компьютером и совершенно потеряла счет часам. Поэтому, когда вернулся брат, мне показалось, что давным-давно наступила ночь. Он вошел тихо, будто боялся привлечь мое внимание. Затем я услышала недружелюбный скрип шкафа и смачный

шлепок брошенного на стол портмоне. Результаты свидания явно оставляли желать лучшего — решила я и выглянула из-за занавески моего «кабинета».

— Володь, это ты?

— Угу.

Я включила верхний свет. Вовка выглядел мрачнее черной тучи. Заметив мой испытующий взгляд, он выдавил из себя улыбку и развел руками.

— А она не пришла.

Он старался казаться безразличным, а у меня засвербело: что-то здесь не так.

— Ты долго ждал?

— Два часа... Там дождь хлещет. Может быть она решила не ходить под дождем?

Как он на это надеялся!

— Разумеется, она решила не ходить под дождем! — подхватила я, чтобы как-то его подбодрить.

Он неопределенно передернул плечами и принялся переодеваться в домашнее.

— Слав, а ты бы пошла? — неожиданно спросил он. — Только честно.

— Ну, к знакомому человеку пошла бы, если пообещала. А в первый раз... не знаю.

— Ты бы пошла, — почему-то решил он. — Ты обязательная.

— Володь, ты не спеши с выводами. Вы как договорились встретиться? В шесть на мосту? А насчет одежды?

— Она сказала, что будет в голубой длинной кофте. Или как это называется у вас? Жакет? Полупальто?

— Ясно. А погоду ты учел? Может быть она пришла в плаще с капюшоном и вдобавок под зонтиком. Да ты сам оделся иначе, чем ей расписал! И на каком берегу, позволь спросить, вы должны были встретиться?

Он хлопал глазами. Насчет берега я попала в точку. Видимо, этот момент не оговаривался вообще.

— Вот что, братик. Оставь все до завтра. Выловишь свою Таню во «всемирной паутине», еще раз договоритесь как следует. Скорее всего, вы ждали друг друга в разных местах.

На следующий день, вернувшись с работы, я узнала от мамы, что «у Володи сегодня свидание» и что «он придет домой не раньше десяти». Про вчерашний эпизод Вовка родителям не сказал. Возможно, они даже не подозревали, что свидание не состоялось вовсе. Мы поужинали втроем и разбрелись к своим дорогим: отец — к письменному столу проверять тетради, мама — к телевизору, а я — к компьютеру.

Вовка явился в девять. Я услышала из коридора его механическое «все нормально», затем в кухне забренчала посуда. Маме он отвечал односложно, из чего мама сделала вывод, что Вовка погружен в свои чувства, а я — что встреча опять сорвалась.

На сей раз брат не был расположен к обсуждениям даже со мной и провел вечер у телевизора. Спать ушел рано. Я краем уха слышала, как он ворочается на своем «втором этаже», закутываясь в одеяло.

У нас с братом была двухъярусная кровать, сделанная отцом собственноручно пятнадцать лет назад. Когда я закончила школу и поступила в университет, встал вопрос о глобальной перестановке в квартире: родители предложили нам разделить комнату шкафом. В таком случае мы лишались отдельных «кабинетов», зато приобретали отдельные «спальни». Мы с Вовкой взрослому обсудили предложение и ответили отказом. По нашему мнению лучше было иметь собственный письменный стол и собственную книжную полку. Брат поставил лишь одно условие: «Я уже большой, а Слава — девушка. Поэтому я буду спать наверху». И вся перестановка свелась к обмену «этажами».

Я ложилась в свое обычное время — около полуночи — и была удивлена, когда Вовка, свесившись по плечи с верхней полки, шепотом спросил:

— Слав, ты еще не спишь?

— Нет.

Он спрыгнул вниз и присел возле меня на край кровати. Я включила ночник.

— Не пришла твоя Таня?

— Может быть она меня просто за нос водит? — тяжело выговорил он. — Мы точно договорились: в семь вечера, на мосту. На самой середине моста. Я был одет точно так, как ей описал. Я даже домой не заходил после занятий!

Я задумалась. «За нос водит» представлялось самым простым объяснением. Однако меня это объяснение не устраивало. Мой брат был достаточно чутким и достаточно умным парнем, и не клюнул бы на простую вертихвостку. Я знаю, как и о чем разговаривает молодежь в чатах. Володя никогда бы не позволил себе и одного процента той болтовни. Раз уж он заочно заинтересовался девушкой, опираясь лишь на одну беседу «по компьютеру», значит девушка того стоила.

— Таня утверждает, что вчера прождала меня целый час под проливным дождем, — продолжал Вовка. — Представляешь, как она обиделась? Я едва упробил меня выслушать! Вроде бы мы и вправду друг друга не заметили... И вот опять.

— Володя, — меня вдруг осенило, — а про какой мост идет речь?

— Как про какой? Про Старый, — он, похоже, струхнул.

— Ты уверен? В черте города три моста через Волгу, и два через Тверцу. И по крайней мере два из них называют Старым.

— Ну да, — он рассеянно качал головой, — правильно... Нет. Слав, я же не болван какой-нибудь! Старый Мост, это Старый Мост!

— Для коренных жителей, — возразила я. — А для приезжих наши местные названия совсем не так очевидны. Откуда Таня родом?

— Об этом мы не говорили. Но живет она с родителями в микрорайоне Южный, на улице Буденного. Я ей тоже адрес назвал, и телефон дал. Она не звонила?

Вовке никто не звонил. Ни сегодня, ни вчера. А ситуация с его Таней мне меньше и меньше нравилась.

— Володь, есть одна идея, — я начала говорить, хотя идея в моей голове вырисовалась не полностью. — Завтра запиши ваш разговор в лог-журнал и покажи мне.

— Зачем?

— Во-первых, я хочу выяснить, действительно ли твоя таинственная знакомая сидит на компьютере в университете. А во-вторых...

Брат продолжил за меня:

— Хочешь понять по ее репликам, насколько она честная?

— Пожалуй. И не называй это шпионажем. Я исхожу из презумпции невинности.

Он хмыкнул, встал и полез на свой «этаж». Спустя минуты две сверху раздалось:

— Да-а, сестрица, что б я без тебя делал...

Рабочий день выдался на редкость бурный, и когда Вовка возник передо мной из толпы спящих вокруг посетителей, я чуть было не брякнула — а ты что тут делаешь.

— Слав, я принес, — переведа дух, доложил он и потряс дискетой.

— Что принес?

— Лог-журнал, как ты сказала. Я на секунду. Дома поговорим. Таня обещала позвонить сегодня после лекции.

И он выскочил из зала.

Ближе к вечеру, оставшись в относительном одиночестве, я просмотрела Володину дискету. Беседа брата и его неуловимой приятельницы была похожа больше на обмен короткими информативными письмами, чем на общепринятый чат. Стиль девочки мне понравился. Ее записки были обстоятельны, логичны и в то же время достаточно эмоциональны. Ни единой грамматической ошибки, чего я не могла сказать о Вовкиной писанине, ни единой опечатки, ни единого речевого огреха. Несколько странно для второкурсницы с юрфака. С другой стороны, почему бы не предположить, что у Татьяны хорошо развито чувство языка? В остальном ничто не

вызвало у меня подозрений. Возмущения по поводу второй подряд несостоявшейся встречи выглядели совершенно искренними. Интерес девушки к Володе тем не менее не погас, пожалуй даже усилился. Результатом беседы стало обоюдное замешательство. Оба верили друг другу, и оба не видели объяснений происходящему.

Объяснений, кстати, не было и у меня. Ошибку с местом встречи я исключила сразу: в разговоре однозначно определялось — Старый волжский мост. Время так же устанавливалось четко. И мой брат, и его знакомая на мост приходили — за брата я могла поручиться головой, а на порядочность девушки указывали ее записки, моя интуиция и здравый смысл. Назревал парадокс.

— Чего домой не идешь? — оторвал меня от глубоких размышлений голос моего напарника.

Я оглянулась и вдруг выпалила:

— Ты ведь в Южном живешь? Где у вас там улица Буденного?

Не знаю, что меня заставило задать этот вопрос.

Напарник вытаращил на меня глаза.

— Первый раз слышу. Зачем тебе?

— Да вот, братишка приятеля нашел. Живет на улице Буденного в Южном.

— Чатились, что ли? — усмехнулся мой товарищ по работе, скользнув взглядом по экрану, где висел текст лог-журнала. — А твой братишка спросил, из какого города его приятель?

Эту фразу я переваривала всю дорогу до дома. Действительно, микрорайон под название Южный мог быть где угодно. Однако вместо «из какого города» у меня вертелась совершенно сумасшедшая мысль, которую я даже боялась озвучить для себя в словах. Перевернув вверх дном все телефонные справочники и убедившись, что никакой улицы Буденного в микрорайоне Южный не было и нет, я набралась наглости и послала запрос на домашний электронный ящик администратора университетского Интернет-класса. Мы знали друг друга по работе, но никогда до сего момента не общались на отвлеченные темы. А я просила ни много ни мало узнать, кто работал вчера на компьютере с таким-то номером.

Второе письмо я послала своей приятельнице-студентке с экономфака с просьбой отыскать среди юристов второго курса девочку по имени Таня — черноглазую, с длинными русыми волосами.

Ответ от подружки я получила в этот же день. Она относительно мягко высказала мне все, что думает о моем «задании», и ничего конструктивного сообщать не собиралась.

А вот университетский коллега дал мне исчерпывающую информацию на основании электронного журнала регистрации посещений. На компьютере с таким-то номером работали... Ниже приводился список из двадцати имен и фамилий, и ни одной Татьяны с юрфака там не значилось.

По телефону Вовкина Таня так и не позвонила. Однако на следующий день брат примчался домой как на крыльях и кинулся к моему компьютеру.

— Слав, запусти мне что-нибудь графическое, пожалуйста! — вы бы видели, каким счастьем горели его глаза. — Она прислала фото!

Отсканированная фотография идеальным качеством не отличалась, однако позволяла рассмотреть общие черты запечатленной на ней девушки. Я отметила про себя, что представляла Таню именно такой. Стройная, широколицая; глаза большие, темные; длинные распущенные волосы. Она стояла во весь рост на фоне белой, будто ледяной, стены. Изображение было мелким, и в деталях рассмотреть лицо Татьяны, мне не удалось.

Я ничего не сказала брату о моих расследованиях. Решила так: если я выясню, что Таня — чей-то изощренный обман, я представлю Володе неоспоримые доказательства. Если обмана нет, какой смысл вообще сбивать с толку парня?

На мою просьбу принести еще одну запись беседы, Вовка ответил с неохотой. Похоже, классическая фраза «я сам обманываться рад», относилась теперь и к моему брату. Но файл я получила, и немедленно перепроверила все сетевые адреса. Результат оказался тот же: по данным

лог-журнала «Таня» вела беседу из университетского Интернет-класса, а по данным моего коллеги, на указанном компьютере в тот день вообще никто не работал.

Я оказалась в тупике. Ложь была налицо, а физика лжи никак не укладывалась в здравый смысл.

Мой напарник, наблюдавший мои труды уже два дня, решил все-таки вмешаться.

— Отлавливаешь брата моего собеседника?... — он заглянул на экран. — О, да это девушка!

— Ладно, помолчи. Я тебе ничего не говорила, — отрезала я, чтобы тема «девушки» не получила развития. — Видишь, что творится...

И я поведала ему о своей проблеме. Он выслушал, почесал макушку и изрек:

— А трейсером хосты проверяла?

Я призналась, что не проверяла и немедленно исправила промах.

Полученная картина задачу не решила. Напротив, выставила целый часток кол вопросов. Если верить отчету трейсера, сигнал срывался на полпути и не возобновлялся нигде. Тем не менее, ответ приходил из этого самого «нигде». И не только ответ, но и электронное письмо.

Мы с компьютером мучили друг друга на протяжении трех часов вне рабочего времени. Наконец, я решила ретироваться и продолжить войну с адресами хостов завтра. Однако прежде, чем отправиться домой, я еще раз вызвала на экран фотографию Татьяны. Я не имела никакой определенной цели, просто задумавшись рассматривала красивое юное лицо. Вот передо мной портрет человека, запечатленный на обычной фотопленке, перенесенный на фотобумагу, а затем пропущенный через хитроумный аппарат и преобразованный в набор нулей и единиц. Но по какому-то странному стечению обстоятельств эта схема нулей и единиц, оттранслированная машиной, живет человеческой жизнью. Я смотрю на экран, и вижу красивую девушку с большими, чуть-чуть грустными глазами. Мне начинает казаться, будто я слышу ее дыхание и мысли. Она думает о своем будущем. О том, какой узор нарисует на ледяной глыбе, поднимающейся за спиной, и с кем она нарисует этот узор.

Ледяная глыба — открытый лист судьбы, узор — жизненный путь. Я немилостиво одернула свое воображение. Занесло же в фантастические пущи! Но когда я обратила отрезвленный взор на фото, мое воображение потребовало извинений. За спиной Татьяны действительно виднелась стена из льда, исчерченная от земли до высоты ее плеча замысловатыми линиями и абсолютно гладкая выше. Я начала лихорадочно вспоминать, какому народу могут принадлежать столь оригинальные традиции, и тут обнаружила еще одну странность. Девушка была одета в легкое голубое платье с коротким рукавом, что никак не сочеталось с окружавшим ее холодным пейзажем. Что это? Бутафория? Или?..

И я изменила тактику.

Отодвинулась от стола, расслабилась и начала слушать себя. Что мне подсказывала интуиция?

Другой мост? ... Другой город?...

Как это говорилось у детективов? Отбрось все очевидное, и оставшееся, каким бы оно ни было, и есть правда. Я собралась с духом и выбрала самое невероятное из всего невозможного.

Вычислить электронный адрес компьютера, находящегося вне нашего существования? Нет. Эту задачу я перед собой не ставила. Я должна была каким-то образом создать такие условия, чтобы сигнал прошел *туда* и вернулся с ответом. И пусть Таня спокойно живет на улице Буденного в своем городе, так похожем и непохожем на наш. Придет время, Вовка отыщет к ней путь. А я направила всю свою волю на поиск иного Моста.

Это было необъяснимое, чудное чувство. Я ощущала, как моя мысль движется вслед за незримым импульсом по банальным медным проводам, меняет направления, замедляет и ускоряет бег и вдруг отрывается в пустоту. Миг, один лишь миг — как целая жизнь. И вновь текут медные и алюминиевые провода. Развилки, спайки, потоки, широкие как бурная река, и потоки, крошечные, как ленивый осенний ручей. Ротор. Вихрь. Бешено вращается диск. Огромный электронный мир сведен к двум объектам: ноль и единица. А на экран ложатся буквы, складываются в слова. Единица и Ноль. Да и Нет. Правда и Ложь. И абстракция обретает форму...

Я вздрогнула. На моем экране светилось:

«— Привет! Ты откуда?»

Я судорожно развернула к себе монитор второго компьютера, где ползла диагностика, поступающая из университета. Машина, к которой я формально обращалась, была отключена. Я выпрямилась, стараясь сбить налетевшее волнение. Пальцы легли на клавиатуру:

«Я стою на другом конце моста. Я — Ярославна. А ты?»

Пауза. Как сама Вечность.

«Прекрасное имя... А я — Тарас».

Я перевела взгляд на экран. «Желаю тебе счастья, Слава, в твоей запредельной Австралии». Да, Тарас, пожалуй, прав: брат догадался, что мое путешествие на другой край земли на самом деле было путешествием куда в более далекие просторы. Австралия — это для моих родителей, друзей, коллег. А на самом деле я нашла тот мост, который пока не удалось отыскать Володе и его подруге Татьяне. Впрочем, они молоды, у них еще все впереди.

— Электроника электроникой, но на дорогу-то между мирами ты встала собственной персоной! — глаза Тараса пылали любопытством. — Нет, не надо теорий.

А я как раз собиралась начать математическое изложение гипотезы, которая стала действительностью до того, как получила статус гипотезы.

— Я наизусть уже знаю и о Путиях между Мирами, и о бесконечном движении несчетного множества Миров в одной общей структуре, и о неизбежных различиях эволюционных процессов отдельно взятого Мира в сравнении с другими. Тебе пора писать фантастику, ведь в реальность твоих идей все равно никто не поверит!

— Если бы ты не поверил в реальность моих идей, мы не встретились бы никогда. Чтобы найти свой мост, нужно быть как минимум романтиком.

— Вот как? Ты же всегда говоришь, что ты приземленный математик.

— А разве интуиция не есть высшее проявление логики?

Тарас поднял обе руки.

— Сдаюсь. Но временно. У меня остался один вопрос. По поводу твоего брата. Почему ты не рассказала ему о Мостах? Ты же могла, в принципе, показать ему дорогу в Мир Татьяны.

Я выпрямилась.

— Могла. И не показала. Потому что свой Мост человек должен найти сам. И Владимир когда-нибудь найдет. А кроме того... — я перебралась к мужу на колени и ласково погладила его жесткий темно-коричневый гребень над переносицей, — на другом конце Моста встречаются разные сюрпризы. Признайся, когда я прислала тебе свою фотографию, ты целую неделю считал, что я тебя разыгрываю, правда?

Он засмеялся.

— А ты что подумала, когда рассмотрела мое фото?

— Я подумала, что это твоя проба на роль Хищника. Жаль, здесь этот фильм не создали. Тебе бы понравилось.

— Сниматься в кино мне бы понравилось? Ну, нет! Лучше я останусь компьютерщиком. С тобой.

Часы в гостиной начали отбивать полночь. Он подхватил меня на руки и нежно прижал к себе. Два сердца в огромной груди застучали чаще.

— Начинается наш новый год, моя королева, — прошептал муж мне на ухо.

Я горячо обняла самого дорогого моего человека.

Он понес меня в спальню, шурша по каменному полу чешуей мощного хвоста, а шлейф моей накидки, касаясь стен, вторил ему звенящими переливами. Может быть кому-то мой выбор покажется нелепым. Может быть некоторые друзья Тараса так и не простят ему то, что он променял свободную холостяцкую жизнь на союз с женщиной, у которой нет даже золотистого гребня. Может быть. Но мы благодарны судьбе за нашу встречу на Мосту.

МУЗЫКАНТ

Добродушное майское солнце окинуло гигантский город прощальным взглядом. Вечерние лучи коснулись крыш высотных домов, протекли вдоль пустеющих улиц и, как заботливые материнские руки, тронули засыпающие в скверах липы и клены. Рыжий костер вспыхнул в окнах, обращенных на запад. Карабкаясь вверх с этажа на этаж, холодное отражение цеплялось за стекла квартир, и полыхало, будто живой огонь, тщетно пытаясь заменить собой уходящее светило. А солнце чинно шествовало за горизонт, оставляя земле нежное дыхание и тонкий аромат весны.

Вечер взошел на свой шаткий трон. Но напрасно рассылал он повсюду прохладные ветры — вестников ночи. Оживление во дворах, очерченных серыми громадами «сталинок», не угасало. Азартно стучали по грубо сбитому столу фишки домино, и «рыба» неизменно сопровождалась громогласным хором безобидных ругательств. На скамеечке неподалеку бабуся, поплотнее запахнув кофты, продолжали судачить о хлебном магазине, о последствиях прошлогодней реформы, о новом ухажере Любки из третьего подъезда и обо всем, что когда-то коснулось их вездесущих ушей. А карапуз трех лет от роду, раскачиваясь на качелях, тонким визгливым голоском оповещал всю округу о том, что он — Юрий Гагарин и его ракета летит в космос.

Большой выдавший виды двор жил своими устоями, и каждый, возвращаясь домой из бурлящих страстями контор, из охваченных новаторскими идеями заводов, из беспокойных школ и вечно стремящихся в неведомое институтов, окунался в атмосферу размеренного бытия. Казалось, ничто на свете не способно изменить житейские порядки, спрессованные еще в тревожных тридцатых, устоявшие под напором грозных сороковых и вдохновленные трудовыми пятидесятыми.

Открытое настежь окно тотчас впустило в квартиру все привычные звуки двора: гомон детей, залиvistый смех девчонок в сквере, густые басы отставников, визгливый голос «управдомши», вопль кота, застрявшего на дереве, и далекий перезвон трамваев. Без сомнения, так будет продолжаться, пока ночь не сомкнет над неугомонным двором свои темные крылья. Мамаши загонят мальчишек домой, притихнут и разбредутся по лавочкам юные пары, прохромает в свою коммуналку сварливый Петр Васильевич — известный всем «капитан», и двор заснет, чтобы встретить следующий день гимном Советского Союза из радиоприемника, включенного на полную мощность этим самым «капитаном».

— Слышите? Скрипка... — Павел выпрямился, как струна, весь превратившись в слух. — Мам, слышишь?

Мать отставила тарелку и прислушалась.

— Действительно, скрипка... Вивальди, кажется...

— Нет. Он импровизирует. Слышишь... Вот это сейчас было. Это больше похоже на Грига... Какой пассаж! Мам, кто это играет?

Та передернула тонкими плечами и встала.

— Не знаю, милый. Хочешь, Борис вывезет тебя на балкон?

— Ага...

Мальчик в инвалидной коляске не отрывал глаз от открытого окна. Незнакомая скрипка завораживала. Она взывала, требовала, грозила, жаловалась, страдала, кляла. И с каждым пассажем, с каждой новой нотой, из непознанных уголков сознания выступала капля тревоги.

— Пашка! Эй, очнись на секунду. Куда тебя доставить?

Мальчик поднял глаза на старшего брата. Борис, держа в зубах карандаш, а под мышкой тетрадь, взялся за ручки инвалидной коляски.

— Скрипка. Я хочу посмотреть, кто играет.

— Ясно, значит — на балкон.

Борис аккуратно прокатил кресло по ковру, приналег на него, чтобы без толчка пересечь порог, и мягко нажал на тормоз.

— Прибыли. Гляди!

Он повернул коляску так, чтобы Павел мог обозреть двор.

Здесь, где стены не вставали на пути звука, скрипка показалась мальчику еще более прекрасной и... опасной. Он сам не успел понять, откуда взялась мысль об опасности, но уверился в ее истинности без колебаний.

— Вон он, твой музыкант.

Павел проследил за взглядом брата и увидел. Напротив, на балконе четвертого этажа их П-образного дома стоял худощавый человек со скрипкой у щеки. Его правая рука плавно скользила над струнами, и невидимый отсюда смычок вел за собой в жизнь новые и новые ноты.

— Что-то я этого типа раньше не видел, — продолжал Борис. — Может в гости приехал?

— Он призывает боль, — прошептал Павел. — Эта серенада посвящена боли и гневу!

— Почему? — молодой человек отложил тетрадь на подоконник и во все глаза следил теперь за экстравагантным скрипачом в черном домашнем халате. — Паш, с чего ты взял? Он просто играет. Вроде даже Моцарта.

— Нет. Он играет свою музыку... Неужели ты не чувствуешь?

Мальчик в отчаянии посмотрел на старшего брата.

— Ну... — протянул тот, — я не настолько хорошо разбираюсь в скрипках, и вообще...

«Если он мне не поверит, я останусь один», — мелькнуло у Павла. И тут же скрипка подхватила «один, один, один!». Леденящий душу перелив прорезал сумрак и отчаянием обрушился на сознание. Мальчик вжался в спинку кресла и зажмурился. Если бы ноги, бездвижные от рождения, могли подчиняться ему, он убежал бы с балкона без оглядки.

— Оп-ля! Хороши приятели!

Это воскликнул Борис, разглядывавший угол сквера и детскую площадку по соседству. Павел с трудом заставил себя отвлечься от пугающей музыки. Возле деревьев, где обычно детвора играла в Юрия Гагарина, раздавался отчаянный мальчишеский рев. Кучка пацанов сгрудилась возле одного, сидевшего на земле и растирающего по грязной физиономии слезы вперемешку с кровью.

— Чего-то не поделили, — прокомментировал Борис. — Один толкнул другого, а тот ему по морде палкой. Вот она — детская жестокость в действии, — он многозначительно кивнул головой, как бы соглашаясь сам с собой.

Напыщенная деловитость брата вызвала у Павла едва заметную усмешку, но нечто тут же заставило насторожиться. Понадобилось несколько мгновений для понимания причины. Скрипка замолчала. Таинственный музыкант исчез.

Остаток вечера Павел ни словом не обмолвился о скрипаче, но Борис отчетливо видел на лице брата следы пережитого потрясения. Мальчик с раннего детства считался чрезмерно впечатлительным. Было время, когда музыка буквально руководила его настроением. Родственники и друзья матери находили тому единственное объяснение: ребенок, прикованный к инвалидному креслу, имеет особую тонкую психику, а музыкальная одаренность — плата природы за отнятые ноги. Мама никогда не поддерживала подобные разговоры, но Борис, старший сын, искренне верил, что его брат — гений. Мальчик имел потрясающий слух, способный различать тончайшие оттенки звуков, и великолепное музыкальное чутье. Его пальцы, касались ли они скрипичных струн, клавиш фортепьяно или грифа маминой виолончели, творили чудные напевы, и его музыка, будто ожившая после сказочного сна птица, парила над миром, открывая людям невиданные просторы. В неполные четырнадцать лет Павел мог бы состязаться за пальму первенства с любым признанным музыкантом. Но кресло-каталка, неизменный атрибут квартиры, сковала юного музыканта в безжалостных объятиях.

— Паш, сырай что-нибудь, — попросил Борис.

Тот машинально потянулся за инструментом.

— Бетховена, ладно? — поспешно добавил брат.

Тонко запела скрипка. Сначала глухо, затем увереннее и увереннее зазвучала воздушная серенада. Борис понаблюдал за выражением лица Павла, убедился, что напряжение постепенно сходит на нет, и молча отошел к своим чертежам. Удивительно, но работа над проектом пошла значительно лучше.

Борис, как ни торопился домой, застал мать уже в дверях.

— Я же просила тебя не задерживаться, — раздраженно бросила она, на ходу поправляя шляпку. — Ужин на плите. Сегодня опера в трех действиях, и я вернусь только к полуночи. Будьте умницы.

Ее каблучки застучали по лестнице.

«И почему все музыканты ходят в черном?» — неожиданно для себя подумал Борис, когда черное платье мамы мелькнуло в лестничном пролете.

Почти каждый вечер мать вот так, как сегодня — непринужденно, легко и грациозно — уходила на концерт. Но всякий раз она старалась дождаться возвращения старшего сына. Сначала из школы, теперь из института. Борис знал, чего она боялась, и поклялся себе со всей юношеской откровенностью, что никогда не оставит Пашку одного. Никогда — даже если на кон будут поставлены его благополучие, карьера, любовь. Однажды он, в порыве откровенности, выложил это брату. Пашка в первый момент растерялся, а потом выпалил. «Нет уж! Ты станешь архитектором, женишься, а я буду вдохновлять тебя и учить твоих детей музыке».

— Гулять пойдем сегодня? — спросил Борис, водрузив на сушилку последнюю тарелку.

— А ты не занят? — в голосе брата слышась надежда.

— Не-а. Пошли!

Скамейки возле дома были заняты соседскими тетушками, но чуть только Борис с Павлом на закорках вышли из подъезда, соседки торопливо подвинулись, уступая место мальчику-инвалиду. Молодой человек оставил брата под их опекой, а сам побежал за креслом-каталкой. Под добродушное перешептывание и растроганные взгляды, он осторожно перенес Павла в его коляску и покатил по дорожке к скверу.

— Ну как, все дворовые новости выслушал? — поинтересовался он, когда бабуси остались вне области звуковой досягаемости.

— Новость одна: «Капитан» помер, — бухнул Павел.

— Ух-ты... Да-а... — Борис не нашел, что ответить.

— Громких побудок уже не будет, — продолжал мальчик. — Жалко Петра Васильевича. Шумный был, но ведь добрый же, а?

— Пожалуй. Сердце, небось?

— Вроде так.

Пауза, призванная стать своеобразной минутой молчания, вдруг разлетелась на куски. Скрипка! Ее пронзительный голос донесся до сквера, и над головами братьев заметалась нетерпеливая fuga. Даже Борис, никогда не делавший серьезных успехов в музыке, смог различить то, что, безусловно, мгновенно уловил Павел. Скрипка радовалась. Однако радость эта не походила на эмоции человека в приподнятом настроении. Восторг был вызван отнюдь не очарованием майского вечера — fuga злорадствовала над весной, над солнцем, над свежей зеленью, над стрижами, носящимися в поднебесье, над смехом детей и воркованием молодух во дворе. Пальцы Павла, шершавые и жесткие от постоянного скольжения по струнам, впились в руку брата.

— Он воспевает смерть, — пробормотал он. — Борь, слушай! Он же плюет в лицо живущим!

Скрипка плела новые и новые кружева: вот над сквером вспорхнула полька, которую сменил гавот, затем начались невообразимые вариации цыганских мелодий и, наконец, все стихло.

Борис стремительно развернул коляску и, повинувшись их общему невысказанному желанию, побежал назад, к дому. Павел, рискуя вывалиться из кресла, всем своим существом рвался вперед, едва держась за подлокотники. Коляска подпрыгивала и тряслась на колдобинах, Борис толкал ее

перед собой, что было сил, а мамыши, гулявшие в сквере с малышами, удивленно оборачивались, чтобы проводить взглядом этот странный тандем.

Братья оказались во дворе. Балаболки-соседки на скамеечках, дети возле качелей, врач из первого подъезда выводит на прогулку своего пса, доминошники собираются за самодельным столом.

— Неужели его никто не слышал? — Павел испуганно осматривал невозмутимый двор.

— Может и слышали, — Борис переводил дух после гонки по скверу, — да ничего не поняли. Чудак вышел на балкон поиграть на скрипке — что тут особенного?

Мальчик перевел на него взгляд. Брат был почти напуган, хоть и пытался это скрыть, следовательно, решил Павел, пришло время высказать свои предположения.

— Мне кажется, Музыкант... он больше, чем просто музыкант. Помнишь, вчера он играл о боли. Он как бы звал ее, и в результате ребята передрались до крови. И Петр Васильевич тоже: ведь крепкий был старик, и вдруг сердце отказало.

— Э-э, подожди. Ты хочешь сказать, что Музыкант убил «Капитана»?!

— Нет! То есть... не буквально убил. Косвенно, может быть.

— Ладно, стоп, — Борис решительно развернул кресло и опять покатил его в парк. — Мистика тут не при чем. «Капитан» своей сварливой натурой любого мог довести до белого каления. Вот этот тип и обрадовался, когда старик умер. Гадко, конечно, но в милицию его за это не приведешь.

— Но его музыка... — начал было Павел.

Брат перебил.

— Завтра я с этим скрипачом поговорю, обещаю.

— Ты его знаешь?! — Павел всем телом развернулся в кресле.

— Я видел его утром на остановке. Наверное, он мне и раньше попадался, но я не замечал.

— Ты предъявишь ему обвинение? — серьезно спросил мальчик.

Вместо ответа Борис полусутоя щелкнул брата по затылку.

— Думай, что говоришь! Какие обвинения? И вообще, выкинь все из головы.

— Борь, ты ж мне веришь, — укоризненно заметил Павел.

— Верю-неверю. Поживем — увидим. А пока давай о чем-нибудь путном поговорим...

Борис пропустил два автобуса, но Музыканта так и не дождался. Раздосадованный, он явился в институт, опоздав на полчаса, получил нагоняй от преподавателя и просидел остаток дня в легкой прострации. Злосчастные фуга, полька, и гавот звучали у него в ушах, будто скрипач до сих пор исполнял свое попури. И на каждом новом круге этой «пластинки», молодой человек больше и больше думал о предположениях младшего брата. Причем одна нехорошая мысль бултыхалась в океане его подсознания, время от времени выныривая наружу. Наконец, он выловил ее и удержал на поверхности. На мгновение его прошиб холодный пот. Мысль была такова: что если Музыкант действительно ВЫЗЫВАЕТ боль и смерть? А Павел способен видеть эту музыку лучше, чем кто-либо!

Едва дождавшись окончания последней лекции, Борис ринулся домой. С автобусной остановки он мчался бегом, прихватив сумку подмышку, и, заворачивая под арку родного двора, неожиданно увидал впереди себя Музыканта. Сухой высокий человек в темно-сером грязноватом плаще и потертой шляпе, со старомодным портфелем в руках устало шаркал к своему подъезду. В его сутулых плечах, вялой походке не было ничего от подтянутого маэстро, за которым братья наблюдали два дня назад. И тем не менее перед Борисом шел именно тот человек — хозяин небольшой комнаты с балконом в коммунальной квартире напротив на четвертом этаже.

Борис собрался с духом и уверенным шагом двинулся за Музыкантом.

— Здравствуйте, — громко окликнул он.

Худошавый в шляпе удивленно обернулся.

— Приветствую. Чем обязан, молодой человек?

— Я... — Борис не позволил себе мяться на месте, — я хотел выразить свое восхищение вашей игрой. Знаете ли, у нас музыкальная семья, мы ценим хорошую музыку. Прошедшие два вечера мы с удовольствием вас слушали. А ваш инструмент достоин вашего таланта.

На лице худощавого выразилось неподдельное изумление.

— Вы обознались, юноша. Мой инструмент, это счеты, — он усмехнулся собственной шутке. — И все «гаммы» раскладываются по дебету и кредиту. Я бухгалтер.

— Да, но скрипка, — растерялся Борис. — Скрипач на вашем балконе! Вивальди, Моцарт, Бах!

Он осекся, уловив мелькнувшую в глазах собеседника непонятную искру.

— О, вы ошибаетесь. Признаюсь вам честно: в музыке я ничего не понимаю. Однако пожалуй, я что-то слышал вчера. Возможно, скрипка. Этажом выше, должно быть.

Он переложил из руки в руку портфель. При этом движении взгляду Бориса открылась левая ладонь «музыканта». Костлявая, с ужасно сухой желтоватой кожей и толстыми узлами суставов, с морщинистыми пальцами, эта рука никак не могла принадлежать скрипачу. Таким пальцам не дано прижимать струну, любая скрипка отчаянно взмолилась бы о пощаде, возьми бухгалтер ее в руки.

— Яков Ильич, — бухгалтер церемонно приподнял шляпу. — Приятно было познакомиться.

— Борис, — молодой человек, не имея шляпы, автоматически протянул соседу руку. — Взаимно.

Рукопожатие Якова Ильича было слабым, стариковским. Борис решил про себя, что тот не совсем здоров. Это подтверждали и желтоватый цвет кожи, и тяжелые мешки под глазами на узком худом лице, и сами глаза, будто затянутые тусклой пленкой.

Яков Ильич не спеша прошествовал к пятому подъезду. Борис еще несколько секунд смотрел ему вслед, затем вздохнул и побрел домой. Но не отошел и десятка шагов, как из-за приоткрытой двери, за которой скрылся бухгалтер, раздалась бабья брань. «Управдомша Катенька», — без труда определил молодой человек, ибо «Катеньку» — здоровенную крикливую женщину, знал весь квартал. Сквозь Катенькины громогласные аккорды слышались отрывистые реплики, принадлежавшие недавнему собеседнику Бориса. Молодой человек не стал ни вслушиваться, ни вникать в смысл перепалки. Ему еще предстояло обдумать и обсудить с братом полученные только что неоспоримые факты.

Павел воспринял рассказ Бориса на удивление бесстрастно.

— Вернее всего он не осознает собственных действий, — сказал мальчик, когда брат закончил.

— Как лунатик, что ли? — фыркнул Борис. — Ляпнешь тоже! Просто я обознался, вот и все.

— А это мы скоро узнаем, — обронил Павел и, толкнув колеса каталки, отъехал от стола к окну.

— Узнаем что? — недоверчиво переспросил старший брат.

— Мне кажется, сегодня произойдет какая-то неприятность. Ведь Яков Ильич поругался с Катенькой. Кстати, я выяснил, что капитан жил в той же коммуналке, что и наш странный скрипач. Мама вспомнила. В прошлом году она приносила капитану приглашение на концерт для ветеранов и по ошибке постучала в комнату с балконом.

Пророчества брата Борис не воспринял всерьез и с чистой совестью углубился в учебу. Из гостиной тем временем лились мягкие звуки Бетховенской сюиты. Голос скрипки подкрался к приоткрытой двери комнаты и притаился на пороге. Теплое прикосновение нот молодой человек едва ли не физически ощутил на своей руке. Вздвогнув, он оторвался от учебников, и на миг перед глазами его мелькнуло то, что воспринял слух: Павел стоял рядом у стола, стоял на своих ногах и с улыбкой опускал руку брату на плечо.

— Пашка!

Он тут же пожалел о несдержанном возгласе, потому что скрипка смолкла. «Это была его мечта, — догадался Борис. — Мечта звучала, и я ее почти увидел!» Он стремительно шагнул за порог, торопясь поведать мальчику о его потрясающем успехе, и тут услышал чужую скрипку.

Без лишних вопросов, Борис выкатил инвалидную коляску на балкон.

Музыкант в черном халате невозмутимо стоял на прежнем месте. Скрипка, небрежно вскинута к щеке, казалось, дрожала в его руках. Отрывистые ноты металась по октаве, отчего мелодия походила на воздушные ямы в грозовом небе. Аккорды гневно расплескивали отдельные звуки, будто скрипка брызгала слюной в приступе ярости.

— Соната Баха... — проговорил Павел, чьи нервы и чувства были сжаты в тугой комок. — Никогда не слышал ничего подобного...

Шокирующее аллегро терзало слушателей более двух минут. Братья не произносили ни слова. Даже воздух остолбенел от такого обилия злости и обиды, выплеснутого несчастным инструментом. Затем зазвучало адажио. Порыв ярости отступил перед тяжелой волной холодного презрения. Бессильно презирая, Музыкант проклинал то, что ненавидел. Взлеты и падения смычка рассекали воздух новыми гнетущими звуками, а губы Павла шевелились, повторяя одно слово: «Остановись... остановись... остановись...»

— Не слушай его, — сорвался Борис и потащил кресло обратно в гостиную.

— Нет! — Павел схватился руками за перила. — Разве ты не слышишь, он мстит. За ничтожную обиду — вселенской мстью!

— Это всего лишь музыка! Он закончит играть, и все. Ничего не произойдет!

— «Всего лишь музыка»? — передразнил мальчик. — Это МУЗЫКА! И Музыкант — гений. Его звуки вырастают в реальную боль, его проклятья губят, его зло раскрывает крылья над всеми людьми. И это реальность! Реальность!

— Паш, успокойся, — попросил Борис как мог мягко, хотя сам чувствовал, что того и гляди сорвется на крик. — Пусть Музыкант — гений. Мы достаточно «насладились» его мелодиями, а теперь пора вернуться в комнату. Ты играешь Баха куда более приветливо, чем этот тип. Давай-ка, поиграй мне, и мы оба успокоимся.

— Ты не понимаешь, — тяжело вздохнул Павел. — Не хочешь понять и поверить. Прости, что я кричал. Закроем окна. Я не хочу слушать ЭТО.

И они ретировались в гостиную. Борис поймал себя на том, что их действия слишком уж похожи на отступление перед армией врага. Сдались без боя. Юноша вынес себе этот вердикт и вдруг осознал, что точнее уже не скажешь.

Звуки ужасной музыки стучались в закрытое окно, но не могли прорваться в комнату, где воцарилось кажущееся спокойствие. Текли минуты. Братья молча ждали апофеоза. И апофеоз наступил: надрывный вой сирены кареты скорой помощи обрушился на двор. Борис приблизился к окну.

— Управдомша, да? — не оглядываясь, спросил Павел.

— Похоже... — он ждал, чем закончится рейд врачей в недра подъезда. — Да, она. Сама идет, это уже хорошо. Вроде, с рукой что-то.

Стайка соседок обступила пострадавшую, закрыв Борису поле обзора.

— А где Музыкант? — поинтересовался мальчик.

— Исчез, — брат присел напротив кресла-каталки. — Знаешь, Пашка, думаю, ты был прав от начала до конца. Этот тип материализует музыку.

— Управляет обстоятельствами посредством музыки, — поправил Павел. — Невероятно...

— Зато очевидно, — сжал зубы Борис. — И все-таки бухгалтер знает этого Музыканта! Он так необычно на меня взглянул, когда я заикнулся про скрипку! Эх, найти бы повод к нему заявиться и познакомиться с его гостем!

— Если бы гость существовал, бухгалтер бы не отпирался от скрипача на своем балконе, — заметил брат. — Тем более такого заметного: в махровом халате и со скрипкой.

— В черном халате, — поправил Борис. — И почему все музыканты ходят в черном?

Вопрос прозвучал риторически, но Павел на него откликнулся:

— Черный цвет притягивает дух, который помогает музыке парить над залом и проникать в души людей чистой и безупречной. Но если у музыканта черно не одеяние, а душа...

Воскресное утро началось прекрасно. Мама, отдохнувшая и посвежевшая после хорошего сна, колдовала на кухне, пообещав сыновьям нечто «божественно вкусное». Май в этом году превзошел самого себя. Земля благоухала, и только самый черствый человек мог сидеть в такой день дома за закрытыми окнами. Легкие занавески трепетали на ветру, будто праздничные флаги, развешанные по всему дому в честь пробудившейся природы. Даже воробьи, завсегдаги подоконников и карнизов, не боялись колыхающихся белых призраков человеческого жилища.

Павел застыл перед распахнутым балконом со скрипкой на коленях. Ни одна нота не прозвучала пока в это прелестное утро, что слегка удивило маму. Обычно мальчик играл с самого рассвета. Женщина время от времени проходила мимо гостиной и видела сына, сидевшего в своем инвалидном кресле спиной к дверям. Если бы она приблизилась к нему и заглянула в лицо, она бы испугалась. Павел походил на бойца перед судьбоносной атакой: суровый, непоколебимый, спокойный. Казалось, вся его душа затаилась в серых, обычно наивных, глазах, готовая рвануться в бой чуть только скрипка взметнется к плечу и взлетит над струнами смычок.

Борис слонялся по комнате позади брата. Он понимал, что так угнетало мальчика весь вчерашний вечер и с какими мыслями Павел проснулся нынче утром. Накануне оба позорно бежали от преступного разгула чужой скрипки, расписавшись в собственном бессилии. Вот что заставляло стонать сердце юного скрипача.

Остановившись возле фортепьяно, Борис рискнул обратиться к брату.

— Паш... Пашка. Ты что задумался?

— А?... Подожди. Чувствуешь? Оно в воздухе... Как будто, гроза собирается.

— Да ты что? Небо чистое, как...

— Нет. Гроза в звуках. Он концентрируется... Борька, следи за балконом! Выкати меня туда, выкати!

Борис схватил ручки коляски и толкнул ее к порогу.

— Музыкант!

Возглас брата отдернул взгляд Бориса от пола. Ему показалось, что на противоположном балконе из черной тени, отброшенной козырьком крыши, вылепилась фигура. Человек в черном халате.

— Он возник из ниоткуда. Борька, я так и знал! Это фантом! Дух, призрак!

Не будь Борис убежденным реалистом, он бы поверил мальчику. Но разум тут же предоставил переполюсовившимся чувствам логичное объяснение: резко поднятые глаза, свет и тень — все это послужило причиной видения. На самом деле человек просто-напросто вышел из сумрачной комнаты на освещенную площадку.

— Паш, уймись. Всего лишь сосед-бухгалтер и...

И тут «бухгалтер» медленно поднял скрипку, которой мгновение назад не было в его руках. Плавно вознесся смычок. И полилась музыка.

Баховская соната ля-минор. Но не вздохи влюбленных, чьи сердца трепетали в предвкушении встречи, не страдания скитальца вдаль от родной земли пела странная скрипка. Соната превратилась в мученические стенания приговоренного к смерти, в которых слышалась и горечь, и сарказм, и жалость к себе, и ненависть к тем, кто оставался жить.

Оглушенный лавиной разноликих чувств, Борис не заметил, как Павел прильнул щекой к теплому дереву своего инструмента. Струны притаились в ожидании... Призывный перелив пролетел над двором и ринулся наперерез рыдающей сонате. Борис вздрогнул, когда слух его обволокла пауза — детище изумления. Она длилась всего миг, а затем исчезла в жизнерадостном престо, хлынувшем из-под пальцев Павла. Обретшие свободу ноты без устали мчались друг за другом, и не было им конца. Они кружились над домом вместе с пылью цветущих яблонь, раззадоривали ленивые ароматы едва распустившейся сирени и играли в пятнашки с ветром среди развешанного хозяйками белья. То звучало чудо самой весны.

Черный Музыкант, замолчавший под напором жизненной силы, вновь обрел голос. Тяжелые аккорды потекли над асфальтовыми дорожками городского двора. Фатальное одиночество и безысходность утверждало давящее адажио. Человек ничтожен, он песчинка в гигантском мире — угрюмо гудела скрипка. Извивающимися полутонами мелодия ползла вверх по октаве, и завывание воображаемого океана наполнило пространство. Жизнь швыряет человека в бушующие волны, — продолжал черный Музыкант, — бьет о глухие стены, слепленные из тысяч бездушных песчинок. И ни одна из них не двинется, чтобы позволить потерявшемуся в вихре судьбы отыскать свое место в холодной череде скал.

Подхватив образ моря и скалистого берега, смычок Павла широким взмахом вальса разогнал свинцовые тучи и открыл солнце. Повинуясь вдохновению Штрауса, песчинки, поднятые в воздух, кружили и стелились над берегом, норовя вовлечь в хоровод одинокую соплеменницу. Стань одной из нас, — взывали они, — иди в наш танец. Ты часть нас, а мы часть тебя! Иди же, освободи себя от одиночества!

Павлу показалось, что Музыкант в какой-то миг заколебался. Стремясь вырвать человека из паутины безысходности, юноша и его скрипка на крыльях Штраусовского «Очарования жизни» ринулись дальше по туннелям сознания, навстречу черному скрипачу. И... врезались в ехидный танцевальный напев.

Стань одной из нас, — передразнило ухмыляющееся стаккато, — и, как все, из «я» превратишься в «мы», такое же вульгарное, как уличный плакат! «Мы» — это масса, где тебя уже нет.

Простенькая слащавая мелодия сорвалась, и на Павла обрушилась торжественная сюита, в которой с трудом угадывалось творение Генделя. В темпе аллегро торжественная армада звуков перенесла мальчика внутрь гигантской темной башни, чьи стены надежно отгородили от мира все богатства человеческой души. Здесь на пыльных полках хранились некогда блестящие мысли, увядали во тьме немногочисленные чувства, гордо любовались собой невостребованные таланты, и уродливым трупом лежала в углу погибшая давным-давно любовь.

Пронзительно запела, взывая к вниманию, струна. Смотри, смотри, смотри!... Сумасшедшая мазурка запрыгала по стенам и, распахнув несуществующую до сих пор дверь, ринулась в хаос внешнего мира. Сию же секунду внешний мир ворвался в запечатанную башню. Во мгновение ока с полок были украдены самые красивые мысли, отчаянно метались в поисках укромного уголка чувства; непонятые оскверненные таланты ползали в грязи возле порога, а труп любви был растоптан в прах грубыми ступнями.

Мазурка хохотала над ужасом, охватившим мальчика. Не в силах осознать, где сон, а где явь, он мог только думать о чудовищном представлении, устроенном Музыкантом. Он не помнил, как долго молчал его инструмент, но вот пальцы легли на струны. И скрипка запела серенаду. Павел даже не знал, какую именно пьесу принялся играть. Музыка лилась сама, невзирая на потрясение и страх, и главной темой этой грустной мелодии была жалость. Мальчик жалел одинокого Музыканта, видевшего во всем, что находилось вне каменных стен его башни, одно лишь глупое зло. Он попытался нарисовать ему другую картину: распахивается дверь, и свет заливают темницу. Встретив солнце, расцветают чувства, в его лучах искрятся забытые мысли, шагают навстречу людям таланты и возрожденная из праха любовь раскрывает волшебные белоснежные крылья.

Музыкант свысока усмехнулся двумя тактами какого-то марша, и продолжал в надменном соль-мажоре.

Жалеешь меня, малыш? Призываешь открыть душу и отдать мой гений безликому «мы»? А что я получу взамен?... Скрипка рассмеялась виртуозным пассажем. Что ты сам получаешь за свою великолепную музыку? Может быть «мы» дадут тебе ноги, чтобы ходить? Загляни в собственную башню, парень. Оглянись, посмотри... Ты один, один, один! Душераздирающее неумное виваче завертелось вокруг Павла. Коварные звуки хлестали слух, раскаляли рассудок и выводили перед глазами силуэты несуществующих видений. Кульминационный момент пьесы, рожденной черным Музыкантом, предстал перед ним в облике башни, где его, Павла, по пояс замурованного в камень, окружали лишь голые серые стены.

Человек без ног! — глумилась скрипка, — ты считаешь, что жив? Обманутый ребенок! Меня смерть грызет изнутри, а тебя она связала еще при рождении. Она обрекла тебя на одиночество! И смеется, смеется, смеется...

Музыкант в черном халате действительно смеялся. Со струн его скрипки срывались невообразимые визжащие ноты, которые, как ни странно, складывались в логически правильную мелодию. И эта ужасная музыка носилась над домом, заглядывая в распахнутые окна и открытые двери. Два кота на козырьке крыши с отчаянными воплями вцепились друг в друга. Надрывно лаяла где-то в сквере собака. На втором этаже испуганно плакал младенец, и молодая мамаша, взвинченная и уставшая, резким голосом бросала стандартные в таких случаях реплики, от чего малыш заливался еще сильнее. Три соседки визгливо ругались во дворе по поводу сушившегося белья. Кашлял и чихал мотор «Победы», водитель сквернословил и, красный от гнева, стучал ладонью по открытому капоту машины. А Музыкант продолжал хохотать над людьми, в чьих душах его музыка посеяла злобу и хаос.

Павел готов был закрыть ладонями уши и закричать, как вдруг истерия чужой скрипки захлебнулась в величественных аккордах «Первого концерта» Чайковского. Фортепьяно яростно бросило в атаку всю мощь своих звуков. И пусть Борис позабыл со времен музыкальной школы некоторые нюансы техники, зато ЕГО Чайковский безапелляционно утверждал: пока жива Земля, пока над ней бушуют ветры и летают птицы, пока дышат деревья и реки несут свои воды далеким морям, будут жить и дружба, и преданность, и любовь.

Музыка разливалась и разливалась и не было ей конца. Скрипка Павла вторила фортепьяно, и чувства мальчика, приведенные в смятение коварным Музыкантом, вновь обретали спокойствие и равновесие. Его мимолетное сомнение, посеянное кантатой одиночества, скатилось по щеке единственной слезинкой и растаяло навсегда. Их с братом дуэт никогда не разобьют никакие Музыканты, думал Павел, и широкие торжественные такты великого произведения зывали людей к миру, мудрости и доброте.

Мальчик мельком взглянул на дверь и увидел мать, на цыпочках входящую в комнату с виолончелью в руках. Она бесшумно опустилась на стул, прикрыв глаза, поймала такт, и грудной теплый голос ее инструмента обнял сыновей.

Чужая скрипка осеклась и смолкла. А когда последний аккорд концерта застыл в очарованном воздухе, Музыкант в черном халате исчез без следа.

А потом был прелестный завтрак и улыбающаяся мама, нежно смотревшая на юношей. Она так и не поняла, что заставило Бориса сесть за фортепьяно и почему так отважно звучал в это утро Чайковский. Но мамина виолончель, безусловно, поставила последнюю точку в споре с Музыкантом, и братья радовались их общей бесспорной победе.

Оставшись одни, Павел и Борис долго сидели молча друг против друга за большим обеденным столом в гостиной: Борис верхом на стуле, Павел в своем кресле-каталке. Мальчик хотел рассказать о тех картинах, которые породила в его сознании чужая скрипка, но по глазам брата понял — не имеет смысла, ибо он видел и чувствовал почти то же самое.

— Наверное, ты зря не стал поступать в консерваторию, — Павел вслух подвел итог своим мыслям.

Борис только усмехнулся.

— Как думаешь, что теперь будет делать Музыкант? — нерешительно спросил мальчик.

— Трудно сказать. Меня больше интересует, кто он такой? И как этот эгоист вообще мог достичь подобных высот в музыке? Ты подумай только: он творил то, что сотни людей до него просто исполняли. Он пользовался произведениями великих композиторов в своих гнусных целях. Он скомпрометировал Баха, посмеялся над Генделем, надругался над Вивальди. Ему в руки попало нечто, позволяющее творить! Представляешь, он же мог творить реальные чувства!

— Представляю, — тихо откликнулся Павел. — И он сотворил: погубил «капитана», поранил управдомшу Катеньку, заставил всех перессориться и переругаться.

Борис согласно кивал.

— Мне вот интересно, ОТКУДА у Якова Ильича этот дар? Купил он его, что ли?

— Как Фауст, — не то пошутил, не то предположил брат.

Молодой человек, оттолкнув стул, решительно встал на ноги.

— Я иду к бухгалтеру.

— Нет! — непроизвольно вырвалось у мальчика. — Борь, подожди! А что если Музыкант до сих пор там?

— Поэтому ты будешь сидеть здесь со скрипкой и прикрывать мои тылы, — совершенно серьезно сказал Борис.

С этими словами он вышел в коридор. Гулко хлопнула входная дверь.

Павел подкатил кресло ближе к открытому балкону и во все глаза стал следить за окнами бухгалтера. Боковым зрением он заметил брата, забежавшего в пятый подъезд, затем вновь нескончаемой чередой потянулись минуты ожидания. Несколько раз мальчик ловил себя на том, что мысли начинают отрываться от настоящего и уплывать в мир сновидений. Встряхнувшись в очередной раз, он огляделся и... оторопел. На балконе их квартиры стоял Музыкант. Худощавый, высокий, в черном домашнем халате, перехваченным на талии поясом, он стоял и грустно улыбался.

— Вы кто? — выдохнул Павел, сам не замечая, как напряглись пальцы, зовущие на помощь струны.

— Ты сам назвал меня Музыкантом, — ответил глухой, похожий на ветер, голос.

— Зачем вы пришли? — Павел старался выглядеть спокойным, но это ему плохо удавалось.

— Пришел на зов. Теперь ухожу.

— Почему?

— Твой брат тебе расскажет. Рад был познакомиться с тобой, Павел.

— Вы знаете мое имя?

— Я знаю очень многое. Может быть когда-нибудь ты тоже позовешь меня, — он задумчиво посмотрел на руки мальчика и скрипку, лежащую на коленях. — А впрочем, вряд ли, — он улыбнулся еще печальнее. — Меня никогда еще не звал счастливый человек. Прощай.

— Подождите! — Павел подался вперед. — Я хотел сказать... хотел сказать: спасибо.

Брови таинственного визитера приподнялись.

— Спасибо за то, что вы научили меня творить! — торопливо, продолжал юный скрипач. — Теперь я знаю, как оживить мечту!

— Ты достигнешь небывалых вершин, — тихо и торжественно пробормотал Музыкант.

Павел поднял глаза. Балкон был пуст, движения в окнах бухгалтера не наблюдалось, зато во дворе возле пятого подъезда стояла белая машина с красным крестом. Мальчик не мог сказать, когда она подъехала, и, тревожно глянув на часы, обнаружил, что брат отсутствовал уже более получаса. Холодный пот выступил на спине, когда Павел понял — уснул. Тут же вспомнился разговор с Музыкантом на балконе. Однако вместо вполне логичного в данной ситуации страха, он испытал нечто вроде облегчения. С братом ничего не стряслось, — продиктовало подсознание, — и Музыканта больше нет.

Борис вернулся минут через десять. Бледный и слегка рассеянный, он прошел в гостиную и плюхнулся на диван. Павел ждал.

— Яков Ильич умер, — объяснил, наконец, молодой человек. — Оказывается, у него был рак, неоперабельный. Врач со «скорой» сказала, что он мог умереть в любую минуту. Я всю коммуналку переполошил, пока пытался достучаться в его комнату. Мужики дверь высадили, а он там... почти мертвый.

— Он тебе что-нибудь сказал? — сам не зная почему, спросил Павел.

— Не мне лично. Но сказал. Только одно слово — «ненавижу».

Борис откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Несчастный человек, — Павел невольно оглянулся на балкон, — а Музыкант так хотел служить счастливым!

Юноша приложил скрипку к щеке и заиграл. «Элизиум» Бетховена наполнял скорбью и надеждой. Музыка распахнула занавес, и возник вечный Ахерон — рубеж прошлого и будущего. На его мрачных водах медленно качалась одинокая лодка, несущая в прошлое отчаявшегося человека, так и не отдавшего людям ни крупинки своего существования. Мягкие переливы звуков подталкивали лодку дальше и дальше, пока она совсем не скрылась в таинственном безвременье. Легкая, как пух, печаль соскользнула со струн и растаяла. А на берегу, зовущемся «будущее», зазеленели ростки новой жизни.

Музыка Творящая вскормила робкую мечту, предоставив ей неиссякаемый родник Веры. В безграничном просторе вспыхнула звезда. И к ней, сквозь туман, ветры и дожди, скрипка понесла волшебные звуки. Произведения великих мастеров, оживающие в добром сердце Творящего, могут отодвинуть боль, вдохнуть любовь, заставить убийцу опустить оружие, распахнуть тьму перед незрячим, взрастить сады в пустыне, рассеять тучи в небе и душе. Юный Музыкант верил: да будет так.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Вспышка.

Горячий белый свет ринулся в глаза, и вслед за ним в распахнутое сознание ворвалась боль. Я едва не вскрикнул и зажмурился. Под веками расплылись красные круги. Тупая пика, вонзившаяся в затылок, заставила меня поднять голову... Ничего не получилось. Чтобы что-то поднять, тем более часть своего тела, надо по крайней мере чувствовать это тело, а я с ужасом понял, что не чувствую ровным счетом ничего. Только тупая пика в затылке. Из глубин пустого колодца выкарабкалась первая внятная мысль: *где я?*

Я медленно приоткрыл глаза. Свет. Уже не столь горячий, как в момент пробуждения. Прямо надо мной раскинулось яркое лазурное небо, где в гордом одиночестве воцарился раскаленный добела шар. Солнце. Светило мерно покачивалось в необъятном небесном океане, из чего я заключил, что каким-то образом передвигаюсь. Скорее всего меня несут. Черт возьми, тогда почему я не ощущаю никакой опоры за спиной. И руки? Где мои руки?

Я попробовал пошевелить пальцами. Вроде бы руки целы. Повел плечом. Ничего. Странно, может быть мне не хватает сил? Пика в затылке превратилась в тупую круглую палку, и эта палка не слишком приветливо ласкала меня в такт шагу.

Так. Значит все-таки несут.

В поле зрения мелькнул балкон и конек крыши. Тот или те, кто меня транспортировали, остановились. Что-то лязгнуло о камень. Похоже, трость. Я порадовался про себя — слышу. Силы как будто бы понемногу возвращались ко мне. Однако пока я не выяснил, что со мной произошло, я не рискнул предпринимать каких-либо действий. Возможно, я ранен. Возможно, в плену или, напротив, меня спасают друзья. Я должен выяснить и... Тут я сделал еще одно неприятное открытие. Вспомнить? Это что же получается: я не помню?!

Следующая членораздельная мысль выползла из колодца моего сознания: *кто я?*

Тут я не выдержал и издал какой-то звук. Точнее, я хотел обратиться к моему или моим «носильщикам» с вопросом, но слов не произвел — один лишь жалкий вздох.

— Ну-ну, малыш. Скоро будем на месте, — услышал я равнодушный ответ; говоривший на меня не посмотрел. — Джузеппе! — это он явно не ко мне. — Джузеппе!

— Простите, синьор.

Джузеппе нагнулся надо мной и безо всяких эмоций принялся утирать платком мои губы и подбородок. Я попытался поймать его взгляд. Однако слуга управился с моим лицом так, как управился бы с запылившимся манекеном.

Движение возобновилось. Мерный ровный шаг. Мерное постукивание трости по мостовой. Крыши домов заслонили половину голубого простора надо мной, и ехидное солнце соскользнуло с черепицы на другую сторону улицы. Тень. Я вздохнул облегченно.

Мой провожатый опять остановился. На этот раз Джузеппе подскочил ко мне без особых указаний, вновь старательно протер мне лицо и встал рядом с хозяином. Возле моего левого уха мелькнула трость, и человек, который нес меня, уверенно постучал ею в дверь. Я, кажется, одеревенел от изумления. Если его руки свободны — а они были свободны — то каким образом я держусь над землей? Не могу же я плыть в воздухе! Следующая мысль оказалась пострашнее: а где в таком случае мои ноги?

Найти ответ я не успел. Дверь открылась и хриплый мужской голос произнес:

— Мы заждались вас, синьор Лоренцо. Проходите. Один, — послышался сдавленный, плохо скрываемый смешок.

Синьор Лоренцо казался невозмутим.

— Джузеппе, жди меня здесь.

Я заметил растерянность и страх, мелькнувший в глазах слуги. Да и у самого у меня почему-то засвербело в груди. Я ожидал, что меня опустят на землю и уж тогда-то я разберусь, где мои руки и ноги, и какой дьявол устроил этот кавардак. Но нет. Я медленно «въехал» в полутемный коридор. Однако же синьора просили пройти *одного*? Или подразумевалось одного со мной? Конечно, как иначе... Тут я больно стукнулся головой о дверной косяк.

— Тихо, малыш, — почти беззвучно предупредил синьор Лоренцо и придержал мой затылок. Я, собственно, пока не собирался возмущаться.

Мы вошли в душную комнату. До того душную, что я невольно шумно вздохнул и слегка подался вперед. Вот теперь мне это удалось или почти удалось. Как бы то ни было, я увидел то, что творится у синьора Лоренцо за спиной. А творилось там нечто неладное: два молодца весьма подозрительного молчаливого вида встали на шаг от синьора, загородив своими тушами дверь. Плохо дело. Синьор Лоренцо, без сомнения, явился отнюдь не на дружескую вечеринку.

— Вот бумаги, о которых шла речь, — без предисловий заявил мой странный проводник и быстрым движением вытащил из-за пазухи пакет.

Два верзилы у двери насторожились, когда он подносил руку к груди. Один даже потянулся к шпаге. О, кажется, намечается заварушка. Некстати, некстати. Комната слишком мала, вооруженных людей я насчитал по меньшей мере пять, а в моем нынешнем странном состоянии я вряд ли успею помочь синьору Лоренцо.

Следующая «странность» произвела на меня бóльшее впечатление. Я невзначай перевел взгляд на свой камзол и обнаружил, что две пуговицы расстегнуты. То есть, синьор Лоренцо вынул бумаги у меня? Нет, это пуговицы *его* камзола... что за черт? Дорожка из посеребренных застежек начиналась у его воротничка и плавно перетекала... Я скосил глаза как мог ниже... О, ужас! Плавно перетекала на мою грудь!

Я чуть было не закричал. Он почувствовал мой порыв и напрягся. Что-то внутри заставило меня молчать.

Пока я был занят моим ужасным открытием и тщетными попытками доведения его до осознания, разговор в комнате продолжался своим чередом. Очнулся я, когда вокруг загоготали. Видимо, кто-то удачно сострил. Синьор Лоренцо остался спокоен, только брови его сошлись у переносицы. А я понял, что объектом насмешки был именно он... Или *мы*?

— Я с удовольствием встретил бы вас завтра утром возле Восточных Ворот, — произнес синьор Лоренцо так, будто говорил о хорошей погоде. — Однако к великому моему сожалению в силу упомянутых вами обстоятельств, не могу сделать это один, как того требуют законы чести.

Прокатилась новая волна хохота. Искатель ссоры поперхнулся от досады — жаль, я не видел его физиономию — а синьор Лоренцо неожиданно закончил разговор:

— До скорой встречи, господа.

Он мягко развернулся на каблуках и не спеша направился к двери. Что-то, уже остановившее меня от воспроизведения каких-либо звуков, опять сжало каждую клеточку моего тела, что

означало — я никоим образом не должен шевелиться. Так я «выплыл» в коридор, продефилировал в опасной близости от дверного косяка, затем потрясся слегка, пока мой носитель спустился по крутой лестнице, и, наконец, мы вместе оказались на улице.

Как из-под земли возник Джузеппе.

— Идем, — бросил ему синьор Лоренцо и зашагал вперед широким шагом.

Миновав два квартала он ни с того ни с сего остановился и привалился плечом к стене. Своим левым плечом, а заодно и моим правым.

— Я не чаял выйти оттуда живым, Джузеппе, — глухо пробормотал он.

Пожилой слуга растерянно тряс головой.

— Синьор... синьор... Вам нужно было оставить это поручение кому-нибудь другому.

— Женщинам не отказывают, Джузеппе.

— Она политик, синьор.

— Тем более, мой друг. Ставки сделаны. Игра началась.

Я хотел сказать что-нибудь ободряющее, но передумал. Вернее всего у меня опять получится какой-нибудь гнусавый вздох вместо слов. Синьор Лоренцо вдруг посмотрел на меня.

— Хорошо вел себя, меньший брат, — произнес он и улыбнулся; потом добавил, обращаясь к слуге: — Кажется, еще несколько лет, и я научусь управлять этим красавцем. Сегодня мне удалось заставить его не дергать руками.

Ему удалось заставить меня! Как я был оскорблен! От возмущения я забыл, что получается, когда я пытаюсь говорить. Из моего рта вырвался весьма потешный вздох, и на подбородок немедленно потекло что-то вязкое и противное. Джузеппе принялся судорожно искать в кармане платок. К довершению конфуза, я понял как называется масса, которую он старательно стирает с моей бородки. Слюна. Я не мог управлять не то что телом, я не мог справиться даже со своим лицом! Господи, да *что я* в конце концов!

Ответ я тут же получил. Но не от господ бога, а от мальчишек, гурьбой пробежавших мимо нас.

— Ай! Смотрите! Смотрите! У одного синьора другой из брюха вылез!

Джузеппе выхватил из-за пояса кнут, но применить не успел: мальчишек сдуло будто ветром. А я с неожиданным для такой ситуации спокойствием подумал, что у оборванцев не больно-то глубоко познания в анатомии. Живот синьора Лоренцо находился ниже моих лопаток, следовательно, я выросал из его груди.

Наверное, всех этих впечатлений было с избытком для моего несчастного мозга. И мозг потребовал покоя...

Жара. И солнце, издевательски размазывающее эту жару по моему лицу. Я сразу же пожалел, что очнулся. Закатив глаза, я заметил пыль, поднятую отъехавшей каретой. Причем карета катилась вверх колесами. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы определить причину этого явления. Собственное тугодумие меня почти рассмешило: как же еще я могу видеть предмет, находящийся *перед* синьором Лоренцо? Разумеется, вверх тормашками! Хорошо еще мы родились «лицом к лицу». В противном случае, я бы всю жизнь созерцал землю, а он — мой затылок. Я мысленно поставил себя на его место и пришел к выводу, что куда приятнее видеть затылок, нежели свой второй лик, да еще и не слишком вразумительный.

Синьор Лоренцо в раздумье проводил карету взглядом и водрузил на свою голову шляпу. Тень от обширных полей и плюмажа до *меня* не дотянулась. Черт возьми! *Когда ты догадаешься обратиться с этой жаровни!* Ни дать, ни взять — время сиесты. И понесло же тебя в такой час на приключения. Решив, что самое время поговорить по душам, я постарался максимально сосредоточиться, и пристально уставился на «большого брата». *Эй, посмотри на меня. Неужели ты не замечаешь, что я чувствую и слышу? Лоренцо, посмотри на меня!*

Он посмотрел так, как смотрят на ушибленную коленку, и медленно пошел вдоль по набережной. А к моему горлу подкатился горький ком. Чего я, собственно, добиваюсь? Не станет

же нормальный человек разговаривать с частью своего тела. А я был как раз частью *его* тела, которая по непонятным причинам вдруг начала размышлять...

— Лоренцо!

Он порывисто обернулся. Из-под его плеча я увидел молодого человека в пыльном дорожном плаще.

— Юлиан? — мой «старший брат» торопливо двинулся навстречу. — Юлиан, какими ветрами!

Они обменялись крепкими рукопожатиями, а синьор Лоренцо вдобавок обнял прибывшего одной рукой. Внушительный торс и дорожный плащ на секунду заслонили меня от солнца, а в нос пахнул ни с чем не сравнимый аромат смеси лошадиного и человеческого пота.

— Воистину сказочная удача! Первый, кого я встретил в столице, это ты, мой дорогой кузен!

Искренний юношеский восторг не мог не вызвать улыбки, и синьор Лоренцо улыбнулся. А он, пожалуй, не дурен собой, решил я. Интересно, как я выгляжу? Рассуждения на тему собственного портрета отвлекли меня от беседы *родственников*. Когда же я попытался ухватить нить их разговора, то обнаружил, что слова буквально пролетают мимо ушей. Как во сне: слышишь и не понимаешь, желаешь ответить, и остаешься нем.

Следующим моим испытанием стала четвертьчасовая поездка верхом. Разумеется, в седле сидел «старший брат». Я же болтался где-то между лукой и гривой лошади. Мы ехали по широкой улице, мимо сновали простолюдины, солдаты, торговцы, однако никто не рискнул задержать на синьоре Лоренцо взгляд.

— Тебя знают здесь? — полувопросительно произнес Юлиан, поглядывавший по сторонам.

— Многие знают мой клинок, — усмехнулся мой носитель. — А челядь не спешит попробовать кнута. Сколько себя помню, Джузеппе надежно охранял меня ото всякой горластой шушеры.

— До нас дошли слухи, будто ты убил на дуэли птицу высокого полета.

— Пустое. Не столь высок был его полет. А я не терплю хамов. Его Величество неделю спустя пожурил меня, и только. Про меня болтают разные сказки. Не верь. Девять из десяти — сушная выдумка. Поговаривали даже, будто я дерусь четырьмя шпагами: по одной в *каждой* руке.

Он рассмеялся, отчего я несколько раз приложился затылком к лошадиной гриве. Юлиан вторил ему не совсем уверенно.

— А вот и мой дом, кузен. В любое время ты здесь желанный гость.

Джузеппе перехватил поводья лошадей, и пока Юлиан высвобождал ноги из стремян, мой «сильный брат» ловко соскочил на мостовую.

— Лоренцо, ты волшебник! Уж не продал ли ты душу дьяволу? — кузен театрально разыграл испуг.

— Дьяволу? О, всего лишь его наместнику. Король хорошо платит фаворитам, мой дорогой.

Юноша споткнулся на ступеньке.

— Помилуйте, кузен! Вы угодите в темницу за подобные речи.

— Речи из уст королевского шута немногие воспринимают всерьез, — синьор Лоренцо продолжал улыбаться, а я подумал почему-то, что он и впрямь не прочь подергать смерть за усы.

— Шута, — удрученно повторил Юлиан и опустил взгляд. — Единственный сын благородного графа Колладара — шут у трона чужого короля.

Лоренцо положил руку на плечо кузену.

— Что дозволено шуту, порой не дозволено самому кардиналу, — сказал он, понизив голос почти до шепота. — Рано или поздно у меня будет официальный статус. А пока я пользуюсь природным званием.

И он небрежно кивнул на меня.

— Посмотри, — Юлиан будто бы отшатнулся, — он нахмурился.

— Кто? — кажется, не понял Лоренцо.

— Он. Его лицо. Ты видел, как он смотрит на тебя?

Взгляд ярких карих глаз скользнул в моем направлении. Я действительно был взбешен подобным обращением, однако тот, кому предназначался мой гнев, упорно отказывался меня видеть.

— Юлиан, *это* не смотрит, — назидательно начал Лоренцо. — Оно иногда закрывает и открывает глаза. Иногда поворачивает голову. И часто вздыхает. О, как сие нравится дамам!

Его речь была прервана появлением Джузеппе с подносом, уставленным бутылками. После традиционных тостов и обильной закуски, разговор перекинулся на воспоминания юности, затем вовсе уплыл в неведомые дали. Вернее, в неведомые дали уплыло мое сознание, поскольку по закону сообщающихся сосудов весь алкоголь застревал в *моей* голове, и лишь после изрядного ее наполнения начинал продвижение в голову «большого брата». Самое обидное, что Лоренцо это прекрасно знал и умел остановиться вовремя. Следовательно, никогда не пьянел, о чем тоже в столице слагались легенды.

Все это я добыл из бог весь каких закровов памяти. Я рад был бы засунуть проблески мыслей подальше в уже знакомый колодец, но тут *родственники* вновь уделили внимание моей персоне.

— Лоренцо, не знаю, право, как сказать тебе, — неуверенно начал Юлиан.

— Как брату, Юлиан. Как родному брату!

— Когда лекарь сообщил моей сестре, что она разрешится двумя детьми сразу...

Я почувствовал, как у Лоренцо холодеет спина.

— ...она была напугана до безумия. Лекарь понятия не имел, почему наша семья боится близнецов...

— Кузина? Она жива? Дети?

— О, да, да! Какой же я болван! Я несся через всю страну и представлял, как первым делом сообщу тебе о нашей радости! И забыл. Вот дьявол! У нее две очаровательные прекрасные девочки. Они увидели свет вместе с первым яблоневым цветами.

— Слава Господу, — Лоренцо откинулся на спинку кресла, и я оказался в почти вертикальном положении.

— Мы рассказали лекарю про тебя, — продолжал Юлиан, заметно убавив пыл. — Он утверждает, что... это легко удалить. Он готов собственноручно провести операцию. По его словам, никакой угрозы твоей жизни нет. Два, максимум три месяца, и ты станешь...

— Я ценю твою заботу, мой милый кузен, — оборвал его Лоренцо, — но случилось так, что я чертовски привязался к младшему братишке. Мне бы не хотелось разлучаться с ним.

— Но ты бы мог...

— Нет, Юлиан. Я не раз говорил это — нет. Богу угодно было сделать меня таким. Вероятно, в прошлой жизни я прогневал Господа. Проклятие наложено не на всю нашу семью. Проклятие лежит на мне. Я плачу за свои грехи.

— А он? Он расплачивается за чьи грехи?

— Он? Юлиан, умей смотреть на реальность трезво. «Он» — это бессловесный отросток моего тела. «Его» нет. Нет души, нет мыслей, нет ничего. Я изо дня в день смотрю на эту тупую рожу, которая как карикатура повторяет мое лицо...

Возможно, они беседовали еще какое-то время, но я более не слышал. Память прокручивала мне одни и те же реплики: «я чертовски привязался к младшему братишке...», «он — это бессловесный отросток ...», «проклятие лежит на мне»... Проклятие... Проклятие...

Два человека. Два меча. Два лица. В лицах слишком много общих черт, чтобы усомниться в родстве. Но два меча! И кровь, проступающая сквозь разорванные кожаные латы.

— Это твой последний день, клянусь!

— Твой последний, братец! Я остаюсь, а ты уйдешь.

Гнев и ярость столкнули врагов в новой схватке. Смертельной схватке. Безучастное солнце, радостное небо, ветви юных лип. А на траву струится кровь. И гнев мечется в обезумевших глазах. Один упал навзничь, отбил занесенный над головой клинок, и тут что-то ударило под сердце.

Я чувствовал, как в мое тело впивается кинжал, слышал надрывный хруст плоти, и понимал — конец. Конец шел медленно, и его сопровождал смеющийся оскал ликующей смерти. Это смотрел на меня брат.

Смейся, тебе не долго осталось смеяться...

— Вот и все. Я победил! Я! Я победил!

Холод расплывается по телу. Я улыбаюсь и слышу свой голос:

— Я победил...

— Ты уже мертв!

— Как и ты... я бью наверняка... я всегда был хитрее. Смирись. Я победил...

Душа медленно отрывается в полет. Медленно течет над землей, а я еще вижу свое мертвое лицо с застывшей усмешкой. И я вижу его лицо, искаженное ужасом. Да, да, братец. Слава и богатство не достанутся теперь ни одному из нас, ибо мой клинок был нечист. Мой клинок убил тебя раньше, чем ты нанес мне смертельный удар...

— Эй, малыш. Не валяй дурака! А ну открывай глаза!

И мне отвесили звонкую пощечину. Я дернулся.

— Так-то, — синьор Лоренцо, привстав на локте, заглядывал мне в лицо.

— Синьор Лоренцо, вы звали меня? — раздался от порога голос Джузеппе.

— Нет. Но ты вовремя, тем не менее. Проследи, чтобы приготовили ванну. И самый лучший костюм!

— Да, синьор.

— Джузеппе, подойди-ка, — мой «цельный брат» сел на кровати, и я опять оказался «на весу». — Джузеппе, посмотри внимательно на мою вторую голову. Не видишь ли ты каких-либо изменений?

Слуга нерешительно приблизился к постели и вытянул шею, чтобы полюбоваться *моим* внешним видом. Я затаил дыхание. Почему Лоренцо задал такой вопрос? Может быть...

— Нет, синьор, я не вижу изменений, — ответил Джузеппе.

Лоренцо расхохотался.

— Я тоже не вижу изменений! Я шутил. Иди.

Впервые в жизни у меня на глаза чуть не навернулись слезы обиды. Если б я мог, я сейчас же залепил бы ему такую оплеуху, чтобы не «привести в сознание», а по-настоящему «вывести из себя». Я даже попытался приподнять руку, хотя понимал — не сумею, эта рука не *моя*. Она *ничья*. Зато мне удалось другое: я сжал кулак. Но Лоренцо этого не заметил.

Представьте, что вы — младенец с сознанием взрослого человека, о чем не подозревают няньки. Вас моют, пеленают, кладут в люльку, и затыкают рот соской. Вот это я испытал на своей шкуре сполна. Полчаса я болтался в ванне, пахучей и тепленькой, потом меня расчесывали и брили, и в довершение ко всему накрыли салфеткой. Пока «старший брат» завтракал, я всячески изощрялся, чтобы сдуть салфетку с лица, но не тут-то было. Предусмотрительный Джузеппе прицепил слюнявчик к моему воротничку.

— Синьор Лоренцо, — приглушенный голос слуги прозвучал где-то близко; видимо старый камердинер наклонился к уху господина. — Я усматриваю нечто новое в вашем *особенном* теле.

— М-м?

— Оно кажется более активным со вчерашнего полудня, синьор.

Лоренцо проглотил то, что жевал, и у нас в желудке распространилось приятное тепло.

— Возможно, то, что скрываю я, вылезает наружу у него. Кто знает, Джузеппе, что случится сегодня! Вернусь ли я в этот дом...

Я затаил дыхание. Не сколько от того, что «старший брат» впервые на моей памяти разделил «я» и «он», сколько от чертовски острого чувства тревоги.

— Синьор Лоренцо...

— Видишь ли, мой добрый Джузеппе, мне доверили слишком много. Так доверяют смертникам.

— Синьор, послушайте старика. Уезжайте в свое имение. Подальше, подальше от этого сатанинского логова, — голос слуги дрожал.

— О, нет, мой друг! Сын графа Колладара останется верен клятве. Я служу не своему королю, но я служу королю. Они поставили не на ту лошадь, Джузеппе!

Мне необходимо, мне жизненно необходимо было понять, что он замышляет. Я напрягал память, я вытаскивал из бездонного колодца одну мысль за другой. Вытаскивал, и отбрасывал. Все не то! А ведь Господь позволил мне думать неспроста. Он дал мне шанс искупить мой грех. *Брат, здесь, в этой жизни я должен спасти тебя! Брат, взгляни в мои глаза!*

Он стоял перед зеркалом, а камердинер старательно расправлял голенища сапог. Я исхитрился повернуть голову. Зеркало. Из рамки чудесного стекла на меня смотрело... Это я? О, нет! Складки на лбу от постоянных гримас, перекошенный рот, периодически вываливающийся язык и пустой идиотский взгляд...

Все остальное было как в тумане. На меня надели корсет. Этаким изящный корсет, подобный тем, что носят женщины. Мягкие пластины легли под мою шею и зафиксировали голову. Затем на общее наше тело натянули хитро скроенную сорочку с четырьмя рукавами и двумя воротничками, затем жилет, и камзол. Лоренцо позволял прислуге копошиться вокруг, не делая при этом ни одного лишнего движения. Лишь когда дело дошло до перевязи, он сам принял из рук Джузеппе шпагу и аккуратно вдел в петлю.

Слуги бесшумно вышли. Синьор Лоренцо неторопливо приблизился к невзрачному комоду в глубине спальни и бережно достал что-то, завернутое в ткань.

— Ну-с, малыш, поддержи-ка это у себя, — он улыбнулся, глядя мимо меня, и ловко прицепил мне на «талию» пояс с кинжалом. Тонкий клинок скрылся в складках кафтана. — А теперь — вперед. На королевскую ассамблею.

Сознание мое, как я успел заметить, уподоблялось качелям. Через неопределенные промежутки времени оно вспыхивало так ясно, что я имел возможность вникнуть во все детали роящихся вокруг бестолковых разговоров, затем оно резко проваливалось в темный пустой колодец, после чего пробуждалось вновь, вытаскивая в мой несчастный мозг груды бессвязных воспоминаний. Управлять этими сумасшедшими «качелями» я не мог и, безусловно, пропустил нечто важное. В довершение всех бед я испортил «старшему брату» его витиеватый монолог, адресованный королю. На мои попытки изобразить какое-либо движение присутствующие ответили добродушными шутками, и кто-то, выразил синьору Лоренцо восхищение по поводу его «забавной истории». Однако Лоренцо остался удовлетворен и даже посмотрел на меня весьма дружелюбно.

Очередной раз в объятия рассудка меня втолкнула горячая липкая капля, плюхнувшаяся на нос. «Старший брат» поспешно стряхнул с моего лица застывший кусочек воска, а я обнаружил, что в зал прокрались сумерки. Королевская прислуга чинно зажигала свечи. Позади *меня* мелькали разряженные дамы и не менее разряженные кавалеры, звучала мягкая музыка, а в памяти моей билась фраза, сказанная только что игривым женским голосом: как жаль, синьор Лоренцо, что вы не танцуете. Наверное, брат сумел отшутиться. Я не сомневался, что из любой ситуации, касающейся *нас*, он выходил достойно. Но черт возьми! Представляю, с какой болью давались ему эти ежедневные шутки!

Синьор Лоренцо покидал зал в числе первых. Как подобает, он раскланялся перед Его Величеством, которого я лицезрел исключительно вверх ногами, и выпрямляясь, *мы* услышали как король, будто невзначай, обронил:

— Мне нравятся ваши сказки, граф. Они порой удивительно правдивы.

— Вы так внимательны, Ваше Величество, — Лоренцо опять поклонился.

— Да-да. Я люблю хорошие сказки. Жду вас завтра после обеда. Надеюсь, у вас найдется еще несколько историй.

Мы выбрались на свежий воздух под черный ночной купол, усеянный звездами. Я шумно вздохнул, и Лоренцо, наконец, удостоил меня взглядом.

— Ну вот, малыш, дело сделано, — проговорил он вполголоса. Он торжествовал. — В политике нельзя шагать через две ступени сразу. Тем более на пути к войне. Они смеялись вчера, а король посмеется сегодня вечером. Жаль, мы с тобой этого не увидим.

Он подмигнул мне и двинулся вверх по улице. Я прикрыл глаза. Если бы в его обращении ко мне была хоть капля *обращения ко мне!* Но я загнал все мои надежды на самое дно проклятого колодца. В конце концов, так лучше для Лоренцо. Как бы он чувствовал себя, осознавая, что таскает на себе разумный кусок человека? Я не мог представить. И, кажется, вновь отключился.

Шаги. Быстрые шаги по мостовой и позвякивание металла. Я слегка повернул голову. Так и есть. Нас догоняют четверо. Бесформенные, скрытые ночной тенью фигуры в длинных плащах. Нетрудно догадаться, что они прячут под своими плащами.

Лоренцо! Обернись!

И он обернулся. Звонко пропела в тишине высвобожденная из ножен шпага. Преследователи притормозили, но не остановились. Двое бросились в атаку сразу, без каких-либо разговоров, а двое, решив, видимо, что товарищи разберутся с «клиентом» без лишней суеты, направились проверять соседний переулок — нет ли случайных прохожих. То была серьезная ошибка. Мой «старший брат» встретил бандита одним точным атакующим ударом и тут же отступил. Мертвое тело рухнуло на землю, слегка задев *мое* левое плечо. Второй убийца ошеломленно шатнулся назад. Лоренцо немедля атаковал его, но этот бандит оказался проворнее.

Скрежет металла заполнил звуковое пространство вокруг меня. Клинки мелькали буквально у меня перед носом, и я невольно стал отклоняться вправо. Напрасно. Движение мне каким-то образом удалось, и Лоренцо от неожиданности потерял равновесие. Всего доли секунды, но их хватило, чтобы убийца дотянулся до своей жертвы. Шпага вспорола камзол на спине моего брата, запуталась в плаще, а Лоренцо, не дав противнику опомниться, распрямился и рубанул его наотмашь сверху вниз. Бандит захрипел, выронил клинок и повалился на своего неудачливого партнера, зажав ладонями окровавленную голову.

— Не дергайся, идиот! — услышал я над ухом внятный голос брата. Вот это уже полностью относилось *ко мне*.

Я не прочь был выяснить, серьезно ли он это сказал, но ситуация складывалась совсем не подходящая для семейных разбирательств. Лоренцо, как я наглядно уяснил, мог легко справиться с противником один на один. Но теперь его атаковали сразу двое. И эти двое прекрасно видели ошибки, сделанные своими предшественниками.

Брат вынужден был отступать. Он пытался, едва успевая отражать удары одной рукой. Не будь на его теле *меня*, он бы давно пустил в ход кинжал. Но его левая рука бездействовала, ибо я начисто лишил его возможности маневра. От противников это не ускользнуло, и один начал заходить *мне* в тыл. Достать его шпагой Лоренцо не мог. Отпугнув обманным приемом второго убийцу, он поменял дислокацию и оказался в весьма невыгодном для себя положении. Удар, нацеленный в *мою* голову, он все-таки отбил. Но в этот же момент и он, и я почувствовали резкую боль в *его* правом плече. Лоренцо отступил еще на несколько шагов, споткнулся и привалился на стену.

Если он сейчас потеряет сознание, ему конец — пронеслось у меня в голове.

Убийца шагнул вперед. Нет, он не собирается заколоть его сразу, он еще полюбуется на уродливый отросток, породивший столько рассказней. А любопытство частенько не идет в прок. Не знаю, как я вспомнил про кинжал. *Моя* правая рука приподнялась, согнулась в локте и медленно сжала рукоять. Я целился в безобразное грязное лицо наемника и, видимо, попал. Поскольку бандит издал вопль и отскочил. Удар мой был слишком слаб, чтобы претендовать на смертельный, но убийца был в ужасе, и будет пребывать в ужасе еще несколько секунд.

Лоренцо, очнись!

«Старший брат» выпрямился и застыл, увидав *мою* руку с кинжалом.

Лоренцо, не медли!

Он вскинул шпагу. Я понял: поздно. Он стоял прямо перед нападавшим, а это означало, что он не успеет развернуться и отбить удар. Я что было сил дернулся вперед. Лопнул корсет, взвыли разом все мышцы на *моей* спине. На мгновение я увидел перед собой облитое белизной лицо брата. Удар. Что-то упругое с хрустом врезалось *мне* под левую лопатку.

Это моя боль! Только моя! Ты не почувствуешь ее!

Лоренцо опомнился. Его шпага запоздало вылетела вперед...

Больше в ту ночь я уже ничего не слышал.

Я плавно перетек из бессознательного состояния в мое странное осознанное и даже приоткрыл глаза. «Старший брат» лежал на широкой кровати, на левом боку. Я, естественно, находился здесь же, и тоже лежал, только на правом боку. В моей спине гуляли горячие вихри, будто кто-то вдвухал огонь в трубу, прорезанную между лопаток.

— Юлиан, я видел... я видел, как... *он* достал кинжал. И он закрыл меня... собой.

Я не сразу узнал голос брата, так он был слаб. Что с ним?

— Дорогой мой кузен, это было в бреду, — кузен Юлиан появился в поле моего зрения. — Вот уже три дня у тебя жар. Рана воспалена. Мой лекарь говорит, что необходимо немедленно принять меры.

— Меры? Какие меры?

Лоренцо напрягся, как стальная пружина. Я тоже напрягся бы, если бы не огненная труба в спине.

— Послушай меня, кузен. Здесь лекарь. Я не сказал тебе при встрече, что привез его с собой. Он опытный врач. Он удалит нарост...

— Нет!

— Лоренцо, ради бога!

— Нет. Это мой брат-близнец...

— Твой «брат-близнец» отнимет у тебя жизнь, если ты не избавишься от него!

Лоренцо молчал. Кажется, потерял сознание.

— Мы не можем сделать это без его согласия, — произнес кто-то рядом. — Синьор Юлиан. Вы должны его уговорить.

— Вы же видите — он бредит! Вы врач! Беритесь за дело, черт возьми. Или смерть моего кузена будет на вашей совести!

Ко мне склонились. Я постарался скроить как можно более идиотскую гримасу, однако глаза не закрыл. Человека я не рассмотрел, но это был, безусловно, тот самый лекарь, которого привез с собой кузен Юлиан. Он внимательно оглядел *меня*, пощупал что-то на шее, на груди, потом приподнял веко и заглянул в глаз. На сем осмотр закончился, и он заговорил:

— Синьор Юлиан, кабы речь шла об ампутации руки или ноги, я выполнил бы ваше требование безоговорочно. Но дело обстоит сложнее. Очевидцы утверждают, что эта часть корпуса синьора Лоренцо совершала самостоятельные действия. Я не вижу оснований ставить под сомнение это свидетельство. Хотя и не могу привести доказательства.

Голоса ускользнули от моего слуха и вскоре удалились совсем. На прощание проскрипела дверь.

— Нет,... брат, нет!... тебя не убьют...

Я перевел взгляд на Лоренцо. Сейчас он действительно бредил. А пять минут назад?

Я заставил свои мысли выстроиться по ранжиру и тщательно изучил каждую. Первая: я удержал кинжал. Вторая: я закрыл брата *своей* спиной. Третья: Лоренцо понял, что *я живу*. И последняя: если я останусь в его теле, я убью его ядом, который источает *моя* загноившаяся рана.

Значит, я обязан убедить брата... отрезать меня.

Два человека. Два меча. Два лица. В лицах слишком много общих черт, чтобы усомниться в родстве...

Сон всплыл передо мной как явь. Сон, который показал мне прошлую жизнь. Господи! Мы прокляты за то, что убили друг друга. Так зачем же, Господи, ты выводишь нас на тот же круг? Мой брат, чье тело уродливо, и душа стонет от боли, неужели он не испил чашу вины до дна? Господи, сжался над ним!

— Я знаю, ты понимаешь меня, — еле слышно заговорил Лоренцо. И его слова предназначались мне. — Брат, посмотри на меня. Я знаю, что в глубине твоих глаз прячется рассудок. Брат!

Я как мог крепко сомкнул веки. Он должен поверить, что там, на ночной улице, ничего особенного не произошло, что он сам выхватил кинжал и ударил бандита, а потом поскользнулся, и отросток тела встал на пути шпаги. Он должен поверить, в противном случае он никогда не согласится избавиться от меня и, следовательно, умрет вместе со мной.

— Брат, ответь мне... Посмотри на меня... Брат!

Он умолял. Требовал и опять умолял. Как долго? Не берусь сказать — я постарался забыть...

Вновь хлопнула дверь. Вбежал кто-то из слуг, вернее всего — Джузеппе.

— Пусть придет мой поверенный, — твердым голосом приказал Лоренцо. — Пригласи моего кузена и врача. Я хочу составить документ.

Сборы всех указанных персон были недолги. Лоренцо потребовал, чтобы врач осмотрел его и подтвердил традиционное — «находясь в здравом уме и твердой памяти». Затем он начал диктовать. Я почувствовал некоторое облегчение. Сейчас он объявит о согласии на операцию и...

— ...заявляю, что ни при каких обстоятельствах не позволяю отделять от моего тела рожденного в одночасье со мной брата-близнеца...

В комнате застыла могильная тишина. Сейчас ему подадут перо и он поставит подпись. И это будет его смертный приговор. Я еще могу вмешаться, могу перехватить его руку... Идиот! Тогда уже *все* поверят, что мою голову посещают мысли.

Лоренцо берет перо... подпись... точка.

Не помню, как наступила ночь. И почему очнулся, тоже не помню. Огненная труба выжгла уже половину того, что было мною, а остальная часть тем временем медленно опускалась в холод. Так подходила Смерть. Я прекрасно знал ее. Интересно, есть ли еще на земле человек, который знает свою Смерть?

— Брат. Ты же слышишь меня...

Слышу...Ты сумасшедший. Зачем ты это сделал?

— Чтобы ты остался в живых.

Я?... Я пытался сохранить твою жизнь. Это единственное, на что я был способен! Ты все испортил. И теперь я опять убиваю тебя... ядом.

— Нет. Прошлое не возвращается! Ты не умрешь, и я не умру. Слышишь, брат? Мы слишком зависим друг от друга. Тем паче! Мы будем всегда, всюду держаться друг друга... Вернемся в родовое имение, там нас ждут. Помнишь Лючинду? Она смеялась и говорила, что ничего не имеет против мужа с двумя головами. А яблоневые сады... Ты помнишь сады? Каждую весну там бушевало море белых цветов. Помнишь?... Брат... Брат!

Мое сознание уплывало вслед за теплыми воспоминаниями в белое бескрайнее море. Ласковый шелест лепестков, тонкий божественный аромат... Вдруг огненный взгляд прорезал убаюкивающий туман. Отчаянные карие глаза, полные решимости и страха одновременно. То был страх не за свою жизнь. То был страх за *мою* жизнь. Горячая ладонь уперлась мне в грудь там, где заминалось сердце.

— Брат!...

— Брат! Да черт тебя дери! Очнись!

Мне саданули кулаком в грудь. Вроде бы уже не первый раз.

Вспышка.

Я зажмурился и в следующую секунду с опаской огляделся. Под потолком висел диск неоновой осветителя.

— Брат! — он *стоял надо мной*, белый как мел, с рукой, занесенной для оздоровительной пощечины. — Брат, ты меня слышишь?

— Слышу, — неожиданно для себя внятно произнес я.

Он выдал вздох, граничащий с облегченным стоном, и медленно опустился на пол возле койки, на которой я лежал.

— Стервец. Ты напугал меня до...

Я понял, до чего именно его напугал.

— Этот железный болван объявил о завершении реабилитации и отключил всю диагностику, а ты мне тут кому выдал... Я его... — он продолжал материть «электронного болвана», а я судорожно вспоминал, что со мной произошло.

Шпаги, король, заговор, пуговицы от одного воротничка к другому...

Лоренцо... К счастью, вслух у меня получилось другое:

— Валент...

Он дернулся, сорвавшись с какого-то там этажа, и придвинулся ко мне.

— Как ты?

— Если специалист сказал, что реабилитация завершена... — я постарался изобразить улыбку, — наверное, проскочили. Выше нос, близнец!

— Когда я вытаскивал тебя из этой чертовой машины, я не знал, *что* я вытащу, — буркнул он и протер дрожащей рукой лоб.

Я напряг память. Воспоминания водили разудалый хоровод, однако кое-что в их чехарде я разобрал. Засада. Вспышка и ослепительный луч, выпущенный из-за камней. Я успел сбросить высоту, и земля закувыркалась перед лобовым стеклом. На меня обрушилась ужасная жара. Огонь? Или то было солнце, щедро поливавшее городскую улицу?

Внутри меня поднялся некий барьер, именуемый страхом.

— Что случилось? — осторожно спросил я и с натугой перевел взгляд на свое тело, покрытое простыней. Руки, плечи, грудь... живот, бедра, ноги. Я облегченно вздохнул и приподнялся на локте. Движения дались без труда.

Зато брат следил за мной с нескрываемым напряжением.

— Нарвались на пламенный прием, — произнес он. — Я успел подмогу вызвать, а после — не помню ничего. Меня тоже знатно приласкали. Эй ты, болванка, — он повернулся к блестящему металлическому цилиндру в человеческий рост, дежурившему в изголовье моей койки. — Давай, рапортуй.

Робот тотчас начал излагать подробный медицинский отчет. Умопомрачительные термины быстро сбили нас с толку. Я уловил лишь вариации на тему трансплантации и усвоил, что Валент отделался меньшей кровью, нежели я. Отчет грозил перерасти в научно-поучительную лекцию.

— Иди ты к черту, — оборвал я монолог робота и начал вставать.

Робот замолчал и покатился к выходу из отсека.

— Витольд, ты опередил меня на мгновение, — усмехнулся брат. — Однако у меня в мозгах такой винегрет...

Он повернулся ко мне и... я обомлел. На его груди из-под распахнутой рубахи мелькнул огромный темно-бардовый рубец. Мой взгляд медленно-медленно переполз на мое собственное тело. Яркие шнуры шрамов составили на нем довольно оригинальный узор, но внимание мое приковал один — перетягивающий торс, будто пояс. Меня повело.

Валент возник рядом и стиснул мои плечи.

— Мы просто видели дурацкий сон и больше ничего, — он в упор смотрел на меня.

А я совсем некстати вспомнил этот взгляд: карие глаза, на дне которых колотился страх.

— Конечно... — я кое-как выпроводил шок, пригвоздивший мысли к черепной коробке; помедлил и добавил. — Но это была *какая-то* память.

— Не наша... — он осторожно покосился на мои шрамы. — Надеюсь.

— Может быть тренинг?

Он потряс головой.

— Вот еще! Хватит того, как они разобрались с проблемой психологической совместимости.

Идентичные близнецы в одиночном рейде. Гениальное решение!

Я не ответил. В памяти один за другим всплывали кадры: тренажерные кабины, расплывающееся в улыбке лицо начальника проекта, пустые коридоры станции и иллюминатор, за которым раскинулся космос. Я почти успокоился, но тут откуда-то возникла безлюдная набережная и облако пыли, поднятое колесами кареты, ночное небо полное звезд и бешеный лязг оружия, кузен Юлиан и голос брата — «не позволяю отделять от моего тела рожденного в одночасье со мной брата-близнеца...»

Валент, безусловно, думал о том же самом.

— Забудь! — опомнился он и для убедительности встряхнул меня за плечи. — Если какой-то шутник и вздумал поиграть на наших мозгах, он выбрал не тех актеров! Реальность здесь, сейчас. И мы остались в живых. Этого достаточно. Остальное — бред.

Актеры, память, реальность, бред, истина — понятия и объекты прыгали передо мной, как бесенята после хорошего бодуна.

— В любом случае хорошо смеется тот, кто смеется последним, — изрек я. — Давай лучше проверим, в каком состоянии наша посуда.

Валент охотно согласился, и мы дружно принялись одеваться.

Разъехались входные двери и вкатился наш многофункциональный мыслящий агрегат, этакая гордость проекта, который всеми своими кнопками, экранами и индикаторами выражал недоумение и озабоченность.

— Ну, что еще произошло? Рухнула крыша мира? — спросил Валент. Теперь он опередил меня на мгновение.

— «Ошибка координат. Задание не может быть выполнено», — почти обиженно доложил робот. — «Объект ‘черт’ в доступном пространстве не обнаружен».

Ох уж эти машины! Никогда не понимают образных выражения. Мы с братом переглянулись и от души расхохотались.

Послесловие от автора

Прототипом героя этого рассказа послужил реальный человек — итальянец синьор Лазар-Джон-Батиста-Коллоредо. Синьор Лазар жил в конце 17 века, служил при дворе короля Людовика XIV в чине мушкетера, причем, по свидетельствам современников, неплохо фехтовал.

В музее восковых фигур в Санкт-Петербурге находится восковая копия синьора Лазара, выполненная мастерами музея с документальной точностью на основании сохранившихся исторических записей.
